

ХОЖЕНИЕ
ЗАТРИ МОРЯ
АФАНАСИЯ
НИКИТИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ХОЖЕНИЕ
ЗАТРИ МОРЯ
АФАНАСИЯ
НИКИТИНА

1466~1472 гг.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1

9

5

8

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

Академики *В. П. ВОЛГИН* (председатель), *В. В. ВИНОГРАДОВ*,
И. А. ОРБЕЛИ, *М. Н. ТИХОМИРОВ*, члены-корреспонденты
АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*, *В. М. ЖИРМУНСКИЙ*, *Н. И. КОНРАД*
(зам. председателя), *Д. С. ЛИХАЧЕВ*, *С. Д. СКАЗКИН*, профессоры
И. И. АНИСИМОВ, *А. А. ЕЛИСТРАТОВА*, *С. Л. УТЧЕНКО*,
кандидат исторических наук *Д. В. ОЗНОБИШИН* (ученый секретарь)

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР *В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ*

ОТ РЕДАКЦИИ

Укрепление культурных связей между советским и индийским народами сопровождается неуклонным ростом интереса советских читателей к истории великого индийского народа, к его богатой многовековой культуре. Все шире становится круг советских исследователей, изучающих различные области культуры Индии в ее прошлом и настоящем. В обстановке развития советско-индийской дружбы живой отклик у многочисленных советских читателей встретила глубокая по содержанию и увлекательная по изложению книга Джавахарлала Неру «Открытие Индии». Растет интерес и к всемирно-известному старшему русскому описанию Индии XV в. — «Хождению за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, который посетил в 1469—1472 гг. Бахманидское государство, достигшее в эти годы наибольшего могущества, и оставил запись своих наблюдений над бытом этой страны, выделяющуюся из всей литературы современных ей западноевропейских рассказов об Индии правдивостью и деловитостью, почти полным отсутствием сказочной фантастики.

«Хождение за три моря» неоднократно издавалось у нас и в переводах за рубежом; этому памятнику посвящено немало исследований и научно-популярных очерков; силами советских и индийских киноработников подготовлен фильм о Никитине; многие наблюдения Никитина оцениваются как исторически достоверные. Однако до сих пор не закончен старый спор о том, представляет ли «Хождение» свод записей, сделанных Никитиным во время его путешествия, или это рассказы, написанные им по черновым заметкам и воспо-

минаниям на обратном пути. Соответственно по-разному оцениваются и сохранившиеся списки «Хождения».

В настоящем издании, воспроизводящем три разновидности дошедших до нас текстов «Хождения», учтены новые данные, освещающие судьбу этого памятника в литературной традиции XV—XVII вв. Текстологическое исследование всего рукописного материала (Я. С. Лурье) подтверждает, что нет основания предполагать наличие двух авторских текстов — чернового и обработанного самим Никитиным, что «летописная» редакция «Хождения» лучше сохранила простую бытовую речь автора, тогда как уже в Троицком списке конца XV—начала XVI в. началось ее олитературивание. Но все же облик авторского текста восстанавливается показаниями обеих редакций, причем выясняется в ряде рассказов наличие несомненных следов того, что они были записаны под свежим впечатлением виденного. На отсутствие позднейшей обработки Никитиным своих записей указывают и некоторые противоречия между его первыми заметками об Индии и позднейшими записями.

Кроме исторического и географического комментария И. П. Петрушевского, дается исторический очерк М. К. Кудрявцева, характеризующий политическую и социальную обстановку в Бахманидском государстве, описание которого составляет главное содержание «Хождения». Общественно-политическое мировоззрение Никитина и его облик путешественника-писателя раскрывается в соответствующих статьях Я. С. Лурье и В. П. Адриановой-Перетц.

Статьи и комментарии к тексту «Хождения» имеют целью показать, что рассказ Никитина для русского читателя XV в., в отличие от тех фантастических повествований, которые до того времени внушали ему сказочные представления об Индии, был подлинным «открытием» реального облика этой великой страны.

Т Е К С Т Ы

Т Р О И Ц К И Й
СП И С О К

КОНЦА XV ~
НАЧАЛА XVI В.

За молитву святыхъ отецъ нашихъ, господи Ісусе Христе, л. 369
сыне 'божій, помилуй мя ¹раба своего грѣшнаго Афонася
Микитина сына.

Се написахъ грѣшное свое хоженіе за трі моря: пръвое море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа; ² второе море Индѣйское, дорія ^а Гондустаньскаа; ³ третье море Черное, дорія Стемъбольскаа. ⁴ Поидохъ отъ святаго Спаса златоверхаго ⁵ съ его милостью, от великого князя Михаила Борисовичя ⁶ и от владыкы Генадія ⁷ Твѣрьскихъ, поидохъ на низъ Волгою и приидохъ в монастырь къ святѣй живоначальной Троици ⁸ и святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу; ⁹ и у игумена ся благословивъ у Макарія брати; и с Колязина поидохъ на Углечь, со Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь великі отпустилъ мя всея Руси ¹⁰ доброволно. И на Плесо, въ Новъгородъ Нижней к Михаилу къ Киселеву к намѣстнику и къ пошьлиннику Ивану Сараеву пропустили доброволно.

А Василей Папин ¹¹ || проехалъ въ городъ, а язь ждалъ в Новѣ- л. 369 об.
городѣ двѣ недели посла татарскаго ширвашина Асамъбѣга, ¹²
а ехал с кречаты от великаго князя Ивана, а кречатовъ у него ^а
девяносто. И поехал есми с нимъ на низъ Волгою. И Казань есмя,
и Орду, ¹³ и Усланъ, и Сарай, ¹⁴ и Берекезаны ¹⁵ проехали есмя
доброволно.

И въехали есмя въ Бузанъ рѣку. ¹⁶ И ту наехали нас три татарины
поганыи и сказали нам лживыя вѣсти: Каисымъ солтанъ ¹⁷ стережет
гостей въ Бузані, а с нимъ три тысячи тотаръ. И посолъ ширвашинъ
Асанбѣгъ далъ имъ по одноряткы да по полотну, чтобы провели
мимо Азътарханъ. ¹⁸ И они по одноряткы взяли, да вѣсть дали в Хазъ-

торохани царю. И язъ свое судно покинулъ да полѣзъ есми на судно на послово и с товарищи.⁶ Азътарханъ по мѣсяцу ночи парусом, царь насъ видѣл и татаровѣ намъ кликалі: «Качьма,¹⁹ не бѣгайте!» || л. 370 И царь послалъ за нами всю свою орду. И по нашим грѣхомъ нас постигли на Бугунѣ,²⁰ застрелили у нас человека, а мы у нихъ дву застрелили; и судно наше меньшее стало на езу,²¹ и оны его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь вся в меньшемъ суднѣ.

А болшимъ есмя судном дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взадъ тянули до езу. И тутъ судно наше большее взяли, і 4 головы взяли русские, а нас отпустили голими головами за море, а вверъх насъ не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя к Дербеньти²² двѣма суды: в одномъ суднѣ посол Асамъбѣгъ, да тезики,²³ да русаковъ насъ 10 головами; а в другомъ суднѣ 6 москвичъ да 6 тверичъ. И вѣстала фурьстовина²⁴ на морѣ, да судно меньшее разбило о берегъ, и пришли кайтаки да людей поимали всѣхъ.

370 об. И пришлі есмя в Дербентъ. И ту Ва||силей поздорову пришелъ, а мы пограблены. И билъ есми челом Василью Папину да послу ширваншину Асанбегу, что есмя с нимъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людех, что ихъ поимали под Тархы²⁵ кайтаки.²⁶ И Осанбѣгъ печаловался и ездилъ на гору к Бултабѣгу. И Булатъбѣгъ послалъ скоро да къ ширваншѣбѣгу: что судно русское разбило под Тархи, и кайтаки пришедъ людей поимали, а товаръ их розграбили. А ширваншабѣгъ^а того часа послалъ посла к шурину своему Алильбегу кайтаческому князю,²⁷ что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ ихъ пограбили; и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ и товаръ их собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тобѣ будет надо- беть бѣ у меня, и ты ко мнѣ пришли, и язъ тобѣ, своему брату, за то л 371 не стою и ты бы их отпустилъ || доброволно меня дѣля. И Алильбѣгъ того часа отослалъ людей всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их къ ширванши²⁸ въ-рду его коитулъ.²⁹

А мы поехали к ширъванше во и коитулъ и били есмя ему челомъ, чтобы нас пожаловалъ, чѣм дойти до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы заплакавъ да разошлись кои куды:

у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные остались в Шамахѣ,³⁰ а иные пошли работать к Бакѣ.³¹

А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы; а изъ Бакі пошелъ есми за море к Чебокару,³² да тутъ есми жил въ Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ³³ жил мѣсяць в Маздраньской земли.³⁴ А оттуды ко Амили,³⁵ и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту,³⁶ а из Димованту^а ко Рею.³⁷ А ту^б убили Шаусеня Алеевых детей и внучать Махметевых,³⁸ и онъ их про-|| клялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.^в А из Дрѣя к Кашени,³⁹ л. 371 об. и тутъ есми былъ мѣсяць. А изъ Кашени к Наину,⁴⁰ а из Наина ко Ездѣи,⁴¹ и тутъ жилъ есми мѣсяць. А изъ Диесъ⁴² къ Сырчану,⁴³ а изъ Сырчана къ Тарому,⁴⁴ а фуники кормятъ животину, батманъ по 4 алтыны. А изъ Торома къ Лару,⁴⁵ а изъ Лара к Бендерю.⁴⁶

И тутъ есть пристанище Гурмызское,⁴⁷ и тутъ есть море Индейское, а парьсейским языкомъ и Гондустаньскаа дорія;⁴⁸ и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.⁴⁹ А Гурмызъ есть на островѣ, а каждый день поимаетъ его море по двжды на день. И тутъ есми взялъ 1 Великъ день, а пришел есми в Гурмызъ за четыре недѣли до Велика дни. А то есми города^г не всѣ писалъ, много городовъ великих. А в Гурмызѣ есть варное солнце, человекъ съжжетъ. А въ Гурмызѣ былъ есми мѣсяць, а изъ Гурмыза пошелъ есми за море Индѣйское, по Велице дни в Фомину недѣлю, в таву,⁵⁰ с коньми.⁵¹

И шли есмя моремъ до Мошката⁵² 10 дни; а от Мошката до || Дѣгу⁵³ 4 дни; от Дѣга Кузряту;⁵⁴ а от Кузрята Конбату, а тутъ л. 372 ся родить краска⁵⁵ да лекъ.⁵⁶ А отъ Канбата⁵⁷ к Чивилю,⁵⁸ а от Чивилиа есмя пошли в семую недѣлю по Велицѣ дни, а шли есмя в тавѣ 6 недѣль моремъ до Чивилиа.

И тутъ есть Индѣйскаа страна, и люди ходятъ нагы всѣ,⁵⁹ а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, дѣти родятъ на всякій год, а детей у нихъ много, а мужы и жены всѣ черны; язъ хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человеку.

А князь их — фота⁶⁰ на головѣ, а другаа на бедрах; а бояре у них ходятъ — фота на плещѣ, а другыя на бедрах, а княгыни

ходить — фота на плечемъ обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярския — фота на бедрахъ обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с луки и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходят л. 372 об. голова не покрыта, а груди голы; || а паропкы да девочки ходят нагы до 7 лѣтъ, а сором не покрыть.

А изъ Чювиля пошли есмь сухомъ до Пали ⁶¹ 8 дни до индѣйския горы. А отъ Пали до Умри ⁶² 10 дни, то есть городъ индѣйскый. А отъ Умри до Чюнейря ⁶³ 6 дний, и тут есть Асатьхан Чюнерьскыя индѣйскыя а холопъ Меликътучяровъ, ^{64,а} а держить, сказываютъ, седмь темъ отъ Меликтучара. А Меликтучаръ сѣдит на 20 тмахъ; ⁶⁵ а бьется с кафары ⁶⁶ 20 лѣтъ есть, то его побивють, то онъ побивает ихъ многажды. Ханъ же ездит на людех, ⁶⁷ а слоновъ у него и коний много добрых, а людей у него много хорозанцевъ; ⁶⁸ а привозять их изъ Хоросаньскыя земли, ⁶⁹ а иныя из Орабаньскыя земли, ⁷⁰ а иныя ис Тукърмескыя земли, а иныя ис Чеготаньскыя земли, ⁷¹ а привозять все моремъ въ тавах, Индѣйскыя земли ⁷² корабли.

л. 373 И язъ грѣшный привезлъ жеребьца в Ындѣйскую || землю, дошел есми до Чюнеря богъ дал поздорову все, а стал ми сто рублевъ. Зима же у них стала с Троицина дни. ⁷³ А зимовали есмь в Чюнѣйрѣ, жили есмь два мѣсяца; ежедень и ночь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орютъ да сѣють пшеницу, да тутурганъ, да ногут, ⁷⁴ да все съястное. Вино же у нихъ чинять в великих ^а орѣсах ⁷⁵ кози гундустаньскаа; ⁷⁶ а брагу чинят въ татну, ⁷⁷ кони кормятъ нохотом, да варятъ кичирисъ ^{78,б} с сахаромъ да кормятъ кони, да с масломъ, порану же даютъ шышени. ⁷⁹ Во Индѣйской же земли кони ся у нихъ не родят, ⁸⁰ въ ихъ земли родятся волы да буволы, на тѣхъ же ѣздѣтъ и товаръ иное возять, все дѣлають.

Чюнеръ ⁸¹ же градъ есть на острову на каменомъ, не дѣланъ ничим, богомъ сътворенъ; а ходять на гору день по единому чело- вѣку, дорога тѣсна, поити нелзя. Во Индѣйской земли гости ся ставятъ по подворьемъ, ⁸² а ѣсти варятъ на гости господарыни, и по- л. 373 об. стелю стелять, и спятъ с гостьми, || сикишь илересънь ду житель берсень, достуръ авратъ чектуръ а сикишь муфутъ ⁸³ любять бѣлых

людей. Зимѣ же у них ходять люди фота на бедрах, а другаа на плещем, а третья на головѣ; а князи и бояря тогда въздевають на собя порткы, да сорочицу, да кавтанъ, да фота по плечемъ, да другою ся опоящеть, а третьею фотою главу обертить; а се оло, оло, абрь оло акъ, оло керимъ, оло рагымъ.⁸⁴

А в томъ Чюнерѣ ханъ у меня взял жерепца,⁸⁵ а увѣдал, что яз не бесерменинъ,⁸⁶ русинъ, и онъ молвит: «И жерепца дам, да тысячу золотых дам, а стань в вѣру нашу в Махмѣт дени;⁸⁷ а не станешь в вѣру нашу в Махмет дени, и жерепца возму и тысячу золотыхъ на главѣ твоей возму». А срокъ учинил на 4 дни, въ говѣйно успении на Спасовъ день. И господь богъ смиловася на свой честный праздникъ, не отстави от меня милости своея грешнаго и не по||велѣ л. 374 погыбнути въ Чюнерѣ с нечестивыми; и канун Спасова дни приѣхал хозяйючи⁸⁸ Махмет хоросанецъ, билъ есми челомъ ему, чтобы ся о мнѣ печаловалъ; и он ѣздилъ к хану в город, да мене отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взялъ. Таково господарево чюдо на Спасовъ день! Ино, ^а братья ^б русьстїи християне, кто хочеть поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну ^в Махмета, да поиди в Густаньскую землю.

Мене ^г залгали псы бесермена, ^д а сказывали всего много нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣло на бесермянскую землю, перецъ да краска, то дешево; ино возят аче моремъ, иныи пошлины не даютъ. А люди иные намъ провести пошлины не дадут, и пошлины много, а разбойников на море много. А розбиваютъ все кофары, ни крестїяне, ни бесерьмена;⁸⁹ а молятся каменнымъ болваномъ, а Христа не знаютъ.

А ис Чюнеря есмя вышли || на Успение Пречистые к Бедерю ⁹⁰ л. 374 об. к большему ихъ граду. А шли есмя мѣсяць; а отъ Бедеря до Кулонкеря ⁹¹ 5 дний; а отъ Кулонгеря до Кельбергу ⁹² 5 дни. Промежю тѣхъ великихъ градовъ много градовъ; на всякъ день по три грады, а на иной день и 4 грады; колко ковѣвъ,⁹³ ^а толко градов. А отъ Чювиля до Чюнейря 20 кововъ, а отъ Чюнеря до Бедеря 40 кововъ, а отъ Бедеря до Колуньеря 9 кововъ, а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов.

В Бедери же торгъ на кони, да на товаръ, да камкы,⁹⁴ на шелкъ и на всякой иной товаръ, да купити в нем люди черныя; а иныя в немъ купли нѣтъ. Да все товаръ их гундостаньской, да соястной все овощъ, а на Русьскую землю товара нѣтъ. А все черныя, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдь,⁶ да тать, да ложь, да зельи, господаря морять.

Во Индѣйской земли княжать все хоросанци, и бояре все хоро-
л 375 санци;⁹⁵ а гу||ндустанци все пѣшиходы,^а а ходят борзо, а все нагы да босы, да щить в руцѣ, а в другой мечъ, а иныя слугы с великими с прямыми луки да стрелами. А бой их все слоны, да пѣшихъ пускають наперед, хоросанци на конехъ да в доспѣсехъ, и кони и сами; а къ слономъ вяжутъ к рылу⁹⁶ да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да оболочат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городъки, да и в горотъкѣ по 12 человекъ в доспѣсех, да все с пушками⁹⁷ да стрелами.

Есть у них одно мѣсто, шихбъ Алудинъ пиръ⁹⁸ атырь бозаръ алядинандъ,⁹⁹ на год единъ бозаръ, съѣздается вся страна Индѣйская торговати, да торгуютъ 10 дний; от Бедеря 12 кововъ, приводятъ коней до 20 тысящъ продають, всякый товаръ свозять; во Гондустаньской земли той торгъ лучшій, всякый товаръ про-
л 375 об. дають, купят, || на память шиха Аладина, на руський праздникъ на Покровъ святыя богородица. Есть в томъ Алянде и птица гукукъ,¹⁰⁰ летает ночи, а кличетъ «гукукъ»! А на которой хороминѣ сѣдять, то тут человекъ умреть; а кѣто ея хочеть убить, ино у нея изо рта огонь выйдеть. А мамонь¹⁰¹ ходят ночи да имають куры, а живутъ въ горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живутъ по лесу, да у них есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею,¹⁰² да кто их заимаетъ, и они ся жалуютъ князю своему, и онъ посылаетъ на того свою рать, и они, пришедъ на град, и дворы разволяютъ и людей побьютъ. А рати ихъ, сказываютъ, велми много, и языки их есть свои, а детей родятъ много; да которой родится не в отца, не в мать, ини тѣх мечють по дорогамъ; ины гондустанци
л. 376 тѣх имають да учать их всякому рукодѣлью, а иных прод||ають ночи, чтобъ взад не знали побѣжати, а иных учатъ базы миканеть.¹⁰³

замапѣ воустѣхъ ѿ цѣнаши гниіхъ се не бѣжѣи.,
помни доуи мѣ раба свое го грѣшнаго,
афанасѣа микитина снѣа: —

ѿнаписѣ грѣшное свое хоженіе за три
моря. прѣвое море дербеньское доріа
хвалитыскѣа. второе море и н дѣи
ское. горигондѣстѣаньскѣа. третѣе
море черное. доріа стѣмѣбольскѣа: —

Пондохъ ѿ епѣтѣосѣа за ла по верха гостѣ
его млѣтѣю. ѿ великого кнѣа а ми
хана ла борисовича. и ѿ вѣлѣкы гендѣа
тѣвѣрьскы. поидѣа низъ волгою
и приидохъ въ монастырь къ спѣвѣ и жн
во нача а по и трѣи. и спѣмѣ мучикомъ
борисовича глѣ боу. и оу и гоу мена сѣ
блгѣне въ оу макаріа. бѣа и. и скола
зѣна поидѣа на оу глѣть. соу глѣта на ко стро
моу ко кнѣзю александрову. сыноу гра
мотпою. и кнѣзѣ великѣ ѿ поустѣи
агѣмѣа все а роу сѣа до броволно. и на плѣ
совѣно въ городъ и жн не и к михайлову
къ кнѣзю сѣа воу. кнѣмѣ стѣпникоу. и
къ пошѣлини кнѣзю аноу сѣа рае воу
про поустѣи а н до броволно. а на снѣа епѣа и

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 369 из
Троицкого списка конца XV—начала XVI в.

кыи ѿлені поупькыи ссобронати по
полюи по лесу. и поистѣи омаиыхо
дити. да бѣтѣ топтопѣ не свѣтъ
мѣамѣ. вѣанкѣи днѣ вѣалѣсми.
вѣдересерменскомѣ. и вѣгондоу
спани. а вѣсермене бограмовѣ
вѣсрѣ. мѣамѣ. а заговѣлѣсми
мѣаприа. а. днѣ. ѿблговѣ
рнеи хрѣіа не. иже кѣто по многѣ
землямѣ много плавлѣтъ. и въ
многѣмѣ грѣхѣхѣ падаѣтъ. и вѣ
сѣдалишаѣтъ. хрѣікыѣ а заже
бище бѣжне а фонасне. и скали сѣ
по вѣрѣ оуже проидоша чѣтыре великыѣ
говѣина. и. а. проидоша великыѣ
днѣ. а заже грѣшныи не вѣдаю чѣ
ѣсть великыи днѣ. и ли говѣино.
и рѣтѣхѣ. и вѣдаю нѣиныхѣ
прахѣи ко вѣ не вѣдаю. и не рѣдѣи
тѣици не вѣдаю. а кнѣгѣ оумѣ
нѣтѣ. колима пограбили. и ни
кнѣгѣ вѣали оумѣ. а заже ѿмно
гыѣ бѣды. поидо до и дѣи. за
нже ми на роу по и тѣи сѣтѣ мѣ не

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 383 об.
из Троицкого списка конца XV—начала XVI в.

Весна же у них стала с Покрова святых богородица; ¹⁰⁴ а празднують шиху Аладину ¹⁰⁵ и веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну держать 3 мѣсяца, а лѣто 3 месяца, а зиму 3 мѣсяца, а осень 3 мѣсяца. В Бедери же их столъ Гундустану бессерменьскому. ¹⁰⁶ А град есть великъ, а людей много велми; а салтан великъ ^а 20 лѣт, ¹⁰⁷ а держать бояре, а княжат ^б фара-санци, ¹⁰⁸ а воюють ^в все хоросанци.

Есть хоросанецъ Меликтучаръ ^г бояринъ, ¹⁰⁹ ино у него рати ^д двѣсти тысячъ, а у Мелик-хана 100 тысячъ, а у Харат-хана ¹¹⁰ 20 тысячъ; а много тех хановъ по 10 тысячъ рати. А с салтаном выходят 300 тысяч рати своей. А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ и пышны велми; ¹¹¹ а все их носятъ на кровати своих на серебряных, да пред ними ^е водят кони въ снастех || золотых до 20; а на конехъ за ними ^а 300 человекъ, л. 376 об а пѣших 500 человекъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ ¹¹² 10 человекъ, да свирѣльниковъ 10 человекъ. Султан же выецасть на потѣху с матерью да с женою, ино с ним человекъ на конех 10 тысячъ, а пѣшихъ 50 тысячъ, а слоновъ водят 200 наряженных в доспѣсѣх золоченых, ¹¹³ да пред ним 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человекъ, да коней простых 300 въ снастех золотых, да обезьянъ за ним 100, да блядей 100, а все гаурыкы. ¹¹⁴

В султанов же дворъ 7-ры ворота, а в воротѣх сѣдят по 100 сторожевъ да по 100 писцевъ кофаровъ; кто поидеть, ини записываютъ, а кто выйдет, ини записываютъ; а гариповъ ¹¹⁵ не пускають въ град. А дворъ же его чюдень велми, все на вырезѣ да на золотѣ, и послѣдний камень вырѣзанъ да золотомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него || суды розныя. л. 37

Городъ же Бедеръ стерегутъ в нощи тысяча человекъ кутуловых, ¹¹⁶ а ѣздить на конех да в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычу. А язъ жеребца своего продал в Бедери, да наложилъ есми у него ^а 60 да и 8 футуновъ, ¹¹⁷ а кормилъ есми его годъ. В Бедери же змии ходят по улицам, а длина ея двѣ сажени. Приидсх же в Бедеръ о заговѣйнѣ о Филиповѣ ¹¹⁸ ис Кулонгѣря и продах жеребца своего о Рожествѣ, и тут бых до великого заговейна в Бедери и познася со многими индѣяны и сказах имъ вѣру свою, что есми не бесер-

менинъ исаяденіені ¹¹⁹ есмь християнинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменское имя хозя Исуфъ Хоросани.¹²⁰ И они же не учили ся отъ меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу,¹²¹ ни о иных вещех, ни жонъ своих не учили крыти.

Да о вѣрѣ же о их распытах все, і оны сказывают: вѣруем л. 377 об въ Адама,¹²² || а Буты, кажутъ, то есть Адамъ и род его весь.
^а А вѣръ ^б въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры,¹²³ ^в а все вѣрують в Бута; ¹²⁴ а вѣра с вѣрою ни ^г пьетъ, ни ястъ, ни женится, ^д а иныя же боранину, да ^е куры, да ^е рыбу, да ^е яица ядятъ, а воловины не ядятъ ^ж никакаа вѣра.³

В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьскыи Мягкат, дѣ их бутхана.¹²⁵ Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць, и торгу у бутханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцевъ, какъ Бутъ чюдеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое человѣческим образомъ являлся; [другое человѣкъ, а носъ слоновъ; третье человѣкъ, а виденье обезьянино; въ четвертые человѣкъ, а образомъ лютаго звѣря, являлся имъ все съ хво-|| л. 378 стом, а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него сажень. К бухану же съезжается вся страна Индѣйскаа на чюдѣ Бутово; да у бутханы бреются старыя жонкы и дѣвки, а бреють на собѣ всѣ волосы, и бороды, и головы, да поидуть к бухану; да со всякыя головы емлють по двѣ шекшени пошлини ¹²⁶ на Бута, а с коней по четыре феты; а съѣжшается к бухану всѣхъ людей бысть азаръ лекъ вахтъ башетъ сат азаре лекъ.¹²⁷ В буханѣ же Бутъ вырѣзанъ ис камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ, акы Устьянъ царь Царяградскы,¹²⁸ а в лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино, а иныя Буты нагы, нѣтъ ничево, кот ачюк, а жонкы Бутавы нагы вырезаны и с соромомъ, и з детми, а перет Бутом же стоитъ волъ велми великъ, а вырезанъ ис камени ис чернаго, а весь позолочен, || л. 378 об а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплют на него цвѣты, и на Бута сыплют цвѣты.

Индѣяне же не ядят некоторого мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни^а рыбы ли свинины, а свиней же у них велими много; а ядят же днем двожды, а ночи не ядятъ, а вина не пѣютъ, ни сидны; а с бесермены не пѣютъ, ни ядятъ. А ѣства же их плоха, а одинъ съ-дним ни пѣтъ, ни ястъ, ни с женою;¹²⁹ а ядят брынецъ,¹³⁰ да кичири¹³¹ с маслом, да травы розныя ядят, все рукою правою, а левою не примется ни за что; а ножа не держать, а лѣжици не знаютъ; а на дорожѣ кто же собѣ варит кашу, а у всякого по горнѣцу. А от бесермян скрываются, чтобы не посмотрилъ ни в горнецъ, ни въ яству; а посмотрил бесерменинъ на ѣству, і онъ не ястъ, а ядятъ иные, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ его.

А намазъ же их на востокъ по-руськы,^б обе руки || поды- л. 379
мають высоко, да кладутъ на тѣмя, да ложатся ницъ на земли, да все ся истягнетъ по земли, то их поклоны. А ясти же садятся, ини омывають руки да и ноги, да и ротъ пополаскываютъ. А бутханы же их безъ дверей, а ставлены на востокъ, а Буты стоятъ на востокъ. А кто у нихъ умреть, ини тѣх жгут да пепел сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить мужъ, а имя сыну даетъ отецъ а дочери матери; а добровтра^а у них нѣтъ, а сорома не знаютъ. Или пришел, ини ся кланяють по чернечьскы, обе руки дотычють до земли, а не говорить ничево.

К Первотѣ же яздить о великомъ^б заговѣйнѣ, къ своему Буту,^а тотъ их Іерусалимъ, а по-бесерменьскы Мякъка,¹³² а по-руськы Ерусалимъ, а по-индѣйскы Парватъ. А съезжаются всѣ нагы, только на гузне платъ; а жонкы всѣ нагы, толко на гузне || фота, л. 379 об.
а иныя в фотах, да на шиях жемчюгъ, много яхонтовъ,¹³³ да на рукахъ обручи да перстѣни златы олло oakъ,¹³⁴ а внутрь к Бутхану яздить на волех, да у вола рога окованы мѣдью, да на шие колоколицевъ 300, да копыта подкованы; а тѣ вола ачѣе зовут.¹³⁵ Индѣяне же вола зовутъ отцемъ, а корову матерью, а каломъ ихъ пекут хлѣбы и ѣству варятъ собѣ, а попеломъ тѣмъ мажуться по лицу,¹³⁶ и по челу, и по всему тѣлу^а ихъ знамя. В недѣлю же да в понедѣльникъ ядятъ единожды днемъ. В Ындѣе же какъ пачекъ-туръ, а учюзе-дѣрь:¹³⁷ сикишъ иларсень ики шитель;¹³⁸ акечаны

иля атырьсеньятле жетель беръ; булара досторъ: а кулъ ¹³⁹ каранашъ ¹⁴⁰ учюзъ чар фуна хубъ бемъ фуна хубесия; канкара амъ чюкъ кичи хошь.

От Первати же приехал есми в Бедеръ, за 15 днп и до бесерменьскаго || улубагря.¹⁴¹ А Великого днп ¹⁴² въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтамъ гадаю — Великий день бывасть хрестіанскы первие бесерменьскаго багрима за 9-ть день, или за 10 днп. А со мною нѣтъ ничево, нпкаяоя книги, а книги есмя взяли с собою с Русп; нно коли мя пограбили, нни их взяли, н язъ позабылъ нѣры хрестіанскыя вся н праздникова хрестіанскых, ни Велика днп, ни Рожества Христова не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не знаю; а промежу есми вѣрь тангырданъ нстремень ¹⁴³ олъсакласыпъ; олло худо, олло акъ, олло ты, олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымелъло, олло карпмелло, танъ танъгрысень, худосеньсень. Богъ единъ " то царь славы, творецъ небу н земли. А иду я на Русь, кетымшьтырь имени,¹⁴⁴ уручь тутъ тымъ. Месяць мартъ ⁶ прошелъ, н азъ месяць мяса есмь не ялъ, заговѣлъ " с бесермены в недѣлю, да говѣл есми || ничево скоромнаго, никакыя яствы бесерменьскыя, а ялъ есми все по двоицы днемъ хлѣбъ да воду, вратыйял ятъ мадымъ;¹⁴⁴ да молился есми богу вседержителю, кто сътворилъ небо н землю, а иного есми не призывал никотороу имени, богъ олло, богъ керимъ, богъ рагымъ, богъ худо, богъ акъ беръ, богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло сеньсень олло ты.

А от Гурмыза ¹⁴⁵ ити моремъ до Голать 10 днп, а от ^а Калаты до Дѣгу ¹⁴⁶ 6 днп, а от Дѣга до Машката ¹⁴⁷ до Кучъзрята ¹⁴⁸ до Комбата ¹⁴⁹ 4 днп, отъ Камбата до Чивеля ¹⁵⁰ 12 днп, а отъ Чивеля до ⁶ Дабыля ¹⁵¹ — 6. Дабыль же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменьству. А от Дабыля до Колекота ¹⁵² 25 днп, а от Селсекота до Сияяна ¹⁵³ 15 днп, а от Сияяна до Шибанпа ¹⁵⁴ мѣсяць ити, а отъ Сибата до Пенгу ¹⁵⁵ 20 днп. а отъ Пенгу до Чини да до Мачпна ¹⁵⁶ мѣсяць итъи, || моремъ все то хоженіе. А от Чини да до Кытаа ¹⁵⁷ итъи сухом 6 мѣсяць, а морем четыре днп ити, аристо хода чотом.¹⁵⁸

Гурмызь ¹⁵⁹ же есть пристанище великое, всего свѣта люди въ немъ бывають, и всякы товаръ въ немъ есть, что на всемъ свѣте родится, то в Гурмызѣ есть все; тамга ¹⁶⁰ же велика, десятое со всего есть.^a А Камбаять ¹⁶¹ же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи,¹⁶² да пестреди,¹⁶³ да кань-даки,¹⁶⁴ да чинять краску ниль,¹⁶⁵ да родится въ немъ лекъ ¹⁶⁶ да ахыкъ ¹⁶⁷ да лонъ.¹⁶⁸ Дабыло ¹⁶⁹ же есть пристанище велми велико, и привозять кони изъ Мисюря,¹⁷⁰ изъ Рабаста,^{171, 6} изъ Хоросани,¹⁷² ис Туркустани,¹⁷³ изъ Негостани ¹⁷⁴ да ходять сухомъ месяцъ до Бедери да до Кельбергу.¹⁷⁵

А Келекотъ ¹⁷⁶ же есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а пройти его не дай богъ никакову кестяку.¹⁷⁷ А кто его ни увидить, || тотъ поздорову не проидеть моремъ. А родится в немъ перецъ, л. 381 об. да зеньзебиль,¹⁷⁸ да цвѣт, да мошкаты,¹⁷⁹ да калафуръ,¹⁸⁰ да корица, да гвозники,¹⁸¹ да пряное коренье,¹⁸² да адрякъ,¹⁸³ да всякого коренья родится в нем много. Да все въ немъ дешево, да куль да каравашъ письярь хубъ сія.¹⁸⁴

А Силян ¹⁸⁵ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ баба Адамъ на горѣ на ^a висоцѣ,¹⁸⁶ да около его родится камень драгое,¹⁸⁷ да червцы,¹⁸⁸ да фатисы,¹⁸⁹ да бабогури,¹⁹⁰ да бинчаи,¹⁹¹ да хрусталь,¹⁹² да сумбада,¹⁹³ да слоны родятся, да продають в локоть, да девякуши продають в вѣсь.¹⁹⁴

А Шабайтское пристанище ¹⁹⁵ Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцемъ дають алафу ¹⁹⁶ по тенкѣ ¹⁹⁷ на день, и великому и малому; а кто в немъ женится хоросанецъ, и князь шабатьской даеть по тысячи тенекъ на жертву, да на олафу, да ѣсть || на л. 382 всякый месяцъ по десяти денек; да родится в Шаботе ¹⁹⁸ шелкъ, да сандал,¹⁹⁹ да жемчюгъ, да все дешево.

А въ Пегу ²⁰⁰ же есть пристанище немало, да все в нем дербыши живутъ индѣйскыя,²⁰¹ да родится въ немъ камѣние дорогое, маникъ,²⁰² да яхут,²⁰³ да кырпукъ;²⁰⁴ а продають же каменье дербыши. А Чиньское же да Мачиньское ²⁰⁵ пристанище велми велико, да дѣлають в немъ чини,²⁰⁶ да продають чини в вѣсь, а дешево.

А жены же их с мужи своими спять в день, а ночи жены их ходять к гарипомъ да спять с гарипы,²⁰⁷ дают имъ олафу,²⁰⁸ да приносятъ

с собою яству сахарную да вино сахарное, да кормять да поятъ гостей, чтобы ее любилъ, а любять гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми; а у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужъ
 л. 382 об. даетъ алафу; а родится бело, ино гостю пошлины 18 тенекъ; || а черно родится, ино ему нѣтъ ничево, что пил да ѣлъ, то ему халялъ.²⁰⁹

Шайбать²¹⁰ же отъ Бедеря²¹¹ 3 месяца, а от Дабыля до Шайбата 2 месяца моремъ итъти, Мачимъ да Чимъ²¹² от Бедеря 4 месяца моремъ итъти, а тамъ же дѣлають чими^{213, а} да все дешево; а до Силяна 2 месяца моремъ итъти.⁶ В Шабайте же родится шелкъ, да инчи,²¹⁴ да жемчюгъ, да сандалъ; слоны продають в локоть.²¹⁵

В Силяне же родится аммоны,²¹⁶ да чръвци, да фатисы. В Лекоте²¹⁷ же родится перецъ, да мошкат, да гвоздники, да фуфалъ,²¹⁸ да цвѣт. В Кузряте же родится краска да люкъ.²¹⁹ Да в Камбатѣ родится ахикъ.²²⁰ В Рачюре²²¹ же родится алмазъ биркона да новъкона же алмазъ;²²² продають почку^{223, в} по пяти рублевъ, а доброго по десяти рублевъ, новаго же почка алмазу пѣнечъ чекени,²²⁴ сія²²⁵ же чаршешкени,²²⁶ а сипить екъ тежка.²²⁷ Алмазъ же
 л. 383 родится в горѣ || каменной, а продають же тую гору каменую^а по двѣ тысячи фунтовъ золотых новаго алмазу, а кона²²⁸ алмазу продають в локоть по 10 тысячъ фунтовъ золотых. А земля же тоя Меликханова,²²⁹ а холопъ салтановъ, а от Бедеря 30 кововъ.

А сыто жидове зовуть Шабать своими жидовы, а то лжут; а шабаитене ни жидове, ни бесермена,²³⁰ ни христиане, инаа вѣра индейскаа, ни с худы,²³¹ ни зъ бесермены ни піють ни ядятъ, а мяса никакого не ядятъ. Да в Шабатѣ же все дешево, а родится шелкъ да сахаръ велми дешево; да по лесу у них мамоны²³² да обезьяны, да по дорогамъ людей дерут; ино у нихъ ночи по дорогамъ не смѣють ѣздити обезьянъ дѣля да момонъ дѣля.

А отъ Шайбата же 10 месяць сухомъ итъти, а моремъ 4 месяца аукиковъ.²³³ А оленей окормленныхъ рѣжутъ пупы, а пупъ в немъ
 л. 383 об. мускусъ²³⁴ родится; а ди||кыи олені пупькы ис собя роняють по полю и по лесу, ино ис тѣх воня выходитъ, да ѣстъ то тотъ не свѣжъ.

Месяца маа Великій день²³⁵ взялъ есми в Бедере²³⁶ бесерменьскомъ и в Гондустани; а в бесермене бограмъ²³⁷ взяли въ среду

месяца маа; а заговѣлъ есми месяца [априля 1 день. О ^аблаго-
вѣрныи христіане! ^б Иже кто по многимъ землямъ много плаваетъ,
въ многыя грѣхы впадаетъ и вѣры ся да лишаетъ христианскыя. ^в
Азъ же, рабище божіе Аѳонасие, и сжалися по вѣрѣ; уже проидоша
четыре великыя говѣйна ²³⁸ и 4 проидоша Великыя дни, азъ же грѣш-
ный не вѣдаю, что есть Великий день, или говѣино, ни Рожества
Христова нѣ вѣдаю, ни иныхъ праздниковъ не вѣдаю, ни среды,
ни пятници не вѣдаю; а книгъ у меня нѣтъ, ²³⁹ коли мя пограбили,
ини книги взяли у мене, ^г азъ же от многыя беды поидохъ до Индѣи,
занже ми на Русь поити нѣ с чѣмъ, не || ослалося товару ничево. л. 384
Пръвый же Великъ день взял есми в Каинѣ, ²⁴⁰ другой Великъ
день в Чебукару в Маздраньской земли, ²⁴¹ третий Великий день
в Гурмызѣ, ²⁴² четвертый Великий день въ Индѣи с бесермены
въ Бедери; и ту же много плакахъ по вѣрѣ по хрестыаньской.

Бесерменинъ же Мелик, ²⁴³ тотъ мя много понуди в вѣру бесер-
меньскую стати. Азъ же ему рекохъ: «Господине! Ты намаръ кы-
ларесенъ ²⁴⁴ менда намазъ киларьмень, ты бешъ намазъ киларь-
сизъменда 3 калаременьменъ ь гарипъ асенъ инъчай»; онъ же ми рече:
«Истину ты не бесерменинъ кажешися, а хрестыанства не знаешь».
Азъ же въ многыя помышления впадохъ и рекохъ себѣ: «Горе мнѣ
окаанному, яко отъ пути истиннаго заблудихся и пути не знаю,
уже самъ поиду. Господи боже вседержителю, творецъ небу и земли!
Не отврати лица отъ рабища твоего, яко скорбь || близъ есмь. Гос- л. 384 об.
поди! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не от-
врати мя, господи, от пути истиннаго и настави мя, господи, на путь
твой правый, яко никоея же добродѣтели в нужи той сотворихъ
тебѣ, господи мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ, господи мой,
олло ^а переводигерь, ²⁴⁵ олло ты, каримъ олло, рагымъ олло, ка-
римъ олло, рагымелло; ахалимъ дулимо». Уже проидоша 4 Великыя
дни в бесерменьской земли, а христіанства не оставихъ; далъ богъ
ведаеть, что будетъ. Господи боже мой, на тя уповахъ, спаси мя
господи боже мой!

Во Индѣи же бесерменьской, в великомъ Бедери, смотрилъ ^б
есми на Великую ночь на Великий же день — волосыны да кола
в зорю вошьли, а лось ²⁴⁶ ^в головою стоит на восток. На баграмъ

на бесерменьской выехал султанъ на теферичь,²⁴⁷ ино снимъ 20 възы-
 л. 385 ревъ ²⁴⁸ великих, да триста слоновъ наряженных в булатных || в до-
 спѣсах ²⁴⁹ да с гороткы, да и городкы окованы, да в гороткѣх
 по 6 человекъ в доспѣсах, да с пушками да с пищалми; а на вели-
 комъ слонѣ 12 человекъ, на всякомъ слонѣ по два проборца вели-
 кых, да къ зубомъ повязаны великыя мечи по кентарю,²⁵⁰ да к ры-
 ломъ привязаны великыя желѣзныя гыры, да человекъ сѣдять
 в доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него в руках желѣзной великы,
 да тѣмъ его править; да коней простыхъ тысяча въ снастѣхъ золотых,
 да верблюдовъ сто с нагарами,²⁵¹ да трубникъвъ 300, да пляс-
 цевъ 300, да ковре ²⁵² 300. Да на султанѣ ковтанъ весь ^a сажень.
 яхонты, да на шапкѣ чичакъ ²⁵³ олмазъ великы, да сагадакъ ²⁵⁴
 золот со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, ⁶ да седло
 золото, да перед нимъ скачет кофаръ ²⁵⁵ пѣшь да играеть теремь-
 цемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за ним благой слонъ идетъ,
 г. 385 об. а весь в ка||мкѣ ²⁵⁶ наряжанъ, да обиваетъ люди, да чепъ у него
 велика желѣзна во ртѣ, да обиваетъ кони и люди, чтобы кто на
 султана не наступилъ блиско. А братъ султановъ тот сидит на кро-
 вати на золотой, да над нимъ теремъ оксамитенъ,²⁵⁷ да маковица
 золота со яхонты, да несутъ его 20 человекъ. А махтумъ ²⁵⁸ сидит
 на кровати на золотой, да над ним теремъ шидянь ²⁵⁹ с маковицею
 золотою, да везутъ его на 4-хъ конехъ въ снастехъ золотыхъ; да
 около людей его много множество, да перед нимъ пѣвцы, да пляс-
 цевъ много, да всѣ с голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да сули-
 цами, да с копіи, да с луки с прямыми с великими, да кони всѣ
 в доспѣсахъ, да сагадакы на них, да иныя нагы всѣ, ^a одно пла-
 тище на гузнѣ, соромъ ⁶ завѣшенъ.

В Бедери же месяцъ стоитъ 3 дни полон. В Бедери же сладкаго
 л. 386 овощу нѣтъ. В Гу||ндустанѣ же силнаго вара нѣтъ; силно варъ
 в Гурмызѣ да в Катобагряимъ,²⁶⁰ гдѣ ся жемчюгъ родить, да
 в Жидѣ,²⁶¹ да в Бакѣ,²⁶² да в Мисюрѣ,²⁶³ да въ Остани,²⁶⁴ да
 в Ларѣ;²⁶⁵ а въ Хоросаньской земли ²⁶⁶ варно, да не таково; а в Це-
 готани ²⁶⁷ велми варно; а в Ширязѣ, ²⁶⁸ да въ Езди,²⁶⁹ в Кашини ²⁷⁰
 варно да вѣтръ бывает, а в Гиляни ²⁷¹ душенью велми да парищо
 лихо, да въ Шамахѣи ²⁷² паръ лихъ; да в Вавилони ²⁷³ варно, да Ху-

митѣ ²⁷⁴ да в Шамѣ ²⁷⁵ варно, а в Ляпѣ ²⁷⁶ не такъ варно. А в Севастѣи ²⁷⁷ губѣ да в Гурзыньской земли ²⁷⁸ добро обилно всѣм; да Торьскаа земля ²⁷⁹ обилна вельми; да в Волоской земли ²⁸⁰ обилно и дешево все съѣстное; да Подольскаа земля ²⁸¹ обилна всѣм; а урุษь ерь таньгры сакласынъ; олло сакла, худо сакла, будоньяда муну-кыбит ерь ектуръ; нечикъ урсу ери бегъляри акай тусил; урุษь ерь абадан больсынъ; || расте кам дереть. Олло, худо, богъ, богъ л. 386 об. данъгры.²⁸²

Господи боже мой! На тя уповахъ, спаси мя господи! Пути не ^а знаю, иже камо поиду изъ Гундустана: на Гурмызъ поити, а от Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ, ни на Чеготай пути нѣтъ, ни на Катобагряим пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣту. То вездѣ булакъ ²⁸³ сталъ; князей вездѣ выбыли, Яишу мурзу ²⁸⁴ убилъ Узуосанъбекъ,²⁸⁵ а Солтамусаитя ²⁸⁶ окормили, а Узуасанъбекъ на Ширязи сѣлъ и земля ся не обрѣнила, а Едигерь Махмет,²⁸⁷ а тотъ къ нему не ѣдѣтъ, блюдется; иного пути нѣтъ никуды. А на Мякъку ²⁸⁸ поити, ино стати в вѣру бесерменьскую, занъ же христіане не ходят на Мякъку вѣры дѣля, что ставят в вѣру. А жити в Гундустанѣ, ино вся собина исхарчити, занъ же у них все дорого: одинъ есми || человекъ, и язъ по полутретіа алтына на день харчу л. 387 идетъ, а вина есми не півалъ, ни сынды.^{289, а}

Меликтучаръ ²⁹⁰ два города взял индѣйскыя, что розбивали по морю Индѣйскому, а князей поимал 7 да казну их взял, юкъ яхонтовъ, да юкъ олмазу ²⁹¹ да кирпичковъ,²⁹² да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчислено рать взяла; ^б а стоялъ ^в подъ городомъ два году, а рати с нимъ два ста тысяч, да слонов 100, да 300 верьблюдов. Меликтучаръ пришелъ съ ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-русьскому на Петровъ день. И султанъ ²⁹³ послалъ 10 възыревъ стрѣтити ^г его за десять кововъ, а въ ковѣ по 10 верстъ, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в dospѣсехъ.

А у Миктучара на всякъ день садится за суфрею ²⁹⁴ по 5 сотъ человекъ, а с нимъ садится 3 възыри за его скатертью, а с возыремъ || по пятидесят человекъ, а его 100 человекъ бояриновъ вше- л. 387 об. ретных. У Меликтучара на конюшне коней 2 тысящи да тысяча

осѣдланных и день и ночь стоять готовых, да 100 слоновъ на конюшне; да на всякую ночь дворъ его стерегутъ 100 человекъ в доспѣсах, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ,²⁹⁵ да по 10 бубновъ великих по два человека биятъ.

Мызамлылкъ,²⁹⁶ да Мекханъ,²⁹⁷ да Фаратханъ,²⁹⁸ а тѣе взяли 3 города великыи, а с ними рати своей 100 тысячъ да 50 слоновъ, да камени всякого дорогого много множество; а все то камене да яхонты да олмазъ купили на Меликтучара,^а заповѣдал дѣляремъ,^б что гостемъ не продати, а тѣе пришли от Оспожина дни²⁹⁹ к Бедерю граду.

Султанъ выежжаетъ на потѣху в четвергъ да во вторник, да три л. 388 с ним возыры выецаютъ; а брат выежжает султанов || в понедѣльникъ, с матерью да с сестрою; а жонкъ 2 тысячи выежжаетъ на конех да кроватех на золотыхъ да коней пред нею простых сто въ снастех золотых, да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 възыреней,^а да 50 слоновъ в пополах сукняных, да по 4 человекы на слонѣ сѣдят нагих, одно платище на гузне, да жонкы пѣшии нагы, а тѣе воду за ними носятъ пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пьет.

Меликтучаръ выехал воевати индѣянъ с ратию своею изъ града Бедеря на память шиха Иладина,³⁰⁰ а по-русскому на Покровъ святыя богородица,³⁰¹ а рати с нимъ вышло 50 тысяч; а султан послал рати своей 50 тысяч да 3 с ним возыри пошли, а с ними 30 тысяч, да 100 слоновъ с ними пошло 3 городкы да в доспѣсахъ, а на п. 388 об. всякомъ слонѣ по 4 человеки с пицалми. Меликтучаръ пошел || воевати Чюнедара великое княжение Индѣйское.

А у Бинедарьскаго³⁰² князя 300 слоновъ да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него. Султанъ³⁰³ выехал из города Бедеря³⁰⁴ въ 8-и месяц по Велице дни, да с ним възыревъ выехало 20 да 6 възыревъ,^а 20 възыревъ бесерменьскихъ, а 6 възыревъ индѣйскихъ. А с султаномъ двора его выехало 100 тысяч рати своей конных людей, а 200 тысяч пѣших да 300 слоновъ с городкы да в доспѣсахъ, да 100 лютых звѣрей о двою чепѣхъ. А с братом с султановым вышло двора его 100 тысяч конных, да 100 тысяч пѣших людей, да 100 слоновъ наряжанных в доспѣсахъ. А за Малханом³⁰⁵ вышло двора его

20 тысяч конных людей, а пѣших шестьдесятъ ⁶ тысяч, да 20 слоновъ наряжанных. А зъ Бедерханомъ ³⁰⁶ вышло 30 тысячъ конныхъ людей, да з братом, да пѣших 100 тысяч, да слоновъ 25 наряжа^лных л. 339 с гороткы. А с султаномъ вышло двора его 10 тысяч конных,^а а пѣших дватцат тысяч, да слоновъ 10 с городкы. А з Возырханомъ ³⁰⁷ вышло 15 тысяч конныхъ людей, да пѣших 30 тысяч, да слоновъ 15 наряженных. А с Кутарханомъ ³⁰⁸ вышло двора его 15 тысяч конныхъ людей, да пѣших 40 тысяч, да 10 слоновъ. А со всякимъ възыремъ по 10 тысяч, а с ынымъ по 15 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч. А с ындѣйскимъ авдономомъ ³⁰⁹ вышло рати своей 40 тысяч конныхъ людей, а пѣшихъ людей 100 тысяч, да 40 слоновъ наряжанных в доспѣсехъ, да по 4 человѣкы на слонѣ с пищальми. А с султаномъ вышло възыревъ 26, а со всякимъ възыремъ по 10 тысячъ,⁶ а с ынымъ възыремъ 15 тысяч конныхъ людей, а пѣших 30 тысяч. А индѣйскыя 4 възыри великыхъ, а с ними рати своей по 40 тысяч конныхъ людей, а пѣших 100 тысяч. || И султанъ ополѣлся на индѣянтъ, што мало л. 389 об. вышло с ним, и онъ еще прибавилъ 20 тысяч пѣшихъ людей, двѣстѣ ^а тысяч конныхъ людей, да 20 слоновъ. Такова сила султана индѣйскаго бесерменьскаго Маметъ дени іаріа, а растъ дени худо доноситъ.³¹⁰ А правую вѣру богъ вѣдасть, а праваа вѣра бога единого знати, имя его призывать на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту.

Въ пятый же Великий день възмыслилъ ся на Русь. Изыдохъ же из Бедеря града за месяцъ до улубаграма ³¹¹ бесерменьскаго Маметъ дени росоляд,³¹² а Велика дни христьянскаго не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣино же ихъ говѣхъ с бесермены, и розговѣвся с ними, Великий день взях в Келберху ³¹³ от Бедеря 20 кововъ.

Султанъ же пришелъ до Меликътучара с ратю своею 15 день по улубаграмѣ, а все Кельбергу; и война ся имъ не удала, || одинъ л. 390 городъ взяли индѣйской, а людей много изгыбло, и казны много истеряли. А индѣйской же султан кадамъ ³¹⁴ велми силенъ, и рати у него много, а сидить в горѣ в Биченѣгирѣ.³¹⁵ А градъ же его велми великъ, около его три ровы,^а да сквозѣ его рѣка течеть; а со одну сторону его женѣгль ³¹⁶ злый, и з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону приити

нѣкуды, сквозѣ град дорога, а града взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень.³¹⁷ Под городом же стояла рать месяць, и люди померли съ безводія, да головъ много велми изгыбло с голоду да с безводоци; а на воду смотреть, а взять нѣкуды. Град же взялъ индѣйскы Меликѣчан ходя,³¹⁸ а взял его силою, день и ночь билъ ся съ городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пушками;⁶ а рати его изгыбло 5 тысяч люду || добраго, и город взял, ины высѣкли 20 тысяч поголовія мужескаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тепекъ, а иную по 5 тенекъ, а робята по 2 тенькы, а казны же не было ничево, а болшаго града не взял.

А отъ Кельбергу поидох до Курули;³¹⁹ а в Курули же родится ахик;³²⁰ и ту его дѣлають и на весь свѣтъ откудыва его розвозят; а в Курыли же алмазѣниковъ триста, сулях макунѣтъ.³²¹ И ту^а бых 5 месяць, а оттуды же поидохъ Калики,³²² и ту же бозарь велми великъ; а оттуды поидох Конаберга,^{323,6} а отъ Конаберга поидохъ ших Аладину; а отъ ших Аладина поидох ка Аминдріе; а от Камендрѣя к Нарясу; а от Кынарясу к Сури;³²⁴ а от Сури поидох к Дабилі,³²⁵ пристанище великаго моря Индѣйскаго.

Дабыл же есть град велми великъ, а х тому жь Дабилі съскащастся вся поморья || Индѣйскаа і Ефіопьскаа. И ту аканный и яз, рабище Афанасіе, бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіаньской, и по крещение Христовѣ, и по говѣйнѣх святых отецъ устроеных и по заповедех апостольских, и устремихся умъ понти на Русь; внидох же в таву³²⁶ и съговорих о налонѣ³²⁷ корабленемъ, а от свося головы 2 золотых до Гурмыза града дати.

И внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за 3 месяцъ, бессерьменьскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю месяць, а не видах ничево; на другой же месяць увидѣхъ горы Ефіопскыя.^{328,а} И ту людие вси възкличаша «олло бервогыдирь,³²⁹ олло конѣкаръ, бизимъ баши мудна насипъ болмышьтп», а по-рускы языком молвят: «Боже государю, боже, боже вышній, царю небесный! Зде ли⁶ нам судил еси погыбнути?»

И в той же земли Ефиопской бых 5 дни, божиею благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиомъ, ины судна не пограбили. ^пА оттудова же ^лпоидохъ 12 дни л. 391 об. до Мошьката,³³⁰ и в Мошкате же шестый Великий день взях, и поидох до Гурмыза³³¹ 9 дни, и в Гурмызѣ бых 20 дни. И зъ Гурмыза поидох к Лари,³³² и бых 3 дни. Изъ Лари поидох к Ширязи³³³ 12 дни, а в Ширязи бых 7 дни. А изъ Ширязя поидох к Верху^{334, а} 15, а в Вергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди³³⁵ 9 дни, а въ Езди быхъ 8 дни. А изъ Езди поидох къ Спагани³³⁶ 5 дни, а въ Спагани 6 дни. А ис Спагани^б поидох Кашани,³³⁷ а в Кашани бых 5 дни. А ис Кошани поидох к Куму.³³⁸ А ис Кума поидох в Саву.³³⁹ А ис Савы поидох въ Султанию.³⁴⁰ А ис Султаніи^в поидох до Тервиза.³⁴¹ А ис Тервиза поидохъ в орду^г Асанбѣ,³⁴² в-ърде же бых 10 дни, ано пути нѣту никуды. А на Турьскавъ³⁴³ послал рати своей 40 тысяч, ины Севасть³⁴⁴ взяли, а Тоханъ³⁴⁵ взяли да и пожъгли, Амасию³⁴⁶ взяли, и много пограбили сел, да пошли на Караманъ³⁴⁷ воюючи. И яз из орды пошел къ ^лАрци- л. 392 цинну;³⁴⁸ а из Ръцана³⁴⁹ пошел есми въ Трепизонъ.

И въ Трепизон³⁵⁰ же приидох на Покровъ святыя богородица п приснодѣвныя Марія, и бых же въ Трипизони 5 дни, и на карабль приидох и сговорихъ о налонѣ³⁵¹ дати золотой от свося головы до Кафы, а золото есми взялъ на харчъ,^{352,а} а дати в Кафе.³⁵³ А въ Трепизони же ми шубашъ³⁵⁴ да паша³⁵⁵ много зла ми учиниша,³⁵⁶ хламъ мой весь к собѣ внесли в город на гору,³⁵⁷ да обыскали все;^б а обыскивають грамотъ, что есми пришел из орды Асанъбега.

Божиею милостью приидохъ до третьаго моря до Чермнаго,³⁵⁸ а парьсьскимъ языкомъ дорія Стимъбольскаа.³⁵⁹ Идохъ же по морю вѣтромъ пять дни, и доидохъ до Вонады;³⁶⁰ и ту нас стрѣтилъ великий вѣтръ полунощъ, и възврати нас къ Трипизону; и стояли есмя въ Платанѣ^{361, в} 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море двожды, и вѣтръ нас стречаетъ злы, не дасть намъ по морю ходити; олло акъ олло худо ^лперводегерь,³⁶² раз- л. 392 об. вѣ бо того иного бога не знаем. И море же преидохъ да занесе нас сыкъ Балыкае,³⁶³ а оттудова Тькързофу,³⁶⁴ и ту стоалі есмя 5 дни.

Божією милостію придох в Кафе за 9 дни до Филипова заго-
вейна, олло переводигирь. Милостію же божією преидох же три
моря; дигирь худо доно, олло переводигирь доно, аминь;³⁶⁵ смилна
рахмамъ рагым, олло акберь,³⁶⁶ акши худо илелло акши ходо, іса
рухолло³⁶⁷ заліксолом; олло акберь аиллягіля іллелло, олло пер-
водігерь ахамду лілло шукуръ худо афатад; бисмилна гирахмам
ррагым: хувомугулезі ляіляга ильлягуя алимул гяйби вашагадити;
хуарахману рагыму хувомогулязі ля иляга ильляхуя альмелику
алакудосу асалоуму альмумину альмугамину альязизу альчебару
альмутаканъ биру альхалику альбаріюу альмусавирю алькафару
алькахару альвахадү альрязаку альфатагу альаліму алькабізу
альбасуту альхафизу альррафію альмавіфу альмузилью альсемію
альвасирю альакаму альадьюлю альлятуфу.³⁶⁸

Э Т Т Е Р О В СПИСОК

XVI В.

ахоринасы патспайе мѣ. патспаны. азъ
пытаколи аснлгнхорднскрѣчаты по словѣ
великаго кнѣзя исаахаша мнѣзато доказано
похода. прише и хордыколикнлюи по каза
ннѣбы. тогда его захотрели сенаписано
нѣ въ рѣтѣшкѣ елѣтѣ пошѣ или по елѣтѣ
прише и зындѣ аумѣ аснлгншлѣтѣ по дѣ
смоленска не дошелъ умеръ. а писаннѣ по елѣ
гору кою написа. пѣторжнѣтѣ пѣспратн
приде злѣтѣспн. а мамырѣ поудайнѣ ка
акоуцпелнко кнѣзана мѣспж:-

Сенаписанѣ по елѣтѣ рѣшнѣхоженнѣ за три моря
а морѣ дѣхнѣнскѣ дорѣ ахвалнѣспл. а морѣ
рейндѣйскѣ дорѣ атоундѣсплѣска. а морѣ
морѣ рнѣ дорѣ аспѣбольша.

Пойдоусплѣспѣгозлаповерхаго и сѣбѣми
лостнѣю. и тѣрлѣспѣгоусплѣскаго кнѣзми
ахиллѣборнѣсплѣспѣрѣкѣ. и сплѣкнѣсплѣ
сплѣскаго. и борнѣсплѣсплѣсплѣ. и пойдоусплѣ
лѣгоу и прѣйдоусплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣ
сплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣ
сплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣ
сплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣсплѣ

Того же году обретох написаніе Офонаса Тверитина купца, л. 441 об. что былъ в Ындѣ 4 годы, || а ходил, сказывает, с Васи- л. 442 лиемъ Папиным. Азъ же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до^а казанского похода пришел^б из Орды, коли князь Юрьи под Казанію был, тогда его под Казанью^в застрелили. Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣ умер, а сказывают, что деи Смоленска не дошед умеръ. А писаніе то своею рукою написал, иже его руки те тетрати привезли гости к Мамыреву Василью, к діяку великого князя на Москву.

Се написах свое грѣшное хоженіе за три моря: 1-е море Дербеньское, дорія Хвалитьскаа; ^г 2-е море ^а Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа; 3-е море Черное, ^е дорія Стебольшая.

Пойдох от Спаса ^з святаго златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго ^и и от владыкы Генадѣя Тверскаго ^и и Бориса Захарыча и пойдох вниз Волгою и приидох в монастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и к святым мучеником Борису и Глѣбу; и у игумена благословив у Макарья || и у святыхъ братьи. И с Коля- л. 442 об. зина пойдох на Углич, с Углича отпустили мя доброволно. И отгуду ^а пойдох с Углича и приехалъ есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою ^б великого князя. И отпустили мя доброволно. И на Плесо приехал есми ^г доброволно. И приехал есми в Новгород в Нижней к Михайло х Киселеву и к пошлиннику к Ывану к Сараеву и они мя отпустили доброволно.

А Василей Папин проехал мимо город две недели, ^и и аз ждал в Новѣгородѣ в Нижнем две недели ^е посла татарскаго ширван-

шина Асанбега, а ѣхал с кречаты от великого князя Ивана,² а кречатов у него девяносто. И приехал есми с ними на низ Волгою. И Казань есмя проехали доброволно, не видали³ никого, и Орду есмя проехали, и Сарай есмя проехали.

И въехали есмя въ Бузань. Ту наехали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсымъ салтан стережет гостей в Бузани, а с ним три тысячи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели "мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове,⁴ по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да л. 443 полѣз есми на судно на послово и с това||рищи своими. Поѣхали есмя мимо Хазтарахан,⁵ а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел и татаровѣ к нам кликали: «Качма, не бѣгайте». А мы того не слыхали ничего. А бежали есмя парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ,⁶ и учили нас стреляти, у нас застрелили человѣка, а у нихъ дву татарин⁷ застрелили; и судно наше стало на езу, и они нас взяли, да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меньшем судне.

А в болшом суднѣ есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, а они нас тут⁸ взяли, да судно есмя взад велѣли тянути вверх по ѣзу.⁹ И тут судно наше меньшее пограбили и чстыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя в Дербентъ заплакавші двѣма суды: в одном суднѣ посол Асанбѣг, да тезикы, да русаков нас десеть головами; а в другомъ суднѣ 6 москвич, да шесть тверичь, да коровы, да кормъ нашъ. А встала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег. А тут есть городок Тархи,¹⁰ а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакты да людей поимали всѣх.

л. 443 об. И пришли есмя || в Дербентъ. И ту Василей поздорову пришел, а мы пограблени. И били есмя челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбегу,¹¹ что есмя с ними пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг¹² печаловался и ѣздил на гору к Булату-бегу. И Булат-бегъ послал скорохода къ ширваншѣбѣгу:¹³ что, господине, судно руское разбило под Тархи, и кайтаки пришед люди поимали, а товар их¹⁴

розграбили. И ширваншабегъ того же ^х часа послал посла к шурину своему Алильбегу кайтачевскому князю, что судно ся розбило под Тархи, и твои люди пришед людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы меня дѣля люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя; а что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню, а тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мне добровольно меня дѣля. И Алильбегъ того часа люди отслал.^о

А поимает его море по двожды на день. И тутъ есми взял первый Великъ день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми города не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человекъ сожжет. || А въ Гур- л. 444
мызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское, по Велице дни в радуницу, в таву, с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату, а тутъ ся родит краска да лекъ. А от Конбата к Чювѣлю, а от Чювиля есмя пришли в 7-ю недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есми 6 недѣль морем до Чивиля.^а

И тутъ есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы,^б а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти рождаются на всякій год, а детей у них много, а мужики и жонки всѣ наги, а всѣ черныя; яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому человекъ. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузне; а бояре у них — фота на плещѣ, а другаа на гузне, а ^в княини ходят — фота на плещѣ обогнута, а другаа на гузне; а слуги княжие и боярские — фота на гузне обогнута, да щит да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют; а жонки ходят голова не покрыта, || а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лѣтъ, л. 444 об.
сором не покрыв.

А ис Чювиля ^а сухом пошли есмя ^б до Пали 8 дни, и то индѣйскіе города. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣйскій. А отъ Умри до Чюнеря 7 дни, ту есть Асатхан Чюнерскыя

индйский, а холоп Меликътучаровъ, а держит сем темъ от Меликъточара. А Меликътучар сидит на 20^в тмах, а бьется с кафары 20 лѣтъ есть, то его побивают, то он побивает ихъ многожды. Хан же Асъ ездит на людехъ, а слоновъ у него много, а коней у него много добрыхъ, а людей у него много^г хоросанцевъ; а привозят ихъ из Хоросаньскіе земли, а иные из Оранской земли, а иные ис Туркменскіе земли, а иные ис Чеботайскіе земли, а привозят все моремъ в тавахъ индѣйскіе карабли.

И язъ грѣшныи привезлъ жеребца в Ындѣйскую землю, и дошелъ есми до Чюнеря богъ далъ поздорову все, а стал ми во сто рублевъ. Зима же у нихъ стала с Троицына дни. А зимовали есмя в Чюнерѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и пощѣ 4 мѣсяцы, всюда вода да грязь. В тѣ же дни у нихъ орютъ да сѣютъ пшеницу, да тутурганъ, да ногутъ, да все съѣстное. Вино же у нихъ чипятъ в великихъ || л. 445 орѣхехъ кози гундустанская; а брагу чипятъ в татну, кони же кормятъ нофутъ, да варятъ кичирисъ с сахаромъ да кормятъ кони, да с масломъ, порану же даютъ имъ пшени. В Ындѣйской же земли кони у нихъ не родятъ, въ ихъ землѣ родятся волю да буйволы, на тѣхъ же ѣздятъ и товаръ возятъ, все дѣлаютъ.

Чюнерей же градъ есть на острову на каменомъ, не одѣланъ ничѣмъ, богомъ сотворенъ; а ходятъ на гору день по одному человѣку, дорога тесна, а двема поити нелзѣ. В Ындѣйской земли гости ся ставятъ по подворьемъ, а ѣсти варятъ на гости господарыни,^а и постелю стелютъ^б на гости господарыни,^в и спятъ с гостми, сикиш илиресенду шитель бересин, сикиш илимесъ екѣжителъ берсен достур аврат чектур а сикиш муфутъ а любятъ бѣлыхъ людей. Зимѣ же у нихъ ходитъ любо фота на гузне, а другая по плечемъ, а третья на головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевають порткы,^г да сорочицу, да кафтанъ, да фота по плечемъ, да другою опояшетъ, а третсею голову увертитъ; а се оло, оло, абръ оло акъ, олло керем, олло рагим.

А в томъ Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдалъ, что язъ не бессрменяпипъ,^д руспи, и онъ молвить: «Жеребца дамъ да тысящу || л. 445 об златыхъ дамъ, а стань в вѣру нашу || в Махметъ дени; ^ене станешъ в вѣру нашу в Махметъ дени,^б и жеребца возму и тысячу златыхъ на головѣ твоей возму». А срокъ учинилъ на четьре дни, в оспожипо

говѣйно на Спасов день. И господь богъ смиловался на свой честный праздник, не оставил милости своеа от меня грешнаго и не велѣлъ погибнути въ Чюнерѣ с нечестивыми; и канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанецъ, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал; и он ѣздил к хану в город, да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково осподарево чудо на Спасовъ день. Ино, братіе русстіи христїяня, кто хочет пойти в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти ^а в Гундустанскую землю.

Мене залгали псы бесермены, а сказывали ^г всего много ^х нашего товара, ано нѣтъ ничего на нашу землю; все товаръ бѣлой на бесерменскую землю, перец да краска, то и дешево; ино возятъ аче и моремъ, ини пошлины не дают. А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни ^е крестїяне, не ^ж бесермене; а молятся камным || болваном, а Христа не знают. л. 446

А ис Чюнеря есмя вышли на оспожин день к Бедерю к болшому их граду. А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонгеря 5 дни; а отъ Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тѣх великих градов много городов; на всяк день по три города, а иной по чetyре города; колко ковов, толко градов. От Чювиля до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов.

В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки, да на шелк и на всей иной товар, да купити в немъ люди черные; а иные в нем купли нѣтъ. Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощъ, а на Рускую землю товару нѣтъ. А все черные люди, а все ^а злодѣи, а жонки все бляди, да вѣдмы, ^б да тать, ^в да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ.

В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, ^г и бояре все хоросанцы; ^х а гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные всѣ пѣши, ходять борзо, а все наги да боси, да щит в руцѣ, а в другой мечъ, а иные с луки великими с прямыми да стрелами. ^е А бой ихъ все слоны, да пѣших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣ||сех, и кони и сами; а к слоном л. 446 об.

вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю кованых, да оболочат их в доспѣхи булатные, да на них учинены городки, да в городкѣх по 12 человекъ в доспѣсах, да всѣ с пушками да с стрелами.

Есть у нихъ одно мѣсто, шихбѣ олудин пирѣ ятыр базар алядинандѣ, на годѣ единѣ базарѣ, съѣжается вся страна Индійская торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов, приводят кони до 20 ^атысящ коней ^б продавати, всякий товар свозят. В Гундустанской ^в земли тотѣ торгѣ лучшій, всякий товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русский на Покров святыхъ богородица. Есть в том Алянде и птица гукукъ, летает ночи, а кличетъ: «кукъ-^гкукъ», а на которой хоромине сидит, то тут человекъ умрет; и кто ^дхочет ея ^еубити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны ^жходят ноци ^з да имают куры, а живут в горѣ или в каменьѣ. А обезьяны то тѣ живут по лесу, а ^иу них есть ^ккнязь обезьяньскій, да ходит ратию своею, да кто замает, и они жалуют ^лкнязю своему, и оны, пришед на град, дворы развѣляют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, и язык л. 447 ^му нихъ есть ^нсвой, а детей родят много; || да которой родится ни в отца, ^они в мать, ини тѣх мечют по дорогам; ины гундустанцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлю, а иных продают ноци, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы ^пмиканетѣ.

Весна же у них стала с Покрова ^р святыхъ богородица; а празднують шигу Аладину, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднуютъ 8 дни; а весну дръжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 месяца, а зиму ^с3 мѣсяцы.

Бедер же ихъ стол Гундустану бесерменскому. А град есть великъ, а людей много велми; а салтан невелик — 20 лѣт, а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.

Есть хоросанецъ Меликтучар боярин, ино у него двѣсти тысящ рати своей, а у Фаратхана 20 тысяч; а много тѣхъ ханов по 10 тысящ рати. А с салтаном выходят триста тысящ рати своей. А земля людна велми, и пышна ^твелми; а все их носят на кровати своей на серебряных, да пред ними водят кони в санех златых до 20; а на конех за ними 300 человекъ, а пѣших пятьсот человекъ, да труб-

ников 10 человекъ, да варганниковъ 10 человекъ, да свирѣльников 10 человекъ. Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с нимъ человекъ на конехъ 10 тысящъ,^е а пѣшихъ пятьдесятъ тысящъ,^ж а слонов выводятъ двесте наряженныхъ в доспѣсахъ золоченыхъ, да предъ нимъ трубниковъ сто человекъ,^а да плясцовъ сто человекъ,^б да коней простыхъ 300 в санехъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ сто, да блядей сто, а все гауроки. л. 447 об.

В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротѣхъ сѣдитъ по сту сторожевъ да по сту писцовъ кафаровъ; кто поидетъ, ини записываютъ, а кто выйдетъ, ини записываютъ; а гариповъ не пускаютъ въ градъ. А дворъ же его чюденъ велми, все на вырезе да на золоте, и послѣдній камень вырѣзанъ да златомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него суды розныя.

Городъ же Бедеръ стерегутъ в нощи тысяща человекъ кутоваловыхъ, а ѣздятъ на конехъ в доспѣсахъ, да у всѣхъ по свѣтычу. А язъ жеребца своего продалъ в Бедери, да наложилъ есми у него шестьдесятъ да осмь футуновъ, а кормилъ есми его годъ. В Бедери же змеи ходятъ по улицамъ,^в а длина еѣ двѣ сажени.

В четвертые человекъ, а образомъ лютаго звѣря, а являясь имъ хвостомъ,^г а вырезанъ на камени, а хвостъ черезъ него^х сажени. Къ бухану же съезжается вся страна Индійская на чюдо Бутово; да у бутхана^о бреются старыя и молодыя жонки и девочки, а бреютъ^ж на себѣ всѣ воло^лсы,^з и бороды, и головы, и хвосты, да л. 448 поидутъ къ бутхану; да со всякіе головы емлютъ по двѣ шешкѣни пошпины на Бута, а с коней по четыре фута; а съезжается къ бутхану всѣхъ людей бысты азарълекъ вахъ башетъ сатъ азаре лекъ. В бухане же Бутъ вырезанъ ис камени ис чернаго, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянъ царь Цареградскы, а в лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а виденіе обезьянино, а иные Буты наги, нѣтъ ничего, котъ ачюкъ, а жонки Бутовы наги вырѣзаны и с соромомъ и з детми, а передъ Бутомъ же стоитъ воля велми великъ, а вырѣзанъ ис камени ис чернаго, а весь позолоченъ, а целуютъ его в копыто, а сыщютъ на^а него цвѣты.

Индѣяне же не ѣдят никоторого же мяса, ни яловичины, ни бопранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велими много; ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пѣют, ни сыты; а з бесермены не пѣют, ни ядят. А ѣства же ихъ плоха, а один с одним ни пѣет, ни ѣстъ, ни з женою; а ѣдят брынецъ, || да кичири с маслом, да травы розныя ядят, а варят с маслом. л. 448 об. да с молоком, а ѣдят все ^арукою правою, ^б а лѣвою не примется ни за что; а ножка не дръжат, а лжицы не знают; а на дорозе кто же варит себѣ кашу, а у всякого по горнѣцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнѣцъ, ни въ ѣству; а толко посмотрит, ино тое ѣствы не едят, а едят, покрываются платомъ, чтобы никто не видѣлъ его.

А намаз же их на восток по-русскыи, обе руки поднимают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ницъ на землѣ, да весь ся истягнет ^в по земли, то их поклоны. А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскывают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а Буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тѣх жгут, да и попел сыплот на воду. А у жены ^гдитя родит, ^а ино бабит муж, ^б а имя сыну дает отецъ, а мати дочери: а добровта у них нѣтъ, а сорома не знают. Пошел или пришел, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.

К Первоти же ѣздят о великом заговеніе, къ своему, их туто ж. 449 Иерусалимъ, а бесерменскыи ^а Мякка, ^б а по-ру||скыи Иерусалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А съезжаются всѣ наги, толко на гузне плат; а жонки всѣ наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шсях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да перстѣни ^а златы оло оакъ, а внутрь к бутхану ѣздят на волах, да у вола рога окованы мѣдію, да на шеи у него триста колоколов, да копыта подкованы медію; а тѣ вола аччей зовут. Индѣяне же вола зовут отцем, а корову матерію, а каломъ ^б пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажутся по лицу, и по челу, и по всему тѣлу знамя. Въ недѣлю же да въ понедѣльник едят однова днем. В Ындѣя же какъ пачектуръ, а учюсь деръ: секишь илерсень ики житель; акичаны ила атарсын алты жетел беръ; бу-

лара достуръ: а куль коравашъ учюзь чяр фуна хубъ бем фуна хубъсія; кашъкара амь чюкъ кичи хошъ.

От Первати же приехал есми в Бедеръ, за пятнатцать день до бессерменскаго улубагря. А Великаго дни въскресенія Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бываетъ хрестіянскы первіе бесерменскаго баграма за девять дни, ^{или} за десять дни. ¹ А со мною || нѣтъ ничего, никоея книги, а книги есмя взяли л. 449 об. с собою с Руси; ино коли мя пограбили, инии ихъ взяли, а яз забыл вѣры крестіянскіе все, праздники крестіянскы, ни Велика дни, ни Рожества Христова не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень олсакласын; олло худо, олло акъ, олло ты, олло кармиелло, таньгресень, худосенъсень. Богъ един тотъ царь славы, творецъ небу и земли. А иду я на Русь, кетъмышътыр имень, урус тутъ тым. Месяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми месяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго, никакие ѣствы бесерменскіе, а ѣлъ есми по двожды на день хлѣбъ да воду, авратыйля ^а ят мадым; да молился есми Христу вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никого именемъ, богъ олло, богъ керим, богъ рагимъ, богъ ходо, богъ акъ беръ, богъ царь славы, олло варенно, олло рагимельно ^б сенъсень олло ты.

А отъ Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до Дѣгу шесть дни, а от Дѣга до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучъзрята 10 дни, а от Кучъзрята до || Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивиля л. 450 12 дни, а от Чивиля до Дабыля 6 дни. И ^а Дабыло же есть пристанище в Гундустани послѣднее бесерменству. А отъ Дабыля до Колекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шайбата мѣсяць итти, а от Шабата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина месяць итти, морем все то хождение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 месяць, а морем четыре дни итти, арасть хода чотъмъ.

Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѣта люди в нем бывают, всякій товар в нем есть, что во всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все; тамга же велика, десятое съ всего емлют. Камбаят же пристанище Индійскому морю всему, а товаръ в нем все

дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки,⁶ да чинят краску нил, да родится в нем лекъ да ахикъ да лон. Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабъстани, да ходять сухом месяць до Бедери да до Кельбергу.

А Келекотъ же есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не дай бо никакову костяку. А кто его не увидит, тот поздорову не || прїдет морем. А родится в нем перець, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье в нем родится много. Да все в немъ дешево, да кул да калавашь писааръ хубъ сїя.

А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на высоцѣ, да около еѣ родится каменіе драгое, да червьцы, да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада,^а да слоны родятся, да продают ихъ в локот, да девякуши продают в вѣс.

А Шабатское пристанище Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тѣнке⁶ на день, и великому и малому; а кто в нем женится хоросанецъ, и князь шабатскый даст по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый месяць по пятидесяти тенекъ; да родится в Шабате шолкъ,^в да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.

А в Пегу^г же есть пристанище немало, да все в нем дербыши живут индійскыи, да родятся в нем каменіе драгое, маникъ, да яхут, да кирпук; а продают же каменье деръбыши. А Чинское же да Ма-
чинское приста||нище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево.

А жоны их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою ѣству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми; а у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлыны 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣтъ ничего, что пилъ да ѣлъ, то ему халяль.

Шаибат же от Бедеря 3 месяцы, а от Дабыля до Шабата 2 месяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 месяцы морем итти, а там же дѣлают чими да все дешево; а до Силяна 2 месяца итти морем, а до Келекота месяц итти. В Шаибате же родится шолкъ, да инчи, да жемчуг, да санданъ;^а слоны же продают в локот.

В Силяне же родится аммоны, да червьцы, да фатисы, да хрусталь, да бабугури.^б В Лекоте же родится перецъ, да мошкат, да гвоздники, да фуфал, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да лукъ. Да в Камбояти родится ахикъ. || Во Рачюре же родится ал- л. 451 об. маз биркона да "новъ кона"^б же алмаз; продают почку по пяти рублев, а доброго по десяти рублевъ, почка алмазу пѣнечъ чекени, сия же чарашешекѣнь,^в а сипить екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменной, а продают же ту гору каменую локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазу продають в локоть по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликъханова, а холопъ салтанов, а отъ Бедеря 30 ковов.

А сыто жидове зовуть Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бесермена, ни крестьяне, иная вѣра индийскаа, ни с худы, ни з бесермены ни пѣют ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шабате же все дешево, а родится шолкъ да сахар, велми дешев; да по лѣсу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогамъ людей дерут; ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамонъ дѣля.

От Шабата же 10 месяць сухом итти, а морем 4 месяцы аукиков.^г А ху оленей^е кормленыхъ рѣжут пупки, а в нем мскус^ж родится; а дикие олени пупки из себя роняют по лесу, ино ис тѣх воня выходит, да и съѣсть тот || не свѣж. л. 452

Месяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустанѣ;^а а бесермена баграм взяли в середине месяца; а заговѣл есмі месяца априля 1 день. О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим^б землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают кристьянские. Аз же рабище божій Афонасий сжалихся по вѣрѣ кристьянской; уже проидоша 4 великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день, или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных

праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю; а книг у меня нѣту, коли мя пограбили, ини книги взяли у меня, азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другой Велик день въ Чебокару в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре крестьяньской.

Бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменскую стати. Азъ же ему рекохъ: «Господине! Ты намаз каларьсень || л. 45 2 об. менда намаз кыларьсизъ менда 3 каларемен асень инчай»; он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а крестьянства не знаешь». Азъ же во многы помышления впадох и рекох в себѣ: «Горе мнѣ окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи боже вседръжителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища^а твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь созданіе; не отврати мя, господи, от пути истиннаго, настави, мя, господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тотъ не сътвори хъ тобѣ, господи боже мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ все, господи мой, олло переводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахам дулимо. Уже проидоша Великия дни четыре в бесерменской землѣ, а кристьянства не оставих; дале богъ ведает, что будет. Господи боже мой, на тя уповах, спаси мя господи боже мой».

В Ындѣе же бесерменской,^б в великом Бедерѣ, осмотрил есми на Великую ночь на Великий день — волосыны да кола в зорю вошли, а лось главою стоит на восток. На багрям на бесерменской л. 453 выехал султан || на шеферичъ, ино с ним 20 возыров великих, да триста слонов, наряженных в доспѣсах булатных да з городки, да и городкы окованы, да в городкѣх по 6^а человекъ в доспѣсах, да и с пушками да и с пищалми; а на великом слоне по 12 человекъ, на всяком по два проборца^б великих, да к зубом повязаны великые мечи по кентарю, да к рылу привязаны великыя желѣзныя гири, да человекъ сидит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него

желѣзной великой, да тѣм его правят; да коней простых тысяща в санех златых, да верьблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковре 300. Да на салтанѣ кавтан весь саженьяхонты, да на шапке чичяк олмаз великы, да саадак золот съяхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото^в да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ,^в да за ним пѣших много, да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ^а наряженъ, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во ртѣ, да обивает копи и люди, кто бы на салтана не наступил^б блиско. А брат султанов, а тот сидит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съяхонты, да несут его || 20 л. 453 об. человекъ. А махмут сидит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в санех златых; да около^а его людей многое множество,^б да пред ним певцы, да плясцов много, да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копѣи, да с луки с прямыми с великими, да кони всѣ в доспѣсах, да саадаки на них, а иные наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен.

В Бедере же мѣсяцъ стоит три дни^в полночь. В Бедере же сладкаго овощу нѣтъ. В Гундустани же силнаго вару нѣтъ; силен варъ в Гурмызе да в Кятабагряим, гдѣ ся жемчуг родит, да въ Жидѣ, да в Мярѣ, да в Орѣобъстани, да в Ларѣ; а в Хоросанской землѣ варно, да не таково; а в Чеготани велми варно; в Ширази, да въ Езди, в Кашины варно да вѣтръ бывает, а в Гиляи душно велми да парище лихо, да в Шамахѣ паръ лих; да в Вавилоне варно, а в Люпѣ^г не так варно. А в Севастій губѣ да в Гурмызской землѣ добро обилно всѣм; да Турская земля обилна велми; да в Волоской землѣ обилно и дешево; да Подольская земля обилна всѣм; а Русь ерь тангрыд сакласын; || олло сакла, буданіада^а мунуки- л. 454 битъ ерь акьтур;^б нечикъ урус ери бегляри акой тугиль; урусъ ерь аботапъ болсынъ; растъ кам даретъ. Олло, худо, богъ данъиры.

Господи боже мой! На тя уповах, спаси мя, господи! Пути не знаю, иже камо пойду из Гундустана: на Гурмыз пойти, а из Гурмыза на Хоросан пути нѣту, ни на Чеготай пути нѣту, ни в Бодату пути нѣтъ, ни на Катабогряим пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣтъ, ни

на Рабостан пути нѣтъ. Но вездѣ булгакъ ^в стал; князей вездѣ выбил, Яншу мырзу убил Узоасанбегъ, а Султамусияти окормили, а Узуосанбекъ на Ширызе сѣлъ и земля не окрепила, а Едигерь Махмет, а тотъ к нему не ѣдет, блюдется; а иного пути нѣтъ никуды. А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую, занеже кристьяне не ходят на Мякку ^{за вѣру.} ^а А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человекъ, ино по полутретья алтына на харчу идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.

Меликътучар два города взял индійскихъ, что разбивали по морю Индійскому, а князей поимал семь да казну ихъ взял, юкъ л. 454 об. яхонтов, да юкъ алмазу || да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла; а стоял под городом два года, ^а а рати с ним двѣсте тысячъ, да слоновъ сто, да ³⁰⁰ верблюдов. ^в Меликътучар пришел ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-рускому на Петров день. И султанъ послалъ 10 возыревъ стрѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 верстъ, а со всяким возырем по 10 тысячъ рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсахъ.

А у Меликътучара ^а на всякъ день садятся за софрею по пяти-сот человекъ, а с ним садятся три возыри за его скатертю, а с возырем по 50 человекъ, а его 100 человекъ бояринов вшеретных. У Меликътучара на конюшне коней 2000 да 1000 осѣдланных и день и ночь стоят готовых, да 100 слонов на конюшне; да на всякую ночь ^а двор его стерегут сто человекъ в доспѣсахъ, да 20 трубников, да 10 нагаръ, да по 10 бубнов великих по два человека бьют.

Мызамылкъ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три города великіе, а с ними рати своей 100 ^{тысяч} человекъ ^а да 50 слонов, а тѣ взял бесчислено яхонтов да камни всякого драгаго много; а все то каменіе, да яхонты, да алмаз купили на Меликтучара, л. 455 з || повѣдалъ дѣлярем, пришеи что гостем не продавати. А тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедерю граду.

Султанъ выезжает на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с ним возыри выезжают; а братъ выезжает султанов в понедѣльник, с матерію да с сестрою; а жонокъ двѣ тысячи выезжает на конехъ да на кроватехъ на золоченыхъ да коней предъ ними простыхъ в доспѣсахъ

золотых, да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 возореней, ^а да 50 слонов в пополах сукняных, да по 4 человекѣ на слонѣ сидит нагих, одно платище на гузне, да жонки пѣшіе наги, а тѣ воду за ними носят пити да подмыватись, а одинъ у одного воды не пьет.

Меликтучар выехалъ воевати индѣянин ^б с ратию своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-рускому на Покров святых богородица, а рати вышло с ним 50 тысячъ; а султан послал рати своей 50 тысячъ да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысячъ, да сто слонов с ними пошло з ^в городки да в доспѣсах, да на всяком слонѣ по 4 человекѣ с пищалми. Меликтучар пошел воевати Чкунедара великое княженіе Индійское.

А у Бинедарскаго князя 300 слонов да сто тысячъ рати || своей, л. 455 об. а коней 50 тысяч у него. Султан выѣхал из града Бедеря восьмой месяц по Велице днѣ, да с нимъ возыревъ выехало 26 возыревъ, 20 возыревъ бесерменских, а 6 возыревъ индѣйских. А с султаном двора его выехало сто тысячъ рати своей конныхъ людей, а двѣсти тысячъ пѣших, да 300 слонов з городки да в доспѣсах, да сто лютыхъ звѣрей на двою чепѣхъ. А з братомъ салтановымъ вышло двора его 100 тысячъ пѣшихъ людей, да 100 слонов наряженных в доспѣсах. А за Малханом ^а вышло двора его 20 тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 60 ^б тысячъ, да 20 слонов наряженных. А з Бездерханомъ вышло 30 тысячъ конныхъ, да и з братомъ, да пѣшихъ сто тысячъ, да слоновъ 25 наряженных с городки. ^в А с Сулханомъ вышло двора его 10 тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 20 тысячъ, да 10 слоновъ з городки. А с Возырханомъ вышло 15 тысячъ конныхъ людей, да пѣшихъ 30 тысячъ, да 15 слоновъ наряженных. А с Кутовалханомъ вышло двора его 15 тысячъ конныхъ, да пѣшихъ 40 тысячъ, да 10 слонов. А со всякимъ возыремъ по 10 тысячъ, а с ынымъ 15 тысячъ конныхъ, а пѣшихъ 20 тысячъ. А с индѣйскимъ авдономомъ вышло рати своей 40 тысячъ конныхъ людей, а пѣшихъ людей сто тысячъ, да 40 слонов || наряженных в доспѣсах, да по 4 человекѣ л. 456 на них с пищалми. А с султаномъ вышло возыревъ 26, а со всякимъ возыремъ по десяти тысячъ рати своей, а пѣшихъ 20 тысячъ, а с ынымъ возыремъ 15 тысячъ, а конныхъ людей и пѣшихъ 30 тысячъ. А Индѣйскіи ^а 4 возыри великихъ, а с ними рати своей 40 тысячъ конныхъ

людей, а пѣших сто тысяч. И султанъ ополѣлся на индѣян, что мало с ним, и он еще ^б прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, двѣсти тысяч конных людей, да 20 слонов. Такова сила султанова индѣйскаго бесерменскаго Маметъ дени Иаріа, а растъ дени худо допотъ; а правую вѣру богъ вѣдает, а праваа вѣра бога единого знати, и имя его призывать на всяком мѣстѣ чисте чисто.

В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за мѣсѣц до улубагряма бесерменскаго Мамет ^в дени розсулял, а Велика дни кристьянскаго не вѣдаю Христова въскресенія, а говѣино же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери от Бедери 10 ковов.

Султан пришол да Меликѣтучаръ с ратию ^г своею 15 по улѣбагрямѣ, а в Келбергу; и война ^д имъ не удала, ^е один городъ взял || индійской, а людей их много изгбило, и казны много истеряли. А индійскій же салтан кадам велми силен, и рати у него много, а сидит в горѣ в Бичинѣгѣрѣ. А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозѣ его рѣка течет; а со одну ^ж страну его ^з женѣгѣль злый, а з другую страну пришол долъ, и чюдна мѣста велми угодна все, на ону же страну приитти нѣкуды, ^и сквозѣ градо дрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да дебер зла тикенъ. Под городом же стояла рать мѣсѣцъ, и люди померли безводни, да голов велми много изгбило з голоду да з безводицы; а на воду смотреть, а взяти нѣкуды. А град же взял индѣйской Меликѣчанъ хозя, а взял его силою, дець и ночь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, под городом стояла с пушками; а рати его ^к изгбило пять тысяч людю добраго, а город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго, а продавали ^лголову полону ^м по 10 тенекъ, а робята по две тенки, ^н а казны же не было ничего, а болшаго города не взял.

л 457 А отъ Кельбергу поидох до Кулури; а в Кулури же || родится ахикъ, и ту его дѣлают на весь свѣтъ, оттуду его розвозят; а в Курили же алмазников триста, сулях микунѣтъ. И ту же бых пять мѣсѣцъ, а оттуду же поидох Калики, ту же бозар велми великъ: а оттуду поидох Конаберга; а от Конаберга поидох к шиху Ала-

дину; а от шиха Аладина поидох ко Аменьдрпе; и от Камендрия к Нарясу; и ^а от Кинаряса к Сури; а от Сурп поидох к Дабыли, пристанище Индийскаго моря.

Дабил ^б же есть град велии велик, а к тому же Дабыли, а ^в съѣзжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же окаянный аз, рабище Афонасей бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по кристьянской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйных святых отецъ устроеных, по заповедех апостольских, и устремихся умом поитти на Русь; и виддох и зговорих о налонѣ ^г корабленем, а от ^дсвоя главы ^е два златых до Гурмыза града доити.

Виддох же в корабль из Дабыля града до Велика дин за три месецы, бесерменскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю мѣсяць, а не видѣх ничего; на другой же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыя. Ту же людие вси воскричаша: «Олло переводигер, олло конѣкар, бизпм баши мудна насинь ^ж большмышти», а по-ру||скыи ^з язы- л. 457 об. ком молвят: «Боже осподарю, ^и боже, боже вышний, царю небесный, zde нам судил еси погнбнути».

В той же землѣ Ефиопской бых пять дни, божією благодатію зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы сѣпопом, и ни судна не пограбили. ^а ^г А оттудова же идох 12 дни до Мошката, в Мошкате же шестой^д Велик день взял, и поидох до Гурмыза 9 днп, и в Гурмызе бых ^е 20 днп. Из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три ^ж днп.^з Из Лари поидох к Ширязп 12 днп, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза ^и поидох к Вергу 15 днп, а в Велергу ^з быхъ 10 дни. А из Вергу ^д поидох къ Ездп 9 днп, а въ Езди бых 8 дни. А изъ Езди поидох к Пагани. ^е И поидох ^ж Кашини, ^з а в Кашини ^и бых 5 днп. А ис Кашина^д поидох к Куму. А ис Кума поидох в Саву. А из Сава ^е поидох к ^ж Султанью. А из Султанія поидох до Тервизя, ^з поидохъ в-рѣду ^и Асанбѣгъ, ^д въ орде ^е же быхъ 10 днп, аю путп нѣтъ никуды. А на Турскаго послал ^ж рати двора своего 40 тысяч, и ни Севастъ взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли. и много пограбили сел. ^з да пошли на Караманскаго воюючи. И яз из орды пошел ко Арцычану; ^и а из Орцычана ^д пошел есми в Трепизон. ^е

л. 458 В Трепизон^м же прии||дох на Покров святыя богородица и приснодѣвы Маріа, и бых же въ Трапизони^а 5^б дни, и на корабль приидох и сговорил о налоѣ^в дати золотой от своего главы до Кафы, а золотой есми взял на харчъ,^г а дати в Кафѣ. А в Трапизоне^х ми же шубашъ^е да паша много зла учиниша, хлам мой весь к себѣ възнесли в город на гору, да обыскали все — что мелочь^ж добренкая, и ни^з выграбили все; а обыскивают^н грамот, что есми пришол из орды Асанбега.

Божією милостію приидох до третьяго моря Чермнаго,^к а парсийским языкомъ дорія Стимбольскаа.^х Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады; и ту нас срѣтили великій вѣтръ^м полунощный, възврати^н нас къ Трапизону;^о и стояли есмя в Платанѣ 15 дней, вѣтру велику и^п злу бывшу.^п Ис Платаны есмя пошли на море, вѣтръ нас стрѣчают злый, не дасть нам по морю ходити; олло акъ олло худо переводигерь, развѣ бо того иного бога не знаю.^о И море же проидохъ сыскъ^т Баликаеѣ, а оттудова Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни.

Божією милостію приидох к Кафу за 9 дни до Филипова заговѣнія, олло переводигер. Милостію божією преидох же три моря;
л. 458 об дигерь худо доно, олло перво||дигерь дано, аминь; милна рахмам рагим, олло акъбирь, акши худо илелло акшъ ходо, иса рухоало ааликъсолон; олло акъбер аиягаиля илелло, олло переводигерь ахамду лилло шукур худо афатад; бисмилна гирахмам ррагим: хуво-могулези ляилися^а ильягуя алимуль гяиби вапагадити; хуярахману рагиму хубоомулязи ля иляга имину альязизу алчебару альмутаканъ биру алхалику альбарияу альмумусавирю алькафару алькальхару^б апъвазаху^в альрязаку альфатагу^г альалиму алькабизу альбасуту альхафизу альрравию^х алмавизу алмузилю альсемилу альбасирю альакаму альадюлю алятуфу.

СПИСОК УНДОЛЬСКОГО

XVII в.

В та же лета ^а нѣкто именем Офонасей Микитин ^б сынъ л. 300
Тверитин ходил с послы от великаго князя Московского
Ивана і от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго і
от владыки Тверскаго Генадия за море, і той тверитин Афонасей
писал путь хождения своего сице.

Се списах грѣшное свое схождение ^в за три моря: первое море
Дербенское, доря Хвалитская, второе море Индѣйское, || ^а доря л. 300 об.
Гондустанская, ^б третне море Чермное, доря Стемболская.

Пойдох ^в от святаго Спаса златоверхаго съ его милостью, от
великаго князя Михаила Борисовича и от владыки Генадия Твер-
скихъ; ^г попдох на низ Волгою и приідох ^а в монастырь къ святей
и ^б живоначалней Троицы и святым мучеником Борису и Глѣбу,
и у игумена ся благословивъ у Макаря и у братѣи; и с Колязина
же пойдох на Угличъ, с Углича на Кострому ко князю Александру,
с ыною грамотою, і князь великій всея Росіи отпустил мя добро-
вольно. И на Плесо, и в Новгородъ Нижній къ Михаилу Киселеву
к намѣстнику, и к пошлиннику Ивану Сараеву, і они пропустили
добровольно.

А Василей Папин проѣхал в город; а яз ждал в Новѣгороде двѣ
недѣли посла татарскаго Ширвашина Асамбѣга, а ѣхал с кречеты от
великаго князя Ивана, а кречатов у него 90. И поѣхали на низ
Волгою, и Казань, и Орду, и Услань, и Сарай, и Берскезаны про-
ѣхали есмя добровольно.

И вѣхали есмя в Бузань реку. И дали вожем подарки, чтоб
провезли мимо Асто||рохань, и тѣ вожи провожаючи и вѣсть дали л. 301
царю в Асторохань. И царь послалъ за нами ^а всю свою орду, и по-

стигли на Бугуне, и пограбя отпустили голыми головами, а вверхъ для вѣсти нас не пропустили.

І пошли есмѧ к Дербенті двема суды; въ одномъ судне посол Асамбѣгъ, да тезики, да русаков насъ 10 человекъ, а в другом судне 6 москвич да 6 тверич. И востала фурстовина на море, да судно меньшее розбило о берегъ, и пришли кайтаки, да людей поймали всѣхъ.

И пришли есмѧ в Дербентъ, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблены. І Осапбѣгъ, ширвашинов посол, печаловался, и ѣздилъ на гору к Булатбѣгу, и Булатбѣг послалъ скоро къ ширваншебѣгу: ⁶ что судно руское розбило под Тархи; кайтаки пришед людей поймали, а товаръ ихъ розграбили. И ширваишабѣг послалъ к шурину своему Алилбѣгу, кайтаческому князю, глаголя: л. 301 об. что судно ся мое розбило под Тархи, " и твои люди пришед || людей поймали, а товар ихъ пограбили; и тебѣ бы их ко мнѣ прислати мене ради, понеже тѣ люди посланы на мое имя. И Алилбѣг тотчасъ отослалъ людей всѣхъ въ Дербентъ, а изъ Дербенту послали ихъ къ ширванши во орду его коитуль.

И мы, приѣхав к ширванше в коитуль, били челом, чтоб дал чѣмъ до Руси дойти. И онъ нам не дал ничего, потому что нас много. И мы, заплакав, разошлись коі куды: у кого что есть на Руси, і тот пошел на Русь, а кой должен, и тѣ пошли куды очи несут; а иные пошли работать къ Бакѣ.

А яз пошелъ к Дербенти, а оттоле к Бакѣ, гдѣ огонь горятъ неугасимый. А из Баки пошел есми за море к Чебокару, и тут есми жил в Чебокаре 7 мѣсяцъ. Да в Сарѣ жил мѣсяцъ в Маздранской земли; а оттуду къ Амили, і тут жил мѣсяцъ; а потом к Димованту; а оттуду ко Рею, а ту убили Шаусеня Алеевых дстей и внучат л. 302 Махметевых, и он де их проклялъ, и за то де будто || 70 градусов розвалило, якоже безвѣрніи бают в прелести своей. А из Дрѣя к Кашени, и тут есми был мѣсяцъ, а оттуду къ Наину, ^а и потом ко Ъзде, и тут жил есми мѣсяцъ; а из Диес к Сырчану, а оттуду к Тарому, туто же фуники кормят животину, батман по 4 алтына. А из ⁶ Торома къ Лару, а оттуда к Бендерю. ^в

И тут есть пристанище Гурмызское, тут бо есть море Индѣйское, а парсѣйским языком и Гоньдустанская дория. Оттуду же итти

морем до Гурмыза 4 мили. А Гурмыз есть на острове, а ежедней поимает его море по дважды на день; и тут есми взялъ един Великъ день, а припелъ в Гурмызъ за 4 недѣли до Велика дни.^г А города не всѣ писал. Много городовъ великихъ. А в Гурмызе есть варное солнце, человѣка сожжет.^а И был яз тутъ мѣсяць, а оттуду пошел в Фомину недѣлю за Индѣйское море в таву с конми.

И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а потом || до Дѣгу 4 дни; л. 302 об. а потом Кузряту; а оттуду к Онбату, а тут ся родит краска да лець,^а и оттуду к Чивилю; и в седмую недѣлю по Велице дни от Чивили в таву с^б конми, і шли 6 недѣль морем до Чпвиля.

То есть страна Индѣйская, и люди ходят наги всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, детей у них много, понеже на всякой годъ родят, и черны мужи и жепы всѣ; язь бо куды хожду, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку.

А князь их фата на головѣ, а другая на бедрахъ; а бояре у нихъ ходятъ фота на плещѣ, а другая на бедрахъ; а княгини ходятъ фата по плечам обогнута, а другая на бедрахъ; а слуги княжие и боярские фата на бедрах обогнута, да щит да меч въ рукахъ, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями,^а а иные с лукамп^г и с стрелами, а всѣ наги да боси; а жонки ходят голо||ва не покрыта, л. 303 а груди голы, а паробки да девочки ходят наги до 7 лѣтъ, срам не покрыт.

А ис Чювиля пошли есмя сухом до Пали 8 дни до индѣйския горы; а оттоле до Умриі 10 дни, то есть город индѣйскі; оттоле же до Чюнейря 6 дни, и тут есть Асатхан Чюнерскія Индійския, а холоп Меликтучаров,^а а держать, сказываютъ, 7 темъ от Мсликтучара. А Меликтучар сѣдит на 20 тмах; а бьется с кафары 20 лѣтъ, то его побьетъ, то он побьет. Хапъ же ѣздит на людехъ, а слонов у него и коней добрых много, а людей у него хоразанцев много: а привозят ихъ из Хорозанскія земли, а иные из Орабанскія земли, а иные ис Тукмерскія земли, а иныя ис Чеготанскія земли, а привозят все морем въ тавахъ, Индѣйскія земли корабли.

Азь же грѣшный привез жеребца в Ындѣйскую землю, дошел есми до Чюнера, а сталъ ми жеребець 100 рублевъ. || Зима же л. 303 об.

огоже въѣзди боша еднѣи рече
сѣдожище прихоти соседию на рече
и тоа по пере Садѣи? иже аа оа
тиа срако понѣже оу. Какози оа оу
тоа снѣвѣи. - Итогоже въѣзди
лине. Сѣи въѣзди итиа снѣвѣи
по тааи. Тоа тааи, оа тааи
Тоа, - тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
иже аа иже оу. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
риче, - тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.

Втаже въѣзди боша и кѣи. Тоа
сѣдию итиа снѣвѣи, тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.
Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа. Тоа.

у нихъ стала с Троицына дни; а зимовали есмя в Чюнсейре и жили 2 мѣсяца. А вино чинят в великих оресѣхъ. Кони же у них во Индѣйской землѣ не рождаются, токмо вола да буйволы, на тѣхъ ѣздят и товары возятъ.

Чюнѣр же градъ есть на острову на каменомъ, ^а не дѣлан ^б ничимъ, богомъ сотворенъ; а ходят на гору день по единому человѣку, дорога тесна, пойти нелзя. Во Индѣйской земли гости ся ставятъ по подворьемъ, а ѣсти варятъ на гости господарини, и постелю стелют, и спятъ з гостями, любятъ бо бѣлыхъ людей.

В том же граде Чюнѣре ханъ взялъ у меня жеребца, понеже бо свѣдалъ, что язъ русинъ, и онъ мнѣ говорилъ: «И жеребца дамъ да 1000 золотыхъ к тому дамъ, аще станешь в нашу вѣру бессерменскую; аще ли нѣ, и жеребца у тебя возму да 1000 золотыхъ на главѣ твоей
л. 304 возму». А срокъ учинилъ на 4 дни. И в день || праздника Преображенія спасова господь богъ смиловался надо мною, на свой праздникъ не отстави милости своея от мене грѣшного, не далъ мнѣ в Чюнѣре граде с нечестивыми погибнути. Хозяйочи Махметъ хоросанецъ от печаловалъ мня у хана, и в вѣру свою не поневолили, и жеребца отдалъ моему мнѣ. Таково на мнѣ содѣяся спасово чудо. Господня мня и братья, рускіи християны, аще хто похочетъ пойти в Индѣйскую землю, і ты остави вѣру свою на Руси, да вскрикни Бахмета да поиди в Густанскую землю.

Мене залгали пси бессермена, а сказывали всево много нашего тавару: ажно пѣтъ пшчево на нашу землю, токмо перецъ да краска, то и ^а дешево, бессермени возятъ моремъ, и они пошлины не даютъ, а намъ пошлины великіи, и разбойниковъ много, кафары бо разбиваютъ, а вѣрою || они погани, молятся каменымъ болваномъ и Христа
л. 304 об. не знаютъ.

А ис Чюнѣря есмы вышли на Успеніевъ день к Бедерю, к большему ихъ граду, а шли мѣсяць. А оттоле до Кулонкеря 5 днѣй, оттуда же до Колбергу 5 днѣй. Да и промежу тѣхъ градовъ много и иныхъ градовъ, на всякъ день шли по три и по четыре грады; сколько кововъ, столько и градовъ. От Чювиля бо и ^а до Чюнсея 20 кововъ, а оттоле до Бедеря 40 кововъ, оттоле же до Колунгеря 9 кововъ, паки от Бедеря до Колобергу 9 кововъ.

В Бедери же торгъ на кони, и на шолкъ, да на овоць; а на Рускую землю товару никакого пѣтъ; да в нем же купити люди черныя, всѣ бо тамъ черны, а всѣ злодѣи и тати и лживци, а жонки тоже ⁶ все бляди, да вѣдь, да тать, и государей своих зельи морять.

Во Индѣйской же земли княжата и бояре всѣ || хоросанцы; л. 305 а гундостанцы все пѣши ходят, и наги и боси, токмо в рукѣ щить, а в другой мечъ, а ходять борзо, а у иныхъ луки прямые и стрѣлы. А бой их все слоны, а около слонов пдут пѣши напреди на конех, а кони і сами в доспѣсах; а къ слоном вяжут к рылу да к зубомъ великия мечи по кендарю кованы, да облачат ихъ в доспѣхъ булатный, да на них учинены городки, а в городке по 12 человекъ в доспѣсах, да пушки і стрѣлы.

Да тамо же есть у нихъ мѣсто шихбъ алудинъ пиръ атыр бозар алядинандъ, на год един бозар, съѣзжается вся страна индѣйская торговати, да торгуют 10 дний. А отъ Бедеря 12 кововъ, прпводят коней до 20 000 и всякнй товар; в Гондустанстей земли тоі торгъ лучшиі, на память шпха Аладина, а на рускиі праздникъ Покровъ святыя богородицы. В том || Алянде есть птица, именуема гукук, л. 305 об. лѣтает почи, а кличетъ гукукъ; и на коей хоромине посидит, и тут человекъ умрет; а кто ея хочет убить, ино у нея изо рта огнь выидет. А мамоны тамо ходять почи и ловять куры, а живут въ горѣ или в каменье. А обезьяны живут по лесу, и есть у них князь обезьянскіі; и кто ихъ занимает, и они жалуются князю своему, онъ же посылает на того рать свою; и они пришедше на град, и дворы розвалиют, и людей побьют; а рати ихъ, сказываютъ, велми много, и языкъ ихъ есть свой, а детей родят много: и который родится нп^а въ отца ни в мать, и они тѣхъ мечют по дорогам, и гондустанцы ⁶ тѣхъ емлют да учат ихъ всякому рукодѣлю, а иных продают ночью, чтобъ взадъ не знали бежати.

Весна же у них стала с Покрова святей богородицы; а по Покровѣ двѣ недѣли празнуют шпху Аладину || 8 дний; а весну, и л. 306 лѣто, и осень, и зиму держат тоже по три мѣсяца.

В Бедери же ихъ стол Гондустану бесерменскому; а град великъ и людей много велми. А салтан великиі 20 лѣт, а то содержать бояре. И с салтаном рати его выходит 300 000, а з бояры его выхо-

доть: съ Меликтучаромъ 200 000, а с Меликханом 100 000, а с сынами со многими по 20 000 і по 10 000; и земля велми людна; а бояре силны и пышны.^а А носят их на кроватех серебряных, а кони пред ними водят в снастех золотых. А селские люди голы добръ. А выездъ их добръ чюден на потеху: егда султан выѣзжаетъ с матерью и з женою, ино с ним конных 10 000, да пѣших 50 000 человекъ, а слонов водятъ нарядных 200 в доспѣсах ^б золоченых, да 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человекъ, да простых коней 300 въ снастех золотых, да обезьянъ 100, да блядей 100, а всѣ гаруки.||

л. 306 об. Во двор же султанов седмеры ворота, а в воротех по 100 человекъ сторожей, да по 100 писцев кафаров: кто взыдет и изыдет, и они записывают, а гариповъ не пускают; а двор зѣло чюден, все на резн и золотом описано.

А стрегут градъ Бедер в нощи 1000 человекъ кутоваловых, а ѣздят в доспѣсах на конех, а у всѣхъ по свѣтычу. И ту аз в Бедери продал жеребца своего, и наложил много, а кормил год. В Бедери же змѣи ходят по улицам, длиною в две сажени. А пришел есми в Бедеръ о Филипове заговейне ис Колунгеря, а жеребца продал о рожествѣ, а былъ тут до великого заговейна. И познался тут со многими индѣяны, и познали мя, что язъ не бессермепин, но христианин, имя мнѣ Афонасей, а по-бессерменски имя мнѣ хоза Ифусъ Хоросани; і они не почали ни в чем скрыватися, ни жен своих не хо||ронили,^а и я их испытал о вѣре их, і они сказывают, что вѣруют въ Адама, а Бута, сказывают, то есть Адам. А всѣх вѣръ въ Индѣи 84 вѣры, а всѣ вѣруют в Бута; а вѣра с вѣрою ни пьеть, ни есть, ни женятся межи себе, а ядятъ бораны, куры, яйца, а волов всѣ вѣры их не ядятъ.

л. 307 І^б от Бедери поидох к Первоти, то их Иеросалим, а по-бессерменски Мяхкат, гдѣ ^в ихъ бутханы, и шелъ мѣсяцъ. Бутхана же велми великъ, камен, с пол-Твери, и рѣзано на стенах дѣяние Бутото, какъ Бут чюдеса творил и какъ ся им являл многими образы человѣческими; а ино человекъ, а нос слонов; а ино человекъ, а лице обезьянино; ино же подобие человекъ, образ ^г лютаго звѣря, а являлся им всемъ ^а с хвостомъ; а хвостъ через него с са-

женъ, рѣзаны на камени. И в той градъ съѣзжается вся страна Индѣйская на чудо Бутово; да у бутханы бреются старые || жонки л. 307 об. и дѣвки на себѣ волосы и бороды, да потом идут к бутхану; да со всякие головы емлютъ по двѣ шекшени пошлин на Бута, а с коней по 4 фты, а съѣзжается к бутхану всѣх людей безчисленно множество. Да тутю же въ буханѣ вырезанъ Буть из камени, велми великъ, хвостъ через него, да руку правую поднял высоко, а в лѣвой рукѣ копие, гол, толко гузно ширинкою обязано, а видѣние лица его обезьянино; а иные Буты наги, нѣтъ ничево, котъ ачюкъ; а жонки Бутовы наги вырезаны и с соромом и з детми. Да перет Бутюм же стоит воля велми великъ, вырезан ис камени ис чернаго и позолочен весь, а целуют его в копыто, а сыплот на него цвѣты, а на Бута тоже цвѣты.^а

Не ядят же индѣяны ни мяса, ни рыбы; а ядят днем дважды: брынец, да кучири^б с маслом, да травы || розные; и ножа не дер- л. 308 жат, и лжицы не знают. А з бесермены ни пьют, ни ядят; а в дороге у всякова по горницу, и всякъ себѣ кашу сварит, и ядят — покрываются платом, чтоб его никто не видел, а посмотрит бесермень на ѣству, и он не ястъ; а какъ ѣсти, и они преж омывают руки и ноги, и рот полощут.

А поклоны их на восток, руки подымают высоко, да изляжеть ниц на землю, и протянется весь по земли. А бутханы ихъ без дверей, ставлены на восток же, а буты стоятъ на восток же. А кто у них умрет, и они тѣх жгут да пепел сыплотъ на воду. А у жены дитя родится, ино бабит мужъ, а имя сыну дает отецъ, а дочери матери; а ^а добрых трав ^б у них нѣтъ, и сорома не знаютъ. А иныя кланяются по-чернечески, обе руки дотычют до земли, а не говорит ^в ничево.

К Первотѣ же ѣздят о великом заговейне, къ своему Буту,^г по-бе||серменски Мякка, а по-руски Иерусалимъ, а по-индѣйскі л. 308 об. Парватъ; а съѣзжаются всѣ наги, мужи и жонки, толико на гузне плат или фата, а на шеях у жонок жемчюгъ и яхонтов много, а на руках обручи да перстни златы. А внутрь к бутхану ѣздятъ на волѣх а у вола рога окованы медью, да на шее колоколцов 300, и копыла подкованы; а тѣ волы ачѣе зовут. Индѣяне же вола зовут

отцемъ, а корову матерью; а калом их пекут хлѣбы и варят ѣству, и тѣм поцеломъ ^а мажут по челу, и по всему лицу, і по телу. А в недѣлю и в понедѣльник ядят единожды днем.

От Первати же приѣхал язъ в Бедер, за 15 ^б дниі до бесерменского улубагря. А Великого дни воскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю: Великъ день христіянский бывает первее л. 309 бесерменского багрима за 9 дниі или за 10, потому что || кои были книги со мною взяты с Русиі, и то и ^а пограблено, и яз позабылъ вѣру христіянскую и праздниковъ некоторых не помню. А промежу есми поганных розных вѣръ токмо молился есмь богу вседержителю, творцу небу ^б и земли, и ^в иного никоего не призывал. А как мѣсяць мартъ прошел, и я заговѣл в недѣлю з бесермены, и ѣл по дважды днем хлѣб да воду, а скорому не ѣл.

А отъ Гурмыза итти морем до Голать 10 день, ^г а оттуду до Дѣгу 6 день; а отъ Дѣгу до Мошката, до Кучзрята, до Комбата 4 дни, а отъ Комбата до Чивили 12 дней; а оттуду до Дабыля ^а 6 дниі, Дабыль же есть пристанище в Гондустаниі ^б послѣднее бесерменству. А от Дабыля до Колекота 25 дниі, оттоле же до Сяляна 15 дниі, а оттуду до Шибайта ^в мѣсяць итти, оттоле же до Пѣвгу ^а л. 309 об. 20 дниі; а оттоле до Чини да до Мачина мѣсяць итти морем, || а отъ Чини до Китая итти сухомъ 6 мѣсяць, а морем 4 итти, аrostохода чотомъ.

Гурмыз же есть пристанище великое, всего свѣта люди в нем бывають, і всякіи товар в нем есть; что на всем свѣте родится, то в Гурмызе есть все; тамга же велика, со всего десятое. А Камблят пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ дѣлають алачи, да пестреди, да канѣдаки, да чинять краску нил, да родится в нем лекъ, да ахик, да лон. Было есть пристанище вельми велико, і привозять из Мисюрска кони, из Рабаста, і из Хоросани, і из Туркусани, из Негостани; да ходят сухомъ мѣсяць до Бедери да до Келбергу.

Келекот ^а есть пристанище Индѣйскаго моря всего, а проити его не да богъ никакову кестяку, кто его ни увидит, тот здорово не проидет морем: а родится в нем всякого пряного зелня много, и дешево. ||

Силян ^а же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в нем л. 310
баба Адам на горѣ высоце; а около его родится камень драгое,
да червцы, да фатисы, да бабогури, да бипчаи, да хрусталь, да сум-
бада; а продают в локоть, а девякуши продают в вѣсь; да родятся
слоны.

Шанбатское ^б пристанище Индѣйскаго моря велми велико,
а хоросанцем дают алафу по тенке на день, и великому и малому;
а кто в нем хоросанец женитца, и князь шанбатцкїи даст по 1000 те-
некъ на жертву, на алафу, да ѣсть на всякїи мѣсяцъ по 10 тенекъ;
а родится в Шанбате ^в шелкъ да саудалъ, жемчюгъ, и все де-
шево.

В ^г Нѣгу же есть пристанище немало, а живут в нем всѣ дер-
быши и индѣйскїи; да родится в нем камень драгое маникъ. Яхуть,
кирпукъ, а продают камень не дербыши. Чинское ^а же да Ма-
чинское пристанище || велми велико, да дѣлают в нем чини; а про- л. 310 об.
даю т чини в вѣсь, а дешево.

А жены их с мужьями своими спятъ в день, а к ночи их ходят
к гарипом да спят с ними, и даютъ гарипомъ ^а алафу, и приносятъ
с собою ястну сахарную і впно, да поят их и кормятъ, чтоб сѣ лю-
били, а любятъ людей бѣлых, понеже ихъ люди черны велми; і
которое отъ гостя зачнется бело, и муж дастъ гостю алафу, пош-
линь 18 тенекъ; а родится черно, ино нетъ ничево, токмо ппл да
ѣл, то ему халял.

А отъ Бедеря Шанбатъ ^б итти 3 мѣсяца; а отъ Дабыля до Шай-
бата 2 мѣсяца морем итти; Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяца морем
итти. Да ^в в Шанбате же родится шелкъ, да иичи, да жемчюгъ,
да саудал; слоны продают в локоть. ^г

Въ Лекотѣ же родится перец, да мошкаты, да гвоздика, да фу-
фал, да шѣтъ. В Кузрятѣ же родится краска далюкъ. А в Ком-
бате || родится ахикъ. В Рачюре же родится алмазъ ^а биркона да л. 311
новъ кона же алмаз, ^б продають посуку по 5 рублей, а добраго
по 10 рублей, новаго же почка алмазу пѣнечъ чекени спяже чар-
шешкени, а спшит ектепка. Алмаз же родится в горѣ каменной,
а продают же тую гору каменную по 2000 фунтов золотых новаго
алмазу, а кона алмазу в локоть по 10 000 фунтов златых; земля

же та Меликханова, а холоп онъ салтанов; от Бедеря же 30 ко-
вовъ.

А сыто жидове ^в зовут Шайбатъ своими жидовы, и то ложь
есть: шайбатане бо ни жидове, ни бесермяне, ^г ни християне, ина
бо их вѣра индѣйская, ни з худы, ни з бесермены ни пьют, ни ядят.
В Шайбате же родится шелкъ, сахар, и дешево; а по лесу у них
мамоны да обезьяны, и по дорогам людем проѣзду нѣтъ ночи, дерут
людей аупиков; ^а и у оленей кормленых режут пупы, а в пупе ^е
л. 311 об. у них мскусь, а дикие олени || пупы сами изъ себя ронят по полямъ
и по лесу, и та воня не столь благоуханна, не свѣжъ бо есть. Отъ ^а
Шайбата же до Бедеря сухом ^битти 10 мѣсяцъ, ^в а моремъ 4 мѣ-
сяца.

И мѣсяца мая в Бедери в бесерменскомъ бограм взяли в среду,
а заговѣл есми мѣсяца апрѣля въ 1-й день. О благовѣрнии хри-
стияне, иже кто по многимъ землямъ много плавает, во многия грехи
впадает, а ^г вѣры ся да лишаетъ Христовы. Аз же рабище божие
Афонасие зжалихся ^х о вѣре: уже бо проидоша четыре великия
посты и праздники свѣтлаго воскресения Христова 4, азъ же
грѣшныи не вѣдаю что есть Великъ день, или постъ, ни иных празд-
ников, ни среды, ни пятницы; а книгъ отбылъ еще въ первомъ гра-
беже, поидох же до Индѣи от многия беды, занже ^е ми на Русь поити
нѣ съ чемъ, не осталось товару ничево. Первый бо Великъ день
л. 312 взял || есмь въ Клинѣ, а второй в Чебукару в Маздранской землѣ,
а третій Великъ день в Гурмызе, четвертый же ^аз бесермены во
Индѣи ^б в Бедери; и туто много плакалъ по християнской вѣре.

Бесерменин же Мелик тот мя много нудил в вѣру бесермен-
скую стати, и рече ми: «Не бесерменин еси, и християнства не зна-
ешь». Аз же во многия помышления впадох, и рекох к себе: «Горе
мнѣ окаянному, яко заблудих от пути истиннаго», и помолихся и
рекох: «Господи боже вседержителю, творче небу и земли, не от-
врати липа от рабища твоего, яко скорбь близ; господи, призри
на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; и настави мя, господи,
на путь твой правый, яко никоея добродѣтели тебѣ сотворих, гос-
поди мой, яко дни своя преплыхъ все во злѣ, господи мой! Господи
боже мой, на тя уповахъ, спаси мя».

Во Индѣи же бесерменской, в великом Бедери, смотрит есми || на великую ночь волосыни да кола в зарю вошли, а лось головою л. 312 об
стоит на востокъ. На баграм на бесерменской выехал султанъ на теферич, ино съ ним 20 возыревъ великих, да 300 слонов паря-
женных ^а в доспѣсах в булатных ^б и з городки, а городки окованы, да в городкехъ по 6 человекъ в доспѣсах, с пушками да с пищальми:
а на великих слонѣхъ по 12 человекъ, да по два прапорца, да к зу-
бомъ привязаны великия мечи по кептарю, а к рыломъ привязаны
великия желѣзныя гири, да промежи ушей человекъ в доспѣсе
сидит, да крюкомъ желѣзнымъ правит, да коней простых 1000 в сна-
стяхъ золотыхъ, да верблюды ^в 100 с ^г нагарами, да 300 трубников.
да плясцевъ 300, да ковры 300. На султани же кафтанъ весь саженъ
яхонты, да шпашакъ, а на немъ алмазъ великій, да саадакъ золотъ съ
яхонты, да на немъ же 3 сабли || окованы золотомъ, да сѣдло золото; л. 313
да передъ нимъ скачетъ кофаръ пѣшъ, играетъ теремцомъ; да за нимъ же
пѣшихъ много идетъ; да за нимъ же благой слонъ идетъ, наряженъ весь
в камке, чѣпъ у него велика желѣзная во рту, да обиваетъ кони и
люди, чтобъ кто на салтана не наступилъ близко. А братъ салтановъ
тотъ сидитъ на золотой кровати, а надъ нимъ теремъ оксамитенъ, да мако-
вица золота съ яхонты; да несутъ его 20 человекъ. А Михмутъ си-
дитъ на золотой кровати, а надъ нимъ теремъ шидянъ с маковницею
золотою; а везутъ его на четырехъ конехъ в снастяхъ золотыхъ, ^а да около
его людей множество, а передъ нимъ певцы, да плясцевъ много, а
всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щитами, ^б да с сулицами, да
с копьями, ^в да с луки с прямыми с великими; а кони всѣ в дос-
пѣсахъ; а на иныхъ саадаки, а иные наги, одно платище, || завѣшенъ л. 313 об.
соромъ.

В Бедери же мѣсяць стоитъ 3 ^а полонъ. А овощу сладкаго в Бе-
дери нѣтъ. В Гондустанѣ же силнаго вара нѣтъ; ^б силенъ варъ ^в
въ Гурмызе да въ Катобагряимъ, гдѣ ся жемчугъ родитъ, да въ
Индѣи, да въ Бакѣ, да въ Мисере, да въ Остани, да в Ларѣ; а в
Хоросанской земли варно, но не таково; а в Чеготани ^г велми
варно; а в Ширязи, да в Ёзди, в Кашини варно, да вѣтръ бываетъ;
а в Гиляни душно велми да парило лихое; да паръ лихъ в Шамахѣ;
да в Вавилонѣ варно, да Хумите, да в Шамѣ варно; а в Ляпе варно,

но не такъ. Да в Севастѣи губѣ, да в Гурзынской ^а земли добро обильно всѣм; да Торская земля обильна; да в Волоской и в Подолской земли обильно всѣм.

Восхотѣхъ же на Русь ити, но пути не вѣм: из Гондастана ^е
л. 314 бо на Гурмызъ || поити, а от Гурмыза на Хоросанъ пути нѣтъ; также ни на Чегодай, ни на Катобагрям, ни на Ёздъ пути нѣтъ; везде нестросенье стало, князей вездѣ выбили, Яишу мурзу убил, ^а Узусанбекъ, а солтана Мусая окормил, а ^б Узусанбекъ на Ширязи сѣлъ, и земля ся не обренила, а Едигер Махмет к нему не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣтъ никуды; а на Мякку поити, ино неволят тамо в бесерменство, затѣм туды христіане не ходять. А в Гондустани ^в жити, ино вся собина исхарчѣтъ, занже у них все дорого, по полутретья алтына мнѣ одному исходить на день, а вина есми не пивал, ни сынды.

Меликтучар два города взял индѣйския, что разбивали по морю Индѣйскому; а князей поимал 7, да казну их взял, юк яхонтов, ^г
л. 314 об. товару безчисленно рать взяла. А стоял || под городом 2 года, а рати с ним было 200 000, да слонов 100, да 300 верблюдов. Меликтучар пришел ратию своею к Деберю на курбанъ багрямъ, а по-руски на Петров день. И султанъ послалъ 10 возырев встрѣтити его за 10 конов, а въ ковь по 10 верстѣ; а со всяким возырем по 10 000 рати своей, да по 10 слонов въ доспѣсехъ.

А у Миктучары на всякъ день садятся за суфрися ^и по 500 человекъ, а с ним садятся 3 возыри за его скатертью, а с возырем по 50 человекъ, а его 100 человекъ боярниковъ вшеретных. У Меликтучара же на конюшне коней 2000, да 1000 осѣдланых и день и ночь готовы стоят; а двор его стерегут и день и ночь всегда 100 человекъ в доспѣсех, да 20 трубниковъ, да 10 нагар, да по 10 бубновъ великих по два человека бьют.

л. 315 Мызамылкъ, да Мекханъ, да Форат||хан, и тѣ взяли три города великих, а с нимъ рати своей 100 000 да 50 слонов, да камени всякого дорогово много множество; покупали бо на Меликтучара и заповѣдал гостем не продати.

Султан выѣзжаетъ на потѣху во фторникъ^а да в четвергъ, а с ним выезжаютъ 3 возыри; а брат султанов в понедѣльник, а с ним также множество конныхъ и пѣшихъ, урядно, и слоны, велми чюдно выезды ихъ въ утварехъ золотыхъ.

Меликтучар выехалъ воевати индѣян на память шиха Иладина, а по-руски^б на Покров святыя богородицы.^в А рати вышло с ним 50 000; а султанъ послалъ рати своей 50 000, да 3 возыри, а с ними 30 000, да 100 слоновъ пошло з городки в доспѣсехъ, а на всякомъ слонѣ по 4 человекъ съ пицалми. Меликтучар пошелъ воевати Чюнедара, великое княжение индѣйское. ||

А у бинедарского князя 300 слоновъ да 100 000 рати, а коней л. 315 об
50 000. Султанъ выехалъ из города Бедеря по Велице дни; а с ним выехало 26 возыревъ бесерменскихъ і индѣйскихъ, да двора его 100 000 рати конные, а 200 000 пѣшихъ, да 300 слоновъ в доспѣсехъ з городки, да 100 лютыхъ звѣрей о двою чепяхъ. А з братомъ с султановымъ вышло двора его^а тысячъ конныхъ, да 100 000 пѣшихъ людей, да 100 слоновъ наряженныхъ в доспѣсехъ. За Малханомъ вышло двора его 20 000 конныхъ, да пѣшихъ 60 000, да 20 слоновъ. З Бедерханомъ вышло двора его 30 000 конныхъ, да 100 000 пѣшихъ, да слоновъ 25 нарядныхъ з городки. С султаномъ вышло 10 000 конныхъ, да пѣшихъ 20 000, да слоновъ 10 з городки. З Возырханомъ вышло л. 316
15 000 конныхъ, да 30 000 пѣшихъ да слоновъ 15 || наряжены з городки. С Кутарханомъ вышло двора его 15 000 конныхъ, да 40 000 пѣшихъ, да 10 слоновъ. Да со всякимъ возыремъ по 10 000 конныхъ, а пѣшихъ по 20 000 и болши. А с индѣйскимъ Авдономъ вышло рати конныхъ 40 000, а пѣшихъ 100 000, да 40 слоновъ в доспѣсехъ наряженныхъ, да по 4 человекъ на слонѣ с пицалми. На индѣян же салтанъ опалился, что мало с нимъ і с возырями вышло силы индѣйския, и онъ прибавилъ. Такова есть сила султана индѣйскаго.^а

В пятый же Великъ день взмыслился есмь на Русь. Изыдохъ же из Бедеря града за мѣсяць до улубагрима бесерменского маметдени россолял; а Велика дни христіянскаго не вѣдаю, говѣйно бо говѣхъ з бесермены и розговѣхся с ними, Великій день взяхъ в Келберху, от Бедеря 20 кововъ. ||

л. 316 об. Султан же пришел с ратными людьми своими да Меликтучара въ 15 день по улубагряме, а все Келбергу; і война ся имъ не удала, город един индѣйскіи взял, а людей и казны много изгбило. А индѣйской султан кадам рачію силен, зѣло много у него рати; а сидит в горѣ в Биченегире, и град его велми великъ; около же его три ^а роги, и сквозе его река течет, и съ ^б едину страну его женгѣл злыі, а з другую страну дол и мѣста чюдна и угодна велми, и проити некуды ни на одну страну, сквозѣ град дорога, а града взять нѣоткуды, пришла гора велика да деберь зла тикен. И стояла рать под градом мѣсяць, и людеі з голоду и з безводія погибло много, потому что на воду смотря, а взять нелзѣ. Град же взялъ индѣй-

л. 317 скиі Меликчанъ, а взял его силоу, день и ночь бился, стоял || под градомъ 20 днѣи, и рать ни пила ни ѣла, и рати его изгбило 5000 люду добраго; а стоялъ с пушками и взялъ градъ, высек по головам 20 000, а другую 20 000 полону взялъ, а иной полонъ продавалъ дешево, по 10 и по 5 и по 2 тенки; а казны не было ничево; а болшаго града не взялъ.

А от Келберху поидох до Курыли: ^а тут же родится ахикъ, и ту его дѣлают на весь свѣтъ, и оттуду его розвозят. В Курыли же алмазников 300 сулях микунѣт. Бых же тутъ 5 мѣсяць, и поидох оттоле к Калики; ^б ту есть базар велми великъ. А оттуду поидох до Канаберга, а оттуду к шихъ Аладину, і оттоле ко Аминдріе, а оттоле к Нарясу, оттуду же к Сури, а оттуду къ Дабили, пристанищу великого моря Индѣйского.

л. 317 об. Ту былъ град великъ, и съезжается вся поморія Индейская || и Ефиопская. И ту аз окаянный Афонасіе, призвавъ бога вышняго, творца небу и земли, и устремихся умом поитти на Русь; и внидох в таву и зговорих о налоне корабленнем, от своя голова 2 золотых да Гурмыза града.

Внидохом же въ корабль в Дабыли граде до Велика дни за 3 мѣсяца, бесермѣнскаго говѣина; а морем идох мѣсяць, і увидех горы ефиопскія. И ту людие вси воскричаша, глаголюще: «Боже вышний, царю небесный! здѣ ли нам судил еси погибнути?»

И быхом в той землѣ Ефиопской 5 днѣи, и божіею благодатию зло ся не учинило; много роздала брынцу, да перцу, да хлѣба ^а

ефиопом, и они судна не пограбили. Оттоле же идохом 12 днѣи до Мошката; и ту в Мошкате 6-й Велик день взяхъ. И идохом до Гурмыза 9 днѣи, а в Гурмызе || быхъ 20 днѣи. И оттоле поидох к Лари, л. 318 и бых 3 дни; и поидох к Ширязи, а из Ширяза поидох в Вергу, и ту бых 10 днѣи. А оттоле къ Езди, а ту идох 9 днѣи, а в Ёзди быхъ 8 днѣи; и потом идох къ Испагани 5 днѣи и бых тут 6 днѣи; а оттоле идох до Кашани, і быхом 5 днѣи; а из Кашани идох к Куму, а оттуду в Саву, а из Савы в Султанию, а оттуду в Тервизъ. Оттуду же въ Орду Асанбѣ, въ Орде же бысть 10 днѣи, потому что никуды пути нѣтъ. А на Турскавъ посла рати^а своей 40 000: і они Севасть, и Тохан, и Амасию взяли, и много селъ пограбили, да пошли на Караман воюючи. И яз из орды пошел къ Арцыцыну, а изъ Арцыцына пошел есми в Трапизонъ.

И ту взял Покров пресвятыя богородицы, и был 5 днѣи, и на корабль приидохъ || и зговорих о налоне дати золотой от меня до Кафы. В Трапезоне же мнѣ шубашъ да паша много зла учиниша: хлам мой весь внесли к себѣ в городъ за гору, да обыскали все; а обыскивают грамот, что есми пришел из орды Асанбѣга. л. 318 об

Божиею милостию приидохъ до 3 моря Чермнаго, а парсиіскимъ языком дорія Стемболская;^а идохом же по морю вѣтром 5 днѣи, и доидох до Вонады; и ту нас встрѣтил вѣтръ великіи полунощный, и возвратилъ нас к Трапизону;^б и стояли есмя в Платанѣ^в 15 днѣи, вѣтру бо велику и злу бывшу. І ис Платаны пошли на море дважды, вѣтръ насъ встрѣчает и не дасть нам по морю ходити, и туту призывали бога на помощь. И занесло нас к Балыкасе, а оттуду Ткързофу,^г и ту стояли 5 днѣи. И божиею милостию приидох в Кафу, за 9 днѣи до || Филипова заговейна. л. 319

Доздѣ о индиіском хоженіи Афонасием Тверитином і возвратимся на преднее.

П Е Р Е В О Д

За молитву святых отцов наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй меня,¹ раба своего грешного Афанасия Никитина сына.

Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское,² второе море Индийское — море Индостанское,³ третье море Черное — море Стамбульское.⁴ Пошел я от святого Спаса златоверхого,⁵ с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича⁶ и от владыки Геннадия⁷ Тверского и от Бориса Захарыча на пиз, Волгою. Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой Живоначальной Троицы⁸ и святых мучеников Бориса и Глеба⁹ Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой великого князя (Тверского), и отпустил меня свободно.¹⁰ Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин¹¹ тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека.¹² Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девятью. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду,¹³ Услан, Сарай,¹⁴ Берекезан.¹⁵

И въехали мы в Бузань-реку.¹⁶ Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные вести, будто в Бузани стережет купцов хан Касим¹⁷ и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по одному рядку и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани.¹⁸ Татары же по одному рядку взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Проехали мимо Астрахани,

а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!»¹⁹ А мы того не слыхали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне,²⁰ застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу,²¹ они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырёх русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. И пошли мы к Дербенту²² в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами²³ да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш. На море нас захватила буря.²⁴ Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки,²⁵ а люди вышли на берег, и пришли кайтаки²⁶ и людей же с него поимали всех.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены. И бил я челом Василию Папину и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал; он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширванша-беку с известием, что русское судно разбило под Тарки и что кайтаки поимали людей с него и разграбили их товар. И Ширванша-бек тотчас отправил посла к своему шурина Халиль-беку, князю кайтацкому:²⁷ что судно-де мое разбило под Тарки, и твои люди, придя, людей поимали, а товар их пограбили, и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постою, только бы ты отпустил их ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к Ширван-шаху²⁸ в орду его койтул.²⁹

Мы также поехали к Ширван-шаху в койтул и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал

ничего, так как нас было много. И мы, заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе,³⁰ а иные пошли работать в Баку.³¹

А я пошел в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур,³² да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев, да в Сари,³³ в Мазандаранской земле,³⁴ жил месяц. А оттуда пошел к Амулю³⁵ и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду,³⁶ а из Демавенда — к Рею,³⁷ тут убили шаха Хусейна Алеевых детей и внучат Мухамедовых,³⁸ и он их проклял так, что 70 городов развалилось. А из Рея пошел к Кашану³⁹ и тут был месяц; а из Кашана к Найину,⁴⁰ а из Найина к Пезду⁴¹ и тут жил месяц. А из Пезда⁴² к Сирджану,⁴³ а из Сирджана к Таруму,⁴⁴ где финиками кормят домашний скот, батман по 4 алтына. А из Тарума пошел к Лару,⁴⁵ а из Лара к Бендеру.⁴⁶

И тут есть пристанище Ормузское;⁴⁷ тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море.⁴⁸ И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили.⁴⁹ А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливают его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве⁵⁰ с конями.⁵¹

И шли мы морем до Маската⁵² 10 дней; а от Маската до Дега⁵³ 4 дня; а от Дега к Гуджерату;⁵⁴ а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиги⁵⁵ и лакх;⁵⁶ а от Камбая⁵⁷ к Чаулу.⁵⁸ От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые:⁵⁹ голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят орухаты, детей родит каждый год, и детей у них много. Мужичи и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата⁶⁰ на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини хо-

дыт — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчики же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали ⁶¹ 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру ⁶² 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира ⁶³ 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан, Меликтучаров ⁶⁴ холоп; говорят, что он держит от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем: ⁶⁵ в течение 20 лет он бьется с кафирами, ⁶⁶ — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; ⁶⁷ много у него и слонов, и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, ⁶⁸ а привозят их из Хорасанской земли, ⁶⁹ или из Аравийской, ⁷⁰ или из Туркменской и Чагатайской: ⁷¹ привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю; ⁷² дошел же до Джунира благодаря бога здоровым, — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, ⁷³ а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца: в течение 4 месяцев, и днем и ночью, всюду была вода и грязь. Тогда же у них пахнут и сеют пшеницу, рис, горох ⁷⁴ и все съестное. Вино же у них готовят в больших орехах ⁷⁵ кокосовой пальмы, ⁷⁶ а брагу — в татне. ⁷⁷ Коней кормят горохом и варят для них рис ⁷⁸ с сахаром и маслом: рано утром дают им еще рисовые лепешки. ⁷⁹ В Индийской земле кони не рождаются. ⁸⁰ здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир ⁸¹ находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, ⁸² и кушанья для них варят господам; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь — дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель; ведь

это женка, приятельница, а тесная связь даром⁸³ — любят белых людей. Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третьюю обертывают голову. Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.⁸⁴

И в том Джунпуре хан взял у меня жеребца.⁸⁵ Когда же он узнал, что я не бусурманин,⁸⁶ а русский, то сказал: «И жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммеду;⁸⁷ если же не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок, 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунпуре с несчастными. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа⁸⁸ Мухаммед, и я был ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали: он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, признав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане;⁸⁹ молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунпура вышли в день Успения пречистой к Бидару,⁹⁰ большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира⁹¹ 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги⁹² также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов,⁹³ столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара

40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки,⁹⁴ на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы,⁹⁵ и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу⁹⁶ и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками⁹⁷ и стрелами.

Есть у них одно место — гробница шейха Алаеддина⁹⁸ в Алянде,⁹⁹ где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник Покрова святой богородицы. Есть на том Алянде птица филин,¹⁰⁰ она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны¹⁰¹ ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в каменьях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью.¹⁰² И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая и язык у них есть свой; детей они родят много, но, которые родятся не в отца и не в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому руко-

делью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям.¹⁰³

Весна здесь наступила с Покрова святой богородицы,¹⁰⁴ весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину.¹⁰⁵ Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана.¹⁰⁶ Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет,¹⁰⁷ а управляют князья и бояре — хорасанцы,¹⁰⁸ воюют также все хорасанцы.

Есть здесь хорасанец Меликтучар, боярин,¹⁰⁹ — так у него рати 200 тысяч. А у Мелик-хана — 100 тысяч, а у Харат-хана¹¹⁰ — 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султаном рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны;¹¹¹ носят их на серебряных носидках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков¹¹² 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и с женой, да с ним на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золоченые доспехи.¹¹³ Да перед султаном идет 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, и все юные девы.¹¹⁴

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие, — кто выйдет; чужестранцев¹¹⁵ же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником,¹¹⁶ и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов,¹¹⁷ кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи, длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье¹¹⁸ из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество.

И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин,¹¹⁹ и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани.¹²⁰ Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве,¹²¹ ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама,¹²² а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84,¹²³ и все веруют в Бута.¹²⁴ Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату, — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище (бутхана).¹²⁵ Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбревают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени,¹²⁶ а с коней — по 4 футы. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч, а бывает время, когда и 100 тысяч.¹²⁷ Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде,¹²⁸ в левой же руке у него копьё; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой.¹²⁹ Едят рис ¹³⁰ да кичири ¹³¹ с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмуться; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индеец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их без дверей и поставлены на восток; так же на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Приходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка,¹³² по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на задуплат; и женки все голые, только на задуплата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов,¹³³ на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу.¹³⁴ А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами».¹³⁵ Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу,¹³⁶ по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоящее и дешевое считаются женки:¹³⁷ хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за

ничто бросить деньги, дай шесть шетелей.¹³⁸ Таков у них обычай. Рабы¹³⁹ и рабыни¹⁴⁰ дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар, за 15 дней до бусурманского великого праздника.¹⁴¹ А Великого дня воскресения Христова¹⁴² не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я¹⁴³ молю бога, чтобы он хранил меня: «Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси. Бог един, то царь славы, творец неба и земли». А возвращаюсь я на Русь¹⁴⁴ с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел.¹⁴⁴ А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного некоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза¹⁴⁵ идти морем до Галата 10 дней, а от Галата до Дега¹⁴⁶ — 6 дней, а от Дега до Моската¹⁴⁷ — 6 дней, а от Маската до Гуджарата¹⁴⁸ — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая¹⁴⁹ — 4 дня, а от Камбая до Чаула¹⁵⁰ — 12 дней, а от Чаула до Дабула¹⁵¹ — 6 дней. Дабул же — это пристань в Индостане, последняя из бусурманских. А от Дабула до Каликута¹⁵² — 25 дней, а от Каликута до Цейлона¹⁵³ — 15 дней, а от Цейлона до Шабата¹⁵⁴ идти месяц, а от Шабата до Пегу¹⁵⁵ — 20 дней, а от Пегу до Чина да до Мачина¹⁵⁶ идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая¹⁵⁷ идти посуху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.¹⁵⁸

Ормуз¹⁵⁹ — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете рождается, то в Ормузе есть. Пошлина¹⁶⁰ же велика, со всего берут десятину. А Кам-

бай¹⁶¹ — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем, все делают алачи,¹⁶² да пестряди,¹⁶³ да грубую шерстяную ткань,¹⁶⁴ да делают краску индиго;¹⁶⁵ в нем же родится лакх,¹⁶⁶ сердолик¹⁶⁷ и гвоздика.¹⁶⁸ Дабул¹⁶⁹ — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта,¹⁷⁰ Аравии,¹⁷¹ Хорасана,¹⁷² Туркестана¹⁷³ и Старого Хормуза;¹⁷⁴ и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.¹⁷⁵

А Каликут¹⁷⁶ есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну;¹⁷⁷ кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь,¹⁷⁸ цвет мускат,¹⁷⁹ циннамон,¹⁸⁰ корица, гвоздика,¹⁸¹ пряное коренье,¹⁸² ад-ряк,¹⁸³ да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.¹⁸⁴

А Цейлон¹⁸⁵ же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе¹⁸⁶ отец Адам. Да около него родятся драгоценные камни,¹⁸⁷ рубины,¹⁸⁸ кристаллы,¹⁸⁹ агаты,¹⁹⁰ смола,¹⁹¹ хрусталь,¹⁹² наждак.¹⁹³ Родятся также слоны, а продают их на локоть, да страусы — продают их на вес.¹⁹⁴

А Шабатская пристань¹⁹⁵ Индийского моря весьма велика, Хорасанцам здесь дают жалованье,¹⁹⁶ по деньге¹⁹⁷ на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь даст тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье даст, да на еду каждый месяц, по 10 денег. А родится в Шабате¹⁹⁸ шелк, сандал,¹⁹⁹ жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же²⁰⁰ пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши.²⁰¹ А родятся в нем драгоценные камни, рубин,²⁰² яхонт,²⁰³ рубин.²⁰⁴ Продают эти камни дервиши. А Чинская же да Мачинская²⁰⁵ — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор,²⁰⁶ а продают его на вес и дешево.

А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью они ходят к чужеземцам²⁰⁷ и спят с ними; они (жены) дают им (гостям) жалованье²⁰⁸ и приносят с собой сладости и сахарное вино, кормят и поят ими гостей, чтобы их любили. Жены же любят гостей — белых людей, так как их люди очень черны. И у которой жены от гостя зачнется дитя, то ее муж дает жалованье, и если родится блое,

то тогда гостю пошлины 18 денег, а если родится черное, тогда ему ничего нет; а что пил да ел, — то ему было законом дозволенное.²⁰⁹

Шабат²¹⁰ же от Бидара²¹¹ 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин²¹² от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там жемчуг высшего качества,²¹³ и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же рождаются шелк, фарфор,²¹⁴ жемчуг, сандал, слонов продают на локоть.²¹⁵

В Цейлоне рождаются обезьяны,²¹⁶ рубины и кристаллы. В Каликуте²¹⁷ рождаются перец, мускат, гвоздика, фуфал²¹⁸ и цвет. В Гуджарате рождаются индиго и лак,²¹⁹ а в Камбае — сердолик.²²⁰ В Райчуре²²¹ же рождается алмаз, старой и новой копи;²²² почку²²³ алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней,²²⁴ черноватого цвета²²⁵ — от 4 до 6 кеней,²²⁶ а белый алмаз — 1 деньга.²²⁷ Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи,²²⁸ то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана,²²⁹ и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабайтяне не евреи, не бусурмане, не христиане²³⁰ — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями,²³¹ ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки²³² и обезьяны и по дорогам нападают на людей, так что из-за обезьян и диких кошек ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах.²³³ У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус.²³⁴ А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу, и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день²³⁵ в бусурманском Бидаре²³⁶ в Индостане. Бусурмане же встретили байрам²³⁷ в среду месяца мая, а заговел я месяца апреля в 1 день. О благоверные

христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья²³⁸ и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет,²³⁹ когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине,²⁴⁰ другой Великий день в Чапакуре в Мазандеранской земле,²⁴¹ третий день в Ормузе,²⁴² а четвертый Великий день в Бидаре, в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской.

Бусурманин же Мелик²⁴³ много понуждал меня обратиться в веру бусурманскую. Я же ему ответил: «Господин, ты²⁴⁴ совершаешь молитву, и я также совершаю; ты 5 молитв читаешь, я 3 молитвы читаю; я чужеземец, а ты здешний». Он же мне сказал: «Поистине, хотя ты и представляешься не бусурманином, но и христианства не знаешь». И впал я тогда во многие размышления и сказал себе: «Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду. Господи боже, вседержитель, творец неба и земли, не отврати лица от рабища твоего, находящегося в скорби. Господи, призри и помилуй меня, потому что я твое создание; не отврати меня, господи, от пути истинного и настави меня, господи, на путь твой правый, потому что ничего добродетельного в нужде той не сотворил я тебе, господь мой, потому что дни свои прожил все во зле. Господь мой,²⁴⁵ бог покровитель, бог всевышний, бог милосердный, бог милостивый. Хвала богу! Уже прошли 4 Великих дня в бусурманской земле, а христианства я не оставил; а далее бог знает, что будет. Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи, боже мой!»

В бусурманской же Индии, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица²⁴⁶ головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку,²⁴⁷ и с ним 20 великих везиров²⁴⁸ да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи²⁴⁹ с го-

родками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищальми, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю,²⁵⁰ к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбрусе, да 100 верблюдов с литаврами,²⁵¹ да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь.²⁵² А на султана кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак²⁵³ — огромный алмаз, да золотой сайдак²⁵⁴ с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир²⁵⁵ и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку,²⁵⁶ с большой железной цепью во рту, — и он отбивает сю людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин,²⁵⁷ с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь²⁵⁸ сидит на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый,²⁵⁹ с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на ваду, стыд завешен.

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне,²⁶⁰ где рождаются жемчуг, да в Джидде,²⁶¹ да в Баку,²⁶² да в Египте,²⁶³ да в Арабстане,²⁶⁴ да в Ларе.²⁶⁵ Знойно и в Хорасанской земле,²⁶⁶ да не так. А в Чагатае²⁶⁷ очень знойно. В Ширазе²⁶⁸ же да в Йсаде²⁶⁹ и в Кашане²⁷⁰ знойно, но бывает ветер. А в Гиляни²⁷¹ очень душно и сильно парит, да и в Шамахе²⁷² сильный пар. В Вавилоне (Багдаде)²⁷³ знойно, тоже в Хумсе²⁷⁴ и Дамаске.²⁷⁵ В Алеппо²⁷⁶ же не так знойно. А в Севастей губе²⁷⁷ и в Грузинской земле²⁷⁸ на все большое обилие. И Турецкая земля²⁷⁹ очень обильна. В Волошской земле²⁸⁰ также обильно, и дешево все съестное.

Обильна всем и Подольская земля.²⁸¹ Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже.²⁸²

Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж.²⁸³ Князей везде прогнали. Мирзу Джеханшаха²⁸⁴ убил Узун-Хасан-бек,²⁸⁵ султана Абу-Саида²⁸⁶ отравили; Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед²⁸⁷ к нему не едет, — опасается. А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру; ради веры христиане и не ходят в Мекку,²⁸⁸ так как там обращают в бусурманство. Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имеешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына. А вина и сыты я не пивал.²⁸⁹

Меликтучар²⁹⁰ взял 2 индийских города, которые разбойничали по Индийскому морю. И захватил 7 князей и их казну: вьюк яхонтов, да вьюк алмазов²⁹¹ и рубинов,²⁹² да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа. И стоял он под городом 2 года, а рати с ним было 200 тысяч, да 100 слонов и 300 верблюдов. А пришел Меликтучар со своею ратью к Бидару на курбан-байрам, по-русски на Петров день. И навстречу ему султан²⁹³ послал 10 везиров, за 10 ковов, а в кове по 10 верст. А с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да по 10 слонов в доспехах.

А у Меликтучара каждый день за стол²⁹⁴ садится по 500 человек. И с ним, за его трапезой, садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр. У Меликтучара на конюшне 2 тысячи коней; да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов. Каждую ночь двор его стерегут 100 человек в доспехах, да 20 трубников и 10 литаврщиков,²⁹⁵ да по 2 человека бьют в 10 больших бубнов.

А Низам-ал-мульк,²⁹⁶ да Мелик-хан,²⁹⁷ да Фархад-хан²⁹⁸ взяли 3 больших города, и рати с ними было своей 100 тысяч да 50 слонов. Да взяли камня всякого дорогого огромное количество, и все то камень, да яхонты, да алмазы скупили для Меликтучара; он запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар, в день пресвятой богородицы.²⁹⁹

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, и с ним выезжают 3 везира. А брат султанов выезжает в понедельник, с матерью и с сестрой. Да 2 тысячи женок выезжают на конях и на золотых носилках. Да коней перед ними простых 100 в золотых сбруях, да пеших с ними очень много, да 2 везира и 10 везиров, да 50 слонов в суконных пополах. А на слоне сидят по 4 человека голых, только плат на зад. Да голые пешие женки, и те воду за ними носят, пить и умываться, а один у другого воды не пьет.

Меликтучар выехал завоевывать индийцев с ратью своею из города Бидара в день памяти шейха Алаеддина,³⁰⁰ а по-русски на Покров святой богородицы,³⁰¹ и рати с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своей рати 50 тысяч, да с ним 3 везира пошли, а с ними 30 тысяч; да пошли с ними 100 слонов, в доспехах и с городками, и на каждом слоне по 4 человека с пищалами. Меликтучар пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара.

А у виджаянагарского³⁰² князя 300 слонов, да 100 тысяч своей рати, да коней у него 50 тысяч. Султан³⁰³ выехал из города Бидара³⁰⁴ в восьмой месяц после Великого дня, да с ним выехали 26 везиров бусурманских и 6 везиров индийских. А с султаном двора его выехали: 100 тысяч рати — конных людей, да 200 тысяч пеших, да 300 слонов, в доспехах и с городками, да 100 злых зверей, каждый с двумя цепями. А с братом султановым вышли двора его: 100 тысяч конных, да 100 тысяч пеших людей, да 100 слонов, наряженных в доспехи. А за Мал-ханом³⁰⁵ вышли двора его: 20 тысяч конных людей, да 60 тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бедер-ханом³⁰⁶ и его братом вышли 30 тысяч конных людей, да 100 тысяч пеших, да 25 слонов наряженных, с городками. А с Сул-ханом вышли двора его: 10 тысяч конных, да 20 тысяч пеших, да 10 слонов с городками. А с Везир-ханом³⁰⁷ вышли 15 тысяч конных лю-

дей, да 30 тысяч пеших, да 15 слонов наряженных. А с Кутарханом³⁰⁸ вышли двора его: 15 тысяч конных людей, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. Да с каждым везиром вышли по 10 тысяч, а с иным и по 15 тысяч конных, да пеших по 20 тысяч. А с Индийским Авдоном³⁰⁹ вышли рати своей 40 тысяч конных людей, да пеших людей 100 тысяч, да 40 слонов наряженных, в доспехах, а на слоне по 4 человека, с пищалями. А с султаном вышли 26 везиров, и с каждым везиром по 10 тысяч своей рати, да пеших по 20 тысяч; а с иным везиром 15 тысяч конных людей, да пеших 30 тысяч. А у четырех великих индийских везиров рати своей по 40 тысяч конных людей да пеших 100 тысяч. И рассердился султан на индийцев, что мало вышло с ним; и он еще прибавил 20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных да 20 слонов. Такова сила у султана индийского, бусурманского; Мухаммедова вера еще годится.³¹⁰ А правую веру бог ведаст, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте.

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама,³¹¹ по вере Мухаммеда, пророка божия.³¹² А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге,³¹³ от Бидара 20 ковов.

Султан же дошел до Меликтучара с ратью своею на 15-й день после улу-байрама, а все в Кульбарге. И война им не удалась, один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много. А индийский же наместник³¹⁴ очень силен, и рати у него много, а сидит на горе в Виджаянагаре.³¹⁵ И город у него весьма велик, около него 3 рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь,³¹⁶ по другую же сторону подошла долина, весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая, заросли колючего кустарника.³¹⁷ Под городом стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда. Город же индийский взял

ходжа Меликтучар,³¹⁸ а взял его силою, день и ночь бился с городом, 20 дней рать не пила, не ела, стояла под городом с пушками. А рати его погибло 5 тысяч отборных людей. И когда город взяли, то убили 20 тысяч мужского и женского поголовия, да 20 тысяч человек, взрослых и малых, взяли в плен. А продавали пленных по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги. Казны же не было ничего. А большого города не взяли.

А от Кульбарга пошел до Кулура;³¹⁹ а в Кулуре родится сердолик,³²⁰ и здесь его отделявают, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие.³²¹ И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду,³²² а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге,³²³ а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина — к Камендрии, а от Камендрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури,³²⁴ а от Сури пошел к Дабулу³²⁵ — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все по-морье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву³²⁶ и сговорившись о корабельной плате,³²⁷ дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы.³²⁸ И тут люди все воскликнули: «Боже,³²⁹ видно нашим головам суждено здесь погибнуть», а по-русски говорили: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлеб, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската³³⁰ и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза³³¹ 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Лару³³²

и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу,³³³ 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух,³³⁴ 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду,³³⁵ 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани,³³⁶ 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану,³³⁷ а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму,³³⁸ а из Кумы пошел в Саву.³³⁹ А из Савы пошел в Султанию.³⁴⁰ А из Султации пошел до Тавриза.³⁴¹ А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку,³⁴² в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого [султана] ³⁴³ послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас;³⁴⁴ да и Токат ³⁴⁵ взяли и пожгли, Амасию ³⁴⁶ взяли и пограбили там много сел. И пошли воюя на Караман.³⁴⁷ А я из орды пошел к Арзинджану,³⁴⁸ а из Арзинджана ³⁴⁹ пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд ³⁵⁰ на Покров святой богородицы и приснодевы Марии и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, сговорился о плате ³⁵¹ — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину,³⁵² а отдать его в Кафе.³⁵³ В Трапезунде же субышы ³⁵⁴ и паша ³⁵⁵ причинили мне много зла:³⁵⁶ унесли весь мой хлам к себе в город,³⁵⁷ на гору, да и обыскали все: что мелочь была хорошая — всю выкрали, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного,³⁵⁸ а по-персидски море Стамбульское.³⁵⁹ Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады,³⁶⁰ но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане ³⁶¹ 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю;³⁶² боже истинный, боже покровитель! — потому что, кроме него, иного бога не знаем. И море, было, проплыл, да занесло нас к Балаклаве,³⁶³ а оттуда к Гурзуфу,³⁶⁴ и стояли здесь 5 дней.

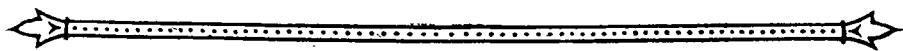
Божиею милостью приплыл в Кафу, за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает.³⁶⁵ Во имя бога милосердного и милостивого.³⁶⁶ Бог велик! Боже благий, господи бла-

гий, Иисус дух божий!³⁶⁷ Мир тебе! Бог велик; нет бога, кроме Аллаха, творца. Слава богу, хвала богу! Во имя бога, милосердного и милостивого! Он есть бог, которому другого подобного нет, ведающий все тайное и явное; он милосерден и милостив; он бог, которому нет другого подобного; он царь, свет, мир, спаситель, попечитель, славен, могущ, велик, творец, зиждитель, изобразитель. Он разрешитель грехов, он и каратель; дарующий, питающий, прекращающий всякие затруднения; знающий, принимающий наши души; распростерший небо и землю, все сохраняющий; всевышний, возвышающий, низвергающий, все слышащий, везде видящий. Он судья правый, благий.³⁶⁸

ПРИЛОЖЕНИЯ

АФАНАСИЙ НИКИТИН — ПУТЕШЕСТВЕННИК-ПИСАТЕЛЬ

Первоначальной целью поездки Афанасия Никитина и его товарищей, тверских и московских купцов, был, видимо, лишь Ширван — государство, занимавшее в XV в. северо-восточную часть современного советского Азербайджана. О том, что, отправляясь в путь, Никитин еще не думал о далекой Индии, свидетельствуют его собственные слова. Вспоминая в «Хождении», как его ограбили в пути под Астраханью, он пишет: «И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось». Однако вряд ли Никитин поехал в Индию, только послушавшись убеждений тех хорасанских купцов, которых он потом с досадой назвал «псы-бессермены» и которые соблазнили его тем, что в Индии много «товаров на Русскую землю». Вероятно, он уже на родине слышал об этой богатой стране от восточных гостей. Как показывают его путевые записки, Никитин немало поездил по чужим странам, еще больше слышал о них, интересовался и доступными русскому читателю описаниями путешествий русских паломников. Не случайно, видимо, он назвал себя индийцам, стремясь завоевать их доверие, «хозя Исуф Хоросани», т. е. выходец из Хорасана — северо-восточной части Ирана. Здесь, возможно, Никитин побывал не первый раз на пути в Индию. Говоря о климате Индостана, он вспоминает особенности зноя в разных странах — среди них он называет не только Иран и Среднюю Азию, где русские купцы бывали в XV в. неоднократно, но и Египет, Аравию, Сприю, «Турскую землю» и более близкие — Грузию, «Волошскую землю» (Румынию), Подолию. Много поездивший по странам

Востока, Никитин владел тем смешанным языком, каким говорили в Средней Азии хорезмийские купцы, торговавшие со всеми странами Передней Азии. Знакомство с этим языком он мог закрепить и во время торговых поездок в татарские города Поволжья, где было много среднеазиатских, в том числе и хорезмийских купцов.

Вероятно, широкому общению с западноевропейскими купцами (через «немецкий двор» в Новгороде тверские гости торговали с Западом) Никитин обязан был знакомством с средиземноморской «lingua franca», откуда в его языке появились отдельные слова и морские термины: авдоном (самостоятельный правитель), кырпук, или кирпук, карбункул (драгоценный камень), налон (плата за проезд на корабле), фюрстовина (буря), миля (мера длины).¹

Никитин был начитан и в литературе русских путешествий, поэтому он сравнил парватского «Бута», — вероятно, статую Шивы, — со статуей императора Юстиниана Великого в Царьграде («руку правую поднял высоко, да простер, аки Устьян царь Царьградскы»), описание которой, подчеркивающее именно этот признак ее, он мог найти у паломников, перечислявших достопримечательности Царьграда.² Внимательное чтение русских описаний путешествий наложило, как увидим, определенный отпечаток и на форму изложения Никитиным его путевых впечатлений. Человек глубоко религиозный, стремившийся и на чужбине соблюдать посты и отмечать праздники православной церкви, Никитин позаботился перед отъездом о том, чтобы в эти праздники хотя бы читать соответствующие церковные службы, поэтому взял с собой «книги». Именно утерей этих книг (их отняли еще под Астраханью ограбившие путешественников татары) Никитин объяснял то, что он «забыл веры крестьянския и праздников крестьянских», следовательно — среди отнятых книг были, несомненно, богослужебные.

¹ См.: Ю. Н. З а в а д о в с к и й. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1954, стр. 140.

² Например у Стефана Новгородца или у Зосимы — см. «Комментарии», прим. 128.

Вот те немногие сведения, почерпнутые из литературного труда Никитина, которые дают некоторое представление о жизненном опыте предприимчивого тверского купца, накопленном им до отправления в торговую поездку, превратившуюся в богатое приключениями далекое путешествие. Не только свойства характера Никитина, но и этот его жизненный опыт предопределили содержательность путевого дневника тверского гостя, который и до сих пор остается одним из ценных источников сведений о жизни центральной и южной Индии второй половины XV века. Внутренний мир этого, несомненно, передового человека своего времени раскрывается перед читателем его путевых записок в рассказах о событиях его жизни на чужбине и в лирических эпизодах — размышлениях его о родине, людях и религии.

Еще И. И. Срезневский предположил, что Афанасий Никитин сам перерабатывал свои первоначальные записи,³ в итоге чего создались два авторских варианта «Хожения». Современные исследователи допускают даже, что весь труд Никитина был выполнен им после возвращения из путешествия, где-то по дороге в Смоленск.⁴ Не говоря уже о том, как трудно, а порою невозможно удержать в памяти такое обилие фактических подробностей (например, точное указание расстояний между городами в днях пути или ковах), каким отличается «Хожение», — обстановка тяжелого обратного путешествия была совсем неподходящей для литературного труда. Лишь начальная фраза свидетельствует о том, что она была приписана автором после того, как он привел в порядок свои путевые заметки. Может быть, он сделал это, передавая свои записи тому, кто должен был вручить их в Москве. Молитва и краткое изложение самой темы в начале «Хожения» как будто говорят за то, что автор, предчувствовавший близкую смерть, спешил закончить свой труд, но, не имея сил, лишь снабдил его кратким предисловием: «За молитву святых отец наших, господи Иисусе Христе, сыне бо-

³ См. об этом: Археографический обзор, стр. 164—165.

⁴ А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг. Афанасий Никитин и его время. Изд. 2-е испр. и дополн., М., 1956, стр. 198. (В дальнейшем: А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг).

жий, помилуй мя, раба своего грешнаго Афонасья Микитина сына. Се написах грешное свое хождение за три моря: прьвое море Дербеньское, дория Хвалитьскаа, второе море Индейское, дория Гондустаньскаа, третье море Черное, дория Стемьбольскаа». Итак — автор уже говорит о своем труде в прошедшем времени — «се написах». Ему вспомнились все трудности пути, вынуждавшие его иногда невольно пренебрегать требованиями религии, — и он оценивает свое путешествие как «грешное». Самые же путевые записи начинаются с сообщения о том, как он вышел из Твери.

В тексте «Хожения» есть несомненные следы того, что Никитин то записывал путевые впечатления за целый отрезок времени — например, когда он перечисляет города с расстояниями между ними, разделявшие два пункта, где он останавливался на более или менее продолжительное время; то подробно описывал свои наблюдения и раздумья над жизнью «Индейской страны», сделанные в районах, где он надолго задерживался в пути, — часть этих наблюдений, видимо, записана до отъезда из каждого района, часть — позднее, по воспоминаниям. Но есть свидетельства того, что иногда свои размышления Никитин записывал сразу. Так, перед описанием похода Меликтучара на Виджаянагар Никитин задумывается, каким путем ему возвращаться на родину, и записывает эти тревожные мысли явно сразу, еще перед путешествием, поэтому и рассказывает о них в настоящем времени: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня, господи! Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана: на Ормуз пойти, а из Ормуза на Хорасан — пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. . . А иного пути нет никуда. А на Мекку пойти, значит обратиться в бусурманскую веру . . . Жить же в Индостане — значит израсходовать все, что имешь, так как у них все дорого: один я человек, но на день харчу идет на 2 с половиною алтына . . .» Этот отрывок не оставляет сомнения в том, что записан он был тогда, когда Никитин еще не выбрал окончательно маршрута обратного путешествия. Перед самым отъездом в обратный путь Никитин снова записывает свои грустные размышления о том, что трудно ему соблюдать христианские празд-

ники: «А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного. . . а молился я богу вседержителю. . .» — видимо, эта запись сделана весной 1470 г., когда Пасху Никитин провел в Бидаре. Самый характер записи показывает, что она связана с определенным моментом: Никитин усомнился, вовремя ли он постился в этом году, правильно ли высчитал наступление праздника. Продолжая записи, очевидно, в пору, когда он разведывал наиболее безопасный путь через переднеазиатские государства, где в это время «происходил мятеж», Никитин подробно записывает то, что он отчасти видел, отчасти слышал о походе Меликтучара. Доехав до Гульбарги, когда путь, наконец, был выбран, Никитин здесь услышал о неудачном исходе войны для Меликтучара, а заодно записал и рассказы о городе Виджаянагаре и безуспешной осаде его Меликтучаром. Возможно, что путь от Гульбарги до «Ефиопской земли» был описан (очень кратко) уже во время морского пути — «в таве» путешественники плыли больше месяца, сбились с пути и пристали к «Ефиопской земле». Может быть, перечитывая в пути свои записки, Никитин вставил тогда и заметки о климате разных стран, под сказанные впечатлением от жары в Ормузе.⁵ Дальнейший путь описан очень кратко, видимо, в Кафе, к которой относится последняя запись. Очевидно, утомленный трудным морским путешествием и уже больной, Афанасий Никитин не имел силы продолжать свой литературный труд. Только этим можно объяснить то, что он, с такой любовью вспоминаяший о родине на чужбине, ни одним словом не выразил радость возвращения на родную землю. Можно предположить, что, обессилев, он приписал в конце пути лишь следующие строки: «Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря». Со слов «Остальное бог знает, бог покровитель ведаст» начинается молитва на том смешанном персидско-арабско-тюркском языке, каким иногда пользовался Никитин в тексте «Хождения».

⁵ См. также «Археографический обзор», стр. 165—166.

7 Хождение за три моря

С XIV в. наряду с паломниками-писателями появились новые категории путешественников, которые также вели записи своих впечатлений: это были участники официальных посольств в Западную Европу или Царьград или купцы, связанные с Востоком торговыми делами. Тех и других, в отличие от паломников, интересовала по преимуществу «мирная» жизнь: они описывали торговые города и крепости, дворцы и больницы, мостовые и водопроводы, сады и фонтаны и т. п. С любопытством и без всякой вероисповедной вражды они наблюдали обряды обычно осуждавшейся «латинской» церкви; в 1439 г. участник русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор признал даже «зрелищем пречудным и несказанным» католическую мистерию благовещения.

Сохраняя конкретность и деловитость старших русских «хождений», характеризующую уже труд первого русского паломника-писателя игумена Даниила, светские путешественники гораздо смелее используют в изложении живую речь, сокращают, а иногда и совсем устраняют цитацию религиозно-легендарной литературы. Но план описания, как и у паломников, определяется у них маршрутом путешествия; «хождение» продолжает быть своего рода путеводителем, в котором немало места занимают сведения справочного характера (расстояния между пунктами, перечень заслуживающих внимания достопримечательностей, природных богатств и товаров, состава населения и т. п.). Такие путевые записки еще не претендуют на литературную изысканность повествования; они насыщены фактами, но лишены стилистических украшений. Индивидуальность автора проявляется в них в той или иной оценке сообщаемых сведений, в степени обнаружения личных переживаний путешественника.

Афанасий Никитин — сознательно или невольно — отдал дань литературной традиции «хождений», описывая свои странствия «за три моря». Он оставил нам своеобразный дневник-путеводитель, по которому читатель может следить за всеми этапами путешествия, от выезда его из родной Твери до прибытия в Кафу, к которой относится последняя запись. Как старшие путешественники-писатели, Никитин стремится точно называть расстояния между отдельными

остановками в пути; дает краткие сведения о наиболее значительных городах. Повествовательно-описательная часть его изложения складывается из простых предложений, соединяемых союзами «а» или «да», иногда же однообразно начинающихся глаголом «есть» («а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены. . .»; «да оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городки, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками. . .»; «есть у них одно место. . . есть в том Алянде и птица филин. . . есть хоро-санец. . .»). Такая форма изложения установилась в «хожениях» уже начиная с «Хождения» игумена Даниила начала XII в. Общее определение богатства и изобилия местности Никитин дает привычными словами старших путешественников: «добро, обильно всем», «земля обильна всем», «земля обильна велми» (ср. у Даниила: «обил-лен есть всем добром», «обилен есть всем»).

В соответствии с характером содержания записок Никитина в них гораздо ярче выступают формы просторечия или делового языка, чем книжной литературной, славянизированной речи, которая использована в молитвенных обращениях, размышлениях автора о христианской религии или покаянных возгласах человека, опасавшегося, не нарушил ли он церковного правила.

В рамках литературной традиции избранного им жанра Никитин создал для передачи наблюдений и впечатлений свой неповторимо индивидуальный стиль изложения, в котором сказался своеобразный характер отважного и любознательного путешественника, горячего патриота и глубоко религиозного человека.

И в повествовании, и в диалоге он умеет сохранить образность и интонации живого языка («отпустили голими головами за море», «а тот пошел, куды его очи понесли», «яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку», «дале бог ведает, что будет» и т. п.). В его рассказ вкрапливаются привычные обороты деловой речи («бил есми челом ему, чтобы ся о мне печаловал»), особенно ощутимые в изложении прямой речью жалобы на захват русских купцов и их имущества и просьбы ходатайствовать за них.

Никитин расцвелит свое повествование восточными словами и целыми эпизодами, выраженными на смешанном тюркско-арабско-

персидском языке (см. «Комментарий», прим. 368): то он просто называет предмет местным словом, хотя без труда мог бы привести его русское название («гарип» — иностранец, «кичирь» — морковь, «намаз» — молитва и т. п.); то сознательно, видимо, зашифровывает те части своего рассказа, содержание которых он хотел скрыть от читателя, например рассказ о «бесстыдных» черных женщинах; то прячет в иноязычной форме свои заветные думы о «нестроениях» в Русской земле.

Обилие автобиографического элемента в «Хождении» Никитина — в виде рассказов о событиях его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяет эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. Но в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV в. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врывается именно в XV в. в традиционную форму «жития» и исторического рассказа; личность самого автора, вопреки традициям прошлого, проявляется перед читателем главным образом в лирических отступлениях, нравоучительных сентенциях и оценках изображаемых фактов. Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя, и автора. Афанасий Никитин предстает перед нами писателем своего времени, когда он эпическую ткань путевых записок оживляет рассказами о своих впечатлениях, настроениях, обращениями к читателям-соотечественникам с нравоучительными предостережениями, сравнительными оценками своего, родного — и того, что он наблюдал на чужбине.

Эти автобиографические и лирические элементы «Хождения» Никитина дополняют живыми чертами образ деловитого, энергичного купца-путешественника, который ищет «товаров» «на Русскую землю» и в то же время внимательно изучает жизнь чужих стран, встретившихся ему на пути «за три моря».

Содержание «Хождения» составляют три неравные по объему раздела: описание пути до Индии, главную часть которого состав-

ляет рассказ о том, как под Астраханью караван купцов был захвачен татарами (они «разграбили» русский товар, «а нас отпустили голыми головами за море, а вверх нас не пропустили»); обстоятельное повествование о более чем двухлетнем пребывании в Индии, составляющее основную и важнейшую часть «Хожепия»; очень краткое описание обратного пути, в котором также подробнее всего описано, как в Трапезунде Никитина обыскали, надеясь найти у него грамоты Узун-Хасана, и при этом «что мелочь добренкая, и они выграбили все», — жалуется Никитин.

Как ни кратки, сравнительно с центральной частью, первый и третий разделы «Хожения», но и в них характерные особенности Никитина как путешественника-писателя выражены вполне отчетливо. Он точен в передаче исторических фактов (посольство Василия Папина и посла Хасан-бека, сведения о «булгаке» — войнах в Иране Узун-Хасана), внимателен к описанию своих приключений и вызванных ими настроений, но пока еще очень краток, когда речь идет о пройденных городах — их описание еще не выходит за рамки путеводителя. Возможно, эта краткость объясняется тем, что «Хоросанская земля» не была для русского купца страной неведомой, и у него не возникло желания описать подробнее ее быт.

Важнейшую часть «Хожения» составляет описание Индии, которое внесло в русскую культуру реальное представление о стране, дотоле известной в русской литературе главным образом через сказочные предания.

До того времени, когда «тетрати», содержавшие путевые записки Никитина, были привезены в Москву и через летописные сборники получили распространение, русские читатели представляли себе «Индию богатую» как страну чудес, сказочного богатства и изобилия, населенную чудовищными животными и необыкновенными людьми, живущими среди невиданной природы. Фантастикой, сказочными преувеличениями и украшениями полны рассказы об Индии в тех эпизодах широко популярной на Руси в средние века «Александрии», которые описывали поход на Восток Александра Македонского, и в «Христианской топографии» Космы Индикоплова. С XIII века к этим рассказам добавились гиперболические описания

богатств «Индийского царства» в «Сказании об Индийском царстве». Доходившие на Русь через устные рассказы путешественников легенды о несметных сокровищах «Индии богатой» отразились в русской былине о Дюке Степановиче. «Сказание об Индийском царстве» и былина настолько сблизились в читательском восприятии, что уже во второй половине XV в. в текст «Сказания» включились некоторые подробности былинного описания дворца Дюка.⁶

Западная Европа также долго жила сказочными представлениями об Индии, о чудесах которой она читала не только в древних рассказах (Ктезия, Димаха, Мегасфена и др.), но и в записках позднейших путешественников на Восток, вплоть до ближайшего предшественника Афанасия Никитина — итальянца ди Конти. Стоит вспомнить хотя бы некоторые из рассказов этих путешественников, чтобы оценить вполне здравый смысл русского гостя, не поверившего ни литературным легендам о чудесах Индии, ни местным сказкам, которых он, вероятно, слышал не меньше, чем они.

Широкое распространение сказочных представлений об Индии, вероятно, объяснялось не только ее природными богатствами, не только тем, что золото, драгоценные камни и ткани из Индии доходили и в другие страны Азии и Африки, а через них в Европу. Была реальная основа для фантастических сказаний о необыкновенных дворцах Индии, великолепных украшениях и одеждах, чудесных изделиях из драгоценных камней и слоновой кости, редкостных благовониях и пряностях. Культура Индии, как показали раскопки в долине Инда (Мохенджо-Даро и Харапп), значительно старше европейской: она существовала уже 6—7 тысячелетий тому назад. Обнаруженные раскопками ее остатки показывают, что уже в XXV—XV вв. до н. э. население здесь пользовалось металлическими орудиями — медными и бронзовыми, причем сделанными с большим мастерством, занималось скотоводством, земледелием, возможно даже поливным. Значительного уровня достигли здесь уже тогда различные ремесла, среди них — изготовление хлопчатобумажных

⁶ А. Н. Веселовский. Южно-русские былины. Сборник ОРЯС, т. XXII, № 2, 1881, стр. 189—190.

тканей, гончарных и ювелирных изделий. Строительство городов находилось на высоком уровне: строились большие дома, храмовые здания, общественные бани, крепостные сооружения, канализация. Раскопаны остатки рынков, гири разной формы, свидетельствующие о развитии торговли, которая связывала северную Индию с разными странами Азии и даже Европы. Существовало письмо — видимо, на пальмовых листьях и тканях.⁷

В той литературе об Индии, с которой мог быть знакомым на родине до своего путешествия Афанасий Никитин, он читал главным образом о чудесах страны, где всюду золото, драгоценные камни, пышные царские палаты. Он был подготовлен этими описаниями к восприятию действительной роскоши украшений царских дворцов и храмов Индии, их резьбы, скульптуры, цветных росписей, обилия золота и серебра, всегда поражавших путешественников. Однако он совсем ничего не мог найти, ни в русских, ни в переводных сочинениях, о жизни народа Индии, а именно она и оказалась предметом наибольшего внимания русского путешественника, она уводила его от созерцания только «богатой» Индии «сильных и пышных бояр», о которой он читал и слышал уже на родине и которую описал ярко и красочно, к наблюдениям над Индией «сельских людей голых». И в этом — особая ценность краткого, но содержательного и правдивого рассказа тверского гостя о далекой стране.

Описанию своеобразной природы Индии, ее климата, резко отличного от климата Руси, естественных богатств — того, что «родится» в «Индийской стране» и чем она торгует, Никитин отвел немного места в своих записках, но он сумел подметить самое существенное. Этой характерной чертой его наблюдательности определился и способ описания — умение кратко, но точно сообщить читателю важнейшие, с точки зрения нашего путешественника, сведения о данной местности, городе, явлении природы или занятиях жителей.

⁷ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. Перевод с англ., под ред. и с предисл. акад. В. В. Струве, Издат. иностр. лит., М., 1951.

Пляшущий Шива. Шива и Парвати. Эллора. VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942).

Статуя Индрани в джайнитской пещере. Эллора. VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942)

Это умение четко сказалось уже в описании последней гавани Ирана на пути Никитина в Индию — «Гурмыза» (Ормуза). Отсюда Никитин на «таве» вместе с купцами, торговавшими «коньми», направился Индийским морем прямо к цели своего путешествия. Пробыв в Ормузе весной 1469 г. около месяца, Никитин внимательно присмотрелся к жизни этой крупнейшей морской гавани и в своем кратком описании ее отметил самое существенное. Прежде всего его поразила здесь необыкновенная жара, «палящее солнце», которое может «сжечь» человека. «В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне, где родится жемчуг», еще раз вспоминает позднее Никитин поразивший его климат Ормуза. В этом определении «палящего» ормузского солнца нет преувеличения: все путешественники более или менее подробно описывали эту невыносимую жару в Ормузе. Так, Марко Поло тоже дважды вспомнил ее: «Превеликая тут жара; солнце печет сильно; страна нездоровая». «В городах летом не живут; там очень жарко, и от жары много народу помирает; народ уходит в сады, где реки и много воды; и там бы не спастись от жары, если бы не одно средство, и вот какое: летом, нужно знать, несколько раз поднимается ветер со стороны песков, что кругом равнины; этот ветер жаркий, человека убивает; как только люди почуют, что поднимается жара, входят в воду и этим спасаются от жаркого ветра». «Жара тут сильная, и потому-то здешний народ устроил свои дома со сквозняками, чтобы ветер дул; откуда дует ветер, туда они и ставят сквозняк и пускают ветер в дом; и все потому, что жара сильная, нестерпима».⁸

Рамузио (1569 г.), ссылаясь на Марко Поло, рассказывает, что войско керманского царя, в составе 1600 конных и 5000 пеших воинов, на пути в Ормуз «остановилось в роще неподалеку от Ормуза. Наутро, когда войско выступило в путь, поднялся тот ветер и задушил всех. . . ветер изжарил тела до того, что при одном прикосновении руки отделялись от туловища».⁹

⁸ Книга Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. Гос. изд. географ. литературы, М., 1955, стр. 68, 211. (В дальнейшем: Марко Поло).

⁹ Там же, стр. 264, прим. 12 к гл. XXXVII.

Об этом жарком ветре — «симуме», «мунчине» — и палящем жаре солнца рассказал и один из лучших в прошлом русских знатоков Индии И. П. Минаев по личным впечатлениям. Жар вынуждал жителей покрывать улицы цыновками или даже коврами, чтобы не прикасаться к раскаленной почве; «на перекрестках стояли верблюды с пресной водой. В домах было еще более роскоши: дорогие ткани, которыми они были покрыты снаружи, не давали палящей жару проникать во внутрь покоев. Кругом богатейших домов были бассейны; когда поднимался симум, жители прятались в воду и таким образом спасались от его губительного влияния».¹⁰

Все известия путешественников об Ормузе подтверждают впечатление Никитина о том, что Ормуз «великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть». В Ормузе «встречались люди всяких религий, купцы и странники со всего известного тогда мира. Всякого рода дорогие и редкие предметы покупались и продавались здесь. . . жители любили негу, изысканность в одеянии и музыку. . . золотые кольца с драгоценными камнями украшали их [туземок] косы, уши, шею, руки и ноги. . . Гормуз был городом роскоши и разнообразных удовольствий. . . Даже бесплодие местной почвы не ощущалось при постоянном подвозе различных продуктов с материка: в обилии здесь находимы были самые изысканные кушанья и тонкие персидские вина».¹¹

Совершенно точно указал Никитин и размер пошлины, взимаемой в Ормузе с товаров: «. . . пошлина же велика, со всего берут десятину».

Никитин заметил, что весна в Индостане «наступила с Покрова». Он обратил внимание на то, что в Индии зимой (так назвал он период дождей), которая «началась с Троицына дня», «в течение четырех месяцев и днем и ночью всюду была вода и грязь». В этот-то период дождей «у них пахут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное».

¹⁰ И. М и н а е в. Старая Индия. ЖМНП, 1881, июнь, стр. 171. (В дальнейшем — И. Минаев, ЖМНП).

¹¹ Там же, стр. 170—171.

Никитин указал на приготовление вина в больших орехах кокосовой пальмы, браги — из коры пальмы, на то, что коней здесь кормят «горохом и варят для них рис с сахаром и маслом, а рано утром дают им еще рисовые лепешки». По-видимому, недостаток пастбищ определил и необычный корм лошадей и то, что хороших пород лошадей в Индии своих не было, их привозили. Отсюда Никитин сделал, очевидно с чьих-то слов, поспешный вывод, будто в Индии кони «не рождаются, а ездят и товар иногда возят — на волах и буйволах».

Называя новый город или район, Никитин деловито сообщает, что в этой местности «родится», чем торгуют, особо отмечая, где «все дешево». Из товаров его внимание привлекали драгоценные камни, ткани, краски и пряности, возможно, как «товар» для русского рынка, хотя под первым впечатлением от «торга» в индийских городах он решил, что здесь «на Русскую землю товара нет», и с досадой вспомнил «псов-бусурман», иранских купцов, которые «обманули его»: они уверяли Никитина, что в Индии «множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый, только для бусурманской земли».

Отличие Никитина от многих современников его и даже позднейших путешественников в Индию, записавших свои впечатления, заключается в том, что в описания ее природных богатств он не вводит фантастических рассказов. Он сам побывал в одной из богатейших областей государства Бахманидов, где добывалось много драгоценных камней, где находились знаменитые алмазные россыпи Голконды. Он рассказал и об островах Бахрейн, где «ся жемчуг родит». Но Никитин не дополнил свое сообщение об этих местностях ни одним из тех фантастических рассказов, какие, например, с полным к ним доверием записал Марко Поло или какие сам Никитин мог прочитать в русских текстах «Сказания об Индийском царстве». Он не вспомнил сказку о том, будто алмазы добывают с помощью кусков мяса, брошенных в недоступные для людей горы, где лежат эти драгоценные камни (алмазы пристают к мясу, которое уносят белые орлы, а люди отнимают его у них или ищут камни в помете орлов). Не поверил Никитин, как Марко Поло, и в то,

будто в местах, где люди ловят жемчуг, брахманы заколдовывают хищных рыб, чтобы они не вредили ловцам.¹² В «Сказании об Индийском царстве» Никитин мог встретить подобный фантастический рассказ о добычании жемчуга, хотя и без легенды о заколдованных рыбах. В списке XV в. «Сказания» читаем о ловле жемчуга следующее: «Река под землею невелика» течет; когда расступается над ней земля и человек успеет вскочить в воду, он выхватывает оттуда «драгий камень», «а яже песок похватить, то великы жемчюг возмется». В устье той реки, в которую впадает эта подземная река, «понирають в реку ту инья на 3 месяца, а инья на четыре, ищут камения драгаго».¹³ Вместо всех этих сказок и суеверий Никитин деловито сообщил, где жемчуг дешев, сколько платят за алмазы «старой» и «новой» «копи».

Но не природа с ее естественными богатствами, а люди были главным предметом наблюдений Никитина. В Индии, которую современные индийские историки называют «музеем культов и обычаев, вер и культур, религий и языков, расовых типов и различных укладов»,¹⁴ Афанасий Никитин проявил широкую терпимость, с одинаковым интересом и вниманием вглядываясь в различные религиозные культы, изучая нравы и обычаи разных национальных и кастовых групп, расспрашивая о важных событиях, происходивших в его время в «Индийской стране» — государстве Бахманидов. Он общался и с «бессерменами», т. е. мусульманами, поэтому нередко обряды христианской религии он сравнивает с исламистскими, но много времени проводил и с «индеяны», т. е. индуистами, которым «объявил», что он «христианин, а не бусурманин»; после этого, пишет Никитин, — «они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали».

¹² Марко Поло, стр. 187, 183.

¹³ А. Н. Веселовский, ук. соч., стр. 252.

¹⁴ Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи. История Индии. Изд. иностр. литер., М., 1954, стр. 22.

Со слов своих собеседников Никитин сообщает, что «всех вер в Индии 84, и все веруют в Бута. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера». Ниже Никитин, присмотревшись к быту индуистов, записал: «Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, — хотя свиной у них очень много. Едят же они два раза в день, а ночью не едят: ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. . . А едят все правою рукою, левою же ни за что не возьмутся, ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурманин посмотрел на еду, и индиец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел».

В этом описании не знавший местных языков Никитин, очевидно, смешал обычаи, связанные с религиозными представлениями, и те запреты, какими отделялись в Индии одна от другой замкнутые сословно-профессиональные группы, у португальских завоевателей южной Индии получившие наименование «касты». В феодальной Индии, какую наблюдал Никитин, таких замкнутых профессиональных групп было много, между ними запрещались браки и совместная еда. На последний запрет обратил особое внимание Никитин, ошибочно объяснивший его различием «веры».

Внешние проявления в быту кастовой замкнутости и своеобразных обычаев индуистов Никитин подметил правильно, и его сообщения подтверждаются другими источниками. Например, рассказ о том, что индийцы едят только правой рукой и имеют каждую особую посуду, читаем у итальянца Рамузио, который посетил Индию в XVI в.: «Нужно знать, — пишет он, — что они при еде употребляют только правую руку и не прикасаются ни к какой пище левой рукой. Все чистые и красивые вещи они делают и трогают правой рукой, так как левая рука служит им только для исполнения необходимых, но неприятных и грязных действий, как очищение известных частей тела и т. п. Пьют они только из сосудов, каждый из своего,

никто не станет пить из чужого сосуда. Когда пьют, они не подносят сосуды ко рту, а высоко держат его и вливают напиток в рот. Ни за что они не прикоснутся к сосуду ртом и не дадут пить из него иностранцу; но если у иностранца нет собственного сосуда для питья, они льют ему напиток на руки, и так он пьет, употребляя руки вместо чашки». ¹⁵ Никитин еще раз вспомнил об этой кастовой замкнутости, не позволявшей людям разных групп есть и пить из одной посуды, когда он описывал выезд султана со своим двором «на потеху в четверг и вторник»: за султанским выездом идут «голые пешеходки, и те воду за ними [участниками выезда] носят, пить и умываться, а один у другого воды не пьет». Последнее замечание показывает, что и в окружении султана были люди разных групп, также не имевшие права общаться в быту.

Поскольку часть сведений Никитину давали мусульмане — «бесермены», он вслед за ними называет число вер — 84 и обобщает все индуистские культы в одном определении — «все веруют в Бута». Он сообщает, как индийцы хоронят мертвых: «А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду». Он не без удивления записывает, что «когда у жены родится дитя, то принимает муж». Может быть, по собственным наблюдениям Никитин отметил, что при рождении ребенка «имя сыну дает отец, а дочери — мать». Вполне возможно, что индийцы-индуисты, которые, по словам Никитина, не таились от него ни в чем, позволили ему присутствовать на этом значительном в их быту обряде. «Наречение имени — один из шестнадцати важнейших обрядов у хинду. Он совершается на 11-й или 12-й день жизни ребенка. Иногда разные касты имеют свой день для наречения имени. Согласно „Гобхила грихьясутре“, на ребенка надевается лучшее платье. Мать, сев слева от отца, кладет ребенка ему на колени. Потом встает, обходит вокруг него и становится прямо перед ним. Отец читает мантру из вед и вручает ребенка матери. По совершении торжественного жертвоприношения ребенку дается имя. Имена даются с учетом общественного положения роди-

¹⁵ Delle navigationi e viaggi raccolto gia da G. B. Ramusio. In Venetia, vol. II, 1569. Цит. по книге: Марко Поло, стр. 324, прим. 21.

телей новорожденного, обстоятельств его рождения и кастовой принадлежности».¹⁶

Вглядываясь в быт индийцев — «не бесермен», Никитин подметил, что они не едят «воловины» и «яловичины». «Корова с древнейших времен в Индии считается священным животным. . . Убийство коровы — величайший грех, больший чем убийство человека. Употребление мяса коровы вишнуиту запрещено».¹⁷ Таким образом, Никитин сообщил о широком распространении этого религиозного запрета, охранявшего священное животное, которое в индийской литературе является «образцом нежности и любви».¹⁸ Отметил Никитин и какое-то особое отношение индийцев к обезьянам, хотя и не связал прямо свой рассказ об «обезьянском князе» с легендой о Ханумане — советнике царя обезьян Сугривы. По этой легенде, Хануман — могучая обезьяна, почитаемая сыном Ветра. Согласно «Рамаяне», Хануман оказал большие услуги Раме в его походе против демона Равана, похитившего супругу Рамы — Ситу. Якобы за эту помощь все обезьяны в Индии считаются священными, а Хануман является предметом поклонения.¹⁹

Распространенное у многих народов поверье, что сова — вещая птица, которая может предупреждать о несчастье, Никитин записал в виде легенды о птице «гукук»: «Она летает ночью и кричит гукук; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет». Старая Индия знала много подобных поверий. «Поверья относительно совы или зайца, перебежавшего через дорогу, встречаются уже в Ригведе. Приметы эти тщательно собирались самими индийцами, записывались ими, и в индийской литературе существует несколько систематических изложений суеверных примет относи-

¹⁶ А. П. Баранников. Тулси Дас. Рамаяна. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 281, прим. 2, 3. (В дальнейшем: А. П. Баранников, Тулси Дас).

¹⁷ Там же, стр. 127, прим. 4.

¹⁸ Там же, стр. 271, прим. 2.

¹⁹ Там же, стр. 151, прим. 2, 12.

тельно движений и криков различных животных, птиц, насекомых и т. д.).²⁰

Описанию индуистских религиозных обрядов и верований Никитин уделил немало внимания. Он побывал вместе с индийскими паломниками в главной шиваитской²¹ святыне — Парвате, значение которой он объяснил русскому читателю сравнением с Иерусалимом для христиан и Меккой для мусульман. Никитин сообщил, что в Парвату «съезжается вся страна Индийская на чудо Бутово». Этот праздник Шива-ратри у шиваитов особо отмечался именно в Парвате, в память спасения Шивой «нечестивого охотника». Легенда рассказывает об этом чуде следующее. «Нечестивый охотник» однажды заночевал в лесу на дереве, опасаясь зверей. «Холодом мучимый и голодом терзасмый, всем телом дрожа, бодрствовал он ночь, крапимый каплями росы. По воле же судьбы, под деревом тем стоял линга». Случилось все это в ночь Шива-ратри. Нечестивый охотник, сам не ведая того, почтил бога: он бодрствовал, постился, не ел ничего всю ночь, на линга падали капли росы с его тела, от тяжести же тела — падали ветви и листья. И Шива сказал: «И стал я много доволен». За это, по преданию, после смерти охотник был приведен к богу Шиве. В память этого спасения грешника («чуда Бутова») за невольный пост, бдение и приношение листьев богу Шиве шиваиты ежегодно в ночь праздника Шива-ратри бдят, постятся и молятся.²² С этим воспоминанием связаны были

²⁰ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 30.

²¹ Шиваиты — одна из сект индуизма, особо почитавшая Шиву—Шанкара, бога разрушителя и творца нового. Шива «считается самым щедрым среди богов, он легко подает дары всем, кто к нему обращается». «Согласно пуранам (пураны — «сказания о древности» — основные священные книги хиндуизма, чтение которых разрешается и низшим кастам; созданы между IV и XIV вв. вешнуитами и шиваитами), Шива имеет страшный облик. На голове у него река Ганга, над лбом луна, на лбу третий глаз, на шее ожерелье из змей и гирлянда из отрубленных человеческих голов. Все тело его покрыто пеплом. Вместо одежды он носит тигровую шкуру. Главное оружие Шивы — трезубец. Ездит он на быке Символ творческой силы Шивы, линга—фаллос, высоко чтится шиваитами» (См.: А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 115, прим 7, стр. 116, прим 1, стр. 139, прим. 12, стр. 118, прим. 4, стр. 123, прим. 3).

²² И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 32—33.

Ганеша. Кедари. Б.литар. XIII век. (W. Cohn. Indische Plastik. 1922).

Священный бык Нанди. Эллора VIII век. (W. Kruse. Denkmäler indischer Kunst. 1942).

и ежегодные паломничества в Парвату, в одном из которых принял участие Никитин.

Описав подробно статуи-идолы в Парвате, которые вслед за мусульманами Никитин называет персидским словом «бут», он сообщил, что «около» бутханы (персидское слово, обозначающее храм идолопоклонников, капище, всякий языческий храм) на «12 венцах» вырезаны «Бутовы деяния» — «как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах». Здесь Никитин выразился вполне точно: «12 венцов» были вырезаны не в самом храме — бутхане, а на каменной ограде, которой были окружены все храмовые здания Парваты вместе с садом и прудом (см. «Комментарий», прим. 125). Никитин называет четыре таких «образа», из описания которых видны черты Ханумана, советника царя обезьян, и слона Ганеши.

В Парвате Никитин видел и статую огромного вола, «а высечен из черного камня и весь позолочен». Этому изображению Нанди — священного быка Шивы — индуисты поклоняются: «целуют его в копыто и сыплют на него цветы». Ниже Никитин еще раз вспомнил о почитании индупстами вола: «Индийцы вола зовут „отцом“, а корову „матерью“, на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье». Выше Никитин указывал, что почитание вола и коровы привело к запрещению употреблять в пищу их мясо. На этот раз он сообщил об обычае, который отражает поверье, распространенное среди индуистов, будто коровья моча и коровий навоз — лучшие лекарства от разнообразных болезней.²³

Находясь в Парвате, Никитин заинтересовался не только разнообразными обычаями, связанными с паломничеством на шиваитский праздник: «Около бутханы бреются старые женки и девки и обрезают на себе все волосы; бреют также бороды и головы»; «Внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы». Он заметил и то, что с паломников берут обязательный налог —

²³ А. П. Барабаников. Тулси Дас, стр. 127, прим. 4.

очевидно, брахманы, хозяева бутхан: «С каждой головы берут пошлину на бута — по 2 шекшени, а с коней по 4 футы». О значительности собиравшейся на содержание бутханы и ее служителей суммы свидетельствует также упомянутое Никитиным число посетителей бутханы в праздник: «А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч лек,²⁴ а бывает время, когда и 100 тысяч лек». Цифру эту, конечно, не следует принимать за точную, она передает лишь представление Никитина об огромном наплыве паломников, а поставленная рядом с сообщением о собираемом налоге — подчеркивает значительность средств, которые индуисты отдавали на содержание своих бутхан. Известно, что сельское население Индии, кроме основного налога за землю и урожай, платы на содержание властей, платило на ремонт сельского храма и его поддержание, на религиозные празднества, на милостыню нищим, на угощение пришлых брахманов и факиров.²⁵ Никитин напомнил, что, кроме этих постоянных платежей, с народа брали еще отдельно за посещение индуистских святынь.

В Парвате Никитина поразили размеры храмового ансамбля: «А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная» (см. «Комментарий», прим. 125). То внимание, какое Никитин уделил описанию скульптуры в Парвате, объясняется необычностью этого вида изобразительного искусства для русского человека, тем более — в храме. Никитин обстоятельно описал всех парватских «бутов», их «женок» и священного быка Нанди. Деловитое описание, в котором путешественник не забыл упомянуть и о материале (черный камень), и о размерах (вельми велик) статуи, и о позе «бута», о всем его внешнем виде, об украшающем скульптуру золоте, — явно предназначено для русского читателя. Зная, что в православных храмах скульптурные изображения были запрещены, Никитин ни одним словом не выразил осуждения широкому распространению их в храмах индуистов, обнаружив широту взглядов и терпимость много издававшего путешественника.

²⁴ Лек — лак или лакх, — сто тысяч (см.: А. П. Баранников. Тулси Дас, стр. 130, прим. 3).

²⁵ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 25.

Подвергают сомнению сообщение Никитина, что индийские бутханы «без дверей». Однако не исключена возможность, что в этом сообщении Никитин лишь неправомерно обобщил свои впечатления от своеобразного добуддийского типа храмовой постройки — ступы, которая «представляла собой поставленное на платформу полушарие, сплошь сложенное из кирпича или камня. Поверхность, по видимому, покрывалась слоем цемента и орнаментировалась. Ступа окружалась концентрической оградой с четырьмя воротами, обычно богато украшенными скульптурой и резьбой».²⁶

Характерно, что мусульманские религиозные обряды Никитин не считал нужным описывать. Видимо, он рассчитывал, что русские читатели были достаточно знакомы с ними. Вероятно, поэтому он и прибегал иногда к сравнениям обрядов православной церкви с исламистскими, приравнивал свои посты к мусульманским, высчитывал свои праздники, исходя из мусульманского календаря. Он рассказал только о пышном выезде султана в праздник «улу-байрам». Из мусульманских поверий он, по рассказам, сообщает, что на острове Цейлон на горе сохранялся след ноги Адама, а проезжая через Рей, один из крупнейших городов средневекового Ирана, он вспомнил кратко предание об убийстве имама шиитов Хусейна. Может быть, это воспоминание было навеяно тем, что Никитин видел в Рее персидскую мистерию на тему этого события.

Внимательный наблюдатель чужих верований и религиозных обрядов, Никитин на чужбине особо ревностно стремится не нарушить правил своей религии, понятие о которой было для него неотделимо от представления о родине. Он часто возвращается в своих записях к тревожной мысли о необходимости в «Индийской земле» защищать свое право сохранять православие. Основной мотив молитвенных обращений и размышлений Никитина на тему о том, как сохранить на чужбине свою веру, выражен в словах молитвы: «Не отврати, господи, от пути истинного, настави мя, господи, на путь правый». Такая настороженность путешественника во всем,

²⁶ С. И. Т ю л я е в. Архитектура Индии. М., 1939, стр. 5.

что касалось соблюдения им правил своей религии, имела некоторые основания.

В государстве Бахманидов, по территории которого он путешествовал, высадившись в Чауле — «Чювиле», мусульманские правители вели непрерывную, то усиливавшуюся, то ослабевавшую борьбу с «идолопоклонниками», т. е. индуистами, вынуждая их переходить в ислам. Они сжигали их книги, уничтожали жертвенные сосуды, разрушали идолов и храмы, строя на их месте мечети, а вместе с тем давали привилегии принявшим мусульманство.²⁷ Эта борьба, внешне всегда носившая характер гонения на религию, была также одним из проявлений классовой борьбы феодалов-мусульман против угнетенного ими крестьянства, в большинстве исповедывавшего индуизм, и внутриклассовой борьбы за власть между феодалами — мусульманами и индуистами.²⁸ В годы пребывания Никитина в Индии нетерпимость к индуизму несколько ослабела, однако борьба продолжалась. К тому же в государстве Бахманидов индуисты-феодалы нередко занимали видные должности. Терпимее, но также не до конца, был здесь мусульманский закон по отношению к христианам: они сохраняли свободу вероисповедания только в том случае, если были подданными мусульманского государства и платили особую подать; приезжие же христиане через год должны были, если они не уезжали, принять ислам или мусульманское подданство и платить связанную с ним подать, иначе им угрожало рабство, хотя на практике обращение иноверцев в рабство не было обязательным. Именно поэтому венецианец ди Конти, который провел в Индии около 20 лет в первой половине XV в., принял ислам. Никитину, для которого перемена веры была равнозначна измене родине, пришлось на себе испытывать нажим мусульман.

В «Чюнере» (Джунейре) Асад-хан, узнав, что Никитин «не бесерменин, русин», отнял у него дорогого жеребца, привезенного на

²⁷ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июнь, стр. 195.

²⁸ См.: Н. М. Гольдберг, А. Н. Мальцев, А. М. Осипов, Советская книга, 1949, № 3, стр. 64—73.

продажу, и потребовал: через четыре дня либо отдай мне совсем этого жеребца и тысячу золотых, либо — «стань в веру нашу в Махмет дени» и тогда получишь обратно и жеребца, и в придачу еще тысячу золотых. Случай выручил Никитина: знакомый хорасанец уговорил хана, рассказывает Никитин, «чтобы меня в веру не обращали, он же и жеребца моего у него взял». Напуганный купец счел такой благополучный исход «господаревым чудом». И все же он с горечью обращается к своим соотечественникам с предупреждением: «Ино братья, русьстии христиане, кто хочеть поити в Ындийскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да възкликнув Махмета, да поиди в Гундустанскую землю». Впрочем это первое впечатление в дальнейшем сгладилось; очевидно, больше никто не пытался угрозами принудить русского путешественника переменить веру, и лишь еще один раз тот же Асад-хан — «холоп мелик-тучаров», как называет его Никитин, затеял с ним спор о вере, упрекая, будто он и христианства не знает. Никитин воспринял этот укор в свете своих постоянных сомнений в том, правильно ли он, лишившись книг, соблюдает православные посты, во время ли отмечает молитвой праздники. И он записывает «многие размышления» свои на эту тему: «Горе мне окаянному, потому что от пути истинного заблудился и другого не знаю, уж сам пойду». В молитве он просит помощи свыше, чтобы до конца сохранить свою веру.

Для Афанасия Никитина вера — символ родины. Он твердо держится ее на чужбине, но не осуждает и иноверцев. Внимательно присматривался он, как мы видели, к совсем неведомым ему индуистским обрядам, улавливал иногда сходство их в отдельных чертах с христианскими. У индуистов «молитва на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. . . Приходя или уходя кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят»; «в воскресенье же да в понедельник едят один раз днем», — записал он, может быть вспомнив русский пост в среду и пятницу. Часто с грустью думает Никитин о том, правильно ли он «держит» свою веру; он признается, прожив четыре года на чужбине: «Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере. . .

плакал много по вере христианской». И все же, заканчивая путешествие, Никитин записывает итог своих размышлений о религии, основанный на опыте наблюдений над иноверцами: «А правую веру бог ведает, а правая вера — единого бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте». Это была смелая и необычная для русского человека XV в. мысль. Однако не только среди «вольноподумцев» — еретиков, но и среди торговых людей, ездивших по чужим странам, привыкших к общению с народами разных вер, в это время уже начали вырабатываться более свободные взгляды на вероисповедные различия. Современник Никитина, гость Василий, побывавший в 1466 г. по торговым делам в малоазийских городах, а оттуда проехавший в Палестину, также признал за людьми всех «языков и вер» равное право на исцеление от чудесных деревьев.

Не все в быту индийцев пришлось по нраву Никитину, однако он редко произносит открытое осуждение чуждого ему в их бытовых навыках. Скорее с удивлением, чем с открытым неодобрением записал он, что индийские «женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями», а дети до семи лет — совсем «голыми»; что «хан ездит на людях» (осуждение этого обычая звучит, может быть, в том, что сразу после этой записи Никитин сообщает: «Много у него слов и коней добрых»; за этим сообщением как бы скрывается вопрос — зачем же ему ездить на людях?). Не зная местных языков, не все понял, видимо, в быту Никитин и потому решил, что индийцы разрешают своим «господарыням» на подворье вступать в связь с гостями, особенно белыми, — об этом он рассказал с явным осуждением. Не одобрил Никитин и того, что индийцы питаются главным образом рисом и овощами — «еда у них плохая», заключил он. Не вполне ясно, кого имеет в виду Никитин, когда он, описав некоторые обряды индийцев (погребальные, при рождении ребенка), решительно заявляет: «Добрых нравов у них нет, и стыда не знают». Может быть, это суровое заявление следует сопоставить с тем, что Никитин написал под первым впечатлением от Бидара: «Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым морят господарей». Осуждение «бесстыдных женок» может объясняться тем, что затем расскажет

Никитин, вероятно с чужих слов, о своеобразном гостеприимстве «черных мужей», якобы предоставляющих своих жен гостям и даже уплачивающих гостю нечто вроде обязательной пошлины, если «родится белое дитя». Но рассказ о средствах, которыми «морят господарей», по-видимому, относится к тому, что Никитин узнал о внутриклассовой борьбе между феодалами за власть, о дворцовых расправах.²⁹

Никитин путешествовал по Индии, когда знаменитые памятники архитектуры, скульптуры и живописи, созданные еще в «золотой век» Индии (IV—VI вв. н. э.) и по их образцу — в последующие века, сохранялись в полной мере. Он был недалеко от Аджанты и Эллары с их замечательными памятниками строительного и изобразительного искусства, фресками, статуями, удивительной резьбой в огромных пещерах и культовых зданиях, передававшими богатство индийской мифологии, своеобразную символику индийского искусства.

Немало ценных сведений сообщил Никитин об этих памятниках, хотя и не похожих на чудесные дворцы «Сказания об Индийском царстве», но все же поражавших европейца восточной роскошью, обилием золота и всевозможных украшений. Он застал еще весь комплекс храмов Парваты, видел роскошно украшенные семеро ворот во дворец султана в Бидаре — тогдашней столице государства Бахманидов; в самом дворце отметил обилие украшений — «всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом». Сравнивая это описание с сохранившимися развалинами дворцов, мечетей и других зданий Бидара, в которых еще видны следы роскоши отделки, И. Минаев отмечает точность Никитина: «Внешние ворота [в кремль] покрыты куполом; изнутри он был живописно раскрашен яркими красками. . . вторые ворота были покрыты пестрыми изразцами. . . как и один из

²⁹ Ср.: Н. М. Гольдберг, А. Н. Мальцев, А. М. Осипов, Советская книга, 1949, № 3, стр. 67; А. М. Осипов, В. А. Александров, Н. М. Гольдберг, стр. 199.

дворцов. . . Бидар до сих пор славится особого рода работами из металлической композиции весьма красивого узора».³⁰

Никитин обратил внимание не только на роскошь культовых сооружений и дворцов, но и на богатство одежды султана и его придворных, упряжи их лошадей и слонов, домашней утвари. Он отметил золотые и серебряные носилки, в которых носят султана, его жен и «сильных бояр», «шелковый балдахин с золотой верхушкой» над носилками султана и «бархатный балдахин с золотой верхушкой с яхонтами» у носилок брата султана; «золотые сбруи» коней, «золоченые доспехи» людей, которые ведут слонов в султанском выезде. Особо внимательно описал Никитин парадный наряд султана, выехавшего на «бусурманский байрам»: «на султанае кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шипак — огромный алмаз, да золотой сайдак с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое».

Те эпизоды «Хождения», в которых описаны обычные и праздничные выезды султана с многочисленной свитой, по точности содержащихся в них сведений, высоко оценил И. П. Минаев, который так охарактеризовал их: «В этой картине величественного царственного шествия перед читателем выступает старая Индия, Индия богатая, страна алмазов и чарующих жен, во всей своей оригинальной, сказочной красе; в этом очерке нет ни одного неверного штриха; зритель подметил и передал множество характерных мелочных подробностей». Лишь цифры в перечне участников шествия султана И. П. Минаев признал несколько преувеличенными, более соответствующими роскоши Дехлийских, а не Бахманидских султанов.³¹

Эти обстоятельные описания давали русскому читателю представление не только о пышности дворцовой жизни, о несметных богатствах, какими владели султаны и их знать, но и о том, что создавал веками трудовой народ Индии.

Сравнивая роскошь жизни дворца и знати с нуждой повседневного быта трудового народа Индии, Никитин резко противопоста-

³⁰ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июнь, стр. 212

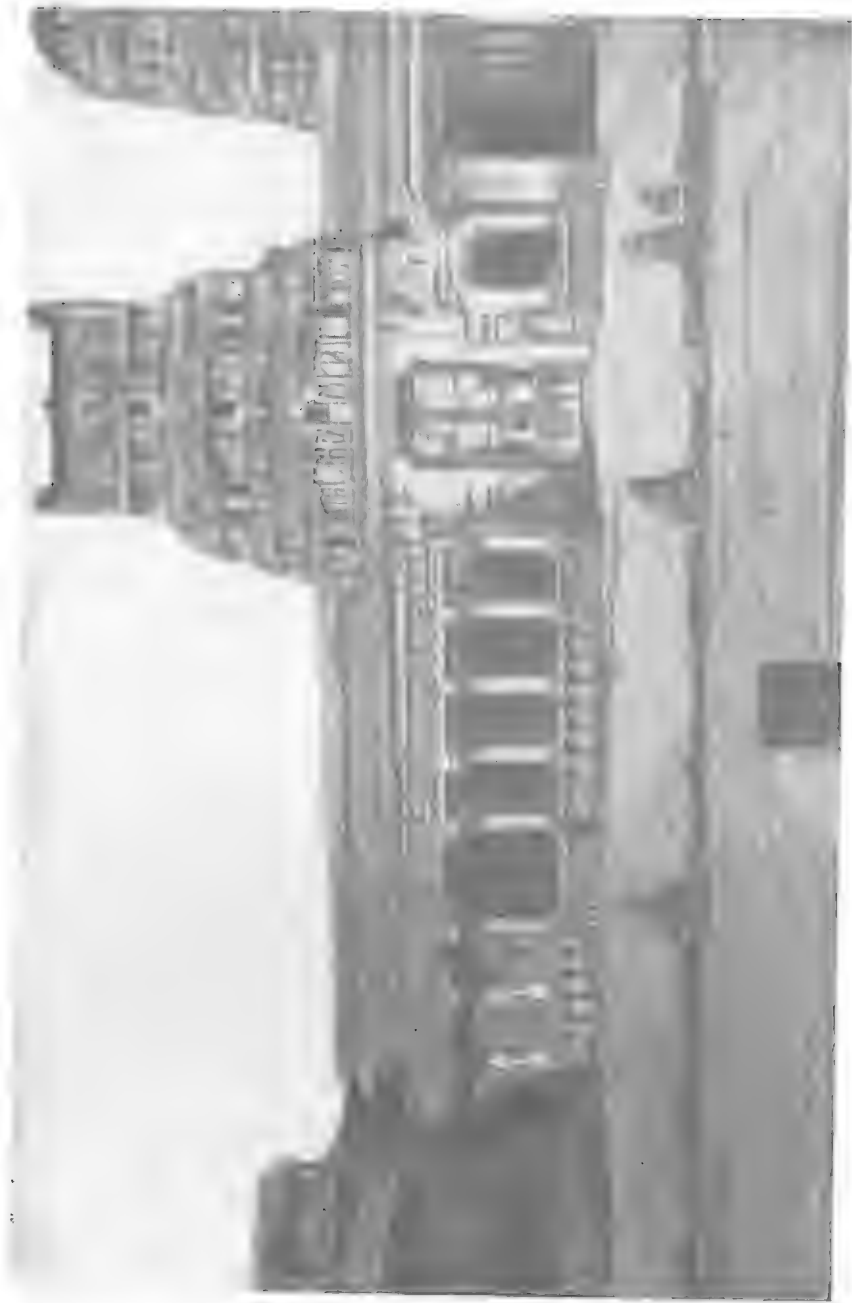
³¹ Там же, стр. 219.

Рама убивает обезьяньего царя Валина. Храм Шивы. Прамбанан. XI век. (W. Cohn. Indische Plastik. 1922).

Голконда Развалины древней крепости. (G. Le Bon. Les monuments de l'Inde. Paris, 1893).

Пагода Шивы. Второй внутренний двор. Виджаянагар. Около 1430 г. (G. Le Bon. Les monuments de l'Inde. Paris, 1893).

вил их: «Земля весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны». Никитин заметил и дешевизну рабов в мусульманском государстве Бахманидов. Эти рабы были пленниками, которых мусульманские войска набирали во время походов на индуистские государства Индии. Огромное большинство их составляли крестьяне — земледельцы и ремесленники, которых в плену вынуждали отдавать свой труд и умение на сооружение пышных дворцов и храмов, на изготовление всех тех предметов искусства, которыми славилась Индия. К вопросу о цене рабов Никитин обращается дважды. Заметив, что в Индии «как малостоящее и дешевое считаются женки», за близость с которыми платят от двух до шести «шетелей» — мелких серебряных монет, он называет цену рабов: «Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна». Однако, по-видимому, это была цена не покупки, а временного права на них. После взятия одного из городов в государстве Виджаянагар, когда было взято в плен «20 тысяч человек взрослых и малых», их продавали «по 10 денег за голову, а за иную по 5 денег, а ребят по 2 деньги».

Всматриваясь в общественный строй государства Бахманидов, Никитин подметил преобладание среди правящих верхов «хорасанцев» и излишне обобщил свои наблюдения, записав: «Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также» (хотя сам в описании войска султана упомянул шесть индийских везиров). Может быть, эта ошибка Никитина объясняется тем, что языком двора и знати в государстве Бахманидов был в то время персидский? В действительности же среди знати этого государства было немало и индийцев-индуистов, были также не только персы, но и турки, абиссинцы.³²

Одному из этих иноземцев, персу Махмуду Гавану, который при Мухаммед-шахе III фактически ведал всеми государственными делами, Никитин уделил много внимания в своем рассказе. Он называет его «хорасанец Меликтучар боярин», принимая за имя его титул «мелик-ат-туджжар», что значит на арабском языке

³² Там же, стр. 209.

«князь (или «старшина») купцов». Впервые, видимо, Никитин услышал о Меликтучаре как об инициаторе и руководителе войн с «кафирами», т. е. с немусульманскими государствами Индии, и кратко охарактеризовал эту сторону его деятельности: «А Меликтучар имеет 20 тем (ниже — «у него рати 200 тысяч»); в течение 20 лет он бьется с кафирами, — то его побьют, то он их часто побивает». Две таких войны — первую с княжествами Телингана и независимыми княжествами Малабарского побережья и вторую с индийским царством Виджаянагар — Никитин описывает довольно подробно, причем эти описания по исторической точности сообщаемых сведений до сих пор представляют большую ценность. В изображении Никитина Меликтучар — богатый вельможа, у которого «каждый день за стол садится по 500 человек. И с ним за его трапезой садится 3 везира, а с везиром по 50 человек, да 100 человек присяжных бояр». На конюшне у него «2 тысячи коней; да тысяча оседланных стоят готовыми день и ночь, да на конюшне же 100 слонов». Первый поход, свидетелем которого был Никитин, Меликтучар начал в 1469 г. под предлогом расправы с «кафирами», которые «разбойничали по Индийскому морю». Меликтучар пошел против Санкара-раджи, который «занимался пиратством, и содержал на этот конец до трехсот судов. Бидарскому царю, а также вообще мусульманам, в руках которых в то время главным образом находилась морская торговля, понятно, подвиги Санкара-раджи не могли быть по душе; они мешали правильному ходу торговли и причиняли неисчислимые убытки частным лицам».³³ Никитин упомянул об этой опасности плавания вдоль Малабарского берега тогда, когда он рассказывал о пути в Каликуту. В этот первый поход, длившийся два года, были взяты «два индийских города . . . И захватил семь князей и их казну; вьюк яхонтов, да вьюк алмазов и рубинов, да 100 вьюков дорогого товара. А другого товара рать его захватила без числа». Когда военачальники султана из похода привезли богатую добычу, в том числе «каменья всякого дорогого огромное количество, и все то камень, да яхонты, да алмазы скупили для Меликтучара; он

³³ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 2.

запретил мастерам продавать их купцам, которые пришли в город Бидар». Итак — всю выгоду от этой богатой добычи Меликтучар присвоил себе.

В 1471 г. Меликтучар «пошел завоевывать великое индийское княжение Виджаянагара». Войны Бахманидов с Виджаянагаром, которым обычно придавался религиозный характер, на самом деле истинной причиной имели стремление завладеть несметными богатствами этого царства и его морскими гаванями. В поход 1471 г., как рассказывает Никитин, с султаном и его «везирами» — «бусурманскими и индийскими», вышла огромная рать (хотя называемые Никитиным цифры явно преувеличены). Старая индийская военная наука требовала, чтобы войско состояло из четырех видов вооруженных сил: 1) слоны, 2) конница, 3) колесницы, 4) пехота.³⁴ Никитин называет в войске бахманидского султана 500 слонов «в доспехах и с городками», 100 тысяч «конных людей», 200 тысяч «пеших». Все эти виды вооруженных сил были и у его везирей, но у султана, сверх того, были еще «100 злых зверей, каждый с двумя цепями», — это были, видимо, львы, тигры, леопарды. Не называет Никитин лишь колесниц, которых, вероятно, в XV в. в войске уже и не было. Зато были пушки, которые, по словам Никитина, помещают в городках, поставленных на слонах. Выше, рассказывая об устройстве индийского войска, Никитин сообщает, что пешие «индостанцы» «все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами». В бою «пеших пускают вперед», «хоросанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами».

С таким-то войском султан и Меликтучар выехали «завоевывать индийцев». Никитин заметил даже, что «рассердился султан на индийцев [т. е. на индийских везиров], что мало вышло с ним». Пришлось добавить в индийские отряды «20 тысяч пеших людей, 2 тысячи конных, да 20 слонов».

Но «война им не удалась», пишет Никитин: «один город индийский взяли, а людей погибло много, да и казны истратили много».

³⁴ А. П. Баранников. Тулеи Дас, стр. 251, прим. 6.

Так трезво оценил результат этого похода русский купец, отметивший, что свою казну султан истощил, а в завоеванной части города взяли пленных, «казны же не было ничего. А большого города [т. е. внутренней крепости Виджаянагара] не взяли». Никитин правдиво описал тяготы осады Виджаянагара, истощившие войско Меликтучара: «Под городом и стояла рать месяц, и люди умирали от безводия, и много людей погибло от голода да от безводицы; а на воду смотрят, да взять неоткуда».

Вряд ли Никитин сам побывал в Виджаянагаре. Он описал его лишь со стороны осаждавшего город войска: «И город у него [виджаянагарского султана] весьма велик, около него три рва, да сквозь него течет река; а по одну сторону города злая лесная дебрь, по другую же сторону подошла долина весьма чудная местами и пригодная на все. На ту сторону прийти неоткуда, дорога сквозь город, и города взять неоткуда, подошла великая гора да дебрь злая тикень». Трудно думать, чтобы Никитин, заметивший «весьма чудную местами и пригодную на все» долину под городом, не рассказал бы хоть кратко о красоте и богатстве Виджаянагара, если бы побывал в нем. Этот город современник Никитина персидский посол Абдар-раззак Самарканди называл в 1442—1448 гг. «городом невиданной и неслыханной красоты, с которой ничто на земле сравниться не может», а в 1522 г. португалец Паэс приравнивал «по размерам Риму» и отметил, что он «очень красив на вид», что это «наиболее обеспеченный город в мире», что «он изобилует всем». Не удивительно, что к этому великолепному городу так жадно тянулись руки властного «Меликтучара», ожидавшего отсюда несметной добычи.

По мнению И. П. Минаева, описание голода и «безводия» в бидарском войске и неудачи похода в целом у Никитина правильны: «Он передаст, очевидно, только то, что сам видел, находясь не в далеком расстоянии от места военных действий (в Кульбарге?). Часть его пути к Дабулю совпадала с дорогой, по которой следовало войско бидарского царя, и, быть может, русский странник в Гулбарге пребывал одновременно с бидарскими полчищами; о цели похода он, конечно, знал, еще не выезжая из Бидара; о результате же похода он мог весьма легко услышать, находясь в дороге. Таким

образом, Аф. Никитин был очевидцем одного из важнейших моментов в истории Бахманидской династии и занес правдивые известия об этом событии в свои записки». ³⁵

В рассказе Никитина Меликтучар предстает перед читателем властным, могущественным, богатым и жадным к добыче первым вельможей Бахманидского государства, пользующимся неограниченным влиянием у молодого султана. Оба похода, предпринятые по его инициативе, стоившие государству больших жертв — и людьми и казной, — изображены русским путешественником с беспощадной правдивостью. Заслуга Никитина заключается в том, что он, современник военной деятельности Махмуда Гавана — «Меликтучара», сумел верно оценить ее тяжелые последствия для страны.

Внимательно наблюдая общественную, политическую и военную жизнь чужого для него народа, Никитин, видимо, про себя не раз сравнивал ее с жизнью «Русской земли». Никитин-тверитин, ехавший в путь с грамотами своего тверского князя, думая на чужбине о родине, мыслил ее только как всю «Русскую землю». Он нигде и ничем не выразил своего пристрастия к узко ограниченным местным интересам родной Твери, даже товаров он искал на всю «Русскую землю». В молитве за Русскую землю Никитин выразил не только свою тоску по родине, тревогу за ее судьбу, но и горячую любовь патриота, которому даже и явные «нестроения» общественной и государственной жизни не мешали ощущать родную страну как лучшую «на этом свете». В своей заботе об интересах всей «Русской земли» Афанасий Никитин первым нашел прямой морской путь в страну несметных богатств — Индию, первый внимательно описал в ней не только все виды «товара на нашу землю», но и своеобразную жизнь ее неведомых русским народов. Для русского читателя XV в. «Хождение за три моря» явилось в полном смысле слова «открытием Индии» в ее действительном, а не традиционно-сказочном облике.

В. П. Адрианова-Перетц.

³⁵ И. Минаев, ЖМНП, 1881, июль, стр. 18—19.

АФАНАСИЙ НИКИТИН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XV в.

Тверской купец Афанасий Никитин, оставивший нам записки о своем путешествии в Индию, не был заметным лицом в русской общественно-политической жизни второй половины XV в. В путь он отправился с двумя грамотами тверского князя,¹ и в Москве вряд ли даже знали о его путешествии, пока «тетрати» с его путевыми записями не были доставлены после смерти их автора дьяку Василию Мамыреву. Правда, Никитин предполагал для безопасности плыть Волгой вместе с послом московского великого князя Василием Папиным, направлявшимся в Шемаху; следовательно, он был в какой-то мере осведомлен о московских делах. Однако сведения эти были не вполне точны, и поэтому он разминулся с караваном посольства и встретил Папина лишь в Дербенте. Когда «тетрати» Никитина попали в руки московского летописца, близкого к митрополиту Геронтию,² этот летописец не смог найти в Москве людей, которые знали бы о том, «в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындее» тверской купец. Мы не знаем точно, были ли доставлены записки Никитина в Москву сразу после его смерти, т. е. в 1472 г., или в 1475 г., под которым летописец сообщил единственные сохранившиеся сведения о тверском путешественнике. «Того же году, — пишет летописец, — обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василием Папиным.

¹ См. Эттеров список, стр. 33.

² См. «Археографический обзор», стр. 172—173.

Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великаго князя, и сказаша ми, за год до Казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел, или в кое лето пришел из Ындея, умер, а сказывают, что деи Смоленска не дошед умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки те тетради привезли гости к Мамыреву Василью, к дияку великаго князя на Москву». Очевидно, летописец пытался уточнить время путешествия Никитина, расспрашивая о несомненно известном в Москве Василии Папине, который видел Никитина в Дербенте. Но он узнал только, что Папин по возвращении из Ширвана погиб под Казанью, «коли князь Юрий под Казанию был», т. е. во время походов на Казань 1469—1470 гг. брата Ивана III — князя Юрия Васильевича. Таким образом, единственного свидетеля, который мог что-либо рассказать о Никитине, уже не было в живых.

Дату отправления Никитина в путь, сроки его пребывания в Передней Азии и Индии и время возвращения на Русь пришлось определять уже исторической науке XIX в. Указание Никитина на третий «Велик день» (Пасху), отпразднованный им в Ормузе («Гурмызе») в начале апреля, позволяет отнести пребывание его там к 1469 году (именно в этом году Пасха пришлась на 2 апреля). Таким образом, путешествие Никитина началось в 1466 г., а другие ссылки его на празднование «Велика дня» указывают, что все путешествие длилось шесть лет и закончилось в 1472 г.³

Путешествуя по странам Передней Азии и по Индии, Никитин не раз вспоминал с горячей любовью родину — «Русскую землю», сравнивал с ней чужие земли и пришел к выводу, что «на этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли несправедливы». Неразрывно связывая понятия родина и религия, озабоченный тем, чтобы и на чужбине «блюсти веры христианские», Никитин в то же время задумывается над вопросом о том, какая же из многочисленных «вер» может быть названа «правой». Смысл и значе-

³ И. И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Ученые записки II Отделения АН, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 260—262.

ние этих высказываний тверского купца о «Русской земле» и «вере» определяется исторической обстановкой, сложившейся на Руси ко времени его путешествия.

В первой половине XV в. северо-восточная Русь представляла собой ряд независимых друг от друга земель и княжеств, и перспектива объединения этих земель в единое государство казалась еще не вполне определенной. Московское княжество, достигшее значительного могущества еще в XIV в., переживало в середине XV в. тяжелый политический кризис: феодальная война, длившаяся с 20-х до начала 50-х годов XV в., вызвала серьезное ослабление Москвы, отлив населения, в частности горожан, в соседние княжества и привела к появлению других претендентов на роль объединителей русских земель.

Среди этих претендентов Тверь — родина Никитина — занимала особенно видное место. «Тверь старая, Тверь богатая» уже в начале XIV в. заявляла свои права на роль политического центра Руси. Как и Москва, Тверь была расположена на важных торговых путях, соединявших русский северо-запад (Новгород и Псков) с нижним течением Волги. Дорога из Новгорода на Волгу шла не только через Москву, но также (что еще удобнее) через Тверь: Тверь стояла на р. Тверце, соединявшейся сложной системой волоков с новгородскими реками, и одновременно на самой Волге. Менее, чем Москва, связанная с северными и восточными русскими княжествами — Ростовом, Ярославлем, Суздалем, Рязанью, — Тверь зато была теснее связана с теми западнорусскими землями, которые входили в состав Литовского государства. Первостепенное значение Твери как торгового центра продолжало сказываться даже в конце XV в., когда Тверь уже стала частью Русского централизованного государства. Тверские купцы продолжали играть самую видную роль и в торговле с Литвой и в южной торговле Руси.⁴ Тверь вела торговлю не только

⁴ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, стр. 42—45.

с Золотой Ордой и Крымом. Уже в 40-х годах XV в. в Тверь приезжали послы (с «камками драгими» и «атласами чюдными») из «Шавруковой орды», т. е., вероятнее всего, из Афганистана.⁵

Политическая обстановка складывалась в первой половине XV в. благоприятно для тверских князей. Феодалную войну переживало в этот период не только Московское княжество, но и другой сильный сосед Твери — Польско-Литовское государство. В 1440 г. произошло восстание в Смоленске, своим князем восставшие признали вассала Твери — удельного князя Дорогобужского. В 1447 г. московский князь Василий Васильевич был свергнут и ослеплен своим соперником Дмитрием Шемякой; тверской князь Борис Александрович вмешался в московскую политическую смуту, рассчитывая сделать из «нищевидного» слепца Василия своего политического ставленника. Отправив на помощь Василию «сильных своих и крепчайших воевод Бориса Захариинича да брата его Семена Захариинича»,⁶ тверской князь добился быстрой победы над Шемякой. Союз Твери с Москвой был скреплен также передачей Борису Ржевы — ключевого пункта на литовской границе, и династическим браком — обручением сына Василия, малолетнего Ивана (будущего Ивана III), с дочерью Бориса. Тверской князь мог торжествовать: на московском престоле сидел слепой князь — его ставленник; его семилетнего сына Борис Александрович, выражаясь языком «Слова о полку Игореве», предусмотрительно «опутал красною девицею» пяти лет от роду. Политические претензии тверского князя заходили чрезвычайно далеко: придворные летописцы именовали его «царем»; над тверским князем, по их словам, был даже совершен обряд царского венчания — он «царским венцом увязеся».

Но торжество тверского князя было преждевременным. Посаженный на московский престол князь не только не оказался игрушкой в руках Бориса, но настойчиво и последовательно стал освобождаться из-под опеки своего «благодетеля». Временное ослабление

⁵ Н. П. Лихачев. Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 37—38.

⁶ Там же, стр. 46, 51.

⁹ Хождение за три моря

Московского и Литовского княжеств — двух сильных соседей Твери — кончилось; на объединение западнорусских земель вокруг Твери теперь рассчитывать не приходилось. Укрепление Литвы на время оказалось полезным для московских князей: в 1449 г. Василий II заключил договор с литовским князем Казимиром, договор, который А. Е. Пресняков метко назвал «разграничением сфер влияния» между Москвой и Литвой.⁷ Василий признавал Тверь «в стороне», т. е. в сфере влияния Литвы; Казимир за это считал Новгород (в ту пору еще вполне независимый от Василия) «в стороне» Москвы и «уступал» московскому князю Ржеву, находившемуся в тверских руках.

Последние годы княжения Василия Темного (соправителем которого был его сын Иван) и первые годы княжения Ивана III — время стремительного наступления московского князя на его соперников и соседей. За несколько лет были ликвидированы почти все уделы великого княжества Московского. В 1456 г. московский великий князь нанес удар одному из самых сильных соседей Москвы — Великому Новгороду. Результатом похода московских войск был Яжелбицкий договор, сильно урезавший права «вольного города». 1456 год был ознаменован еще одним политическим успехом Москвы: умерший в этом году рязанский князь завещал опеку над своим княжеством и малолетним сыном московскому князю.

В 1461 г. властную московскую руку ощутила и Тверь. В этом году умер Борис Александрович, оставив на престоле малолетнего сына Михаила. Однако, в отличие от своего рязанского собрата, тверской князь отнюдь не собирался отдавать свое княжество под московскую опеку. Фактическим правителем Твери, как это обычно бывало в таких случаях, должен был стать глава местной церкви — «владыка» Моисей. Епископ Моисей был, видимо, близким сподвижником своего князя и довольно настойчиво противодействовал московскому влиянию. Он не очень считался с авторитетом московского митрополита «всея Руси» Ионы, первого митрополита, назначенного московским князем без благословения константинополь-

⁷ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. II. М., 1939, стр. 152.

ского патриарха. У московского митрополита появился в эти годы опасный соперник — второй митрополит «всех Руси», сидевший в Литве, и позиция независимых княжеств северо-восточной Руси представляла в связи с этим особый интерес для Москвы. Несмотря на двукратное приглашение московского митрополита, тверской епископ Моисей отказывался явиться к нему для благословения. Можно предполагать, что именно при Моисее в Твери был задуман смелый план — противопоставить двум соперничающим митрополитам третьего, тверского, испросив для него благословение у жившего под турецкой властью константинопольского патриарха.⁸ Моисей, таким образом, был в глазах московских политиков одиозной фигурой — его нужно было убрать. В 1461 г., сразу же после смерти Бориса, в Твери происходит, в сущности, настоящий государственный переворот, организованный из Москвы. Епископ Моисей был сведен с «владычества» и заточен в Отрочь монастырь, а на его место был поставлен новый «владыка» — Геннадий Кожь, по происхождению московский боярин. Новый епископ, вопреки прежнему обычаю, был поставлен в Москве, и ставил его московский митрополит Иона.⁹ При малолетстве великого князя это означало, в сущности, московскую опеку над Тверью.

Трудно сказать, сохраняла ли свою силу эта опека в момент отправления в путешествие Никитина. Рядом с тринадцатилетним Михаилом Борисовичем Никитин называет двух лиц, отправивших его в дорогу. Одно из них — воевода Борис Захарьич (Бороздин), «сильный и крепчайший воевода» времени княжения Бориса Александровича, зато другой — уже названный владыка Геннадий.¹⁰ Во всяком случае, наступление на феодальные княжества продолжалось и в годы, непосредственно предшествовавшие отъезду Никитина, и в годы его странствий по заморским землям. В 1463 г. были «отписаны на великого князя» земли ярославских князей. В 1471 г.

⁸ Подробнее об этом см.: Я. С. Л у р ь е. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских». Известия АН СССР, Отдел. литературы и языка, М., 1956, т. XV, вып. 2, стр. 175.

⁹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 496.

¹⁰ См. текст «Хожения» по Эттерову списку, стр. 33. Ср. ниже, стр. 160.

произошло одно из важнейших событий в истории образования Русского централизованного государства: великий князь московский нанес решающий удар Новгородской феодальной республике, разбив новгородские войска на реке Шелони и победоносно вступив в Новгород.

Годы жизни Афанасия Никитина были временем не только больших политических событий на Руси. Середина и вторая половина XV в. были ознаменованы также важными событиями в истории русской культуры, в истории русской общественной мысли.

В политической литературе середины XV в. все большее место начинает занимать новая тема — тема Русского государства, возглавляемого единым монархом. В разработке этой темы определенную роль сыграли тверские публицисты. В «Слове похвальном» Борису Александровичу Тверскому его придворный писатель, инок Фома, прославляя военные успехи своего «царя», указывал на его роль во время Флорентийского церковного собора 1439 г. (на котором тверской посол — единственный светский представитель Руси — отверг унию с «латинами») и торжественно вопрошал: «Не видите ли, како царскому и праотеческому престолу достоин есть великий князь Борис Александрович?» Вероятно, именно в этот период в Твери была создана легенда о происхождении владимирских, а следовательно, и тверских князей от Августа кесаря и о получении их предком Владимиром Мономахом регалий («шапки» и «барм» Мономаха) из Византии.¹¹

Национально-объединительная тема разрабатывалась и московской литературой — в особенности с середины XV в., когда феодальная война окончилась и Москва вновь вернула себе прежнее значение среди русских княжеств. Как и «Слово» инок Фомы, памятники московской публицистики 50—70-х годов XV в. соединяли эту тему с вопросом о Флорентийской унии, вопросом, который приобрел в этот период особую остроту в связи с борьбой против католических

¹¹ Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 30. Ср.: Я. С. Лурье. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских», стр. 174—176.

литовских государей из-за православного населения Западной Руси. Флорентийской унии и одновременно восхвалению носителя «истинныя веры православныя» московского князя было посвящено «Слово избрано от святых писаний еже на латыню» (включающее «похвалу великому князю Василию Васильевичу всея Руси»), написанное в 1460—1461 гг. и использованное затем официальным московским летописанием.¹² В противовес тверскому панегиристу «царя Бориса», московский автор подчеркивал скромность своего героя, влагая в уста византийскому императору такой комплимент Василию II: «Велиции князи с землями служить ему, но смирения ради благочестия и величеством разума благоверия не зовется царем, но князем великим». Это не мешало, однако, автору московского «Слова», подобно автору тверского «Слова», настойчиво именовать своего князя «царем».

Другой призыв к «великому русьских стран хрестьянскому царю» осуществить свои наследственные права и «царствовать истины ради» был вызван русско-татарским столкновением 1480 г., знаменовавшим собой конец татарского ига на Руси. Этот призыв содержится в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана Рыло.

В памятниках, связанных с Флорентийской унией и «стоянием на Угре» 1480 г., достаточно ясно уже звучат идеи единства Русского

¹² «Слово на латыню» издано А. Н. Поповым в книге: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875. Текст, совпадающий со «Словом на латыню», появляется только в великокняжеском летописном своде 1479 г.; в своде 1472 г. его нет (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 176 и сл. — параллельно оба рассказа; ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 253 и сл.). Рассказ свода 1479 г. и есть та «Летописная повесть» о Флорентийском соборе (по терминологии исследователей), которая затем попала в Воскресенскую, Софийскую II, Никоновскую и другие летописи. Появление этого произведения в великокняжеской летописи только п о с л е 1472 г. представляется нам существенным фактом для датировки «Летописной повести»; этот факт подтверждает предположение А. С. Павлова (Критические опыты по истории древнейшей полемики против латинян. СПб., 1878, стр. 99, прим. 2), что источником для «Летописной повести» было «Слово на латыню», а не наоборот (как полагал, например, В. Малинин в книге: Старец Филофей и его послания. Киев, 1901, прим. 1663, стр. 56 и сл.).

государства и его мирового значения. Гораздо более широкое выражение получили эти идеи в публицистических памятниках конца XV в., связанных с московско-новгородской ересью. Эта ересь была по своему характеру антифеодальным движением; именно поэтому великокняжеская власть на конечном этапе выступила против нее, жестоко расправившись с еретиками. Но враждебность великокняжеской власти еретикам обнаружилась не сразу. В течение значительного времени новгородские еретики поддерживали дружественные отношения с Иваном III. Еретики-священники Алексей и Денис были приглашены Иваном III в Москву и стали там служить в главных московских храмах; связан с великим князем был и наиболее радикальный представитель новгородских еретиков чернец Захар. Еще теснее был связан с великим князем московский еретический кружок, состоявший в значительной степени из служилых людей. В этом кружке участвовали ближайшие сподвижники Ивана III дьяки Курицыны; из этого кружка выходят в конце XV в. важнейшие памятники идеологии Русского централизованного государства.

В 1492 г. близкий к еретикам митрополит Зосима опубликовал «Извещение о пасхалии», сочинение, в котором «новым царем Константином» был провозглашен Иван III, а «новым градом Константина» — «Москва и вся Русская земля и иные многие земли». В 1498 г., после победы сторонников ереси над их политическими противниками, внук Ивана III — сын княгини-еретички Елены Стефановны, Дмитрий, был коронован по новому обряду венцом и бармами Мономаха.¹³ Можно предполагать, что уже

¹³ См. «Чин венчания» Дмитрия в летописях: ПСРЛ, т. VI, стр. 241—243; ПСРЛ, т. XX, стр. 366—368; ПСРЛ, т. VIII, стр. 234—236; ПСРЛ, т. XII, стр. 246—248; ср. «Чин венчания» в рукописи Государственного Исторического музея, Чудовского собрания № 264. Иная редакция (где нет упоминания о «шапке Мономаха») читается в тексте, вписанном в пергаменную рукопись Государственного Исторического музея, Синодального собрания № 675 (см. о ней — Чтения общества истории и древностей российских, 1883, кн. I) и в рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийского собрания № 1454; отсутствие упоминания о «шапке Мономаха» в этой редакции

к этому времени относится перенесение на московскую почву тверской легенды о князьях владимирских и их византийских регалиях.¹⁴

Афанасий Никитин не дожил до появления большей части перечисленных памятников общественной мысли. Он мог знать только «Слово» инок Фомы и «Слово на латыню»; «Послание на Угру» Вассиана и публицистические памятники, связанные с ересью, были созданы уже после его смерти. Еще позднее появились произведения, содержащие развернутое изложение идеологии Русского централизованного государства, — «Послание о Мономаховом венце» тверитина Спиридона (бывшего митрополита всея Руси, попавшего в заточение) и послания о «Москве — третьем Риме» псковича Филофея. Но идеи, заключавшиеся в этих памятниках, зарождались, углублялись и выражались уже в 60-х годах, и Никитин мог уже иметь о них некоторое представление.

Как же относился ко всем этим важным событиям в политической и умственной жизни Руси XV в. тверской купец Афанасий Никитин?

«Хождение за три моря» содержит немного материала по собственно русской истории; главная задача этого произведения — описать чужие страны, увиденные любознательным путешественником. О Руси Никитин говорит в начале повествования, описывая свое отправление в путь, и в нескольких отступлениях в дальней-

представляется нам вторичным моментом, так как о венчании Дмитрия шапкой Мономаха сообщает наиболее ранний из летописных рассказов об этом событии (ПСРЛ, т. VI, стр. 279; ПСРЛ, т. XII, стр. 263).

¹⁴ Ср.: А. А. Зими́н. Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955». Исторический архив, 1956, № 3, стр. 235 и сл. В отличие от А. А. Зимина, мы предполагаем, что в 1498 г. не был создан первоначальный вариант рассказа о Мономаховом венце; первоначальный вариант этой легенды, отразившийся в «Послании» Спиридона Саввы, был создан в Твери; к 1498 г. можно относить лишь первую московскую обработку этого рассказа.

шем рассказе. Но, несмотря на краткость и отрывочность этих замечаний, значение их как источника по истории идеологии XV в. едва ли можно переоценить. Значение их определяется в первую очередь одной характерной особенностью «Хождения» — полным отсутствием в нем какой-либо официозности. Уже Б. А. Романов справедливо отметил, что запись Никитиным его путевых впечатлений, «по тогдашним временам, была с его стороны актом совершенно бескорыстным, к личному прибытку никакого отношения не имевшим».¹⁵ Но дело здесь не только в отсутствии всякой утилитарности или корыстного расчета. Одной из своеобразных черт древнерусской литературы является ее деловой характер: «неполезные повести» официальная идеология древней Руси решительно отвергала вплоть до XVII в. Летописи были, как правило, ответственным политическим документом; жития святых — памятниками, связанными с культом; «слова» и «похвалы» — прославлением государственных деятелей; «статейные списки» представляли собой отчеты послов об их миссии. Будущие идеологи Русского централизованного государства — Спиридон и Филофей — прославляли в своих сочинениях московских великих князей и сознательно придавали этим сочинениям официозный характер. Ни одной из подобных задач не ставил перед собой Никитин. Он не был чьим-либо официальным представителем и не должен был отчетываться перед кем бы то ни было; рассказ его, пересыпанный восточными фразами, едва ли понятными для огромного большинства русских читателей, был поистине его личным делом и стал достоянием этих читателей лишь после его смерти. В этом — особое значение «Хождения за три моря»: перед нами подлинное отражение мнений, мыслей и чаяний русского горожанина XV в., не приспособленное ни к какой официальной точке зрения.

Что же мы узнаем о мировоззрении Афанасия Никитина из его «Хождения»? В этом памятнике прежде всего обращает на себя вни-

¹⁵ Б. А. Романов. Родина Афанасия Никитина — Тверь XIII—XV вв. В книге: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 106.

мание его светский характер. Конечно, Никитин, человек религиозный, не раз обращается мыслями к богу, отражая эти мысли в своем изложении. Его тревожит опасение, как бы не нарушить установления христианской веры. Но в то же время он обнаруживает такую широту взглядов в вопросе о вероисповедных различиях, которая совсем не соответствовала точке зрения на этот вопрос православной церкви. Говоря об этой стороне мировоззрения Никитина, исследователи обычно ограничиваются характеристикой ее как религиозной веротерпимости, связанной с принадлежностью Никитина к торговому классу и его привычкой к общению с представителями разных религий. Веротерпимость как признание права за другим человеком на исповедание иной веры несомненно была свойственна Никитину. Однако веротерпимость не означает еще какого-либо сомнения в превосходстве своей веры над иными. Многие государственные деятели древней Руси считали, что «вера дружбе не помеха», и вели переговоры с различными «нехристями», разрешая им проживать на территории Русского государства; но они были глубоко убеждены в превосходстве своей православной веры над верованиями всех этих чужестранцев. У Никитина мы обнаруживаем иной взгляд на этот вопрос. Православный человек, попавший на чужбину, «тверитин Афанасий» не раз подвергался воздействию мусульманских властей, требовавших от него, чтобы он «стал» в их веру, «в Махмет дения». Никитин мужественно отражал эти требования, но какое-то воздействие общение с представителями ислама на него оказало. Никитин не только постоянно смешивал в своем рассказе русские обращения к богу с мусульманскими молитвами к аллаху, но однажды даже прямо высказал свой взгляд на отношения между разными верами. Рассказав о необычайном могуществе индийского мусульманского султана, он заметил: «Такова сила султана индейского бесерменьского, а магометова вера еще годится». Хотя вторая половина этой фразы записана по-тюркски и Никитин мог не опасаться чужого взгляда, он, написав эти слова, все-таки, видимо, задумался, следует ли православному человеку так прославлять «магометову веру», и сам дал ответ на свои сомнения: «А правую веру бог ведает, а праваа вера

бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту».¹⁶ Из этого ответа следует, что сам Никитин не берется решить вопрос, которая вера может быть признана «правой»; для него признаками «правой веры» являются единобожие и моральная чистота. Такое определение «правой веры» не укладывается в рамки русского православия XV в., как и христианской ортодоксии вообще.

В этом отношении взгляды Никитина могут быть сопоставлены с мнениями еретиков конца XV в. Конечно, Никитин не только не был сам еретиком, но едва ли даже слышал о зарождавшемся еретическом движении в Новгороде: новгородско-московская ересь оформилась уже после его отъезда в Индию. В отличие от еретиков, тверской купец придавал важное значение выполнению религиозных предписаний относительно постов и праздников; поэтому он так скорбел об утере книг, которые помогли бы ему «блюсти веры христианские». Но, идя своим, совершенно самостоятельным путем, тверской путешественник в одном весьма важном вопросе приходил к взглядам, которые впоследствии защищали новгородские вольнодумцы: они тоже утверждали (ссылаясь на апостольские заповеди), что «приятным богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду».¹⁷

Другая сторона мировоззрения Никитина — его национальное самосознание, которое получило выражение в известной, часто цитируемой фразе Никитина о «Русской земле». Напоминая это место из «Хождения», считаем необходимым отметить, что оно было по существу зашифровано автором восточной языковой оболочкой и, следовательно, имело характер сугубо интимного высказывания: «Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи Русской земли не-

¹⁶ «Бог ведаеть» у Никитина — выражение, означающее неуверенность; ср. аналогичный смысл этого выражения в другой его фразе: «христианства не оставих, далее бог ведаеть, что будет» (Т, л. 384 об.; Э, л. 452 об.).

¹⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 368—369; ср. стр. 125—126.

справедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость».

В далекой Индии, тоскуя по родине, тверитин Никитин вспоминает не Тверь, а Русь вообще, «Русскую землю». Чтобы оценить вполне это лирическое восклицание Никитина, стоит вспомнить, как резко отражалась междукняжеская вражда на Руси даже в московских летописных сводах XIV—XV вв., претендовавших на роль общерусского летописания. «Рязанцы, — читаем мы в этих летописях, — суровые человеци и сверены людие, високоумни суще, палаумные смерди, възнесошася мыслию и възгордешася величанием, и помыслиша високоумием своим».¹⁸ Не лучше, по мнению москвича, и новгородцы: «Беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни. . . Кого от князь не прогневаша или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не унорвил им?»¹⁹

Еще яснее сепаратистские тенденции в памятниках местной литературы. Новгородская «Повесть о белом клобуке», созданная уже после присоединения Новгорода к Москве и прославлявшая «царя русского», настаивала все-таки на том, что «белый клобук», который «честнее царского венца», должен храниться в Новгороде.²⁰

Афанасию Никитину все подобные настроения совершенно чужды. Отправившийся в путь от тверского «Спаса златоверхаго» «с его милостью, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго», ехавший в обществе «6 москвичь да 6 тверичь», Никитин ощущал себя уже не тверитином только, а жителем «Русской земли». Приведенные выше слова Никитина о Русской земле могут по справедливости считаться одним из наиболее ярких свидетельств того, что во второй половине XV в. идея единой «Русской земли» широко вошла в народное сознание, что «увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали,

¹⁸ ПСРЛ, т. VI, стр. 231—232, прим. а; ср.: ПСРЛ, т. IV, стр. 67.

¹⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 439.

²⁰ Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбо-родко, под редакцией Н. Костомарова, выпуск первый, СПб., 1860, стр. 287—303.

чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов. . . чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья». ²¹

Идея единой «Русской земли» особенно характерна для Никитина — горожанина, купца, представителя класса, наиболее заинтересованного в усилении обмена между отдельными областями Руси, в устранении всех препятствий на пути к экономическому единству Руси.

Но «благоустройство» Русской земли, о котором мечтал Никитин, на практике выразилось не только в ликвидации феодальной раздробленности. Уничтожение феодальной раздробленности привело к образованию Русского централизованного государства. Можно ли считать Никитина сторонником и провозвестником этого государства?

«Союз королевской власти и буржуазии» ²² — явление характерное для истории позднего средневековья. Это явление в известной степени свойственно и русской истории XV—начала XVI в. Но, говоря о поддержке, оказываемой городским населением власти московских государей, никак не следует упускать из виду, что московское самодержавие отражало интересы феодального класса, а не горожан, что оно отнюдь не было общенародной властью. «Вельможи Русской земли», которые, по словам Никитина, были «несправедливы» в феодально-раздробленной Руси, ничуть не стали «справедливее» в Русском централизованном государстве, и самодержавная власть вовсе и не требовала от них «справедливости» (как понимал ее Никитин).

Пытаясь представить себе мировоззрение русского горожанина XV в., мы неизбежно приходим к выводу, что на поддержку московского государя «всея Руси» толкало тверского, исковского или новгородского горожанина не твердое убеждение в справедливости этого

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 443.

²² Там же, стр. 445.

государя, а выстраданное горьким опытом сознание несправедливости того строя, в условиях которого жили феодальные княжества и земли до середины XV в. Это обстоятельство ярко обнаруживается в последних летописных сводах Новгородской и Псковской феодальных республик. В новгородских летописях XV в. мы читаем непрерывные жалобы на беспорядки в родном городе — на «ябеды», вымогательство признаний под страхом смерти у арестованных, на неправый суд и т. д.²³ С особенной ясностью обнаружилось внутреннее разложение в городе во время Шелонской битвы 1471 г. Новгородские «меньшие люди» «вопили» на «больших людей» и отказывались идти в бой; недовольство «большими людьми», «зачинающими рать и обидящими нас», получило свое выражение даже в самой летописи.²⁴ В Пскове острая классовая борьба, вспыхнувшая в 1484—1486 гг., несколько раз вынуждала «черных людей» обращаться к великому князю московскому, несмотря на то, что князь вовсе не сочувствовал им.²⁵ И даже в 1510 г., когда присоединение Пскова к Москве стало совершившимся фактом и наместники великого князя начали, к великому разочарованию «черных людей», «над псковичами велику силу чинити», — псковский летописец, не допуская никакой возможности «на государя руки поднять», ограничился горькими жалобами: «Не мочно в Пскове жити. . . ано земля не раступитца, а уверх не взлететь».²⁶

Теми же предпосылками определялось и мировоззрение идеологов городского населения — русских еретиков конца XV в. Еретическое движение зародилось вне Москвы — в Новгороде. Острая политическая и идейная борьба, развивавшаяся в «вольном городе» с его вечевым строем, несомненно способствовала развитию свободомыслия. Но, несмотря на это, новгородские еретики отнюдь не были феодальными сепаратистами; напротив, они были резко враждебны тем порядкам, при которых даже в церкви заправляют

²³ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 124—126.

²⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 127—128.

²⁵ Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 79—80; вып. II, стр. 65—67.

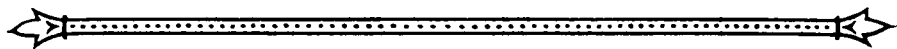
²⁶ Там же, вып. I, стр. 96—97.

«бояре», ставящие иерархов «на маде» (так прямо и говорил новгородский еретик Захар).

Теми же предпосылками определялось и общественное мировоззрение Афанасия Никитина. У нас нет оснований для того, чтобы считать этого тверитина провозвестником и сторонником централизованного государства; он вряд ли даже представлял себе характер московской самодержавной власти в ее конкретных формах. Но он был хорошо знаком с «несправедливостью» русских вельмож (об этой несправедливости он помнил и в Индии, где ему также встречались «пышные» бояре и «голые» сельские люди) и надеялся на будущее «благоустройство» своей родины. В какой-то степени эти надежды на будущую «справедливость», которая воцарится в Русской земле, были утопичны, как утопична была вера русских крестьян XVII в. в «хорошего царя». Но основа мировоззрения тверского гостя была достаточно твердой и определенной: этой основой было решительное отрицание того «неблагоустройства», которое существовало на Руси в период феодальной раздробленности.

Я. С. Лурье.

ИНДИЯ В XV ВЕКЕ

Средневековая Индия распадалась на множество феодальных государств и полуплеменных — полугосударственных объединений, обычно враждовавших между собой и ведших нескончаемые войны. Случалось, что в результате этой междоусобной борьбы удачливые завоеватели объединяли под своей властью обширные территории, и тогда возникали крупные государства с многоплеменным и разноязычным населением. Такие империи существовали в течение десятилетий, а иные более столетия, но неизменно распадались, и страна вновь возвращалась в состояние раздробленности и феодальной анархии.

Политическая и социальная обстановка в Индии еще более усложнилась с началом так называемых мусульманских завоеваний, т. е. массовых вторжений народов из Афганистана, Ирана и Средней Азии, особенно интенсивных в конце XII в. и продолжавшихся в последующие столетия. Завоевателей привлекали сказочные богатства Индии, слава о которых давно и широко разнеслась по миру. Но поводом для вторжений была борьба с идолопоклонством, т. е. с индуизмом, и обращение «неверных» индийцев в ислам.

Уже в начале XIII в. завоеватели основали в самом центре Индии новое государство — Делийский султанат. С помощью громадных армий, постоянно пополнявшихся массами новых переселенцев из стран Ближнего и Среднего Востока, делийские султаны стали энергично расширять свои владения.

Наибольшего могущества Делийский султанат достиг при султани Ала-ад-дине Хильджи (1296—1316). Еще в 1297 г. Ала-ад-дин

захватил Гуджарат, затем в течение нескольких лет подчинил большинство раджпутских княжеств, а в 1305 г. присоединил к своим владениям обширную и богатую область Мальву. Таким образом, в начале XIV в. владения Делийского султаната распространялись почти на всю Северную Индию.

Территория султаната делилась на провинции, которыми управляли наместники султанов, носившие титулы ханов, эмиров, маликов. В некоторых из покоренных индийских княжеств были оставлены прежние правители в качестве данников и вассалов султана. По всей стране были разбросаны многочисленные гарнизоны, состоявшие из афганцев, тюрок, таджиков и других выходцев из Ирана и Средней Азии. Разноплеменные группы пришельцев, говорившие прежде на разных языках, в составе армий Делийского султаната постепенно утрачивали свои этнические особенности, переходили на персидский язык, бывший государственным и командным языком в армии, и, по единственному общему признаку, который объединял их и выделял из массы местного населения, называли себя мусульманами. Индийцы также не делали различий между разными группами завоевателей, воспринимали их как нечто единое и враждебное и обозначали тем же общим названием — мусульмане.

Мусульмане — арабы, персы и выходцы из народов восточной Африки — появились в Индии задолго до массовых вторжений XII—XIII вв. Потомки этих переселенцев к XII в. уже значительно ассимилировались с местным населением, говорили на индийских языках, усвоили многие индийские обычаи и различались в составе местных народов преимущественно вероисповеданием. Однако с установлением в стране политического господства мусульманских завоевателей и подчинением их власти большей части Индии мусульмане заняли привилегированное положение в индийском обществе, а ислам стал господствующей религией.

Упрочив свое положение в Северной Индии, султан Ала-ад-дин снарядил громадную армию и начал завоевание Южной Индии, т. е. территорий, лежащих южнее гор Виндхья и реки Нарбады.

В Южной Индии ко времени завоевания ее Ала-ад-дином было четыре крупных государства: Ядава, занимавшее весь западный

Декан, Какатия (Телингана), включавшее большую часть восточного Декана, Хойсала, расположенное южнее реки Кришны и простиравшееся от моря до моря, и государство Пандия на крайнем юге полуострова. Кроме того, на западном побережье, особенно в районе Конкан, где расположены лучшие морские порты, и на восточном южнее реки Кришны, было много мелких, независимых или полунезависимых феодальных владений.

С 1306 по 1313 г., в результате четырех походов делийской армии под командованием Малик Кафура, Ала-ад-дину удалось подчинить своей власти всю Южную Индию. На крайнем юге Малик Кафур взял и разграбил город Мадур, дошел со своей армией до мыса Рамешварам против Цейлона, разрушил там индуистский храм и поставил на его месте мечеть.

Завоеванные на юге территории были настолько обширны, что делийские султаны не могли оккупировать их своими войсками. Поэтому в покоренных государствах они оставляли прежних правителей, обязав их вносить регулярную дань в казну султана. Однако в некоторых пунктах, например в столице Ядавов — Деогире, и даже в Мадуре на крайнем юге, были оставлены мусульманские гарнизоны.

Южноиндийские государства время от времени отказывались выплачивать ежегодную дань и выходили из подчинения султанам. Тогда из Дели отправлялись карательные экспедиции, превращавшиеся иногда в новое завоевание. Так, при ближайших преемниках Ала-ад-дина, в результате подавления восстания в Деогире и в городах Телинганы, государства Ядава и Какатия были присоединены к Делийскому султанату. Управлять ими стали назначенные султаном наместники. Во многих городах Декана обосновались гарнизоны делийской армии. В результате этого в Южной Индии заметно увеличилась численность пришлого мусульманского населения.

Деканские владения и происходившие там события приобрели такой удельный вес в Делийском государстве, что султан Мухаммед Туглак (1325—1351), побуждаемый частыми мятежами своих наместников в северных провинциях и набегами моголов с территории Афганистана, решил перенести столицу султаната из Дели в Дэо-

гири, переименованный по этому случаю в Даулатабад. Положение на юге казалось ему более стабильным и спокойным.

По приказу султана значительная часть жителей Дели в течение 1326—1327 гг. переселилась более чем за тысячу километров в новую столицу Даулатабад. Спустя несколько лет, по воле того же султана, столица вновь была возвращена в Дели, но большинство переселенных в Даулатабад делийцев так и осталось на новом месте жительства. Временное пребывание резиденции делийских султанов в Даулатабаде и расквартирование их войск в городах Декана усилило пришлые элементы в составе мусульманского населения Южной Индии.

Делийский султанат, при Ала-ад-дине простиравшийся почти на всю Индию от Кашмира до мыса Коморин и от устья Инда до дельты Ганга, уже в первой половине XIV в. обнаружил признаки упадка, длившегося затем около двух столетий. Начались сепаратистские движения за независимость отдельных провинций. Наместники султанов поднимали восстания против центральной власти и становились независимыми правителями. Вассальные индийские княжества также стремились сбросить иго завоевателей.

Еще при Мухаммеде Туглаке от султаната отложились южно-индийские владения. В Даулатабаде и Мадуре независимыми правителями стали бывшие наместники султана, а на месте бывшей Хойсалы и в Телингане возникли новые государства во главе с местными индусскими династиями.

На делийском троне в XIV—XV вв. чередовались тюркские и афганские династии. При дворе шла непрерывная борьба между соперничавшими группировками знати и придворных. Немногие султаны умирали естественной смертью. Чаще они становились жертвой заговоров или просто погибали от руки нетерпеливого наследника.

На фоне общего упадка султаната наступали и периоды относительной стабилизации. Так, Фируз Туглак (1351—1388) развил широкую строительную деятельность и провел ряд важных реформ. При нем было построено несколько новых городов, улучшены старые и построены новые дороги, сооружено несколько крупных оро-

сительных каналов. Он упорядочил систему налогообложения, улучшил судопроизводство и провел ряд других реформ.

Но и Фирузу не удалось предотвратить упадок государства. Уже при нем от султаната отделился и стал независимым Бенгал. При ближайших преемниках Фируза из состава Делийского государства вышел Синд, затем Гуджарат, Мальва и даже расположенный недалеко от Дели округ Джаунпур, где утвердилась независимая династия.

Сокрушительный удар по Делийскому султанату был нанесен Тимуром, вторгшимся в Индию в 1398—1399 гг. Тимур разорил всю лежавшую на его пути страну, взял Дели, разрушил его и истребил почти все население.

В XV век Делийский султанат вступил одним из многочисленных, но едва ли не самым слабым из индийских государств. Фактически султанам подчинялся район, непосредственно прилегающий к Дели, и небольшая часть Двуречья (Ганга-Джамны).

Только во второй половине XV в., при династии Лоди, правителям Дели удалось вновь присоединить к своим владениям значительную часть Панджаба, область Джаунпур, Бихар и подчинить своей власти раджей Гвалиора и Дхолпура. И это всё, что осталось от бывшего могущества Делийского султаната. Гуджарат, Мальва, Бенгал и ряд раджпутских княжеств, не говоря уже о государствах Южной Индии, в течение всего XV в. оставались независимыми. Поэтому нас не удивляет, что Афанасий Никитин, проживший более двух лет в Индии, упоминая о многих, в том числе и заморских странах, ничего не сообщает нам о североиндийских государствах, и в частности о Делийском султанате.

Афанасий Никитин посетил и описал в своем «Хождении» не Индию вообще, а Южную Индию и преимущественно Бахманидское государство. Это государство не было, конечно, центром мусульманских владений в Индии, как думал автор «Хождения» («В Бедери же их стол Гундустану бесерменскому»), но в Индии XV в. оно было самым могущественным и находилось в зените своего развития.

Соперничать с ним мог только Виджаянагар — другое крупное государство на юге.

История независимого Бахманидского государства начинается с 40-х годов XIV в., когда делийский султан Мухаммед Туглак, занятый подавлением восстаний в Северной Индии, утратил контроль над своими южноиндийскими владениями. Один за другим его наместники, военачальники и коменданты крепостей в Южной Индии становились фактически независимыми правителями. Так, наместник Мадур, самой южной провинции султаната, объявил себя независимым еще в 1335 г. и присвоил себе титул султана.

В результате восстания 1343—1344 гг. в Хойсале большая часть ее стала независимой под властью бывших хойсальских военачальников — Харихары I, а затем его брата Букки I. В историю это государство вошло под названием Виджаянагар, как называлась новая столица его, расположенная на правом берегу реки Тунгабхадры.

Почти одновременно с восстанием в Хайсале мусульманские завоеватели были изгнаны из Телинганы, и в столице ее Варангале утвердился независимая индусская династия.

Решающим событием для судеб южноиндийских владений Делийского султаната было восстание населения Даулатабада и других районов Декана, вызванное непомерным налогообложением. Репрессии Мухаммеда против им же назначенных эмпров, чиновников и военачальников, неспособных взыскать с населения налоги и недоимки, восстановили эту новую деканскую знать против султана и вынудили ее присоединиться к восставшим. На сторону восставших переходили и делийские войска вместе со своими командирами.

Один из бывших военачальников султана Хасан, по прозвищу Зафар Хан, поддержанный мятежной знатью и армией, в августе 1347 г. был провозглашен независимым правителем Декана. Хасан претендовал на происхождение от Бахмана — сына полумифического персидского царя Исфандпара, и присвоил себе титул: Абул Музаффар Ала-ад-дин Бахман Шах.¹ Так было положено начало

¹ По другой версии слово «бахман» в сложном титуле Хасана означает «брахман» и является с его стороны выражением благодарности по отношению к брахману, некогда предсказавшему ему блестящую карьеру.

новому независимому государству и новой династии Бахманидов.

Бахманидское государство занимало всю центральную и западную часть Декана — обширного плоскогорья в центре Индостанского полуострова. На севере оно граничило с отделившимися от Делийского султаната государствами Гуджарат, Хандеш и Мальва, в которых правили мусульманские династии, на юге — с индусским царством Виджаянагар, на востоке — с Телинганой, находившейся под властью индусских раджей.

Население Бахманидской державы, как и всей Южной Индии, состояло из многочисленных народов, говоривших на разных языках, исповедывавших разные религии и стоявших на разных ступенях общественного развития.

Физический облик населения представлял собой различные варианты смещения южноиндийского темнокожего антропологического типа со светлокожим североиндийским. Жители Виджаянагара и южных районов Бахманидского государства отличались темным цветом кожи и некоторыми характерными признаками негро-австралоидной расы. На западе полуострова, особенно в приморских городах, встречались и типичные негры. В большинстве случаев это были потомки переселенцев из Африки. Чем дальше на север, тем более светлокожим было население и тем слабее были выражены в нем негро-австралоидные черты. Так, жители северных районов Декана принадлежали скорее к североиндийскому антропологическому типу.

Большинство населения в северных и западных районах Бахманидского государства составляли маратхи. Язык маратхи принадлежит к индийской группе индоевропейских языков, на которых говорит большинство народов Северной Индии. Жители восточных районов Бахманидского государства и большая часть населения Телинганы говорили на языке телугу — одном из южноиндийских языков, составляющих особую дравидийскую семью языков.

Население Виджаянагара также было многоязычным и состояло из многих народов. В районах, непосредственно соседящих с владениями Бахманидов, жили каннара (каннада), южную часть Мала-

барского побережья населяли малайяли, а весь юг полуострова был населен тамилами. Языки каннада, малайялам и тамили относятся также к дравидийской семье. На них уже тогда, в XIV—XV вв., а на тамили значительно раньше, появилась своя литература. Кроме этих народов, в Южной Индии, особенно в Виджаянагаре и Телингане, было много мелких племен, говоривших на своих языках.

Если местное население говорило на своих языках, то значительная часть пришлого мусульманского населения в XV в. говорила еще на персидском. Персидский же был и официальным языком в Бахманидском государстве.

Независимо от государственной, расовой и этнической принадлежности большинство индийцев делилось на касты. Касты представляли собой общественные, в большинстве случаев созданные по признаку общности занятий, профессиональные группировки разной численности (от нескольких тысяч до сотен тысяч человек) и занимавшие различное социальное положение в феодальном обществе. По происхождению большинство каст восходит к четырем варнам — брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, — социальным группам, на которые делилось в древности индийское общество. Ниже других стояли касты, добывавшие себе средства существования нечистым, с точки зрения высших каст, трудом. К этой категории относились чернорабочие, прачки, кожевники, сапожники и др. Их считали неприкасаемыми. Прикосновение их к представителю высших каст считалось осквернительным для него и влекло за собой унижительные, а подчас и жестокие наказания для неприкасаемого.

Кроме особых случаев, предусмотренных обычаем, человек не волен был изменить свое кастовое положение. Каста была эндогамной группой. Браки между членами разных каст были запрещены. Члены высших каст не могли есть не только за общим столом, но даже в присутствии лиц, принадлежащих к низшим кастам. Особенно тяжело было положение неприкасаемых, которым запрещалось, например, мыться в общих водоемах и даже брать воду из общественных колодцев. За соблюдением обычаев и кастового режима наблюдали особые кастовые советы (панчаяты), существовавшие в каждом местном подразделении касты.

Как и во всей Индии, в Бахманидском государстве большинство населения исповедывало индуизм. Чисто богословские, догматические основы индуизма могут быть сведены к нескольким положениям: учение о социальном неравенстве людей по рождению и невозможности преодолеть это неравенство в настоящем земном существовании; учение о том, что существование человека не кончается с физической смертью, а представляет собой бесконечный ряд последовательных перерождений из одной смертной формы в другую; учение о поведении и воздаянии, т. е. строгом соблюдении предписанных норм поведения в настоящем существовании как единственное условие повышения общественного положения в процессе посмертных перевоплощений. Но на практике индуизм представлял собой сложный комплекс верований и самых противоречивых религиозных представлений. В нем высшие формы религиозного мистицизма сочетались с грубым идолопоклонством; строгое единобожие уживалось с анимизмом, с поклонением различным духам, стихиям, растениям и животным; наряду с запретом причинять какой-либо вред живым существам, практиковались кровавые жертвоприношения.

Уже в XIV—XV вв. существовало множество индуистских толков и сект, но большинство их принадлежало к двум основным направлениям индуизма: вишнуизму и шиваизму. Между ними не было существенной разницы в догматике. Одни верховным божеством индуистского пантеона считали Вишну — хранителя и покровителя всего живого, а другие — Шиву — разрушителя и творца нового, олицетворяющего круговорот жизни.

Индуисты поклонялись и приносили жертвы не только этим верховным божествам, но и многочисленным антропоморфным и зооморфным воплощениям их. Скульптурные изваяния богов ставились в храмах, на специальных платформах в деревнях и на домашних алтарях. Делались и колоссальные статуи из камня, и миниатюрные фигурки божеств из металла и слоновой кости.

Кроме основных божеств индуистского пантеона и многочисленных воплощений их, индийцы поклонялись некоторым животным, сооружали алтари с их изображением и даже посвящали им

отдельные храмы. К таким священным животным относились: корова, змея, обезьяна и некоторые другие. Убивать, а тем более употреблять в пищу мясо священных животных, особенно коровы, считалось величайшим святотатством.

Священными считались в Индии некоторые реки. В Южной Индии самой священной была река Годавери. На ее берегах построено было много храмов и целых храмовых городов. Тысячи паломников со всех сторон стекались к священным рекам и прославленным храмам. На доходы от паломников содержалось многочисленное индуистское жречество.

Из индуистских сект в Декане самой крупной была шиваитская секта лингаятов. Лингаиты поклонялись скульптурному изображению фаллоса (лингам) как символу созидательной, производящей силы Шивы. Более или менее стилизованные фаллические изображения ставили на домашних алтарях, помещали в храмах, а иногда и самим храмам придавали фаллическую форму.

В северо-западных районах Бахманидского государства часть населения исповедывала джайнизм — религию, близкую буддизму и возникшую в Индии одновременно с буддизмом. В приморских городах на западе жили небольшие общины христиан, евреев и парсов. Христиане и евреи были потомками выходцев из Сирии и Палестины, поселившихся в Индии в первые века нашей эры. Парсы, исповедывавшие особую форму зороастризма, вышли из Ирана и поселились в Индии в VIII—IX вв. Почти все христиане, евреи и парсы в XV в. жили на западном побережье и не проникали во внутренние районы страны.

Мусульмане едва ли составляли десятую часть населения Бахманидского царства, а в других государствах Южной Индии их было еще меньше. Большая часть мусульман жила в городах и принадлежала к господствующей прослойке общества. Ими была представлена почти вся феодальная и чиновно-бюрократическая верхушка, крупное купечество, а главным образом армия.

В XIV—XV вв. среди мусульман Южной Индии различались две категории: местные мусульмане — дакхینی, т. е. деканцы или «южане», и пришлые мусульмане, большинство которых осело

в Южной Индии в связи с завоевательными походами делийских султанов. В отличие от деканцев, эти мусульмане считались иноземцами в Южной Индии.

Местные мусульмане были потомками арабских, персидских и различных африканских переселенцев, обосновавшихся в Индии за несколько столетий до образования Бахманидского государства. В их состав входили и так называемые муваллады — потомки африканцев и индийских женщин. Все они значительно перемешались с местным населением, говорили на его языках и считали себя коренными индийцами. В их среде существовали и кастовые группировки. Почти все деканские мусульмане были суннитами.

«Иноземцы» были представлены персами, таджиками, афганцами и разными тюркскими элементами. Большинство их говорило на персидском или таджикском языках. Среди иноземной знати много было шиитов. «Иноземцы» только себя считали истинными мусульманами. Они не признавали кастовых различий, неизменно враждебно относились к индуизму и даже по отношению к местным своим единоверцам держались изолированно.

Основатель Бахманидского государства Ала-ад-дин I Бахман Шах (1347—1358) подчинил себе большую часть Декана, включая морское побережье с портами Гоа и Дабул. Свои владения он разделил на четыре административных области (тарафы): Гульбарга, Даулатабад, Бидар и Берар. Управлял тарафом назначенный шахом чиновник — тарафдар. Столица из Даулатабада была перенесена в Гульбаргу. В качестве правителя независимого мусульманского государства Ала-ад-дин был признан египетским халифом.

Уже при первых преемниках Ала-ад-дина начались войны с соседними индийскими государствами — Виджаянагаром на юге и Телинганой на востоке. Походы против Виджаянагара предпринимались почти каждым правителем Бахманидской династии. Основной причиной военных столкновений между двумя государствами было соперничество за обладание плодородной и богатой алмазными месторождениями долиной Райчур, лежащей между

реками Кришной и Тунгабхадрой, и за морское побережье с портом Гоа. Армии той и другой стороны насчитывали сотни тысяч пеших и конных воинов. Войны сопровождались разрушением городов, истреблением населения и уводом в рабство мирных жителей. После каждого победоносного похода в Виджаянагар на базарах Бидара, Гульбарги и других городов продавались тысячи рабов.

Одним из крупнейших походов против Виджаянагара был поход Фируза Шаха Бахмани в 1406 г. Разбитый его войсками, раджа Деварая вынужден был уплатить большую дань, уступить город и крепость Банкапур и отдать одну из дочерей в гарем Фируза, что было особенно унижительно для высокородного индуса.

Благодаря превосходству в коннице Бахманиды часто выходили победителями в сражениях с армиями Виджаянагара, но им так и не удалось захватить и присоединить его к своим владениям. Иначе сложилась судьба Телинганы. В 1425 г. при бахманидском шахе Ахмаде I (1422—1435) был взят Варангал и положен конец независимому существованию Телинганы. Она была включена в Бахманидское государство.

Продлав удачную военную экспедицию против Мальвы и обезопасив себя таким образом со стороны северных соседей, Ахмад в 1429 г. перенес столицу из Гульбарги в Бидар и на месте старого построил новый город. Уже к концу его царствования Бидар стал одним из крупнейших административных и торговых центров.

За время царствования Бахманидов возникло много новых городов. В несколько раз выросло население старых городов, особенно таких, как Гульбарга, Даулатабад, Биджапур. Изменился и социальный состав городского населения. Основную массу его составляли мелкие торговцы, ремесленники и другой трудовой люд. Но в городах была сосредоточена почти вся феодальная знать, многочисленные чиновники, индустское и мусульманское духовенство, кушцы и ростовщики, т. е. вся социальная верхушка феодального общества. Кроме того, в городах были расквартированы крупные военные гарнизоны. Вся эта масса населения ничего не производила, и потому города превратились в крупные центры потребления.

Потребности городского хозяйства уже не могли быть удовлетворены за счет ближайшей сельской округи и местного ремесленного производства, а это стимулировало развитие торговли. Роль торговли и торговцев настолько возросла, что Ахмад I высшему сановнику государства, своему главному министру, присвоил титул «малик-ут-туджар», т. е. «старшина купцов».

На городских базарах велся широкий торг самыми разнообразными, в том числе и заморскими товарами. В крупных городах периодически устраивались ярмарки, куда съезжались купцы из разных областей государства и даже из отдаленных стран. На этих ярмарках продавались ткани, посуда, оружие, украшения и другие изделия местных ремесленников, жемчуг и драгоценные камни с Цейлона, пряности с островов Малайского архипелага, лошади, привозимые морем из Ирана и Аравии, а также многочисленные рабы иноземного и местного происхождения.

Границы государства не были закрыты для купцов любой национальности, и торговые караваны пересекали страну во всех направлениях.

Для удобства передвижения торговых караванов улучшались старые и строились новые дороги. Безопасность на дорогах поддерживали расположенные поблизости военные гарнизоны. На дорогах строились караван-сарай или дхармсала, т. е. постоянные дворы с необходимым оборудованием и персоналом для обслуживания проезжающих. За состоянием дорог и обслуживанием постоянных дворов следили старшины ближайших сельских общин, находившиеся, в свою очередь, под контролем особого государственного ведомства.

В XV в. все большее значение для государства приобретала внешняя заморская торговля. Почти вся она велась через Гоа, Дабул, Чаул и другие порты западного побережья. Персидские, арабские, цейлонские и малайские купцы прибывали сюда на своих судах и часто здесь же обменивали свои товары на индийские. Большая часть оптовой торговли внутри страны и почти вся заморская торговля находились в руках «иноземных» мусульман, а на долю деканцев оставалась мелкая, розничная торговля. Однако большинство судовладельцев и экипажей судов на западном побе-

режье составляли деканцы. Деканские купцы противились попыткам «иноземцев» установить монополию в торговле с заморскими странами, а крупное бахманидское купечество бойкотировало местных судовладельцев и предпочитало пользоваться иностранными судами.

Для развития заморской торговли Бахманидскому государству необходим был выход к морю и собственные порты. Однако значительная часть морского побережья и лучшие порты находились в руках конканских раджей и Виджаянагара.

Попытка Ала-ад-дина II (1436—1458) захватить Конкан и присоединить к своим владениям морское побережье окончилась неудачей. Этот поход вызвал энергичное противодействие со стороны деканцев. Ала-ад-дин, вообще покровительствовавший «иноземцам» и опиравшийся на них в гражданском управлении и в армии, принял этот поход также в их интересах. В период войны с конканскими раджами в 1446—1447 гг. конфликт между двумя группами мусульманского населения привел к тому, что часть деканцев перешла на сторону раджей, а затем последовали крупные вооруженные столкновения и кровавые распри между деканцами и «иноземцами».

Столкновения Ала-ад-дина с другими соседями кончились успешно для него. Так, он отразил нашествие правителя Хандеша, выиграл войну с Виджаянагаром, подавил восстание в Телингане и принудил отступить вторгшиеся в его владения войска правителя Мальвы. Этими успехами Ала-ад-дин был в значительной степени обязан своему советнику и военачальнику, выходцу из Гиляна, ходже Махмуду Гавану. Преемник Ала-ад-дина Хумаюн присвоил Махмуду Гавану титул «малик-ут-туджар».

Трехлетний период царствования Хумаюна (1458—1461) был заполнен непрерывными восстаниями, заговорами, карательными экспедициями и казнями. В историю Хумаюн вошел как жестокий тиран. Он истребил почти все прямое потомство Бахмана Шаха и множество придворных, поколениями служивших Бахманидам. Однако маньякальная подозрительность Хумаюна не коснулась Махмуда Гавана. Он остался на своем посту и после смерти Хума-

юна, когда шахом стал малолетний сын Хумаюна — Низам, а регентом при нем была мать Махдума — Джахан. Вскоре умершему Низаму наследовал тоже малолетний брат его Мухаммед III (1463—1482).

Махмуд Гаван пользовался особым доверием правительницы. Она убрала с его пути возможных соперников и поручила ему воспитание малолетнего шаха. Будучи наместником шаха в Биджапуре, т. е. номинально числясь одним из тарафдаров, Махмуд Гаван был фактическим регентом и правителем государства. Незаурядные личные способности, сильный характер и многолетний опыт сделали Махмуда Гавана одним из выдающихся государственных деятелей средневековой Индии.

Еще в начале XV в. бахманидские правители поняли, насколько необходим государству постоянный выход к морю, свои порты на нем, свой торговый и военный флот. Но тогда Ала-ад-дину II не удалось прочно закрепиться на морском побережье. Порты Чаул, Дабул, Гоа и другие находились в руках независимых конканских раджей или состояли под контролем Виджаянагара. Через эти порты шла почти вся внешняя торговля Бахманидского государства. Некоторые предметы этой торговли имели для него жизненно важное значение, например регулярный ввоз лошадей.

В Южной Индии лошадьми пользовались не как тягловой силой в хозяйстве, а только для верховой езды и главным образом в армии. Многие победы бахманидских войск над армиями Виджаянагара и других противников были одержаны только благодаря превосходству бахманидской конницы. Держали верховых лошадей и представители мусульманской знати, и крупные купцы. Но нигде в Южной Индии не было собственного коневодства. Ее природные условия оказались неблагоприятными для размножения лошадей. Поэтому бахманидские правители всячески поощряли и контролировали ввоз коней из Ирана, Аравии и других стран. Тысячи коней ежегодно ввозились морем на небольших судах, преимущественно иностранными купцами.

Забота о распространении заморской торговли (недаром же титул его означал «старшина купцов») и важные стратегические соображения побудили Махмуда Гавана предпринять новое завоевание

Конканского побережья. Под предлогом ликвидации пиратских баз на этом побережье, бахманидские войска под командованием Махмуда Гавана в 1469 г. вторглись в Конкан. В результате более чем двухлетней упорной борьбы с местными раджами бахманидским войскам удалось взять две крепости — Кхелну и Сангамешвар, крупный порт и пиратскую базу Гоа и присоединить к бахманидским владениям большую часть Конканского побережья.

Одновременно другой представитель бахманидской знати, деканец из обращенных в ислам брахманов, Малик Хасан под предлогом помощи одному из южноорисских раджей захватил ряд независимых феодальных владений на восточном побережье Декана и присоединил их к Телингане. Телингана стала самым крупным тарафом Бахманидского государства. Наместником объединенной Телинганы был назначен Малик Хасан.

Афанасий Никитин посетил Индию как раз в тот период, когда Бахманидская держава достигла наибольшего могущества. Ее владения простирались от моря до моря. Махмуду Гавану удалось добиться максимальной централизации государственной власти и относительного равновесия соперничавших группировок мусульманской знати. Всеми четырьмя тарафами управляли крупные вельможи, причем тарафдар Даулатабада Юсуф Адил Хан Саваи и сам Махмуд Гаван, управлявший Биджапуром и Голкондой, принадлежали к «иноземной» группе, а тарафдары Берара и Телинганы, т. е. Фатхулла Имад-ул-Мульк и Малик Хасан, были деканцами.

Однако именно вторая половина XV в. в жизни Бахманидского государства была временем, когда последствия жестокого правления мусульманской династии, разорительных для населения походов на индусские княжества, тяжело отразились на экономике страны. Сельское население, обремененное многочисленными налогами, угнетаемое мусульманскими и местными властями, закрепощаемое и бесправное перед законом, поставлявшее главную массу воинов для грабительских походов султана, жило в постоянной нужде. Бедность населения в годы пребывания в Индии Никитина возросла еще потому, что на подготовку большого похода на Виджаянагар было израсходовано много средств — «казны истратили много».

в то время как при взятии «индийского города» взяли пленных, «казны же не было ничего».

В результате засухи в течение двух лет подряд в 1473 г. в Декане разразился страшный голод и эпидемия холеры. Стихийное бедствие охватило все Бахманидское царство, а некоторые районы его совершенно обезлюдели и были разорены.

Воспользовавшись бедствиями, постигшими бахманидские владения, вассалы Бахманидов пытались кое-где поднять восстание. Крупнейшим было восстание в восточной Телингане, поддержанное одним орисским раджой. Тарафдар Телинганы Малик Хасан был осажден восставшими в Раджамундри.

Мухаммед III в 1478 г. лично выступил против восставших. Ему удалось освободить осажденного Малик Хасана и разбить повстанцев. Теперь Телингана полностью была подчинена Бахманидам и разделена на две провинции (тарафа): восточную с центром в Раджамундри, которой управлял Малик Хасан, и западную с центром в Варангале, отданную в управление Азам Хану. Малик Хасан был недоволен разделом тарафа и умалением его власти.

После смерти матери в 1473 г. молодой шах стал более самостоятельным и принимал более деятельное участие в государственных делах, особенно в военных походах. При дворе и в наместничествах среди высшей знати сложились группировки, пытавшиеся восстановить шаха против Махмуда Гавана и его политики, направленной на централизацию государственной власти.

Махмуд Гаван составил и осуществил план нового административного устройства. Вместо четырех было создано восемь тарафов, т. е. каждый из прежних тарафов был разделен на два. Вместе с тем была ограничена власть тарафдаров. Часть земель в тарафах была причислена к коронным землям. Назначение на главные военные должности в тарафе объявлено прерогативой центральной власти. Суммы, взимаемые с тарафдаров на содержание войск, были повышены. Вводился регулярный контроль центральных властей над деятельностью тарафдаров. Из восьми тарафдаров пять были деканцами. Несмотря на такое соотношение представителей двух групп мусульманской знати на высших должностях, заговор против Мах-

муда Гавана возглавил представитель деканцев — Малик Хасан. Завистливый ренегат из брахманов не мог примириться с удачами и всей карьерой приезжего из Персии торговца. При помощи подкупа было составлено подложное письмо, обвиняющее Махмуда Гавана в измене. Пьяный Мухаммед поверил доносу и приказал казнить Махмуда Гавана. Самый способный и самый преданный государственный деятель Бахманидского государства без всякого суда и следствия был казнен в 1481 г. на 79-м году жизни. Произведенное после казни расследование без труда установило невиновность Махмуда Гавана. Тело его с почестями было отправлено для похорон в Бидар. От Мухаммеда отвернулись многие представители знати, в том числе и деканцы.

Смерть Махмуда Гавана и обострение междоусобной борьбы бахманидской знати, а затем смерть самого Мухаммеда III, по существу, знаменовали начало распада Бахманидского царства. Преемники Мухаммеда III были просто марионетками в руках игравшей ими знати. В течение некоторого времени Малик Хасану, получившему титул «малик намба» («главного министра»), удается играть первую роль при дворе, но тарафдары становились все более независимыми и оппозиционными центральной власти. Малик Хасан вскоре был убит с разрешения преемника Мухаммеда III — Махмуда.

В 1490 г. три тарафдара объявили себя независимыми, положив начало новым династиям: Низам-шахов Ахмедабада, Адил-шахов Биджапура, Имад-шахов Берара. Позднее основались династии Кутб-шахов Голконды и Барид-шахов Бидара. Так единое Бахманидское царство в начале XVI в. распалось на 5 отдельных феодальных государств. Русский путешественник Афанасий Никитин зорко подметил признаки экономического кризиса, подготовившего почву для этого распада еще в годы правления властного и могущественного Махмуда Гавана.

М. К. Кудрявцев.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина известно нам в настоящее время в следующих списках:

1) БЛ, Муз. № 3271; 4°; конец XV в. Сборник. Древнейший из известных нам списков; содержит небольшие фрагменты из «Хождения» (л. 35 об.). Фрагменты «Хождения» по этому списку были впервые опубликованы А. А. Зиминим.¹

2) БЛ, М. 8665; 4°. Сборная рукопись. Первая часть рукописи — Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII); вторая часть — отдельные записи (в том числе — 1530 г.), перечень русских князей, «Творение храма Соломанова», «Обед Соломанов»; третья часть — сочинения церковного характера (житие богородицы Епифания, слово Иоанна Златоуста, слово патриарха Геннадия, и др.) и «Пчела»; четвертая часть (лл. 369—392) — «Хождение за три моря». На последнем листе рукописи (крышке переплета, отклеенной при последней реставрации) ряд отдельных записей, например: «Господи, помози рабу своему».² А. А. Шахматов датировал четвертую часть рукописи (список «Хождения») концом XV в.,³ издатели т. XXIII ПСРЛ отно-

¹ А. А. З и м и н. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина. Труды ОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 437—438.

² Эта запись (ошибочно транскрибированная — «гир помози рабу своему») была неправильно включена в текст «Хождения» в первом издании настоящей книги (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 32).

³ А. А. Ш а х м а т о в. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (оттиск из «Известий ОРЯС» за 1903—1904 гг.), стр. 3.

сили ее к началу XVI в.⁴ Водяные знаки четвертой части рукописи (тиара и бычья голова) совпадают с водяными знаками остальных частей и относятся к концу XV—началу XVI в. На полях рукописи имеются пометы почерком конца XVIII—XIX в., воспроизведенные нами в текстологических примечаниях. Рукопись принадлежала Троицкому монастырю (хранилась в казне монастыря под № 17) и обычно именуется в литературе Троицкой. Троицкая рукопись «Хождения» была широко использована уже Н. М. Карамзиным в цитатах в «Истории государства Российского», т. VI (прим. 629). В 1853 г. «Хождение» было издано по Троицкой рукописи в приложениях к Софийской II летописи (ПСРЛ, т. VI, приложение Г, *ab*), хотя в самой Софийской II летописи содержится иной текст «Хождения» (летописный текст «Хождения» был использован только в аппарате к изданию троицкого текста). В 1948 г. «Хождение» было издано по Троицкой рукописи в 1-м издании «Хождения» в серии «Литературные памятники».

3) ГПБ, Ф. IV. 144; 1°; середина XVI в. Эттеров список Львовской летописи. «Хождение» — лл. 442—458 об. По этому списку «Хождение» вместе со всей Львовской летописью было издано в ПСРЛ, т. XX, ч. 1 (стр. 303—313).

4) ЦГАДА, ф. 181, № 371/821; 4°; середина XVI в. Архивский список Софийской II летописи. «Хождение» — лл. 193—220 об. По этому списку «Хождение» вместе со всей Софийской II летописью было издано в «Софийском временнике» (ч. II, М., 1821, стр. 145—164).

5) ГИМ, Воскр., бум., № 1546; 1°; вторая половина XVI в. Воскресенский список Софийской II летописи. Текст «Хождения» здесь почти полностью вырван; сохранились только (на лл. 1192 об.—1193) вступительные замечания летописца и несколько последних слов текста.

6) БЛ, собр. Ундольского, № 754; 1°. Сборная рукопись. Часть, содержащая «Хождение» (хронограф) — XVII в. «Хождение» — лл. 300—319 (новой пагинации, сверху). На полях имеются пометы почерком XVIII в., воспроизведенные нами в текстологических приме-

⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. I—II.

чаниях. По этому списку наряду с Троицким списком «Хождение» было издано в приложении к Софийской II летописи (ПСРЛ, т. VI, приложение Г, *cd*) и в первом издании в серии «Литературные памятники».

7) ГПБ, Ф. XVII. 17 (из собр. Толстого, 1, № 198); 1°; XVII в. Сборник. «Хождение» (в составе хронографа) — лл. 402—412. Как отметил А. С. Орлов, сборник этот принадлежал Арсению Суханову, известному церковному деятелю середины XVII в.⁵ На необходимость привлечения этого списка к изданию «Хождения» указал А. А. Зимин.⁶

Кроме дошедших до нас рукописей, содержащих (полностью или частично) «Хождение» Никитина, существовала еще одна рукопись, до нас не дошедшая. Рукопись эта принадлежала известному археографу XIX в. И. П. Сахарову и была им использована для издания «Путешествия Афанасия Никитина в Индию» в его «Сказаниях русского народа». Неясно, однако, был ли в распоряжении Сахарова сплошной текст «Хождения» (хотя бы с пропусками) или только отрывки из него. Во всяком случае, как указывает Сахаров, начало «Путешествия» было им напечатано по тексту Н. М. Карамзина (Троицкому списку), основная часть — по Софийскому времени (Архивскому списку) и лишь небольшой отрывок текста, описывающий обратное путешествие Никитина, — по собственной рукописи Сахарова.⁷

Рассматривая отдельные списки «Хождения за три моря», исследователи уже давно (начиная с И. И. Срезневского)⁸ обнаружили, что эти списки довольно определенно распадаются на три извода, или редакции. К первой редакции можно отнести те списки, в кото-

⁵ А. С. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906, стр. 36—38.

⁶ А. А. Зимин, ук. соч., стр. 438—439.

⁷ Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, том второй, СПб., 1849, стр. 170—182.

⁸ И. И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Ученые записки II Отделения Академии наук, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 244—265.

рых «Хождение» непосредственно включено внутрь летописного рассказа под 1475 годом: Эттеров список Львовской летописи, Архивский список Софийской II летописи, а также Воскресенский список Софийской II летописи, где сохранились только начало и конец «Хождения». К этой же редакции принадлежал, по-видимому, и тот список, который был использован И. П. Сахаровым для дополнения Софийского и Троицкого списков в его издании «Хождения». Ко второй редакции относится Троицкий список (и, может быть, отрывок, читающийся в сборнике Муз. 3271). К третьей редакции относится список Ундольского и не привлекавшийся до сих пор список ГПБ, Ф. XVII. 17. По вопросу о качестве текста в различных редакциях мнения исследователей не совпадают: И. И. Срезневский считал лучшим (наиболее полным) текстом «Хождения» тот текст, который читается в Софийской II (и Львовской) летописи;⁹ К. Н. Сербина, напротив, усматривает «наибольшую полноту и исправность текста» в Троицком списке (именно поэтому, очевидно, К. Н. Сербина и сочла возможным вслед за издателями т. VI ПСРЛ рассматривать первую и вторую редакции «Хождения» как единую редакцию, публикуя Троицкий список в основном тексте, а Эттеров, Архивский и Воскресенский — в разночтениях).¹⁰ Бесспорной является только характеристика третьей редакции (списка Ундольского) как явно более поздней и относящейся к XVII в.

История текста «Хождения за три моря» также представляется исследователями по-разному. И. И. Срезневский полагал, что две основных редакции «Хождения» — летописная и троицкая — имели своим источником различные авторские варианты текста; Афанасий Никитин, по его мнению, не только вел записки во время пути, «но и переписывал, а переписывая, исправлял или изменял — один из этих списков достался Мамыреву и перешел в Софийский временник, другим списком воспользовался составитель Русского временника» (И. И. Срезневский имеет в виду, очевидно, Троицкий

⁹ Там же, стр. 244.

¹⁰ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 133—134.

сборник, содержащий Ермолинскую летопись).¹¹ К. Н. Сербина совсем не поставила в своем «археографическом комментарии» к «Хожению» вопроса об истории текста памятника. Точка зрения И. И. Срезневского встретила, однако, серьезные возражения со стороны двух советских исследователей — Р. Терегуловой и особенно Г. П. Уханова. Г. П. Уханов соглашается с тем, что, «пройдя три моря», Никитин, возможно, придал литературную форму своим кратким заметкам, начатым еще в Индии (в Бидаре), но окончательно обработать, по-видимому, не имел возможности и оставил, таким образом, «только один вариант своего произведения».¹²

Этот последний вывод представляется нам несомненным: он прямо подтверждается и сообщением Софийской II — Львовской летописи о судьбе Никитина (единственным историческим свидетельством о нем, данным от третьего лица), и самим текстом «Хожения». Конечно, «Хожение» нельзя назвать дневником в полном смысле этого слова — изложение здесь ведется не по дням; но основная часть памятника бесспорно написана еще в Индии и обработке не подверглась, как это доказывает самая форма рассказа. «И тут есть Индейская страна. . .», — пишет Никитин (Т, л. 372; Э, л. 444),¹³ «Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана. . . пути нету, везде булгак стал. . .» (Т, л. 386 об.; Э, л. 454); «Уже проидоша 4 Великыя дни в бесерменьской земли, а христианства не оставих; дале бог ведает, что будеть», — замечает он в одном месте (Т, л. 384 об.; Э, л. 452 об.), а в другом сообщает уже: «В пятый же Великий день възмыслил ся на Русь» (Т, л. 389 об.; Э, л. 456), и далее излагает историю этого путешествия. Из последней, заключительной части «Хожения», написанной уже после того, как Никитин высадился в Крыму (в Кафе), мы узнаем, что он нашел все-таки путь «из Гун-

¹¹ И. И. Срезневский, ук. соч., стр. 264—265.

¹² Р. Терегулова. Хожение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV в. Ученые записки Тамбовского гос. пединститута, вып. I, 1941, стр. 142; Г. П. Уханов. Синтаксис «Хожения за три моря» (автореферат диссертации). 1952, стр. 6—8.

¹³ В дальнейшем все ссылки делаем на листы Троицкого (Т) и Эттерова (Э) списков.

дустана» на Русь, что ему так и не пришлось «оставить христианства»; указанные места свидетельствуют, следовательно, о том, что Никитин не подверг обработке записи, сделанные в Индии.¹⁴ Это вполне объясняется его судьбой, описанной в летописи: не доходя Смоленска (не вступив даже, следовательно, еще на территорию Русского государства) Никитин умер. Переписывание Никитиным своего труда и тем более, создание им нескольких авторских вариантов представляется поэтому совсем невероятным.

Создателями редакций «Хождения» следует считать, таким образом, различных переписчиков памятника. Какую же из дошедших до нас редакций мы можем считать соответствующей первоначальному тексту Никитина, и какую — вторичной? Сопоставляя между собой летописную редакцию и редакцию, представленную Троицким списком, мы приходим к выводу, что ни одну из них нельзя вывести из другой, что, иными словами, обе они независимо друг от друга восходят к единому протографу (авторскому тексту или его копии); лучшие чтения, отражающие этот протограф, по временам обнаруживаются то в той, то в другой редакции.

Так, например, в летописной редакции мы читаем ряд подробностей нападения татар на русских купцов (с которого, собственно, и началось путешествие Никитина «куда его очи понесли»), отсутствующих в Троицком списке: «А мы того (т. е. оклика со стороны татар, — Я. Л.) не слышали ничего. А бежали есмя парусом. . . А в другом судне. . . коровы, да корм нашъ. . . А тут есть городок

¹⁴ Ср.: В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Афанасий Никитин — путешественник-писатель. В книге: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 109. Неубедительно, на наш взгляд, объясняют эти места А. М. Осипов, В. А. Александров и Н. М. Гольдберг, считающие «Хождение за три моря» «плодом единого замысла, осуществленного после возвращения из путешествия за три моря». По их мнению, цитированные слова Никитина представляют собой искусно вплетенные в текст «лирические отступления, нередко являющиеся воспоминанием об угрожавших автору, но окончившихся благополучно событиях» (Афанасий Никитин и его время. М., 1956, стр. 197—198). Но мы видим, что Никитин вовсе не говорит об этих событиях, как об «окончившихся благополучно», а напротив выражает неуверенность в их исходе: «бог ведает, что будет».

Тархи, а люди вышли на берег. . .» и т. д. (Э, л. 443; ср. Т, лл. 369 об.—370). Приводятся в летописной редакции подробности приготовления индийских блюд: «А варят с маслом, да с молоком» (Э, л. 448 об.; ср. Т, л. 378 об.). При описании индийских маршрутов указывается, что «от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята 10 дни, а от Кучьзрята до Камбата 4 дни» (Э, лл. 449 об.—450), в то время как в Троицком читается явно бессмысленное: «от Дега до Мошката до Кучьзрята до Комбата 4 дни» (Т, л. 380 об.); далее приводится расстояние «от Чювиля до Дабыля 6 дни», также пропущенное в Троицком. При перечислении богатств «Силяна» (Цейлона) в летописной редакции упоминается «хрусталь да бабугури» (Э, л. 451; ср. Т, л. 382 об.). Сохранилось в летописной редакции очень характерное и эмоциональное замечание Никитина по поводу ограбления его трапезундским пашой на обратном пути: «что мелочь добренка — ини выграбили все» (Э, л. 458; ср. Т, л. 392). Ясно, что все эти фактические подробности не могли быть привнесены переписчиком и восходят к первоначальному тексту «Хожения». В ряде случаев летописная редакция дает более правильные чтения, чем троицкая; она нигде не отражает ошибок Троицкого списка (усвоенных и редакцией XVII в. — списком Ундольского и Сухановским списком). Так, в Троицком (и в списке Ундольского) «море Индейское» именуется иначе — «гори Гондустаньскаа» (Т, л. 369; ср. У, л. 300 об.); в летописной редакции правильно — «*дорья* (перс. — море) Гундустанскаа» (Э, л. 442). В Троицком списке про индийского султана говорится: «А салтан велик — 20 лет» (Т, л. 376), в летописной редакции явно правильное: «а салтан *невелик* — 20 лет» (Э, л. 447). В Троицком списке после описания огромного войска, едущего с султаном (100 тыс. конных, 200 тыс. пеших и т. д.) и с крупнейшими ханами, вновь перечисляются силы, идущие «с султаном», и притом довольно скромные («10 тысяч конных, а пеших дватцать тысяч» — Т, л. 389); в летописной редакции здесь правильно читается: «с Сулханом» (Э, л. 455 об.).

С другой стороны, Троицкий список также содержит ряд мест, отсутствующих в летописной редакции и явно восходящих к протографу. К авторскому тексту может быть с достаточным вероятием

отнесена уже первая фраза «Хождения» в Троицком списке: «За молитву святых отец наших, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй мя раба своего грешного Афонасья Микитина сына» (Т, л. 369; ср. Э, л. 442). Рассказывая о поведении «князя обезьянского», Троицкий список сообщает, что по жалобе своих подданных-обезьян на кого-либо из людей «он посылает на того свою рать» (Т, л. 375 об.); в летописной редакции этого указания нет (Э, л. 446 об.). В описании быта Индии Троицкий список сохранил упоминание, что «сельские люди голы велми, а бояре силны добре» (Т, л. 375 об.; ср. Э, л. 446), явно выпавшее в летописной редакции. Описывая религиозные обычаи Индии, Троицкий список, в отличие от летописной редакции, указывает, что индийцы сыплют цветы не только на священного «вола», но «и на Бута сыплют цветы» (Т, л. 378 об.; ср. Э, л. 448). Сохранилось здесь и горькое замечание Никитина, что на чужбине он забыл даже христианский календарь: «ни среды, ни пятницы не знаю» (Т, л. 380; ср. Э, л. 449 об.). Ряд географических сведений, пропущенных летописной редакцией, в Троицком списке читается (Т, л. 381; ср. Э, л. 450; Т, л. 386; ср. Э, л. 453 об.; Т, л. 391 об.; ср. Э, л. 457 об.); более полно читаются здесь и арабские тексты, приведенные в летописной редакции в некоторых случаях с пробелами (Т, л. 384; ср. Э, л. 452 об. и др.). Иногда Троицкий список дает более правильные чтения отдельных мест, искаженных в летописной редакции. При перечислении морей, которые прошел Никитин, здесь правильно названа «дория Хвалитьскаа» (Хвалынское, Каспийское море); в летописной редакции вместо этого: «дория хвалится» (там же). В Троицком списке (при описании Парвата) указывается, что «у бутханы (храма) бреются старые женки и девки» (Т, л. 377 об.), в то время как в летописной редакции — явно бессмысленное «не бреются» (Э, л. 447 об.); «на руках. . . перстыни златы» (Т, л. 379 об.); в летописной редакции — «перси» (Э, л. 449); «съговорих о налоне корабленем (плате)» (Т, л. 391); в летописной редакции — «от колена корабленем» (Э, л. 457); и т. д.¹⁵ Имеются

¹⁵ Вероятно, ошибкой летописной редакции следует считать и несколько раз повторяющееся упоминание о конях «в санех золотых» (Э, лл. 447, 453, 453 об.);

в летописной редакции также значительные пропуски в тексте (на одном из них мы остановимся ниже), которых нет в Троицком списке.

Значительная часть отклонений от протографа в обеих редакциях объясняется, очевидно, обычными погрешностями при переписке — пропусками или описками. Но различия между летописной редакцией и Троицким списком произошли не только от чисто механических причин. Уже Г. П. Уханов обратил внимание на черты сознательной обработки текста, бросающиеся в глаза при сравнении Троицкого списка с летописной редакцией: на то, что в редакции Троицкого списка «удалены явно тверские детали, а сама манера изложения сделана более книжной».¹⁶ Это наблюдение представляется нам вполне справедливым. Действительно, в летописной редакции мы читаем, что Афанасий Никитин отправился в путешествие «от государя своего от великого князя Михаила Борисовича Тверскаго» (Э, л. 442); в Троицком списке определение Михаила Борисовича как «государя» Никитина опущено и сказано просто: «от великого князя Михаила Борисовича» (Т, л. 369); в летописной редакции в числе лиц, снарядивших Никитина, называется воевода, выдающийся политический деятель Твери времени великого князя Бориса Александровича, боярин Борис Захарьич (Бороздин); в Троицком списке упоминания о нем нет (там же). Такого же происхождения, очевидно, и еще одно отличие Троицкого списка от летописной редакции. В летописной редакции мы читаем такое описание дальнейшего пути Никитина: «. . . поидох с Углича и приехал есми на Кострому ко князю Александру с ыною грамотою великого князя. И отпустили мя добровольно» (Э, л. 442 об.). Поскольку никакой «великий князь», кроме великого князя Тверского Михаила Борисовича, в предыдущем тексте не упоминается (Иван III упоминается ниже и именуется «великим князем Иваном»), не может быть сомнения, что «ыная грамота великого князя» — это вторая грамота Михаила Борисовича (первая была, очевидно, дана Афанасию при отправле-

в Троицком списке мы читаем вместо этого «в санях» (Т, лл. 376, 385, 385 об.). Но не исключено, однако, что «саниями» Никитин именуется какую-либо форму индийских колесниц. Мы не исправляем поэтому слово «сани» в Эттеровом списке.

¹⁶ Г. П. У х а н о в, ук. соч., стр. 7.

нии из Твери). В Троицком списке мы читаем вместо этого: «с Углека на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь велики отпустил мя всея Руси добровольно» (Т, л. 369). Здесь совершенно непонятно, откуда взялся на Костроме «князь великий» и что значит «отпустил мя всея Руси». Если видеть здесь (как делали обычно исследователи)¹⁷ указание на «великого князя всея Руси», т. е. Ивана III, то опять-таки непонятно, когда и каким образом у Никитина оказалась на Костроме «ыная грамота» этого князя. Очевидно, московский книжник, обрабатывавший протограф Троицкого списка, не хотел допустить, что Никитин мог путешествовать только на основании грамот тверского князя, и вписал пояснение к словам «князь великий» — «всея Руси». Приписка эта, сделанная, как обычно в таких случаях, над строкой, была внесена писцом Троицкого списка не на место, откуда и получился бессмысленный оборот «отпустил мя всея Руси добровольно».

Стилистическая правка в редакции, представленной Троицким списком, сводилась прежде всего к замене простых, бытовых выражений более книжными. Человек грамотный и любознательный, Афанасий Никитин не был профессиональным писателем-книжником и не умел (или не хотел) заниматься тонким «плетением словес». Рассказ о своем путешествии он начал в почти устной, немного монотонной манере: «Поидох от Спаса святого златоверхаго. . . и поидох вниз Волгою и приидох в монастырь Калязин. . . И с Колязина поидох на Углеч, с Углека отпустили мя добровольно. И оттуду поидох с Углека и приехал есми на Кострому. . . И отпустили мя добровольно. И на Плесо приехал есми добровольно. И приехал есми в Новгород Нижней. . . И они мя отпустили добровольно. . .» (Э, л. 442—442 об.). В Троицком списке этому безыскусственному рассказу придана более книжная форма; вместо четырехкратного повторения, «добровольно» встречается только два раза (Т, л. 369). Видоизменены в Троицком списке названия христианских праздников, вместо бытовых наименований даны официальные: языческая

¹⁷ Так объясняет, например, это место И. П. Петрушевский и в комментариях к настоящему изданию (см. стр. 189).

«Радунца» заменена «Фоминой неделей» (Э, л. 444; Т, л. 371 об.), «Оспожин день» назван «Успеньем богородицы» (Э, л. 445 об.; Т, л. 374 об.; ср. 373 об.). Вместо устного «однова» (Э, л. 449) мы читаем в Троицком списке «единожды» (Т, л. 379 об.). В летописной редакции упоминаются индийские «мужики и жонки» (Э, л. 444); в Троицком списке им соответствуют «мужи и жены» (Т, л. 372); в летописной редакции упоминаются «сосци голы» (Э, л. 444 об.); в Троицком — «груды голы» (Т, л. 372). Но особенно выразительна одна поправка. При описании индийской одежды Никитин многократно отмечает, что индийцы — от «слуг» до «бояр» и «князей» включительно — носят «фату», обогнутую «на гузне» (Э, л. 444—444 об.; ср. лл. 448 и 449). Редакция, представленная Троицким списком, постаралась устранить это грубое выражение — здесь мы читаем (несколько раз подряд), что фата у индиан обогнута «на бедрах» (Т, л. 372). Однако здесь же мы обнаруживаем и ясное свидетельство того, что редакция, отличающаяся более книжным изложением, является вторичной и что первоначальному тексту было свойственно просторечие. Как это часто бывает с редактором, исправляющим чужой текст, создатель троицкой редакции проявил непоследовательность, — удалив «гузно» в одном месте, он оставил его в других местах: как и в летописной редакции, здесь говорится, что у «Бута» «гузно» обвязано «ширинкою» и что богомольцы, съезжающиеся в Парват, носят «на гузне плат» (Т, л. 378 и 378 об.).

Восходящая, как и летописная редакция, к протографу, редакция, представленная Троицким списком, в ряде случаев, как мы видим, дальше отстоит от него в тех местах, где первоначальный текст Никитина был подвергнут в ней значительной стилистической и политической правке.

Как же можно представить себе историю дошедших до нас редакций «Хождения за три моря»? Летописная редакция «Хождения», как мы уже знаем, непосредственно связана с двумя летописями — Софийской II и Львовской. Как попало «Хождение» в состав этих летописей?

Из вступительной заметки летописца, читающейся во всех списках этой редакции, мы узнаем, что он «обрел» это послание в 1475 г.

(почему и поместил его под этим годом) и что тетради умершего Никитина, написанные «его рукою», были привезены в Москву «гостями» и переданы дьяку великого князя Василию Мамыреву (Э, л. 442). Опираясь, очевидно, на это свидетельство, Г. П. Уханов предположил, что «Хождение» было в конце XV в. включено в московскую великокняжескую летопись, а уже из нее попало в Софийскую II и Львовскую летописи XVI века.¹⁸ Это предположение, однако, не подтверждается известными нам фактами истории летописания. Московский великокняжеский свод конца XV века дошел до нас — текст этого свода в редакции 90-х годов XV в. (Уваровский список) издан М. Н. Тихомировым в т. XXV «Полного собрания летописей»; косвенными отражениями этого же свода являются Симеоновская, Воскресенская и некоторые другие летописи.¹⁹ Ни в одной из этих летописей нет ни «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, ни каких-либо упоминаний о нем. Что касается Софийской II и Львовской летописей, то в своей основной части обе эти летописи представляют свод 1518 г., весьма сложный и пестрый по своему составу. Официальная великокняжеская летопись отразилась главным образом в самой последней части этого свода — начиная с 1489 г. Основным источником известий XV века в своде 1518 г. была, как показал А. Н. Насонов, летопись совсем иного направления — летописный свод 1489 г., тесно связанный с враждебным Ивану III митрополитом Геронтием.²⁰ «Хождение за три моря» могло быть включено в состав летописи и сводчиком 1518 г., и его предшественником-летописцем, составлявшим свод 1489 г. Вступительная заметка к «Хождению» позволяет, на наш взгляд, склониться в пользу летописца 1489 г. «Хождение», как мы знаем, включено в летопись не под годом путе-

¹⁸ Г. П. У х а н о в, ук. соч., стр. 7.

¹⁹ А. А. Ш а х м а т о в. Обзор летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 256 сл.; М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 176—186.

²⁰ А. Н. Н а с о н о в. Летописные памятники Тверского княжества. Известия АН СССР, Отдел гуманитар. наук, 1930, № 10, стр. 715—716. Ср.: Я. С. Л у р ь е. Из истории русского летописания конца XV в. Труды ОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 163—166 и 185.

шествия Никитина, и даже не под годом его возвращения, а под годом нахождения его летописцем. В 1475 г., указывает составитель летописи, «обретох написание Офонасия Никитина купца». Так сказать о себе мог только человек, занимавшийся летописной работой в 80-х годах XV в. Едва ли этим человеком мог быть составитель свода 1518 г., работавший через 40 с лишним лет после 1475 г. и бравший материал XV в. уже из чужих рук. Наоборот, сводчику 1489 г., давшему ряд острых и оригинальных известий за 60—80-е годы XV в., вполне естественно было упомянуть сравнительно недавнюю дату «обретения» записок Никитина.

Тенденции летописного свода 1489 г. объясняют и уже отмеченную особенность летописной редакции «Хождения»: сохранение этой редакцией в неприкосновенности специфически тверских черт текста Никитина. Злейший враг Ивана III, митрополит Геронтий не сочувствовал централизаторской деятельности великого князя — в своде 1489 г. мы встречаем, между прочим, прямые выражения сочувствия новгородским и тверским боярам; яркое описание «обид», понесенных тверскими боярами «от великого князя и от бояр» (московских) и «от его детей боярских о землях», содержится в этом своде под 6993 (1485) г.²¹ При таких тенденциях летописец не имел никаких оснований исправлять упоминание Никитина о его «государе» Михаиле Борисовиче и о тверском воеводе Борисе Захарьиче.

Летописная редакция «Хождения» дошла до нас в трех списках — Эттеровом (Львовская летопись), Архивском и Воскресенском (Софийская II летопись). Установление взаимоотношений между этими списками затрудняется тем обстоятельством, что, как уже указано выше, в Воскресенском списке сохранилось только самое начало (вступительная заметка летописца) и конец «Хождения». Речь фактически может идти только о сравнении Эттерова списка с Архивским. Сравнение это позволяет сделать одно любопытное наблюдение. В начальной части «Хождения» текст Эттерова списка содержит значительный пропуск: здесь отсутствует все описание пути Никитина от Дербента до Гурмыза (Ормуза) — важный раздел

²¹ ПСРЛ, VI, стр. 237.

рассказа, занимающий в Троицком списке почти лист текста. В Эттеровом списке пропуск этот обнаруживается в тексте, помещенном в середине листа 443 об.: от фразы «И Алильбег (дагестанский князь, — Я. Л.) того часа люди отслал» переписчик сразу и непосредственно переходит к фразе: «Поимаеть его море по двожды в день» (речь идет об острове Гурмызе; ср. Т, л. 371—371 об.). Обратившись к Архивскому списку, мы обнаруживаем точно такой же пробел в тексте, однако пробел этот занимает несколько иное место на листах рукописи. По почерку и бумаге ²² Архивский список Софийской II летописи может быть четко разделен на две части: первая часть охватывает лл. 1—195, вторая — от л. 196 до конца. Интересующий нас пропуск в тексте «Хождения» приходится как раз на грань между л. 195 об. и л. 196: последние слова на л. 195 об.: «И Алильбег того часа люди отслал»; первые слова на л. 196: «А поимает его море по двожды на день». Естественно возникает предположение, что пропуск текста связан в данном случае с утерей листа (видимо, последнего листа первой части рукописи) ²³ при сплетении двух тетрадей

²² В первой части рукописи преобладает бумага с водяным знаком «бычья голова» (Н. И. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, № 3732), относящаяся к 30-м годам XVI в. Во второй части — водяной знак «четыреконечный крест с раздвоенными концами», точно по Лихачеву не определяемый (ср.: С. М. Бриquet. Le filigranes. Paris, 1907, №№ 5457 и 5443). Подобный знак встречается и на некоторых листах первой половины рукописи (например, лл. 123—170).

²³ Вторая часть Архивского списка имеет особый счет листов по тетрадам, сделанный (славянской цифирью) тем же почерком, что и основной текст этой части. Лист 196 имеет цифру $\overline{4}$ (1), и, очевидно, вторая половина рукописи начиналась именно с этого листа. Между лл. 209 об. и 210 в Архивском списке имеется пропуск в тексте (не отразившийся в Эттеровом списке) — соответственно между тетрадной пометой $\overline{к}$ (2), находящейся на л. 204, и пометой $\overline{г}$ (3) на л. 210 — не 8 листов, как обычно, а 6 листов. Архивисты XVIII—начала XIX в., делавшие пометы в рукописи, предположили еще один дефект в Архивском списке, сделав между лл. 202 об. и 203 помету: «не хватает листа» (см. текстологическое примечание к Э, л. 447 об., прим. в). Однако это, по-видимому, неверно. Соответствующий пробел в тексте Архивского (как и Эттерова) списка находится, судя по сопоставлению с Троицким списком, не на том месте, где проходит грань между л. 202 об. и л. 203 Архивского списка — не между словами «змеи ходят

Архивского списка. Но если это так, и источником утраты этой части текста является Архивский список, то отсюда вытекает, что список этот был протографом (прямым или опосредствованным) Эттерова списка, где пропуск в тексте имеет уже вторичный характер.

Предположение это, однако, наталкивается на ряд серьезных возражений. Сопоставление текста Эттерова (Э) и Архивского (А) списка вовсе не обнаруживает такой тесной зависимости Э от А, которую можно было бы предполагать, если бы А был протографом Э. Напротив, текст «Хожения» передан в Э в общем лучше, чем в А, причем в некоторых случаях лучшие чтения Э таковы, что они не могли возникнуть в результате простого исправления текста догадливым переписчиком. Так, в А при перечислении лиц, снарядивших Никитина в путешествие, нет упоминания «владыкы Генадья Тверьскаго»; в Э (как и в Троицком списке) это имя читается (Э, л. 442; ср. Т, л. 369); в А не упомянуто, что посол Асанбег, с которым ехал Никитин, просил татар-проводников провести его «мимо Хазтарахан»; в Э это указание имеется (Э, л. 442 об.; ср. Т, л. 369 об.), и т. д. Таким образом, если мы будем считать, что список Э (прямо или косвенно) восходит к А, то нам придется предположить, что у Э был, кроме этого, еще один, корректирующий источник, по которому Э (или вернее его непосредственный протограф) был выправлен, причем это корректирование ограничивалось только поправками текста или небольшими вставками над строкой без вклеивания текста при более существенных пропусках.²⁴ Верно такое предположение

по улицам» и «а длина ее две сажени», а между словами «длина ее две сажени» (относящимися к змее) и словами «в четвертые человек» (речь идет о четвертом образе Бута, ср. Т, л. 377 об.). Между лл. 202 об. и 203 Архивского списка нет никаких следов вырывания листа; тетрадный счет также не говорит о лакуне: л. 196 имеет помету $\overline{a}$ (1), л. 204 — помету $\overline{b}$ (2); между ними полные 8 листов. Очевидно, пропуск в тексте наличествовал уже в общем протографе всей летописной редакции; архивисты, видя непоследовательность в тексте, неправильно объяснили ее нехваткой листов.

²⁴ Примером такого корректирования, может быть, можно считать текст Э на л. 447. В Т здесь говорится (об Индии): «А земля людна велми, а сельскыя люди голы велмы, а бояре силны добре и пышны вельми» (Т, л. 376). В А слова «а сельские люди голы велми, а бояре силны добре» пропущены, и текст читается:

или нет, решить пока трудно: учтем, что *А* и *Э* представляют собой не просто тексты «Хожения», а списки двух летописей — Софийской II и Львовской; вопрос о их взаимоотношениях может быть решен только путем сопоставления обоих летописных текстов в целом.²⁵

Редакция «Хожения за три моря», представленная Троицким списком, также связана с летописанием, но более косвенно, чем летописная редакция. «Хожение» помещено здесь в одном сборнике с летописным сводом конца XV в. — Ермолинской летописью, но не входит внутрь этой летописи, а представляет собой самостоятельную (последнюю, четвертую по счету) тетрадь сборной рукописи. Наличие в этом сборнике еще одной тетради, написанной после 1530 г., свидетельствует о том, что объединение его под единым переплетом произошло не ранее этого года. Список «Хожения» в составе Троицкого сборника относится к несколько более раннему времени — он написан в конце XV—начале XVI в. Какого происхождения этот список? Находился ли он (или его непосредственный протограф) в обращении до объединения его в едином сборнике с Ермолинской летописью, — этого мы не знаем. Некоторый свет на историю троицкой редакции может, как будто, пролить сборник БЛ, Муз. № 3271, — древнейший список, содержащий фрагменты из «Хожения». Текст, сохранившийся в этом списке, имеет, как заметил А. А. Зимин, одно характерное сходство с текстом Троицкого

«А земля людна велми и *пышна* велми». В *Э* — тот же пропуск, но последние слова читаются «*пышны* велми», т. е. текст совпадает (приведен в соответствие?) с *Т*, но множественное число не имеет смысла из-за пропуска предшествующих слов о боярах.

²⁵ Беглое сопоставление текста Архивского списка Софийской II летописи с Эттеровым списком Львовской обнаруживает ряд черт особой близости между ними. Так, в первоначальном тексте Архивского списка под 6914 г. не было завещания Киприана (лл. 10 об. и 15; затем это завещание на лл. 11—14 об. было вклеено; в Воскресенском списке оно в тексте — ГИМ, Воскр., № 154, лл. 1082 об.—1084); нет его и в Эттеровом списке (ГПБ, F.IV.144, л. 316 об.); в первоначальном тексте Архивского списка не было известий конца 6928—начала 6931 г. (вклеены лл. 37—39; в Воскр. в тексте — л. 1098—1098 об.); нет их и в Эттеровом списке (л. 332).

и ѿсамъ вѣгъ печаловаша. и ѿзидиша
горы ~~и~~ и сѣла пѣсѣхъ и бѣла бѣ
гъ послаа къ короуду. корѣши бѣхъ
чюгнѣи норхъ ко ерабѣ по пахѣ и
ка та бѣи прише лю поймаи. а поварѣ
раграбѣли. и ширѣа ша бѣгъ по чѣа
посла посла. «шхрнхъ во емхъ и мѣе
тхъ. «кайтѣ чѣе въ сомхъ нзю. чюгнѣи
мо ерабѣ лю по пахѣ. и пѣвои лю прише
лю дѣи поймаи. а поварѣ и пограбѣ
ли. и пѣи чю бѣи мѣна дѣа лю ко мѣ
приша. и поварѣ и собра. заняе тѣ
лю посла ны на мо е кмѣ. а чю бѣа то
тѣ бѣи а до бо у мѣа. и пѣи со мѣи при
ши. и ѿзѣтѣ бѣ во емхъ бра тѣи нѣ
роко. а пѣа лю и по ши на мо еи.
мѣ. и пѣи бѣи хъ пѣи хъ ти мѣ ко мѣ.
до брѣ во льно. мѣна дѣла
и а ли нѣ бѣгъ то го ча са лю дѣи са ла

Здѣ нехъ вѣаеъ мѣсто 2 вѣхъ

196
а ни ма е го морѣ по дѣи ма дѣ
и пѣи е ми нѣ а перѣи ки га дѣнѣ. а при
ше е ми нѣ грѣи нѣ а за чѣ ты рѣи аи
до пѣи ки га дѣи. а по е ми го ро дѣи нѣ
пѣи пѣи а. мно го ро дѣи ки ки нѣ. а ки гѣ
рѣи нѣ е сѣтѣи нѣ а ки рѣи нѣ ки са хѣ жѣ
а ни гѣ рѣи нѣ зѣи бѣи е ми нѣ. а ни гѣ рѣи
ми нѣ а по шѣи нѣ а морѣи нѣи нѣи со
по ки нѣи нѣи бѣи рѣи нѣи. а ни пѣи ки
нѣи. и шѣи нѣи е ми нѣи. а ни мо шѣи
та. и дѣи нѣи. а ни мо шѣи та дѣи гѣхъ.
а дѣи. а ни дѣи га ко у зѣи рѣи нѣ. а ни
зѣи рѣи. ко аи бѣа тѣхъ. а ни пѣи а ро дѣи
и ки са дѣа еи гѣ. а ни са нѣа пѣи а чю
ви аи а шю ви аи нѣи е ми а при ши. а ни
зѣи аи а по ки нѣи нѣи. а ни пѣи та
бѣи е ми а. а ни мѣи рѣи дѣи аи ви аи.
и пѣи е сѣтѣи нѣи нѣи ки са хѣи тра ни аи
хѣи дѣи е ми нѣи. а ни го ло ва нѣи по ки рѣи

Здѣ нехъ вѣаеъ мѣсто 2 вѣхъ

списка — здесь, как и в Троицком (см. текстологические примечания к Троицкому списку, л. 374, прим. а—д), вместо «Гундустаньскую землю» (Э, л. 445 об.) читается «Густаньскую землю». Сборник Муз. № 3271 имеет довольно определенное лицо — в его состав входит ряд статей, связанных с «обличением» новгородской ереси конца XV в. (рассказ 1490 г. об испанской инквизиции, соборный приговор новгородским еретикам и т. д.). А. Д. Седельников связывал этот сборник с окружением новгородского архиепископа Геннадия — одного из главных «обличителей» ереси.²⁶ Использование в этом сборнике троицкой редакции «Хождения» говорило бы об обращении этой редакции в кругах, так или иначе связанных с «обличителями» ереси. Однако на основании единственного совпадения уверенно относить фрагмент из сборника Муз. № 3271 к троицкой редакции было бы преждевременно — ошибочное написание «Густаньскую» могло быть и в авторском протографе. Состав Троицкого сборника М.8665 дает основание для другой догадки — как и Ермолинская летопись, как и ряд памятников церковной литературы, сохранившихся в сб. М.8665 (Иоанн Златоуст, Епифаний и др.), «Хождение» могло сохраниться в архиве В. Д. Ермолина, большого любителя книжности, поставлявшего рукописные книги даже за литовский рубеж.²⁷ Восходя, как и летописная редакция, к «тетрадам» Никитина, доставленным Мамыреву, текст троицкой редакции представлял собой уже, как мы отметили, московскую литературную обработку «Хождения за три моря».²⁸

²⁶ См.: А. Д. С е д е л ь н и к о в. Рассказ 1490 г. об инквизиции. Труды Комиссии по древнерусской литературе, I, Л., 1932, стр. 48—49.

²⁷ А. Д. С е д е л ь н и к о в. Послание от друга к другу. Известия АН СССР, Отдел. гуманит. наук, 1930, № 4, стр. 223—238.

²⁸ Существуют некоторые основания предполагать связь между В. Мамыревым и архиепископом Геннадием: в Новгородской летописи по Хронографическому списку, представляющей, по нашему мнению, свод Геннадия (ср. нашу указ. статью «Из истории русского летописания конца XV в.», стр. 175—178), содержатся подробные и отсутствующие в официальной великокняжеской летописи известия о Мамыреве в связи с известием о его смерти (ПСРЛ, IV, СПб., 1848, стр. 157).

Редакция, содержащаяся в списках Ундольского и F.XVII.17, представляет собой уже иной, новый этап в истории текста «Хождения». Характерной особенностью этой редакции является тщательное удаление всех черт религиозного свободомыслия и терпимого отношения к нехристианским религиям, которые были свойственны Афанасию Никитину.²⁹ Так, в этой редакции из текста исключено рассуждение автора (по поводу могущества «султана индейского бесерменского») о том, что «правую веру бог ведает, а праваа вера бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту» (Т, л. 389 об.) — в списке Ундольского мы читаем просто: «такова есть сила султана индейскаго» (У, л. 316; список F.XVII.17 прибавляет «бесерменскаго»). Вместо отождествления индийского «намаза» с русской молитвой — «А намаз же их на восток по-русьскы» (Т, л. 369 об.), эта редакция лаконично указывает: «А поклоны их на восток» (У, л. 308). К мусульманской легенде о наказании города Рея за убийство шаха Хусейна эта редакция осторожно добавляет: «... яко же безвернии бают в прелести своей» (У, л. 302). Заодно опущены (или частично переведены) почти все обращения к богу на восточном языке, встречающиеся в тексте Никитина.

Такая обработка первоначального текста, произведенная, очевидно, уже в XVII в. (к которому относятся оба списка этой редакции), находит близкую аналогию в истории другого памятника древнерусской литературы — сочинений Ивана Пересветова. В «Сказании о Петре, воеводе Волосском» — переработке большой челобитной Пересветова, сделанной в XVII в., — точно так же, как и в редакции XVII в. «Хождения за три моря», из оригинала удалены все черты свободомыслия и религиозной терпимости и тексту придан антимусульманский характер.³⁰

Каково происхождение редакции XVII в. «Хождения за три моря»? Уже К. Н. Сербина отметила близость текста списка Ундольского к тексту Троицкой редакции.³¹ Эту близость можно подтвердить

²⁹ Г. П. У х а н о в, ук. соч., стр. 7.

³⁰ Ср.: Сочинения И. Пересветова, М.—Л., 1956, стр. 359.

³¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 133.

множеством примеров. В обеих редакциях мы находим ряд совершенно одинаковых погрешностей в тексте: вместо «дория Гондустаньская» читается: «горы Гондустаньские» (У, л. 300 об.; ср. Т, л. 369); вместо «салтан невелик» — «салтан великий» (У, л. 306, ср. Т, л. 376); вместо «почку» — «посыку» (У, л. 311; ср. Т, л. 382); вместо «Сул-ханом» — «султаном» (У, л. 315; ср. Т, л. 389), и т. д. Отразились на редакции XVII в. и характерные общие особенности троицкой редакции — удаление тверских деталей и «очищение» языка от просторечия («бедрa» вместо «гузна» и т. д.). Редакция XVII в. сохранила и еще одно специфическое место троицкой редакции. Как мы уже отмечали, в летописной редакции «Хождения» упоминалось, что Никитин, выехавший из Твери от «своего государя великого князя Михаила Борисовича», приехал на Кострому с «ыною грамотою великого князя». Троицкая редакция, в соответствии со своей антитверской тенденцией, попыталась превратить этого «великого князя» в московского, но сделала это неудачно, в результате чего в Троицком списке возникла не совсем ясная фраза: «И князь великий отпустил мя всея Руси доброволно». В редакции XVII в. эта неуклюжая фраза оказалась исправленной³² на: «И князь великий всея Росии отпустил мя добровольно», в результате чего весь оборот стал понятней, хотя по-прежнему неясно, как «князь великий всея Росии» оказался в Костроме.

Имела ли редакция XVII в. иные источники, кроме троицкой редакции «Хождения»? Некоторые основания для такого предположения как будто дают отдельные чтения списка Ундольского и F.XVII.17. Так, в обоих этих списках третье море, пройденное Никитиным, именуется «морем Чермным» (У, л. 300 об.) так же, как в Архивском списке летописной редакции (А, л. 193 об.) и в отличие от Эттерова списка той же редакции и Троицкого списка. В списке F.XVII.17 так же, как в Эттеровом списке, читается «Геннадия Тверскаго», хотя в списке Ундольского (У, л. 300 об.), как

³² Это чтение редакции XVII в. может также объясняться не исправлением текста, а тем, что эта редакция восходит к протографу Троицкого списка, где слова «всея Руси» не были еще помещены на несоответствующее место.

и в Троицком (Т, л. 369), читается (сразу о князе и владыке) «Тверских». В списках Ундольского и Троицком мы читаем о «добром

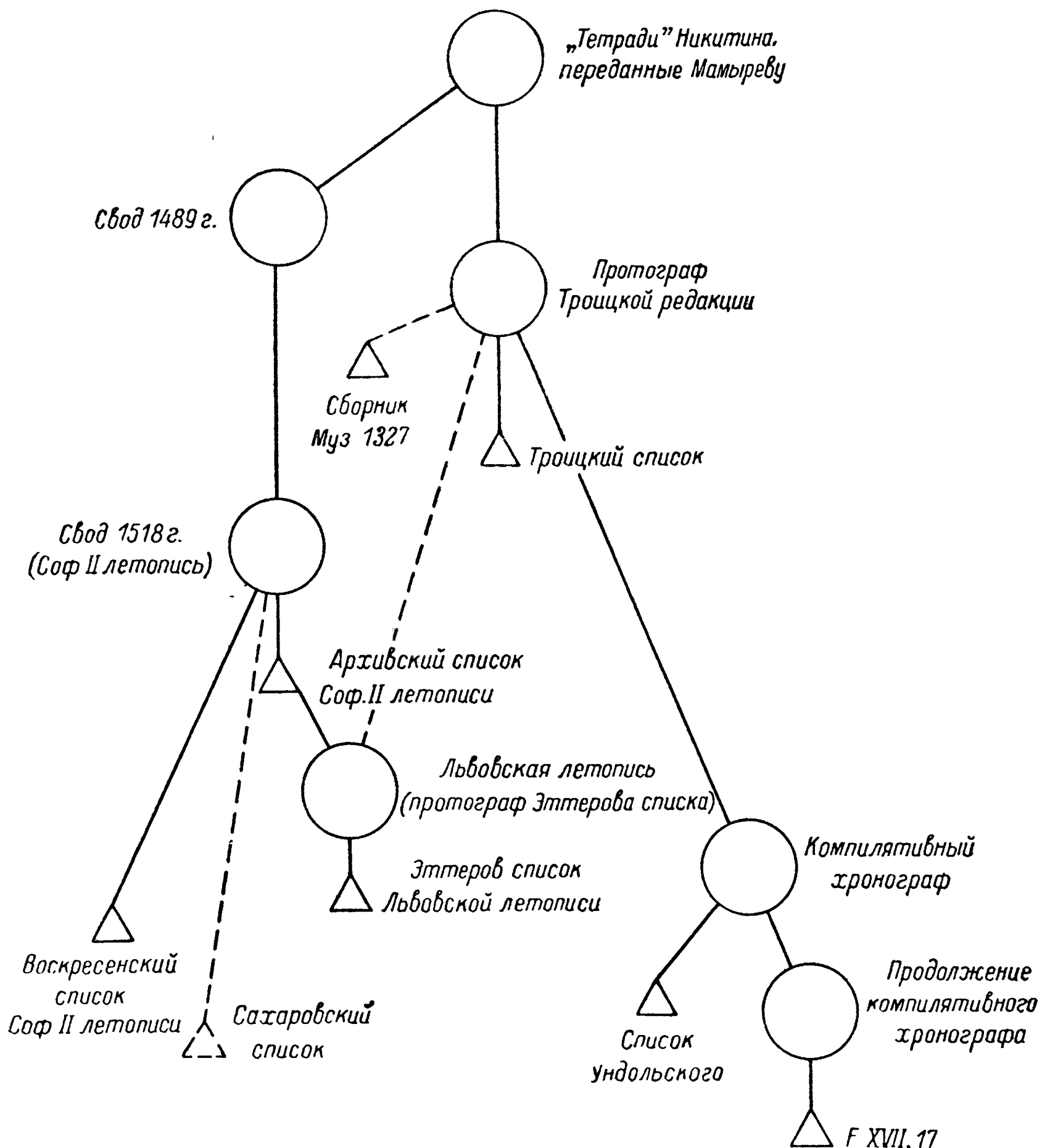

Схема происхождения списков «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.

обилии» в «Гурзынской» (Грузинской?) земле (У, л. 313 об.; ср. Т, л. 386); в списке F.XVII.17 и летописной редакции (Э, л. 453 об.) — «в Гурмызской земле». Наконец, некоторые чтения редакции

XVII в. могут показаться более удачными, чем чтения всех остальных текстов, — например отмеченное уже К. Н. Сербиной место об «оленьих пупах» (У, л. 311 об.; ср. Т, л. 312, Э, л. 452).³³

Однако все эти наблюдения не представляются нам достаточными для того, чтобы говорить о наличии у составителя редакции XVII в. других текстов «Хождения», кроме троицкой редакции. Ни одно из приведенных чтений в списках XVII в. не свидетельствует о влиянии на редакцию XVII в. протографа «Хождения» или летописной редакции, — все они могли быть делом рук переписчиков, следствием их догадливости, способности исправить текст по смыслу, или, наоборот, результатом описки: недаром в ряде приведенных нами примеров чтения двух списков редакции XVII в. (Ундольского и F.XVII.17) оказываются различными. В целом же редакция XVII в. настолько близка к троицкой (даже в явных описках), что ее необходимо выводить именно из троицкой редакции.³⁴

«Хождение за три моря» в редакции XVII в. дошло до нас в составе поздней летописной компиляции или хронографа. Состав этой компиляции по списку Ундольского разобран А. Н. Насоновым, указавшим, что источниками ее были Никоновская летопись, Степенная книга и т. п. и что в конце летописного рассказа приведены рассуждения о смерти царевича Ивана Ивановича.³⁵ В списке F.XVII.17 содержится та же летописная компиляция, но она не

³³ Хождение за три моря Афапасия Никитина. Серия «Литературные памятники», стр. 134. — Лучшим чтением можно было бы считать и чтение списка Ундольского «добрых трав у них (индиан) нет» (У, л. 308), вместо «добровтра у них нет». Однако поскольку слово «добровтра (добровта)» читается во всех остальных списках, включая список той же редакции F.XVII.17, то скорее здесь следует видеть обычную замену переписчиком непонятого ему термина XV в. понятными словами.

³⁴ К XVIII в., по-видимому, относятся те любопытные замечания на полях, которые читаются в списке Ундольского. Некий скептический читатель дважды пометил словом «неправда» известия Никитина (в частности, его слова, что «в Гурмызе есть варное солнце, человека сожжет») и в начале рукописи назвал всё это произведение «фалшивой историей». Эти записи на полях мы приводим в текстологических примечаниях.

³⁵ А. Н. Н а с о н о в. Летописные памятники хранилищ Москвы. Проблемы источниковедения, IV, М., 1955, стр. 265.

завершается рассказом о гибели Ивана Ивановича и о других «крамолствах» Ивана IV, но продолжена до 1637 г. «Хождение» помещено здесь не под 1475, а под еще менее подходящим 1461 годом, что лишний раз свидетельствует о независимости редакции XVII в. от летописной.

«Хождение за три моря» печатается в настоящем издании по трем спискам, отражающим три основных редакции памятника: по Троицкому списку М.8665 (Т) с разночтениями по списку Муз. № 3271 (М); по Эттерову списку F.IV.144 (Э) с разночтениями по Архивскому списку № 371/821 (А), Воскресенскому списку № 154б (В) и Сахаровскому изданию (С) и, наконец, по списку Ундольского № 754 (У) с разночтениями по списку ГПБ F.XVII.17 (Б).

Перевод сделан с текста Троицкого списка, однако в нем учтены по Эттерову списку те разночтения летописной редакции, которые точнее воспроизводят авторский оригинал.

Я. С. Лурье.

ВАРИАНТЫ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Троицкий список

Л. 369. ^аИспр.; Т гори. Л. 369 об. ^аТ не надписано над строкой. ^бТ перед Азътарханъ поставлен другим почерком знак вставки. Л. 370 об. ^аИспр.; Т ширваишабѣгъ. Л. 371—371 об. ^{а—в}Этот отрывок читается в М. ^{а—б}М В Корею. ^гИспр.; Т горы. Л. 372 об. ^аИспр.; Т мекикътучяровъ, на поле другим почерком меликъ. Л. 373. ^аИспр.; Т великы. ^бТ ки над строкой. Л. 374. ^{а—д}Этот отрывок читается в М. ^бМ братъе. ^вИспр. по М; Т въсклину. ^гМ меня. Л. 374 об. ^аТ над первым ъ надписано о. ^бТ над вѣдь другим почерком надписано ми. Л. 375. ^аТ другим почерком А передъ хоросанцами ѣздятъ на конѣхъ. Л. 376. ^аТ впереди другим почерком приписано не. ^бТ нняжат, над первой буквой надписано другим почерком к. ^вТ воють; второе ю надписано другим почерком. ^гТ другим почерком исправлено на Меликътурчаръ. ^дИспр.; Т рокши. ^еИспр.; Т ни. Л. 376 об. ^аИспр.; Т нами. Л. 377. ^аТ не надписано сверху. Л. 377 об. ^{а—з}Этот отрывок читается в М. ^{а—б}Испр. по М; Т А вѣрѣ. ^{б—в}М во Индыи всех 84. ^гВставлено из М; Т нет. ^дМ женятся. ^еМ да нет. ^{ж—з}М никаа вѣра. Л. 378 об. ^аИспр. Т пи. ^бИспр.; Т по урьскы; на поле другим почерком по руски. Л. 379. ^аТ другим почерком исправлено на доброты. ^бИспр.; Т беликомъ. ^вИспр. Т брату. Л. 379 об. ^аИспр.; Т тету. Л. 380. ^аИспр.; Т едиединъ. ^бИспр.; Т марта. ^вИспр.; Т заговѣгъ. Л. 380 об. ^аИспр.; Т нет. ^бИспр.; Т да. Л. 381. ^аТ на поле другим почерком емлетъ. ^бТ на поле другим почерком изъ Арабстани. Л. 381 об. ^аТ на над строкой. Л. 382 об. ^аТ на поле другим почерком чюми. ^бТ на поле другим почерком до Келекота мць итить. ^вИспр.; Т посыку; на поле другим почерком почку. Л. 383. ^аТ над строкой другим почерком локоть. Л. 383 об. ^{а—в}Этот отрывок читается в М. ^{а—б}М Бедеръ бесерменскыи благовѣрнии русстии християне. ^вМ христианские. ^гИспр.; Т ме. Л. 384 об. ^аИспр.; Т отмо. ^бТ смотриль переправлено из былъ. ^вИспр.; Т а соль; на поле другим почерком а лось. Л. 385. ^аИспр.; Т всъ. ^бИспр.; Т окаваны. Л. 385 об. ^аИспр.;

Т всѣх. ^бИспр.; Т зоромъ. Л. 386 об. ^аИспр.; Т не приписано другим почерком над строкой. Л. 387. ^аТ на поле другим почерком сыты. ^бИспр.; Т взала. ^вИспр.; Т стоаль. ^гИспр.; Т стрѣти. Л. 387 об. ^аИспр.; Т Камениктучара. ^бТ на поле другим почерком пришемъ. Л. 388. ^аТ на поле другим почерком по. Л. 388 об. ^аТ на поле другим почерком идейскихъ. ^бИспр.; Т шедесять. Л. 389. ^аИспр.; Т кованных. ^бТ на поле рати своем а пѣших 20 000. Л. 389 об. ^аИспр.; Т двѣ, другим почерком приписано сти. Л. 390. ^аИспр.; Т роги; на поле другим почерком ровы. ^бИспр.; Т пушами. Л. 390 об. ^аИспр.; Т тух. ^бИспр.; Т Конакельберга. Л. 391. ^аИспр.; Т Ефимьскыя. ^бИспр.; Т из дѣла. ^{в-в} Т дважды. Л. 391 об. ^аИспр.; Т Акверху. ^бИспр.; Т А испагани. ^вИспр.; Т А исултани. ^гИспр.; Т Раду. Л. 392. ^аИспр.; Т харнъ; сверху надписано другим почерком чъ. ^бТ на поле приписано другим почерком что мелочь добренькая инѣ выграбили все. ^вИспр.; Т Планѣ; надписано другим почерком та.

Эттеров список

Л. 442. ^аАВ да. ^бЗдесь обрывается текст списка В. ^вЭ под Казанью над строкой. ^гИспр.; ЭА хвалится. ^дА море нет. ^еА Чермное. ^жА Стебельская. ^зА святаго Спаса. ^{и-б}А нет. Л. 442 об. ^аА оттоле. ^{б-в}А князя великаго. ^гА еси. ^{д-е}Э вставка на поле; А в тексте. ^жА Иоанна. ^зА дали. ^{и-б}А нет. Л. 443. ^аА Хазтароканъ. ^бА Буигне. ^вА татаронов. ^гА язю. ^дА Тархык. Л. 443 об. ^аА Асамбѣгу. ^бА к Усанъбѣг. ^вИспр.; АЭ ко Варшибегу. ^гА их нет. ^дА же нет. ^еА здесь оканчивается л. 195 об.; на нижнем поле л. 195 об. и 196 другим почерком здесь нехватает листов двух. Л. 444. ^аА Чювиля. ^бА головы. ^вА а нет. Л. 444 об. ^{а-б}А пошли есмя сухом. ^вА наі 20 ти. ^гА далее добрых. Л. 445. ^аА осподарыни. ^{б-в}А осподарыни. ^гИспр. по А; Э торткы. ^дА бесерменин. Л. 445 об. ^{а-б}А нет. ^вА пойди. ^{г-д}А много всего. ^еИспр.; ЭА ни дважды. ^жА ни. Л. 446. ^аА весь. ^бЭ последние буквы мы написаны по выскобленному; А вѣди. ^вА тати. ^{г-д}А и бояря все хурустанци на нижнем поле. ^еА съ стрелами. Л. 446 об. ^{а-б}Испр. по А; Э коней тысящъ. ^вА Индустаньской. ^гА кукъ. ^{д-е}А ея хочет. ^{ж-з}Э эти слова на поле; А в тексте. ^{и-б}А есть у них. ^дА ся жалуют. ^{и-в}А есть у них. Л. 447. ^аИспр. по А; Э оца. ^бИспр. по А; Э казы. ^вИспр.; Э похвалы; А похвала. ^гА далее у них. ^дИспр.; Э пышны. ^еА 10 000 тысящъ. ^жА 50 000 тысящъ. Л. 447 об. ^{а-б}Э на поле; А на поле другим почерком. ^вА кончается л. 202 об., начинается л. 203; на нижнем поле другим почерком Не хватает листа. ^гА весь хвостомъ. ^дА наго. ^еИспр.; ЭА далее не. ^{ж-з}А всѣ волосы на себѣ. Л. 448. ^аА на на поле. Л. 448 об. ^{а-б}А правою рукою. ^вА истянет. ^{г-д}А дитя ся родит. ^{д-е}А на поле. ^жА бесерменски. ^зИспр.; ЭА Кока. Л. 449. ^аИспр.; ЭА перси. ^бИспр.; ЭА какомъ. ^{в-г}А вписано другим почерком на нижнем поле. Л. 449 об. ^аА авратиля. ^бА рагимелло. Л. 450. ^аА и нет.

^бИспр. по А; Э киндяди. Л. 450 об. ^аА сумбамда. ^бА денгѣ. ^вА шолку. ^гА Пѣвгу. Л. 451. ^аА сандал. ^бА бабугари. Л. 451 об. ^{а—б}А наковна. ^вА чарашешькѣнь. ^гА аукников. ^{д—е}А от леней; Э о надписано над леней. ^жА скус. Л. 452. ^аИспр. по А; Э Гунстанѣ. ^бА кончается л. 209 об.; на середине слова мно обрывается текст; на нижнем поле другим почерком не достал (?) листъ. Л. 452 об. ^аА начинается л. 210 с конца слова ща. ^бА бесерменском. Л. 453. ^аА шти. ^бА пропорца. ^вЭ далее на поле вставка да снасть золота да все золото; А эти слова в тексте. ^гИспр. по А; Э теремцов. ^дИспр. по А; Э камнѣ. ^еА наствупил. Л. 453 об. ^{а—б}А его многое множество люди. ^вИспр.; ЭА дни нет. ^гА Ляпе. Л. 454. ^аА будуниада. ^бА екѣтур. ^вИспр.; ЭА булкѣ. ^{г—д}Испр.; Э мѣру; А вѣру. Л. 454 об. ^аА году. ^{б—в}А верблюдов 300. ^гЭ буквы ли надписаны сверху. ^дА ночь. ^{е—ж}А человек тысяч. Л. 455. ^аА возыреней. ^бА индѣянинъ; далее написано и зачеркнуто вы. ^вА с. Л. 455 об. ^аА Молханом. ^бА 7. ^вА горты. Л. 456. ^аА Индѣйских. ^бА ещо. ^вА Махмет. ^гА страстью. ^дА война ся. ^еИспр.; ЭА уда. Л. 456 об. ^{а—б}А его страну. ^вЭ далее написано и зачеркнуто пришла гора велика. ^гА его не, Э не вытерто. ^{д—е}А полону голову. ^жА денги. Л. 457. ^аА а. ^бА Дакбіл. ^вА а вытерто. ^гИспр.; ЭА от колѣна. ^{д—е}А глава своя. ^жА насипь. Л. 457 об. ^аА по-русски. ^бА государю. ^вИспр. по А; Э пограби. ^гОтсюда начинается текст С. ^дАС 6-ой. ^еА был, С же был. ^жАС 3. ^зА дні. ^иС Ширязи; А так. ^кС Бергу, А так. ^лА Велергу, С Бергу. ^мС Спагани, А так. ^нС проидох, А так. ^оС Кашена, А так. ^пС Кашени, А так. ^рА Саву, С Савы. ^сС в, А так. ^тС Тавризя. ^уЭ ъ переправлено из о; А раду; С орду. ^фИспр. по А; Э Асанбѣбѣ. ^хА в-ѣрдѣ. ^цС он послал, А так. ^чАС Арцицану. ^шС Арцицана, А так. ^щС Трепизонт, А так. Л. 458. ^аА Тряпизоне, С Трепизонте. ^бС 15, А так. ^вС на кораблѣ, А так. ^гИспр. по С; Э харнѣ; А харнѣ, но н выскоблено. ^дС Трепизонте, А так. ^еАС шюбашь. ^жС мелочь была, А так. ^зС и они, А так. ^иС обыскивали, А так. ^кС Чернаго, А так. ^лС Стамболская, А Стѣмболскаа. ^мАС вѣтри. ^нС възратиша, А так. ^оА Тряпизону, С Трепизонту. ^{п—р}А злю бившю, С злобившю. ^рКончается текст С. ^сА знаемъ. ^тА сыкѣ. Л. 458 об. ^аА ляляса. ^бА алькахару. ^вА анъвахазу. ^гА альфатаху. ^дА альрравію.

Список Ундольского

Л. 300. ^аУ на поле другим почерком начало фалшивой історіи. ^бБ Никитин. ^вБ хождение. Л. 300 об. ^{а—б}Испр.; У горы Гондустансясые; Б горы Гондустанѣскіе. ^вИспр. по Б; У пропущена заглавная буква П. ^гБ Тверскаго. ^дБ приидохом. ^еБ и нет. Л. 301. ^аИспр.; УБ ними. ^бИспр.; УБ ширваншебугу. ^вБ Тархы. Л. 302. ^аБ Иаину. ^бБ изс. ^вУ на поле другим почерком неправда. ^гИспр. по Б; У дна. ^дУ на поле другим почерком

неправда. Л. 302 об. ^аБ ледъ. ^бИспр. по Б; У с нет. ^{в-г}Испр. по Б; У нет. Л. 303. ^аИспр.; УБ Мекиктугаров. Л. 303 об. ^{а-б}Испр. по Б; У не делан дважды. Л. 304. ^аБ и нет. Л. 304 об. ^аБ и нет. ^бБ та-
коже. Л. 305 об. ^аБ не. ^бИспр.; УБ гостустанцы. Л. 306. ^аБ пыщны.
^бИспр. по Б; У доспѣх. Л. 307. ^аБ хонили. ^бБ а. ^вИспр.; УБ дѣ. ^гБ а об-
раз. ^дБ все. Л. 307 об. ^аБ цвѣты сыплють. ^бБ кичири. Л. 308. ^{а-б}Б доб-
ровтра. ^вБ говорить. ^гИспр.; УБ брату. Л. 308 об. ^аБ пепелом. ^бБ пят-
нацпять. Л. 309. ^аБ и нет. ^бБ неба. ^вБ а. ^гБ; дней. ^дИспр. по Б;
У Бабыля. ^еБ Гундустани. ^жИспр. по Б; У Шибанта. ^зБ Нѣвгу.
Л. 309 об. ^аИспр. по Б; У пропущена заглавная буква К. Л. 310.
^аИспр. по Б; У пропущена заглавная буква С. ^бИспр. по Б; У инбат-
ское. ^вБ Шайбате. ^гБ А в. ^дИспр.; У пропущена заглавная буква
Ч; Б Чипское. Л. 310 об. ^аИспр.; У гариго; Б гаригом. ^бБ Шайбат.
^вБ А до. ^гБ локоть. Л. 311. ^{а-б}Испр. по Б; У нет. ^вИспр.; УБ жилове.
^гБ бесерменя. ^дБ аукиков. ^еИспр.; Б пуле. Л. 311 об. ^аИспр. по Б;
У нет. ^{б-в}Б 10 месяць итти. ^гБ и. ^дБ зжалився. ^еИспр.; УБ зайже.
Л. 312. ^{а-б}Б во Индѣи з бесермены. Л. 312 об. ^{а-б}Б в булатных доспесех.
^вБ верблюдовъ. ^гИспр. по Б; У с нет. Л. 313. ^аИспр. по Б; У золотохъ.
^бБ читы. ^вБ копыи. Л. 313 об. ^аБ 3 дни. ^{б-в}Испр. по Б; У дважды си-
лен. ^гБ Чеготани. ^дБ Гурмызской. ^еБ Гундустана. Л. 314. ^{а-б}Испр. по
Б; У нет. ^вБ Гундустани. ^гИспр. по Б; У хантовъ. Л. 315. ^аБ вторник.
^бИспр. по Б; У руска переправлено из роска. ^вБ богородица. Л. 315 об. ^аБ пе-
ред тысяч пробел. Л. 316. ^аБ индѣйскаго бесерменскаго. Л. 316 об. ^аБ
3. ^бБ съ нет. Л. 317. ^аБ Курули. ^бБ Каликы. Л. 317 об. ^аБ хлѣбы.
Л. 318. ^аИспр.; УБ рати дважды. Л. 318 об. ^аБ Стимболская. ^бБ Тра-
пезону. ^вИспр.; У Тланѣ; Б Планѣ. ^гБ Тъкрозофу.

КОММЕНТАРИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ

¹ За молитву святых отец наших. . .* — обычная формула, которой начинаются некоторые православные церковные службы. Применялась иногда древнерусскими писателями во вступлении к литературным произведениям, преимущественно учительного характера. Афанасий Никитин подчеркивает таким вступлением серьезную цель своего рассказа о путешествии.

² Море Дербеньское, дория Хвалитьскаа — Каспийское море. В странах Передней и Средней Азии в XIII—XV вв. это море все еще чаще называли архаическим именем моря Хазарского, как и в IX—X вв.; однако наряду с этим в ходу были и другие названия, образованные от имен лежавших на побережье этого моря областей и городов: море Дербендское, море Гилянское, море Табаристанское, море Джурджанское, море Хорасанское, море Абескунское. Название моря Хорезмийского давалось Каспийскому морю вследствие распространенного в средние века среди многих мнения, будто «море Хорезмийское» в собственном смысле (т. е. Аральское море) соединяется с Каспийским. Персидский географ и историк первой половины XIV в. Хамдаллах Казвини отмечает ошибочность этого мнения. Тот же автор указывает, что «чернь называет его (Хазарское, т. е. Каспийское море) морем Кульзумским, но они ошибаются»: географы называли морем Кульзумским (по имени древней гавани Кулизма) Красное море. Со времени монгольского владычества Каспийское море начинают именовать также морем Бакинским (Mar di Baku — Контарини, Барбаро) вследствие роста значения Баку как морского порта (см. ниже прим. 31). Последнее название было известно в XV в. и на Руси, как видно из приводимого И. И. Срезневским отрывка из сборника «От книг божественных чтения». Афанасий Никитин приводит два известных ему названия Каспия: «море Дербен[д]ское» и «doria Хвалитьская», т. е. «море Хвалиское». Форма «Хвалисы» русской летописи, видимо, восходит к греческой форме «Хвалис»: в памятнике VIII в. — списке епископий (Notitia episcopatum, опубликована де Боором в 1891 г.) упомянута православ-

* Текст «Хождения» в комментарии дается в упрощенной орфографии: ъ, і заменяется через е, и; ь в конце слов не воспроизводится.

ная епископия в Хвалисе (ὁ Χουαλῆς). Византинисты Ю. А. Кулаковский и А. А. Васильев предполагали местонахождение Хвалисы, Хвалы в устьях Волги. Акад. В. В. Бартольд доказал, что имена «Хвалис» и «море Хвалисское» («Хвалынское») означают «Хорезм», «море Хорезмское» и образованы от арабизованной формы «Хваризм» (В. В. Бартольд. История изучения. . ., стр. 166). Сейчас этот вывод принят всеми специалистами (С. П. Толстов и др.). — Дория — перс. «дарйа», «дарья» — море, большая река.

³ Море Индейское, дория Гондустаньская — обычное в то время у мусульман название Индийского океана — ар.-п. бахр-и Хинд, бахр-и Хиндустан, дарья-и Хиндустан (= «Гондустань» нашего автора). О термине дория-дарья см. прим. 2.

⁴ Море Черное, дория Стемьбольская — Черное море. В XIII—XV вв. персидские и арабские географы обычно называли его морем Румским (от «Рум» — «[Восточно]-Римская империя», т. е. Византия, Малая Азия), морем Костантинийэ, т. е. Константинопольским, морем Бонтус («Понт Эвксинский» греков), иногда морем Франкским (*бахр-и Фиринг*). Последнее название, впрочем, чаще давалось Средиземному морю; Черное море нередко рассматривалось восточными географами как часть Средиземного или его залив. Выражение «море (=doria) Стемьбольское» (=Стамбульское) идентично названию «море Костантинийэ» — «бахр-и Костантинийэ». Стамбул, Истанбул, Истанбол — тюркизованная форма греческого народного названия Константинополя «Истимполи» (от греч. εἰς τὴν πόλιν «к городу»), известного задолго до завоевания Константинополя турками в 1453 г. как мусульманам (استنبول, чаще اصطنبول, наряду с литературной формой قسطنطينية — Костантинийэ), так и европейцам. Оно встречается в XIII в. у авторов Ибн ал-Асира и Якута, в XIV в. у историка Рашид-ад-дина, у географов Абу-л-Фиды и Димашки, у путешественника Ибн Батуты, в начале XV в. у путешественника Клавиho (в форме Escomboli) и др.

⁵ Спаса златоверхаго — кафедральный собор в Твери (ныне Калинин), по имени которого Тверь и Тверская земля именовались иногда в документах «домом святого Спаса». Каменный собор, о котором идет речь, был построен в конце XII в.; во второй половине XVII в. на месте его было воздвигнуто новое здание собора.

⁶ Михаил Бѣрисович — великий князь тверской (1461—1485 гг.), сын великого князя тверского Бориса Александровича (1425—1461 гг.), помогал великому князю московскому и всея Руси Ивану III Васильевичу в борьбе за освобождение от татарского ига, позже боролся с Иваном III за независимость своего княжества. После того, как в 1485 г. «взя град Тверь и все великое княжество Тверское великий князь московский Иван Васильевич», Михаил Борисович бежал в Литву.

⁷ Генадий владыка — епископ тверской.

⁸ Троици монастырь — в Калязине на Волге, основанный в 1459 г. известным в то время игуменом Макарием и именовавшийся чаще Макарьевским Троиц-

ким монастырем. Этого-то игумена Макария Калязинского, впоследствии канонизованного церковью (в 1521 г.), и посетил Афанасий Никитин.

⁹ Святым мучеником Борису и Глебу. . . Борис и Глеб — юные сыновья великого князя киевского Владимира Святого. После смерти отца (1015 г.) были вероломно умерщвлены убийцами, подосланными Святополком, захватившим великокняжеский престол. С 1071 г. Борис и Глеб были канонизованы русской церковью. Им было посвящено множество церквей, в частности была церковь их имени и в Калязинском монастыре. Память их праздновалась 2 мая.

¹⁰ Князь велики . . . всея Руси — Иван III Васильевич, правил в 1462—1505 гг.

¹¹ Василей Папин — посол, отправленный великим князем московским Иваном III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара.

¹² Посол татарский ширвашии Асамъбег — Хасан-бек, посол, отправленный ширваншахом («ширваша», «ширванша», см. прим. 28) Фаррух-Ясаром ко двору Ивана III в Москву (раньше 1466 г.). Ответом московского великого князя на это посольство и было отправление Василия Папина ко двору ширваншаха. Несколько позднее, около 1475 г., венецианский посол при дворе Узун-Хасана белобаранного, Контарини, упоминает о другом после Ивана III — Марко Россо, посетившем дворы Узун-Хасана и ширваншаха Фаррух-Ясара.

¹³ Орда, от т.-монг. «орду» — ставка, стан, становище хана или царевича со всеми людьми, там находящимися.

¹⁴ Сарай. В наши дни установлен факт существования двух столиц государства Джучидов (Золотой Орды), носивших название Сарай. Один из них был основан внуком Чингис-хана, Бату-ханом (Батыем, 1224—1255 гг.), у нынешнего села Селитренного на р. Ахтубе, другой — его братом, ханом Беркаем, или Берке (1255—1266 гг.), близ нынешнего города Ленинска (до 1917 г. — Царев) на Ахтубе. Соответственно этому в исследованиях XX в. первый из упомянутых городов именуется Сараем Бату, второй — Сараем Берке. На монетах упоминается «Новый Сарай», т. е. Сарай Берке; древнейшая монета с таким чеканом датируется 710 г. х. (1310/1311 г. н. э.). В описаниях хронистов, географов и путешественников XIII—XV вв. чаще всего упоминается просто Сарай; благодаря этому нередко бывает трудно установить, идет ли речь о Сарае Бату или Сарае Берке. Афанасий Никитин говорит, вероятно, о Сарае Берке. Столица золотоордынских ханов была перенесена из Сарая Бату в Сарай Берке при хане Узбеке (1312—1340 гг.). Сарай Берке описан рядом историков, особенно ал-Омари, и путешественников, особенно Ибн Батутой (1333 г.). По этим описаниям, Сарай Берке, не защищенный стенами, был расположен на ровном месте, на солончаковой земле и считался одним из красивейших городов Востока. Это был большой торгово-ремесленный город, очень тесно застроенный сплошными рядами домов, без садов и пустопорожных мест, с рынками, банями и культовыми зданиями; среди последних числилось 13 одних только соборных мечетей. Здесь же находился дворец, служивший зимней резиденцией хана В Сарае

Берке были особые кварталы купцов и ремесленников разных народностей: асов (осетин), кыпчаков (половцев), черкесов, русских, греков, выходцев из Хорезма и других областей Средней Азии, Ирана, Ирака Арабского, Сирии, Египта и других стран, не считая поволжских татар, составлявших основное население города. Здесь было много русских и других христиан; существовало и православное (русское) епископство. Помимо описаний путешественников, богатые сведения по топографии, ремесленному производству и материальной культуре Сарая Берке дают раскопки А. Терещенко и др. Открыты остатки водопровода, кладбища мусульманские и христианские, горны, много металлических и особенно керамических изделий, глазурованных и неглазурованных. Главные здания были облицованы глазурованными изразцами — красного, бирюзового, желтого и других цветов. Архитекторами и гончарами были выходцы из Средней Азии, плотниками, судостроителями и т. д. — русские мастера. По рассказу персидского историка Вассафа (начало XIV в.), у купцов из Сарая были в Тебризе свои мастерские и большие вклады на руках у тамошних горожан. В 1395 г. Сарай Берке был разрушен среднеазиатскими (чагатайскими) войсками Тимура; в 1472 г. город был взят и разорен русскими отрядами из Вятки, в 1480 г. был окончательно разрушен союзными войсками русского великого князя Ивана III и крымско-татарского хана Менгли-Гирея.

¹⁵ Берекезапы — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

¹⁶ Бузан-река — Бузань, рукав р. Волги, в низовье ее, у Красного Яра, впадает в р. Ахтубу.

¹⁷ Каисым солтан — султан Касим, внук золотоордынского хана Кучук-Мухаммеда (1423—1460 гг.) из династии Джучидов, ветви потомков Орды и Уруса, первый хан астраханский (с 1466 г.).

¹⁸ Азътархан, Хазъторохань — Астрахань. У арабских и персидских авторов Хазтархан (русс. — Астрахань) был известен под именем Хаджжи-Тархан. Так называет его и путешественник Ибн Батута, по объяснению которого город будто бы получил имя от жившего здесь мусульманского святого — паломника («хаджжи») в Мекку. По мнению акад. И. Ю. Крачковского, Хаджжи-Тархан — арабизованная форма и позднейшее осмысление первоначального тюрко-монгольского имени. Город, лежащий на левом берегу главного русла Волги, под 46°20' с. ш. и 48° в. д., был основан в эпоху монгольского владычества. Первые упоминания о нем относятся к началу XIV в. В 1395 г. город был разрушен Тимуром, но в XV в. возродился. Город был расположен на правом берегу Волги, на 10 км выше современного нам одноименного города, построенного в 1558 г. русскими на левом берегу. В XV в. к Астрахани отчасти перешло торговое значение падавшего Сарая, особенно после распада Золотой Орды и образования самостоятельного Крымского ханства (1466 г.). Судя по сообщениям Барбаро и Контарини, Астрахань в XV в. играла известную посредническую роль в торговле России с прикаспийскими странами, торговала также с Россией солью. Однако ни по величине, ни по хозяйственному значению город не мог сравниться с обоими Сараями.

¹⁹ Качьма — т. «не бегите».

²⁰ Бугун — возможно, нынешний Бегунский полоз, одна из мелей в устье Волги.

²¹ Ез, яз — заграждение из хвороста и т. д. на реке, дабы задержать рыбу, для рыбной ловли.

²² Дербеньт — Дербенд, Дербент, город и гавань на западном берегу Каспийского моря, под 42° с. ш. и 48°15' в. д. Город известен с VI в. н. э. При сасанидском царе Ирана Хосрове I Аношарване (531—579 гг. н. э.) здесь были возведены мощные укрепления (стены между морем и отрогом Главного Кавказского хребта) для защиты ведущего в страны Закавказья прохода, известного под именем Каспийских ворот, от вторжений кочевых народов Восточной Европы (гунны, савиры, тюрки и др.). В VIII—IX вв. укрепления Дербенда не раз перестраивались арабами для защиты от набегов хазар. Стратегическое значение города определило разные названия его: перс. «Дербенд» — «затвор двери», «преграда», «проход», «ущелье», «застава», ар. «Баб-ал-абваб» — «ворота ворот», тюрк. «Демир-каны» — «железные ворота» («Железными вратами» называет Дербент «Задонщина», памятник конца XIV в.). До монгольского завоевания Дербент был главной гаванью на Каспийском море и важным перегрузочным пунктом торговли стран Передней Азии с Восточной Европой, в частности с Русью. С XIII в. роль главной гавани на Каспии стала переходить к Баку, а в XV в. значение Дербента как морского порта окончательно упало. Причиной этого упадка были крайнее сокращение торговли стран Передней Азии со странами Восточной Европы и захирение пролегавшего через Дербент торгового пути, отчасти вследствие почти непрерывных войн между монгольскими ханами Ирана — Хулагуидами и золотоордынскими монгольскими ханами — Джучидами. Слабые местные владельцы Дербента не в состоянии были поддерживать укрепления города и порта, и купеческие корабли из Ирана и Средней Азии стали предпочитать прекрасную естественную гавань Баку открытому и не защищенному теперь дербентскому порту. В 1428 г. Джованни делла Валле построил для дербентского правителя небольшой корабль, на котором тот выходил в открытое море, занимаясь морским разбоем, нападая на суда, шедшие в Астерабад. В XV в. город принадлежал ширваншаху (см. прим. 28), в руках которого находился и во время путешествия Афанасия Никитина, бывшего здесь в конце 1466 или начале 1467 г. Во время пребывания Афанасия Никитина в Дербенте, судя по сообщению венецианского посла Контарини (1475—1476 гг.), только 1/6 часть городской площади была обитаема, остальные кварталы были пусты. Среди населения Дербента преобладали тюркоязычные элементы и «черкесы»; последним именем на мусульманском Востоке тогда называли все вообще северокавказские (не тюркские), иногда и дагестанские народности. В это время через Дербент в Астрахань вывозили еще морским путем рис и шелковые ткани для обмена в Астрахани у русских и татарских купцов на меха и иные предметы. Контарини описывает суда, совершавшие рейсы между Дербентом и Астраханью.

и обратно, в которых плавал и Афанасий Никитин: «Они имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме, а на боках очень выпуклы. Их сколачивают деревянными гвоздями и смолят весьма крепко; для управления же имеют они 2 мачты и большой шест, служащий им вместо руля. Каспийские мореходцы плавают на авось, без компаса, наблюдая течение звезд, и вообще держатся берегов, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. В дурную погоду они прибегают к парусам, иногда же употребляют и весла, которыми, как и рулем, управляют весьма дурно». Зимой плавание прекращалось. В пути суда подвергались нападениям пиратов. Согласно дневнику Контарини, плавание от Дербенда до Астрахани продолжалось 24 дня.

²³ Тезики — тазики, таджики. О происхождении и значениях этого имени см.: W. Barthold. Tadjik, EI, т. IV. В описываемую эпоху тазиками, или таджиками, в персидских источниках, а также в официальных актах (см. сборник персидских официальных документов 1358 г. «Дастур ал-катиб») именовали не только среднеазиатских таджиков, но и все вообще иранские народности. В городах Поволжья и на Руси в ту же эпоху тезиками, тазиками именовали купцов из Средней Азии и Ирана.

²⁴ фурьстовина — морская буря, от итальянского fortuna — «буря» (из латинск. fortuna — «судьба»); в значении «бури» это слово встречается и в новогреческом языке; ср. украинск. «фуртовина» — «буря». Это слово, как и другие итальянские, старофранцузские и новогреческие слова, встречающиеся у Афанасия Никитина, вошедшие в средиземноморский жаргон «lingua franca», сложившийся в период крестовых походов, распространялись, при посредстве моряков, вплоть до Индии.

²⁵ Тархы — Тарки, Тарху, крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

²⁶ Кайтаки — кайтаги, кайтакцы, жители области и княжества Кайтак, Кайтаг в западном Дагестане, к северо-западу от Дербента. Впервые кайтаки упоминаются у историографа Тимура, Низам-ад-дина Шами, в связи с рассказом о походе Тимура через Азербайджан и Дербент против Тохтамыш-хана золотоордынского (1395 г.). По словам упомянутого автора, в то время кайтаки были еще «людьми без веры», т. е. язычниками. Во второй половине XV в., по словам венецианца Барбаро, среди кайтаков было также немало христиан «греческого» (иначе «грузинского», т. е. православного), армянского и католического исповеданий. Наличие католиков здесь объяснялось деятельностью католических миссий, утвердившихся на Кавказе в XIV—XV вв. Однако в этот период среди кайтаков распространялся уже и ислам; по крайней мере современный Афанасию Никитину князь кайтакский был мусульманином и носил мусульманское имя Халил-бек. — Кайтаки — термин скорее географический, строго определенного этнического значения не имеет. Среди жителей области Кайтак были и поселившиеся здесь (не ранее XIII в.) монголы. Еще в 1647 г. турецкий путе-

пешественник Эвлийя Челеби описывает под именем кайтаков пришедших из Дагестана для торговли в азербайджанские города Ареш, Шеки и Махмудабад типичных потомков монголов, сохранявших отчасти свой язык; Эвлийя Челеби приводит 41 «кайтакское» слово, из них по меньшей мере 16 слов чисто монгольских; остальные слова — большей частью общие в монгольских и тюркских языках или чисто тюркские. В настоящее время Кайтак заселяют две различных этническо-лингвистических группы: одна из них говорит на особом наречии даргинского языка, одного из дагестанской группы иберийско-кавказских языков; другая группа — тюркское племя, известное под именем *терекеме* (т. е. туркмены), — возможно потомки тюркизованных монголов; язык их в наши дни близок к азербайджанскому.

²⁷ Алильбег кайтаческий князь — Халил-бек, князь кайтакский, шурин ширваншаха Фаррух-Ясара. Годы правления неизвестны. Князья Кайтака носили титул уцмия, который дагестанские мусульманские книжники-арабисты выводили из арабского «исми» (от ар. «исм» — «имя»), в чисто местном значении «именитый». Однако акад. В. В. Бартольд считает такое толкование поздней попыткой арабизации и осмысления архаического термина местного происхождения. Содержащиеся в компиляции XIX в. «Асар-и Дагестан» («Памятники Дагестана») сведения о существовавших будто бы с VIII в. уцмиях кайтакских основаны на легендах позднего происхождения. Точные сведения об уцмиях кайтакских сохранились в источниках лишь со времен уцмия Султан-Ахмед-хана, умершего в 1587—1588 г. У Афанасия Никитина мы находим одно из наиболее ранних упоминаний о князьях (уцмиях) Кайтака.

²⁸ Ширванша, ширванша-бек — п. «ширваншах», т. е. «царь (шах) Ширвана», титул государей Ширвана, в северо-восточной части северного (ныне советского) Азербайджана. Титул «ширваншах» в письменных источниках упоминается с конца IX в. (Ибн Хурдадбех) как существовавший еще во времена иранской династии Сасанидов III—VII вв. н. э. (см. Minorsky, стр. 404). В живой речи конечное «х» в слове «ширваншах» почти не слышится, отсюда те формы этого слова, которые встречаются у путешественников: у Афанасия Никитина — ширванша, у Барбаро — *siqiansa*, у Контарини — *sivansa*, у грузинских авторов — шарванша. Упоминаемый у нашего автора ширваншах Фаррух-Ясар (1462—1500 гг.) — сын Халилаллаха I (1417—1462 гг.), из четвертой, так называемой дербентской династии (1382—1538 гг.) ширваншахов. При Фаррух-Ясаре территория Ширвана простиралась от р. Куры на юге до р. Самура на севере, включая города Шемаху, Баку и Дербент. В XV в. Ширван был независимым государством и переживал период экономического и политического расцвета.

²⁹ Въ-рду его койгул — Орда (т.-монг. «орду» — «ставка»); т. «койтул» — «ставка», «становище», «стан» государя или какого-либо эмира; синоним термина «орду» (см. прим. 13). Термин «койтул» в XV в. встречается у Абд-ар-реззака Самарканди и других авторов. Определить точнее местоположение становища (орду, койтул) ширваншаха Фаррух-Ясара не представляется возможным.

Обычные резиденции ширваншахов в XV в. — города Баку и Шемаха, крепости Гюлистан и Бугурд (у персидских авторов — Бикурд) — не подходят под понятия «орду» или «койтул». Возможно, это гора Фит-даг. Укрепленный лагерь (п. «лашкар-гах» — синоним т. «койтул») ширваншаха, в 1 фарсанге (6.5 км) от Шемахи, отмечает анонимный персидский географ конца X в., автор «Худуд ал-алем» (изд. рукописи Туманского, 1930, л. 33а).

³⁰ Шамахейя — Шаммахия, Шамаха, или Шамахи, русск. Шемаха, город в Ширване, ныне районный центр Азербайджанской ССР, под 40°36' с. ш. и 48°30' в. д. Существовал с конца VIII в. н. э. (Minorsky, стр. 404). В XV в. Шемаха, по описаниям путешественников, была значительным городом, хотя и много меньше Тебриза (см. прим. 341). Вывоз шелка-сырца из Шемахи в Италию отмечается еще в XII в. В XV же веке, по словам Контарини, из Шемахи вывозили шелк, известный под именем таламанского (т. е. дейлемского-гилянского, который в Италии смешивали с ширванским). Здесь вырабатывали также шелковые ткани и бумазею. Шемаха была одной из резиденций ширваншахов. Согласно Барбаро, в Шемахе в 70-х годах XV в. было от 4 до 5 тысяч домов (семейств), . е. от 18 до 22.5 тыс. жителей.

³¹ Баке. . . где огонь горить неугасимы — город Баку, в наши дни столица Азербайджанской ССР, под 40°21' с. ш. и 49° 54' в. д. Наиболее ранние известия о Баку и бакинской нефти мы находим у географов X в. — арабских (Истахри, Мас'уди, Мукаддаси) и персидских (анонимный автор «Худуд-ал-алем»). Бакинское месторождение нефти считалось самым крупным в странах Среднего Востока уже в X в. (Худуд-ал-алем, л. 33б) и в послемонгольский период (Хамдаллах Казвини). В то время нефть употреблялась преимущественно для целей военной техники — для изготовления горючего вещества, «жидкого огня», заменявшего позднейшую артиллерию. До XIII в. Баку был небольшим городком. В XIII—XV вв. он стал главной гаванью на Каспийском море. Подробное описание Баку в начале XV в. дает арабоязычный географ, происходивший сам из Баку, Абд-ар-рашид ал-Бакуви, т. е. Бакинский. Город был выстроен из камня, как и в наши дни. Море в то время доходило до башен и стен, недалеко от которых находилась соборная (пятничная) мечеть (джум'а-масджид). В городе было 2 крепости: одна у самого моря, столь сильная, что и монголы в 30-х годах XIII в. не могли ее взять, другая на горе (нынешний Чемберкенд), лежавшая в развалинах. Местность вокруг города была бесплодна; как и сейчас, плодовые сады находились на северном берегу Апшеронского полуострова (в 30—35 км от города) и производили инжир (фиги), виноград и гранаты. Предметы продовольствия доставлялись в Баку из Шемахи и с Мугани. Близ Баку добывалось ежедневно 200 харваров (ослиных вьюков) нефти, ее вывозили из Баку на судах. В соляных озерах Апшерона добывалась прекрасная соль, ее также вывозили. Баку вел крупную торговлю шелком высокого качества (привозным). Жители города занимались также тюленьим промыслом. Горожане были исключительно мусульманами, принадлежали к «правоверному» (суннитскому) толку шафиитов

В 1 фарсанге (несколько более 6 км) от города было христианское (армянское) селение, производившее известь. В XV в. значение Баку сильно выросло. Он стал одной из резиденций ширваншахов, которые построили здесь в XV в. высокохудожественный дворцовый комплекс, известный в наши дни под именем дворца ширваншахов, с дворцовой мечетью, мавзолеем и судилищем — диван-ханэ. В порт приходили суда из прикаспийских портов северного Ирана и Средней Азии. По словам Хамдаллаха Казвини, лежавший против гавани остров (Нарген) был населен. Выходов горючих газов близ Баку было много; о них говорит и Афанасий Никитин: «огнь горит неугасимы». Сообщение Абдар-рашида ал-Бакуви о фонтане огня, который будто бы был виден на расстоянии дня пути, как и сообщение об источнике «белой» нефти, дававшем ежедневно 1000 дирхемов дохода, заимствовано этим автором у арабского географа X в. ал-Мас'уди и для XV в. является анахронизмом. Арабские и персидские источники XIII—XV вв. называют город Баку — Бакуйя (Бакуйэ), итальянские путешественники XV в. — Bachu, Basi.

³² Чебокар — по-видимому, Чапакур, поселение в Мазандаране, на южном берегу Каспийского моря, к западу от Сари.

³³ Сара — Сари, иначе Сарийэ и Сарави, город в Мазандаране, ныне лежит в 25 км к югу от Каспийского моря, в X в. это расстояние было меньше. Древняя столица Табаристана — Мазандарана (до X в.). В X в. в Сари производились шелковые ткани, которые отсюда вывозились; за ними приходили корабли русов. После монгольского завоевания Сари был городом средней величины с площадью в 4 тысячи шагов в окружности; округ Сари производил плоды, пшеницу и хлопок.

³⁴ Маздранская земля — Мазандаран, область в северном Иране, к востоку от Гиляна, занимающая узкую полосу между южным берегом Каспийского моря и горным хребтом Альбурс, отделяющим область от внутреннего Ирана. В Мазандаране влажный субтропический климат с обильными осадками; предгорья и нижние склоны гор покрыты густыми лесными чащами, выше их лежат горные пастбища. Население говорит на особом языке — мазандаранском, относящемся к западной группе семьи иранских языков, но заметно отличающемся от персидского. У арабов область именовалась Табаристаном (Тапуристан в сасанидский период) от имени древнего народа тапуров, известного древнегреческим географам. Сведения источников о времени появления названия «Мазандаран» противоречивы. Якут (начало XIII в.) считает его новым названием. Арабоязычный географ XIII в. Закария Казвини говорит, что Мазандаран — персидское название Табаристана. Некоторые исследователи (Юсти) признают название «Мазандаран» древним. Чаще всего в источниках названия Мазандаран и Табаристан употребляются как синонимы. Но некоторые авторы XIV—XV вв. различают Мазандаран и Табаристан. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.) область (вилайет) Мазандаран делилась на 7 туменов; Табаристан тот же автор рассматривает как особую область (вилайет), лежавшую к югу от Мазандарана, за хребтом Альбурс.

Такую же терминологию мы находим и у Хондемира, автора начала XV в. В XIV—XV вв. Мазандаран производил пшеницу, хлопок, шелк и плоды, в частности цитрусовые. Жители были шиитами. Массовая резня во время монгольского завоевания (20—30-е годы XIII в.), а затем нашествие Тимура (1392 г.) сильно уменьшили численность населения. Начиная с 1350 г. в Мазандаране развертывалось народное движение, направленное как против монгольских завоевателей, так и против местных феодалов, подавленное Тимуром в 1392 г. (Бартольд, Место, стр. 82 сл.). Сообщение Хамдаллаха Казвини о прибывших в Мазандаран русских кораблях, по-видимому, заимствовано из источников X—XI вв. и для XIV—XV вв. является анахронизмом. Около 1472 г. Мазандаран платил дань туркменскому государству Ак-Койюнлу (см. о нем прим. 342) в размере 120 харваров («ослиных вьюков» — мера разного веса) шелка-сырца. Мазандаран в то время был раздроблен на ряд (не менее 12) феодальных владений.

³⁵ Амиль — Амуль, Амоль, самый большой город в Мазандаране, под 36° с. ш. и 52° в. д., в 20 км от побережья. В XIII—XV вв. здесь производились шелковые ткани, ковры и молитвенные коврики. По словам Хамдаллаха Казвини, местные сады давали столь обильные урожаи всевозможных плодов, что если бы город был осажден, он мог бы обойтись без ввоза продовольствия извне.

³⁶ Димовант — Демавенд, Дамаванд. Этим именем обозначался горный массив — высшая точка хребта Альбурс; абсолютную высоту Демавенда разные авторы определяют неодинаково — от 5465 м (Свен Гедин) до 6800 м (де Морган). Вершина покрыта вечным снегом и обычно окутана тучами. Вулканическая деятельность массива в средние века (X—XV вв.) не была прекращена — вершина постоянно курилась. На вершине и склонах насчитывают до 70 кратеров; на склонах много серных источников; добывается сера, лучшая в Иране. У подошвы горного массива существовали в XIV—XV вв. свинцовый рудник и местечко (касаба) Демавенд. Его-то, очевидно, и имел в виду Афанасий Никитин.

³⁷ Рей, Дрей — Рей, один из величайших городов средневекового Ирана и всей Передней Азии. Развалины в 8 км к юго-востоку от Тегерана (Тегерана), под $35^{\circ}30'$ с. ш. и $51^{\circ}40'$ в. д. Под именем Раги, города древней Мидии, Рей упоминается еще в надписи древнеперсидского царя Дария I Гистаспа в конце XVI в. до н. э. Период процветания города относится к IX—первой половине XII в. н. э. Рей был одним из центров ремесленной промышленности Ирана; славились местные шелковые и другие ткани, а также рейская расписная глазурованная керамика. Обострение классовой борьбы в Рейе вызвало гражданские войны, происходившие под оболочкой борьбы религиозных течений. В 1220 г. Рей был окончательно разрушен монголами, которые частью истребили, частью угнали в неволю жителей города и всего округа. Город оставался в развалинах и необитаемым. При монгольском государе Ирана Газан-хане (1295—1304 гг.) была сделана попытка восстановления и заселения Рейя, но она не была доведена до конца. В начале XV в., по словам Клавихо, кастильского посланника ко двору Тимура, проезжавшего через Рей в 1404 г., город был весь разрушен и необитаем (Кла-

вихо, стр. 187). Он не был восстановлен и позднее. Местный феодальный владелец жил в горах. В источниках XIII—XV вв. Рей часто упоминается, но при этом речь идет не о городе, а о военно-административном округе (тумен), носившем то же имя; центром Рейского округа с конца XIII в. было местечко (касаба) Берамин. Без сомнения, Афанасий Никитин, говоря о Рейе, также имеет в виду не город, а всю местность. В Рейском округе около 1340 г. числилось 360 селений. В 1920-х годах здесь производились раскопки английским археологом Кер-Портером.

³⁸ Ту убили Шаусеня Алеевых детей и внучат Махметевых. Как известно, третий имам шиитов Хусейн (у персов в народной среде «шах Хусейн», что в живой вульгарной речи слышится почти как «Шаусен», «Шаусень» Афанасия Никитина), второй сын халифа Али и Фатимы, внук Мухаммеда, был умерщвлен после неудачной борьбы с «нечестивым» омейядским халифом Йезидом I в 680 г. н. э. Это событие произошло в Кербеле, в Ираке Арабском (Месопотамии), а не в Рейе. Однако существовало предание, сохраненное и источниками (Якут), что Омейядами было обещано отдать богатый и доходный Рей с зависимыми городами и областью в управление Омару ибн Са'ду ибн Аби-Ваккасу (сыну известного соратника пророка Мухаммеда), если Омар примет на себя командование войском, посланным против имама Хусейна. Соблазнившись этим предложением, Омар согласился и стал затем палачом имама Хусейна. Таким образом, набожные шииты смотрели на город Рей и соседние города как на «цену крови» Хусейна, данную его убийце, как на причину гибели святого имама. Шестому шиитскому имаму Джафару Садыку (умер в 765 г.) приписывали слова: «Рей, Казвин и Сава — города проклятые и осужденные на гибель». Рей действительно пришел в запустение, сначала в результате гражданской войны (XII в.), потом монгольского нашествия. Разрушение Рейя и соседних городов и местечек шииты рассматривали как божескую кару за мученичество имама Хусейна. Это-то предание и передает в искаженном виде Афанасий Никитин.

³⁹ Кашень — Кашан, город на Иранском нагорье, к юго-востоку от Кума и в 3 днях пути к северу от Исфахана, под 34° с. ш. и 51°10' в. д., на высоте 1100 м над у. м. Кашан, вблизи которого находились залежи каолина, был главным центром производства художественной керамики в Иране — фаянсовой посуды, покрытой глазурью с разноцветной поливой, а также архитектурной керамики — глазурованных плиток для декоративной облицовки фасадов и внутренних зданий (изделия, известные под названием «каши»). Особенно славились такие изделия из прозрачной бирюзовой глазури, также фаянсы с надглазурной росписью эмалями и особенно с известной с XII в. росписью люстром различных цветов с золотистым металлическим отблеском. Рецепт изготовления люстра, основанный на обжиге сложного состава из минеральных красок, приведен в «Книге о камнях и благовониях» Абу-л-Касима 'Абдаллаха Кашани (XIII в.), жителя Кашана. По словам Барбаро, посетившего Кашан в 1474 г., здесь изготавливали шелковые ткани и бумазею в таком огромном количестве, что

купец, желавший закупить этих тканей на 10 тысяч дукатов, мог бы сделать эту закупку в один день. В то время город имел 4 мили в окружности и был очень населен. О кашанской керамике см.: Э. Кверфельд. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947 (там же см. библиографию).

⁴⁰ Наин — Найин, на полпути между Кашаном и Йездом, несколько южнее 33° с. ш. и под 53°12' в. д., на западной окраине Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и-Кевир). В конце XV в. Найин был городом средней величины.

⁴¹ Ездей — Йезд, город на Иранском нагорье, несколько южнее 32° с. ш. и под 54°25' в. д., на высоте свыше 1300 м над у. м., в оазисе того же имени среди пустыни. Оазис орошался сложной системой каналов и каризов (подземных галерей для вывода подпочвенной воды наружу) и производил хлопок, шелк, плоды (особенно гранаты) и пшеницу. В XIV—XV вв. оазис не мог прокормиться своим хлебом, его сюда ввозили. Йезд служил узловым пунктом двух караванных магистралей; одна соединяла северо-западный Иран с Керманом и портом Ормуз, другая — Хорасан с Фарсом и Басрой. Большая часть жителей Йезда состояла из ремесленников-шелкоткачей. В XV в. Йезд был одним из главных центров шелкоткачества на Ближнем Востоке. По словам автора персидского трактата по агротехнике (около 1300 г.), техника культуры тутового дерева и шелковичного червя, как и качество шелка-сырца, выше всего были в Йездском оазисе; урожаи шелка-сырца здесь были в 4—5 раз больше, нежели в других местностях Ирана (Фалахат, стр. 23). О шелковых тканях из мастерских Йезда говорится в переписке министра и историка Рашид-ад-дина (казнен в 1318 г.). Согласно персидскому географу Хафиз-и Абру (начало XV в.), Барбаро (1474 г.) и анонимному венецианскому купцу (1514 г.), шелковые ткани из Йезда вывозились в Турцию (в Бруссу), в Сирию, в Среднюю Азию, Индию и Китай. Барбаро дает подробное описание ткацкого производства и торговли в особых зданиях (фундук); по словам этого автора, в Йезде производились шелковые ткани двух сортов, ежедневно выбрасывали на рынок до 10 тысяч выюков каждого сорта. В конце XV в. город был окружен валом в 5 миль в окружности и предместьями. Дома в Йезде, как и почти во всем безлесном восточном Иране, строились из глины с куполообразными сводчатыми кровлями, без деревянных перекрытий. Во второй половине XV в. Йезд управлялся царевичами из одной ветви туркменской белобаранной (Ак-Койюнлу) династии Байяндурри.

⁴² Из Диес — по-видимому, следует читать «из Йездеи» или «Йезда».

⁴³ Сырчан — Сирджан, город на юго-востоке Ирана, в области Керман. Во время арабского владычества (VII—X вв.) был главным городом области, позднее уступил свое значение городу Керману. Оазис Сирджан в XIII—XV вв. производил пшеницу, хлопок, финики. Тогда же здесь была сильная крепость. Ныне город не существует. Местоположение его может быть определено лишь приблизительно в северо-восточной области Керман, между Зиренджом и Шехр-и Бабек («город Бабека», названный так по имени отца Ардешира Бабега, осно-

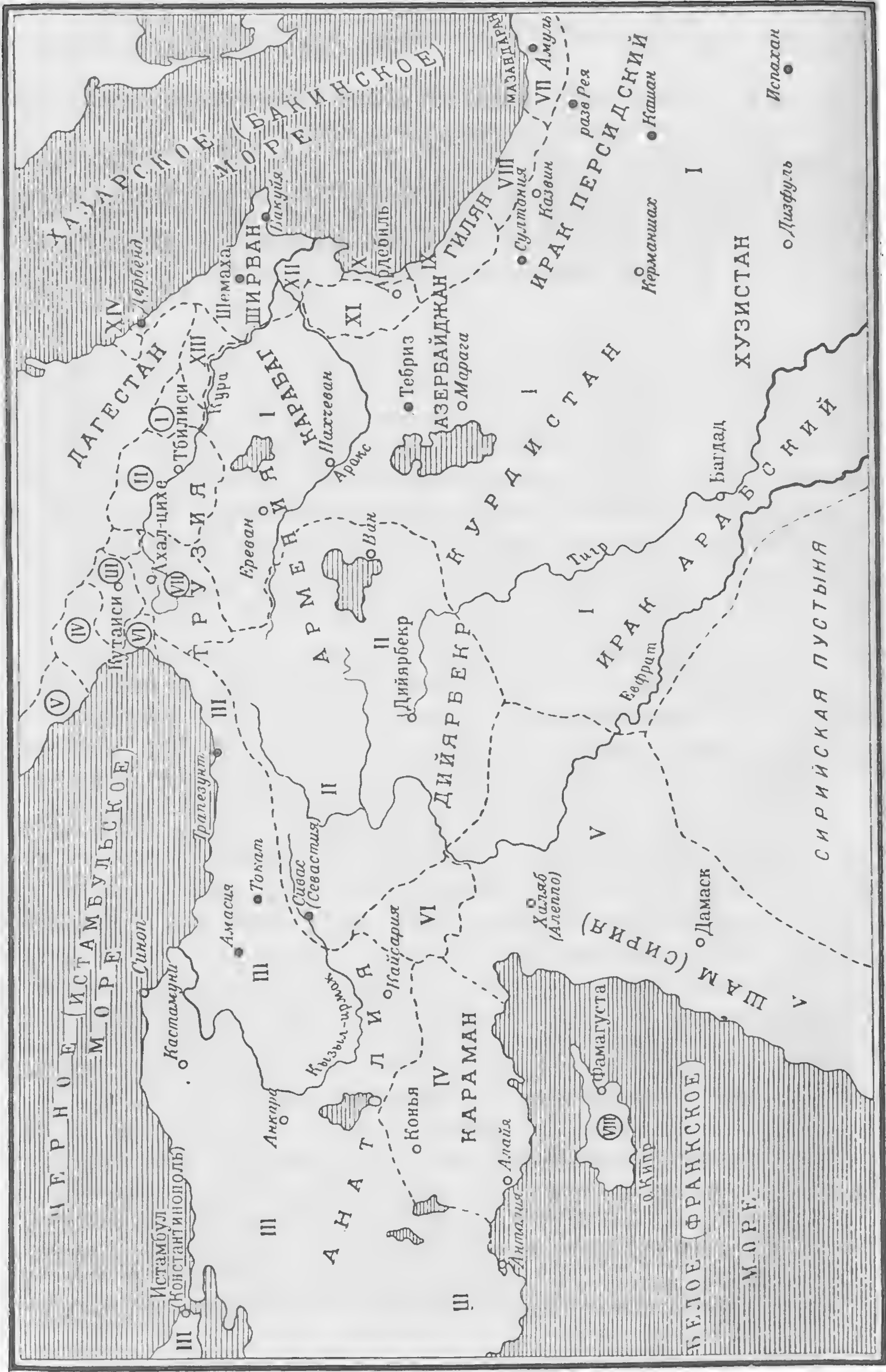
вателя династии Сасанидов). По словам Хамдаллаха Казвини, Сирджан находился в 16 фарсангах (около 100 км) от Шехр-и Бабек.

⁴⁴ Таром, Тором — Тарум, Таром, город на юго-востоке иранской области Фарс, на большом караванном пути из Кашана и Исфাহана к побережью Персидского залива. Город именовался иногда Тарумом фарским, в отличие от округа Тарум (или Тарумейн — «Оба Тарума», верхний и нижний) в нагорной части Гиляна. Из Тарума во множестве вывозились финики («фуники» Афанасия Никитина). — Батман — п., мера веса, различная для разных местностей, от 3 кг до нескольких пудов.

⁴⁵ Лар — главный город округа Ларистан, в юго-восточной части области Фарс, под $27^{\circ}40'$ с. ш. и $54^{\circ}04'$ в. д. В XIII—XV вв. он играл видную роль в транзитной торговле с Индией (Якут, Ибн Батута). По словам Хамдаллаха Казвини, большая часть горожан состояла из купцов, занимавшихся морской торговлей. Ларистан находился во владении местной династии, бывшей во второй половине XV в. в вассальной зависимости от туркменских государей Ак-Койюнлу (династия Байяндур). Владетели Лара пользовались правом чеканить свою монету. Афанасий Никитин был в Ларе дважды: в 1469 г. и во время обратного пути в 1472 г. В это время в г. Ларе насчитывалось, по данным Барбаро, 2 тысячи домов (семейств), т. е. до 9 тысяч жителей.

⁴⁶ Бендерь — п. «бандар», «бендер» — «гавань», «порт». В данном случае имеется в виду Старый Хормуз (см. прим. 47), который Абд-ар-реззак Самарканди (XV в.) называет Бендер-и Хормуз, т. е. «Гавань Хормузская».

⁴⁷ Пристанище Гурмызское, Гурмыз — Хормуз, Хурмуз, у европейцев Ормуз. Старый Хормуз находился на материке, на побережье Персидского залива, близ его выхода в океан, несколько севернее 27° с. ш. и под $56^{\circ}25'$ в. д. Согласно сообщениям античных авторов (Арриан, Птоломей), уже в эллинистический период на берегу Персидского залива существовала гавань Ἀρμόζεα, — в этом имени легко узнается Хормуз (см. статью «Нормуз», ЕІ, т. II). Но выдающееся значение в морской торговле город получил лишь к X в. н. э. Хормуз, по данным арабских географов X в. (Истахри, Мукаддаси), служил портом для области Керман и вообще для юго-востока Ирана. В начале XIII в. Якут отмечает большую роль Хормуза в торговле с Индией. Суда, прибывшие из Индии, выгружали здесь товары, предназначенные для восточных областей Ирана — Кермана, Систана и Хорасана. После 1100 г. здесь правила династия арабского происхождения, представители которой носили титул меликов, а в XV в. — иногда и султанов. Город пострадал во время монгольского нашествия. С 1262 г. хормузский мелик стал вассалом и данником монгольских ханов Ирана — Хулагуидов. По-видимому, однако, зависимость хормузского мелика от Хулагуидов была довольно слаба, так как уплачиваемая им дань, по словам Хамдаллаха Казвини, равнялась 6 туманам в год, — сумма незначительная по сравнению с огромными размерами товарооборота Хормуза. В XIII в. торговое значение Хормуза сильно выросло. Он стал главной биржей и перегрузочным

[illegible]

Объяснения к карте «Передняя Азия в 1466 г.»

Римские цифры без кружков:

I Государство чернобараных туркмен (Каракойюну)	VIII Ханство Ближнего Гиляна (Бийя Пиш)
II Государство белобараных туркмен (Ак-Койюну)	IX Ханство Дальнего Гиляна (Бийя Пас)
III Османская (Турецкая) держава	X Ханство Талышское
IV Эмирство Караман	XI Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
V Египетско-сирийский султанат Мамлюков	XII Владения Ширваншаха
VI Эмирство Зулкадар	XIII Эмирство Шеки
VII Независимые княжества Мазандарана	XIV Княжество Кайтак

Римские цифры в кружках:

I Царство Кахетия	V Княжество Абхазия
II Царство Картли	VI Княжество Гурия
III Царство Имеретия	VII Атабекство Месхетия (Самцхе-саагабаго)
IV Княжество Мингрелия	VIII Королевство Кипр

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

пунктом торговли между странами Передней и Средней Азии (отчасти и европейскими странами), Индией и Китаем. При монгольском государе Ирана Аргун-хане (1284—1291 гг.) генуэзцы представили этому хану проект направить всю индийско-европейскую торговлю через Хормуз и далее через Иран—Малую Азию; монгольские военные суда должны были перехватывать торговые суда, шедшие из Индии, препятствуя им двигаться через Красное море в Египет и направляя их в Хормуз. Важными объектами торговли Хормуза были индиго и лошади; последние вывозились в Индию. Старый Хормуз на материке дважды (1272 и 1293 гг.) посетил Марко Поло. В начале XIV в. (по некоторым данным около 1315 г.) хормузский мелик Кутб-ад-дин из-за нападений соседних разбойничьих банд (монгольских кочевников) перенес город с портом и рынком на скалистый, бесплодный и знойный остров Джераун, по одним данным — в 3 фарсангах, по другим, более точным данным (Хамдаллах Казвини) — в 1 фарсанге от Старого Хормуза. Так возник Новый Хормуз на острове, в XIV—XV вв. полностью унаследовавший торговое значение старого города. Описание Нового Хормуза дано Ибн Батутой (1331 г.) и Абд-ар-реззак Самарканди (1442 г.). Из европейских путешественников описание Нового Хормуза, в котором был и Афанасий Никитин, дано Одориком из Порденоне (1321 г.), Барбаро (1474 г.). В XIV в. хормузский мелик Тураншах (приблизительно 1348—1378 гг.) составил не дошедшую до нас историю Хормуза; очень подробные сведения по истории Хормуза конца XIV—первой половины XV в. сообщает недавно открытый В. В. Бартольд персидский источник XV в. Джа'фари. По данным этого автора, мелик Хормуза в это время благодаря доходам от морской торговли с Индией и Китаем и от жемчужной ловли располагал большими денежными средствами, флотом и наемными войсками. Он уплачивал (с 1396 г.) Тимуру ежегодную дань в 30 туманов — деньгами, жемчугом и тканями. Мелик хормузский в то время подчинил себе все острова Персидского залива и арабский берег его, вплоть до Омана. Против одного из непокорных вассалов мелик Мухаммедшах мог послать флот из 300 кораблей. При мелике Сейф-ад-дине Махаре (1417—1437 гг.) «несколько раз приходило со стороны Китая (Чин) много джонок с китайскими изделиями и многими тканями. Он (мелик) продал им жемчуг и царский жемчуг и взял за это много добра, состоявшего из золота, серебра, тканей и китайских изделий, и наполнил свою казну» (Джа'фари). Из этого и других рассказов видно, что: 1) владетель Хормуза, как и везде владетельные феодалы Передней и Средней Азии, сам принимал активное участие во внешней оптовой торговле и был главным ее организатором; 2) торговля эта лишь отчасти велась на деньги, частью же была меновой, как везде в Иране. Персоязычный историк Абд-ар-реззак Самарканди, отправленный султаном Шахрухом с посольством в Индию, побывал в Хормузе проездом в 1442 г. Этот автор нашел здесь купцов из Египта, Сирии, Рума (Малой Азии), Азербайджана, Ирака Арабского (Месопотамия), разных областей Ирана, Средней Азии, Дешт-и Кыпчака (Золотая Орда), Чина и Мачина (Китай), Бенгалии, Малабара, Виджаянагара и других

областей Индии, Адена, Джидды и других местностей Аравии. В Хормузе продавались всякие товары, какие только можно было доставить морским путем. Со всех видов товаров, кроме золота и серебра, взималась пошлина в размере $\frac{1}{10}$ стоимости товаров. Торговля велась, по словам этого автора, частью на деньги, частью в порядке обмена. Купцы и путешественники всех стран, народов и религий находили в Хормузе покровительство и защиту властей, почему и городу присваивали эпитет «Дар-ал-аман» — «Обитель безопасности». Во время путешествия Афанасия Никитина хормузский мелик платил дань Узун-Хасану Ак-Койюнлу (см. прим. 342).

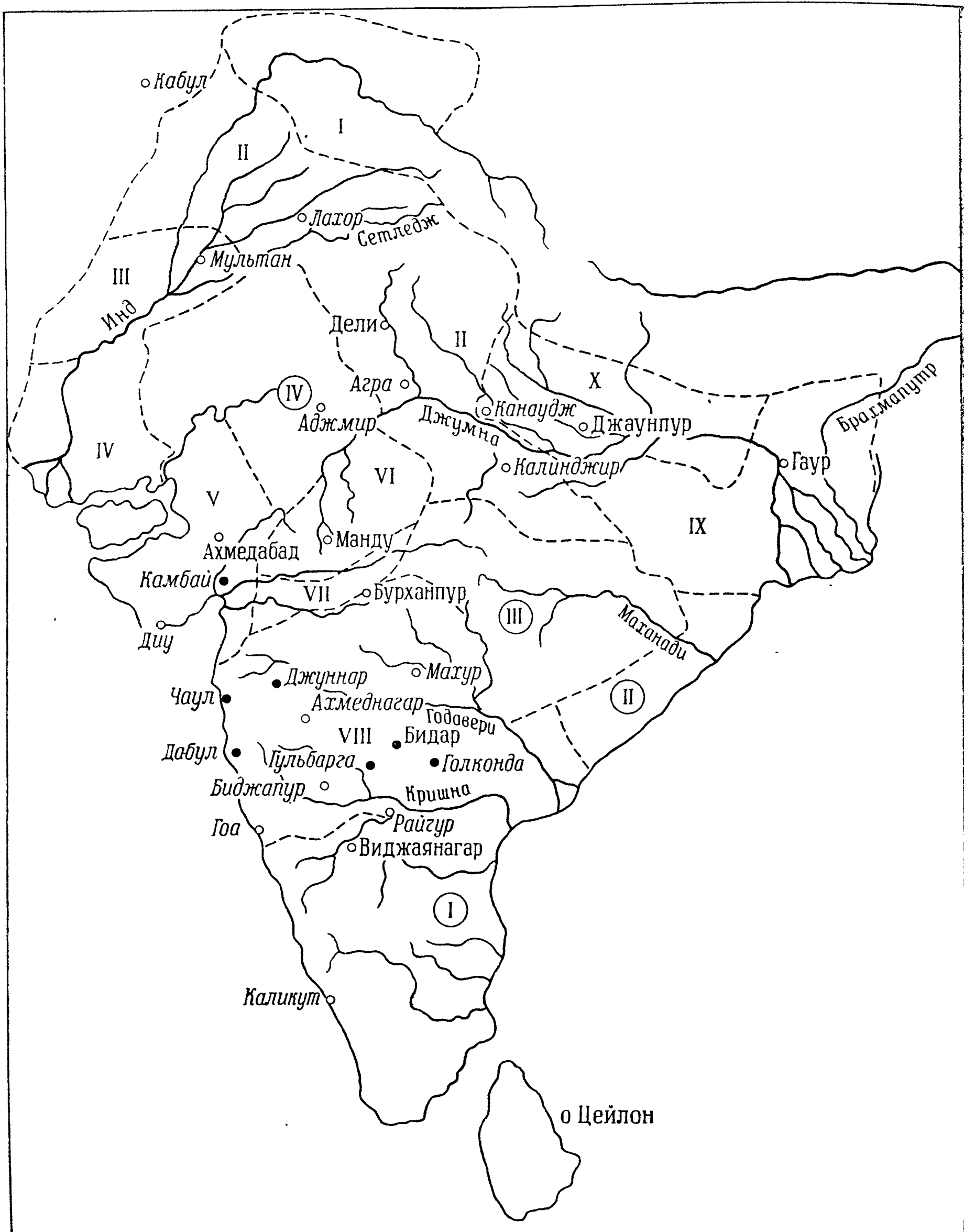
⁴⁸ Море Индейское, а парьсейским языком и Гондустанская дория — Индийский океан, см. прим. 3. — Парьсейский язык — парси, фарси, т. е. персидский (новоперсидский) язык. Видимо, Афанасий Никитин довольно свободно владел разговорной персидской речью (как и тюркской речью, см. прим. 368); он нередко вводит в текст «Хождения» персидские фразы и выражения; часто общался с хорасанцами, от которых получал информацию об Индии, о мусульманских странах, обычаях, об исламской вере, с основными верованиями, обрядами и молитвословиями которой он был хорошо знаком, как видно из текста «Хождения», да и сам называл себя в Индии Юсуфом хорасанцем (см. прим. 120).

⁴⁹ Миля — романский термин, вошедший и в языки арабский и персидский, мера длины (морская), ср. п.-ар. «мил-и бахри» — «морская миля». Арабские и персидские географы принимали 1 фарсанг ($6\frac{1}{2}$ —8 км) = 4 морских мили; таким образом, 1 морская миля = $1\frac{3}{4}$ км.

⁵⁰ Тава — по объяснению Минаева, местное название морского судна, из маратхского «даба» (хинд. «дабба»). Можно, однако, допустить, что слово это, в разных значениях, получило широкое распространение во многих языках западной Азии и Средиземноморья. Ср.: п. «таба», «тава» (термин, вошедший во многие тюркские языки, см.: Радлов, ОСТН, III, стр. 960, 983) — «сковорода», «тигель», «посудина»; ср. рус. «таванить», «Таванский перевоз»; ср. тур. «таволун», итал. «tavolone» — «обшивка палубы» (Радлов, ОСТН, III, стр. 985). По известиям путешественников XIII—XV вв., суда, плававшие из Хормуза в Индию, были примитивной стройки, а плавание на них небезопасным. Марко Поло, Одорик из Порденоне, а в начале XV в. Клавихо (писавший с чужих слов) уверяют (ошибочно), что эти корабли строились без железа с деревянными гвоздями, что связывалось с существовавшим среди моряков поверьем, согласно которому Персидский залив будто бы изобиловал магнитными скалами, при приближении к которым все железные части кораблей притягивались, а суда разбивались. По описанию Абд-ар-реззака Самарканди, плавание на этих судах было крайне тягостным. В пути суда подвергались опасности нападений со стороны пиратов. Сезон плавания оканчивался с наступлением периода муссонов (май—август), приносявших бури и грозы.

⁵¹ В таву с коньми. Различные авторы сообщают о массовом вывозе в XIII—XV вв. из стран Восточной Европы и Передней Азии верховых лошадей, особенно

ИНДИЯ В 1472 г.

Объяснения к карте «Индия в 1472 г.»

Государства, основанные завоевателями

Римские цифры без кружков:

I Кашмир	VI Царство Мальва
II Делийский султанат	VII Царство Хандеш
III Мультан	VIII Царство Бахманидов
IV Синд	IX Царство Бенгалия
V Царство Гуджерат	X Царство Джаунпур

И н д и й с к и е г о с у д а р с т в а

Римские цифры в кружках:

I Царство Виджаянагар	III Гондвана
II Ориса	IV Раджпутана

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

из стран кочевых народов, где лошади были дешевы, через Хормуз в Индию, где они были дороги. Подробности об этом импорте лошадей в Индию сообщает Ибн Батута (XIV в.). По его рассказу, верховых лошадей для путешествий и быстрой езды в Индию ввозили из южной Аравии (Йемена и Омана) и Фарса, боевых же коней (которых покрывали кольчугами) доставляли из золотоордынских степей. Этих татарских лошадей на их родине купцы покупали по 50—60 дирхемов (по 8—10 динаров; 1 динар содержал 13 грамм серебра) за голову. Затем лошадей гнали караванными путями к Хормузу, причем с одним караваном нередко перегоняли до 6 тысяч коней и больше; на каждого купца в среднем приходилось по 100—200 коней. Из Хормуза лошади морем доставлялись в Индию, где с купцов взимали пошлину: с мусульман «закат» (2.5%), а с немусульман — 10% стоимости коней. В Индии же малоценные татарские лошади продавались по 100 динаров (600 дирхемов) за голову; на лучших лошадей цена доходила до 500 динаров и выше. Таким образом, доходы купцов были очень велики. Афанасий Никитин, как видно из его рассказа, повез из Хормуза в Индию жеребца, рассчитывая на большую прибыль. Подобные же данные о ввозе коней в Индию сообщают другие писатели. По словам персидского историка Вассафа (начало XIV в.), во времена фарсского атабека Абу-Бекра (1226—1260 гг.) в Индию из Фарса ежегодно вывозилось до 10 тысяч коней; средняя стоимость коня там определялась в 220 золотых динаров (2200 дирхемов). То же было и в XVI в., когда, по данным Вартемы и Цезаря Фредерика, привозной конь в Индии стоил от 300 до 1000 дукатов. Индийские цари Виджаянагара временами старались при помощи морских разбойников препятствовать ввозу боевых коней в порты, принадлежавшие мусульманским царям Бахманидам (Чаул, Дабул и др.). О причинах, препятствовавших развитию коневодства в Индии, см. прим. 80.

⁵² Мошкат — Маскат, порт на Оманском берегу Аравийского полуострова, под 23°37' с. ш. и 58°30' в. д. Уже в IX—X вв. Маскат был известен как пункт отправления кораблей в Индию. Был местом кораблестроения. Во второй половине XIV в. и в XV в. находился под властью хормузского мелика, хотя здесь были и местные вассальные владетели.

⁵³ Дега. Неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин. Можно было бы предположить, как это делает И. И. Срезневский, Диу (Дви́па) — порт на острове у полуострова Катхиавар под 20°42' с. ш. и 71° в. д. в Гуджератской области в Индии. Во время Афанасия Никитина Диу был крупным портом, куда прибывали корабли из Хормуза, Маската и других пунктов. Однако сообщение Никитина о том, что путь «от Мошката до Дегу 4 дня», — невероятно. В другом месте Афанасий Никитин дает такие подробности относительно своего маршрута: «А от Гурмыза ити морем до Голат 10 дни, а от Галата до Дегу 6 дни, а от Дега до Машката 6 дни, а от Машката до Кучьзрята 10 дний». Галат — без сомнения, упоминаемый у Абд-ар-реззака Самарканди, а также у Марко Поло и Ибн Батуты Калхат (быстро произносимое это слово звучит как Галат), ле-

жавший также в Оманской области. Данные двух приведенных в «Хожении» маршрутов Афанасия Никитина (второй маршрут приведен ниже) противоречат друг другу: в одном случае расстояние Маскат—Дега — 4 дня, в другом — 6 дней. То и другое невероятно, если Дега=Диу. Минаев предполагает, что «Дега Аф. Никитина есть то же, что Дехаг (или Dezat), местность на персидском берегу, принадлежавший гормузскому царю и упоминаемый Барбосой». Но такой вывод не объясняет другого противоречия у Афанасия Никитина. В одном случае Афанасий Никитин приводит маршрут Хормуз—Маскат—Дега, в другом же — Хормуз—Калхат—Дега—Маскат. Следовательно, неясно, заезжал ли Афанасий Никитин в Дегу, уже миновав Маскат, или, напротив, еще не доезжая Маската. По-видимому, здесь память изменила нашему путешественнику, и сделать какой-либо категорический вывод относительно местоположения Дега трудно. Можно лишь допустить, что Дега — не индийский город Диу, а один из пунктов на оманском или иранском берегу Персидского залива. Неясно, сколько времени занял у Афанасия Никитина морской путь от Хормуза до Гуджерата. Согласно приведенному выше маршруту, этот путь должен был бы составить 32 дня. Минаев предлагает поправку в чтении текста: вместо «а от Дега до Мошката 6 дни, а от Мошката до Кучьзрята — 10 дни» читать: «а от Дега до Кучьзрята 10 дни»; тогда путь от Хормуза составил бы 26 дней, а путь от Калхата до Гуджерата составил бы 16 дней. Такой расчет близко подходит к сообщению Абд-ар-реззака Самарканди о том, что путь от Калхата до Каликута он совершил в 18 дней.

⁵⁴ Кузрят, Кужзрят, Кучьзрят — Гуджерат, иначе Гузерат. В XV в. эта область западной Индии заключала в себе Суратский полуостров с Диу, район Бомбея и ряд районов к востоку. Походы Газневидов в Гуджерат начались при Махмуде Газневиде (998—1030 гг.), но прочно покорена была область делийским султаном Ала-ад-дином в конце XIII в. В 1396 г. наместник делийского султана Зафар-хан, мусульманин, стал независимым государем Гуджерата, приняв имя Музаффар-шаха. Основанная им династия мусульманских царей (шахов) Гуджерата правила здесь с 1396 до 1572 г. Во время Афанасия Никитина, при Махмуд-шахе I Байкара (1458—1511 гг.), Гуджерат был сильным государством. Личность и правление этого шаха гуджератского, храброго воина, фанатичного мусульманина, вместе с тем крутого, своенравного и подозрительного деспота, часто отравляющего своих сановников и жен, подробно описаны в начале XVI в. путешественниками — итальянцем Вартемой и португальцем Дуарте Барбосой.

⁵⁵ Тут ся родить краска — по-видимому, синяя краска индиго (санскр. «нила», п. «ниль», ар. «ниладж»), добываемая из растения *Indigofera tinctoria*, аборигенного индийского растения, составлявшая один из главных предметов вывоза из Индии. В VI в. н. э. культура индиго была введена в области Керман в Иране, но в XIII—XIV вв. она там исчезла и индиго туда ввозилось из Индии Фалахат, стр. 93).

⁵⁶ Лек — люк, по предположению Минаева — лакх, лак, продукт *Coccus lassa*, красильное вещество.

⁵⁷ Каибат, Коибат — Камбаят. Камбай, индийский порт у одноименного залива, в области Гуджерат, под $22^{\circ}17'$ с. ш. и $72^{\circ}34'$ в. д. Во второй половине XV в. был одним из крупнейших индийских портов, вывозивших в страны Передней Азии хлопчатобумажные и шелковые ткани местного производства, индиго, соль, сердолики и другие товары. По словам Вартемы, в начале XVI в. гавань Камбая ежегодно посещали 300—350 кораблей. Камбай входил в состав владений шаха гуджератского.

⁵⁸ Чивить, Чювиль — Чаул, Чавул, Шийул, Chaul de Cima португальских хроник, Ερζάλλη Итолема (II в. н. э.), гавань на Малабарском побережье Индии, к югу от Бомбея, под $18^{\circ}30'$ с. ш. и $72^{\circ}55'$ в. д. Близ него некогда находился древний город Чамनावати. Чаул служил пунктом посреднической торговли между северо-западной и южной Индией. По словам португальца Дуарте Барбосы (начало XVI в.), с севера (из Камбая) в Чаул привозили ткани, с юга (из Каликута) — пряности, тростниковый сахар, кокосовые орехи, изумруды. Из внутренней Индии (Декана) в Чаул привозили сельскохозяйственную продукцию. Чаул был также портом для вывоза индийских товаров в Иран и Аравию, но менее значительным, нежели Камбай. Вывозная торговля находилась в руках мусульманских купцов. Население города состояло из мусульман и индуистов, здесь были также небольшие общины индийских христиан (несторианского и монофизитского толка), о которых Афанасий Никитин, вероятно, не слышал, — он о них не упоминает, — иудеев и персов-зороастрийцев (гебров), эмигрантов из Ирана. С половины XIV в. Чаул входил в состав владений династии Бахманидов. Сообщение нашего путешественника о местном «князе» в Чауле, по-видимому, относится к наместнику бахманидского султана. Об этом наместнике, собиравшем здесь пошлины и подати для султана, упоминает Барбоса. Слова Афанасия Никитина о морском путешествии до Чаула в течение 6 недель, надо думать, означают весь морской путь от Хормуза до Чаула, поскольку остановка Афанасия в Камбае была кратковременна; в другом месте «Хождения» автор говорит, что путь от Камбая до «Чивеля» (Чаула) равняется 12 днм.

⁵⁹ И тут есть Индейская страна, и люди ходят наги все. . . Легкая одежда индийцев, у сельчан и городской бедноты сводившаяся к куску ткани вокруг бедер, описана многими средневековыми путешественниками. Марко Поло (XIII в.) говорит, — впрочем, с преувеличением, — что во всей области Маа-бар нет ни одного портного, ибо все ходят обнаженными. Ибн Батута с удивлением отмечает, что в южной Индии не только мужчины не имеют иной одежды, кроме повязки вокруг бедер, но и женщины надевают только юбки, оставляя верхнюю часть тела (выше пояса) открытой. Слова Афанасия Никитина о жеп-щанах с непокрытой головой и с волосами, заплетенными в косы, вероятно, относятся к немусульманкам. Знатные люди, по словам путешественников (Марко

Поло, XIII в.; Николо Конти, XV в.; Вартема, XVI в.), одевались хоть и в легкие, но дорогие ткани, причем и мужчины, и женщины носили много золотых и серебряных украшений с драгоценными камнями. Мусульманские цари в Индии, по словам индо-персидского историка XVI в. Фериштэ, носили золотые короны, осыпанные драгоценными камнями.

⁶⁰ Фота — п.-ар. «фута», инд. «фота», иначе «дхоти» — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер; также легкая ткань, из которой готовились чалмы, повязываемые мусульманами на голову (Vullers, LPL, II, стр. 697). Слово вошло в русский язык в значении «платок», «покрывало» (Савваитов, 156).

⁶¹ Пали — город к востоку от Чаула, под 18°31' с. ш. и 73°18' в. д.

⁶² Умри — по предположению Минаева, «Умра», местечко к северу от Пали. Однако при таком толковании трудно допустить, чтобы Афанасий Никитин мог затратить на путь от Пали до Умри 10 дней.

⁶³ Чюнейрь, Чюнерь — Джунейр, Джунир, Джуннар, Жуннар, старинный город к востоку от Бомбея и к северу от Пуны, под 19°12' с. ш. и 73°50' в. д. К юго-востоку от города находилась крепкая цитадель на скале, в окрестностях было много пещерных храмов, созданных в свое время буддистами. Город входил в состав владений династии Бахманидов.

⁶⁴ Асатъхан. . . холоп Меликътучяров — Асад-хан, вероятно, джуннарский наместник (согласно Фериштэ — военачальник) Мухаммед-шаха III. В 1347 г. в Декане создано особое мусульманское государство во главе с династией Бахманидов (см. прим. 107). Современным Афанасию Никитину представителем династии Бахманидов был Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.). Так как от имени этого юного шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед Гаван, носивший титул (лакаб) мелик-ат-туджжар «князь купцов» (см. прим. 109), то Афанасий Никитин и называет Асад-хана «холоп меликтучяров»; мелик-ат-туджжар у Афанасия Никитина везде именуется меликтучар, меликтучяр.

⁶⁵ Тма, тьма — Рамстедт предполагал происхождение этого очень древнего термина из китайского языка, Н. Миронов — из тохарского языка в Восточном Туркестане (Синьцзяне) — *ṭmām*, *ṭmān* — «десять тысяч». Термин этот в форме «тумен» задолго до монгольских завоеваний вошел во многие тюркские языки в значении «множество», «десять тысяч», также «тысяча» (Махмуд Кашгарский в XI в., I, 337). Ср. древнерусское «тма». Термин вошел также в языки персидский и арабский в форме «туман». После монгольского завоевания прочно установились следующие значения этого термина: 1) десять тысяч (людей, динаров или других монет); 2) десяти тысячный корпус войска; 3) военно-административный округ (или кочевое племя), могущий поставить 10 000 воинов (номинально); 4) (в Средней Азии) округ в 100 деревень (Радлов, ОСТН, III, стр. 1602—1603).

⁶⁶ Кафары, кофары — от ар. «кафир», множ. ч. «кафирун» или «куффар» в первоначальном значении «неблагодарный» (по отношению к богу, за ниспосланное им откровение — Коран), позднее — «неверующий», «неверный» — «не-

мусульманин». Афанасий Никитин, говоря об индийских «кафирах», несомненно передает рассказы, слышанные им от мусульман. Что касается отношения мусульманских завоевателей к индуистам и другим немусульманам в Индии, то следует различать религиозно-правовую точку зрения на «кафиров» и установившуюся практику. В мусульманской богословско-юридической литературе вопрос о кафирах и об отношении к ним трактуется весьма подробно. Различаются отдельные виды «неверия» и разные категории кафиров. Более снисходительно мусульманские законоведы относятся к «людям писания» (ар. «ахл ал-китаб») — иудеям и христианам — как обладающим «писанием», переданным через пророков (Моисея, Иисуса), хотя позже и извращенным. По отношению к вере и культу «людей писания» допускается терпимость, однако лишь при условии, если они являются зиммиями, т. е. признают себя подданными мусульманского государства и уплачивают установленную для них подушную подать (джизья). По отношению к «идолопоклонникам» веротерпимость, по крайней мере в теории, не допускалась. К этой категории кафиров мусульмане относили и последователей религии индуизма. Такие кафиры, если были ими от рождения, попадая в плен к мусульманам, подлежали смерти или обращению в рабство (мужчины), женщины и дети, во всяком случае, обрекались на рабство. Отступники от мусульманства («муртадд»), попадая в руки мусульман, осуждались на смерть. У Афанасия Никитина «кафарами» или «кофарами» (эта форма образована от арабск. множ. ч. «куффар», «коффар») называются исключительно индуисты; он тщательно отличает их от «бесермен», т. е. мусульман, как и от христиан и иудеев. От этих правовых воззрений значительно отличалась религиозная политика мусульманских государей в Индии. На практике к индуистам, как и к персам-зороастрийцам были применены те же правовые нормы, какие применялись мусульманами к христианам и иудеям. Индуисты были обложены податью для иноверцев (джизья). По отношению к культу индуизма чаще всего соблюдалась достаточно широкая терпимость. Вспыхивавшие по временам гонения на индуистский культ, как например при делийских (дехлийских) султанах Алад-дине Хильджи (1296—1316 гг.) и Фируз-шахе Туглаке (1351—1388 гг.), были вызваны политическими причинами — борьбой между феодалами-мусульманами и феодалами-индуистами. Также и войны мусульманских государств с немусульманскими, как например войны государства Бахманидов с царством Виджаянагар, о которых говорит Афанасий Никитин («Меликтучар . . . бьется с кофары двадцать лет. . .»), вызванные экономическими и политическими причинами, происходили под идеологической оболочкой «войн за веру» и сопровождались организованной охотой за рабами-пленниками, о чем также Афанасий Никитин упоминает несколько раз.

С термином «кафир» не следует смешивать термин «гяур», употребительный у османских турок, имеющий то же значение, но иное происхождение: слово «гяур» происходит, по-видимому, от перс. «гебр»; последний термин означает в точном смысле зороастрийцев, но издавна прилагается также и к прочим «неверующим».

⁶⁷ Хан же ездит на людех . . . — имеется в виду часто практиковавшийся у знатных людей в Индии способ передвижения на носилках, несомых рабами и наемными слугами.

⁶⁸ Хсрозанцы, хоросанцы — выходцы из Хорасана. См. прим. 95

⁶⁹ Хоросанская земля — Хорасан, северо-восточная область Ирана. В средние века к Хорасану причисляли всю территорию от Большой Иранской солончаковой пустыни (Дешт-и Кевир) на западе до р. Аму-Дарьи и гор Бадахшана на востоке и от Хорезмийской пустыни (ныне пустыня Кара-Кум) на севере до южной цепи Хиндукушских гор и до области Систан (Сеистан) на юге. В XV в. Хорасан входил в состав владений державы Тимуридов и делился на 4 области с центрами в Херате, Балхе, Мерве и Нишапуре. Хорасан был населен ираноязычными народностями (персы, таджики), частью и кочевыми тюркскими племенами.

⁷⁰ Орабанская, Орапская земля — Аравийский полуостров, особенно южные его области (Йемен, Хадрамаут и Оман), ведущие в средние века систематическую морскую торговлю с Индией. Тукременская, Туркменская земля, — Туркмения.

⁷¹ Чеготанская земля — Чагатайская земля, в XIII—XV вв. обычное название Средней Азии. Чагатайское государство, в составе Мавераннахра (нынешние Узбекистан и Таджикистан), Семиречья (юго-восточная часть нынешнего Казахстана) и Восточного Туркестана (Кашгарии, ныне Синьцзян), образовалось после монгольского завоевания и смерти Чингис-хана (1227 г.), когда эти области были выделены в удел (улус) его второму сыну Чагатаю (или Чаадаю, правил в 1227—1242 гг.) и его потомкам (правили до 1370 г.). По имени Чагатая страна продолжала именоваться Чагатайским улусом даже после прекращения там династии Чагатаидов, при династии Тимуридов (1370—1500 гг.), в руках которых страна находилась и во времена Афанасия Никитина.

⁷² Индейская земля — Индостан, Индия.

⁷³ Зима же у них стала с Троицына дни . . . Зимой здесь Афанасий Никитин называет период муссонов в Индии, сопровождающийся обильными дождями и грозами и продолжающийся с июня до октября. Троицын день — переходящий христианский праздник, через 50 дней после Пасхи.

⁷⁴ Орють да сеють пшеницу, да тутурган, да ногут . . . имеются в виду приготовления ко второму севу и ко второй осенней жатве в Индии. — Тутурган — т., «тутуркан» м. «тутурга» — «рис» (Малов). — Ногут — п. «нухунд» — «горох».

⁷⁵ Вино . . . чинять в великих оресех . . . — по-видимому, вино кокосовой пальмы.

⁷⁶ Кози гундустанская — по-видимому, п. «гоуз-и хинди» — «индийский (= кокосовый) орех». Скорлупы кокосовых орехов служили вместо сосудов для напитков (Завадовский).

⁷⁷ Татна — согласно описанию Минаева, род коры или растения, из которого в Индии приготавливали опьяняющий напиток.

⁷⁸ Кичирис — см. прим. 131.

⁷⁹ Шьшени — шешни, рисовые лепешки.

⁸⁰ Во Индейской же земли кони ся у них не родят. Согласно распространенному в средние века мнению (см. у Марко Поло) климат Индии считался губительным для лошадей. Вероятно, частый падеж лошадей здесь вызывался неблагоприятными условиями корма их. По словам французского путешественника купца Тавернье (XVII в.), уход за лошадьми в Индии труден, их кормят моченым горохом и мучными шариками с сахарным тростником. Об огромных размерах ввоза верховых и боевых коней в Индию и их дороговизне см. прим. 51.

⁸¹ Чюнер — см. прим. 63.

⁸² Подворье. Подробное описание даровых приютов для путников в старой Индии, а также аналогичных убежищ для странников, построенных мусульманами, дано И. П. Минаевым (стр. 32—33); приведем его здесь: «Помещения в некоторых дхарма-салах, виденных нами, например в Насике, отличаются необыкновенною чистотой, прохладой и, конечно, неизмеримо выше тех грязных приютов, которые известны в Индии под именем „дак-бангалу“ и содержатся британским правительством на пользу европейских путешественников. „Дхарма-сала“ — „дом благочестия“ или „пантха-сала“ — „приют для путников“ в старой Индии строились частными лицами, а также правителями. В одном позднем санскритском памятнике, однако пользующемся некоторою популярностью в Махратской стране, описано несложное хозяйство такого приюта для путников. Царю вменялось в обязанность построение таковых приютов между каждыми двумя деревнями. Деревенские старосты (грамапа) должны были наблюдать за чистотою в этих домах. Пришедшего в этот дом путника староста должен был допрашивать: „Откуда и куда идешь? По какому делу? Есть ли у тебя товарищи или нет? Какое у тебя оружие? На чем приехал? Какой касты? Где постоянно живешь?“ Ответы на эти вопросы записывались, а оружие отбиралось на ночь. Пересчитав путешественников, староста запирает их в доме на ночь и сторожил. Наутро они выпускались из дому, и им возвращалось отобранное оружие». И при мусульманских государях Индии строились подобные же приюты, иногда с отдельными помещениями для мусульман и индуистов. При подобном доме строилась мечеть, к ней определялись имам и муэzzин. Шир-шах, султан дехлийский (1539—1545 гг.), построил до 1700 подобных подворий по дорогам северной Индии. Афанасий Никитин сообщает об этих подворьях любопытную подробность, которой нет у других авторов: там «есть варят на гости господарыни («хозяйки»; не рабыни ли? — И. П.), и постелю стелють, и спать с гостями». Странноприимные дома были во множестве и в мусульманских странах — Иране, Средней Азии и др. Ибн Батута постоянно останавливался в таких подворьях (завийя) и описывает их подробно. Мусульманские странноприимные дома находились в ведении духовных лиц (шейхов), на содержание их отписывались завещанные имущества (вакфы), при них находились рабы и рабыни, прислуживавшие путникам и готовившие для них пищу, но при этом проституция, подобная описанной

Афанасием Никитиным в Индии, не допускалась. Путника там не спрашивали, кто он и откуда, ему предоставляли бесплатно помещение и пищу, по крайней мере, на 3 дня. Вероятно, в таких подворьях в Иране останавливался и Афанасий Никитин.

⁸³ Сикишь илересьнь. . . сикишь муфут — одна из тюркских фраз, часто дальше вкрапленных в текст «Хождения», см. перевод,; о тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 368.

⁸⁴ Оло, оло, абрь оло ак, оло керим, оло рагым — (ар.) «Аллах, аллах акбар, аллах хакк, аллах керим, аллах рахим» — «Бог, бог величайший, бог-истина, бог благой, бог милосердный» — обычные эпитеты бога у мусульман.

⁸⁵ Хан у меня взял жеребца. Согласно мусульманскому праву, немусульмане не должны были ездить верхом на лошадях, а только на ослах, мулах, верблюдах. Хотя на практике это правило соблюдалось далеко не всегда и не везде, но в данном случае оно, видимо, послужило предлогом для того, чтобы отнять у Афанасия Никитина жеребца.

⁸⁶ Бесерменин — здесь и везде искаженное «мусульманин».

⁸⁷ А стань в веру нашу, в Махмет-дени. «Махмет-дени» — ар.-т. «Мухаммед-дини» — «мухаммедова вера», т. е. ислам, мусульманство. Согласно мусульманскому праву, иноверцы из категории «людей писания» (христиане и иудеи, см. прим. 66) пользовались свободой культа и постоянным покровительством закона только в том случае, если они были зиммиями — подданными мусульманского государства — и платили установленную для иноверцев подушную подать (джизья). Мустамин, т. е. иноверец, прибывший из «стран кафи́ров» в мусульманское государство ради торговли или для иных дел, пользовался там покровительством закона в течение года, после чего он должен был либо уехать, либо принять ислам, либо перейти в категорию зиммиев; в противном случае он подлежал обращению в рабство. Возможно, на основании этого права Асад-хан и добивался у Афанасия Никитина его перехода в ислам. Впрочем, на практике это правило чаще всего не соблюдалось.

⁸⁸ Хозяйочи — по-видимому, искаженное слово; возможно, следует «хазиначи» (ар.-т.) — «казначей». Можно здесь также предполагать какую-либо форму, производную от п. «ходжа» — «старец», «господин», «сановник» — эпитет, присваивавшийся в XV в. гражданским чиновникам, духовным лицам, уважаемым купцам. Из перс. «ходжа» (в искаженной татарской форме «хозя») произошло русское «хозяин».

⁸⁹ Кофары, ни крестияне, ни бесерьмена — индуисты (см. прим. 66).

⁹⁰ Бедерь — Бидар, большой индийский старинный город под 17°55' с. ш. и 77°32' в. д., в 100 км на северо-запад от Хайдарабада, на высоте 700 м над у. м., в центре страны Декан (на языке хинди Dakkhan, санскритск. Dakshina, пракритск. Dakkhinabadha — «южная страна»), т. е. области от гор Виндхья на р. Годавери на севере до р. Кришны (Кистны) на юге. Население Декана на севере говорит на языках индийской системы (маратхи на северо-западе, урья на северо-

востоке), в центре и на юге — на языках дравидийской системы. Бидар лежит в области языка маратхи. Завоевание Декана мусульманами началось с 1294 г. с походов Ала-ад-дина Хальджи Дехлийского. В XIV в. Декан, а вместе с ним и Бидар вошли в состав владений шахов Декана из династии Бахманидов (1347—1526 гг.), девятый представитель которой Ахмед-шах I (1422—1435 гг.) перестроил Бидар и перенес сюда свою столицу из Гульбарги. И при Афанасии Никитине Бидар оставался столицей Бахманидов, которых Афанасий Никитин считал верховными государями всей мусульманской Индии («в Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому»). После ослабления Делийского султаната, во второй половине XV в., Бахманидский султанат был сильнее других мусульманских государств Индии. Бидар оставался во владении Бахманидов до 1490 г. В XV в. Бидар был крупным торговым центром; здесь продавались, между прочим, шелковые ткани, камка (кимха или кимхаб, персидская шелковая златотканная ткань), кони (из стран Передней Азии, главным образом арабские и татарские), индийские и привозные рабы. Подробности о вывозе коней в Индию (из Хормуза), о торге ими, помимо Ибн Батуты (см. прим. 51), сообщают персидский историк Вассаф и путешественники Марко Поло (XIII в.), Вартема, Цезарь Фредерик (XVI в.). Под черными рабами Афанасий Никитин, по-видимому, подразумевает не привозных негров из Африки, а местных невольников, быть может из дравидийских народностей южной Индии. Бидар был известен также своими металлическими изделиями (чаши, подсвечники, трубки и др.). В городе XV в. была цитадель («султанов двор», с 7 воротами, — у Афанасия Никитина), развалины которой сохранились до настоящего времени. В цитадели несколько дворцов, из которых лучший — Ран-Махал — был извне облицован разноцветными фаянсовыми плитками. В цитадели находится мечеть, известная теперь под именем Сола-Кхамб Месджид — «Шестнадцатиколонная мечеть». Махмудом Гаваном Мелик-ат-туджжаром (см. прим. 109) в Бидаре построено в 1478 г. большое медресе (высшее училище). Индо-персидский историк Фериштэ (XVI в.) подробно описывает медресе Махмуда Гавана в Бидаре. Медресе, занимавшее пространство в 60 м длиною и свыше 50 м шириною, выходило на площадь, называемую перекрестком Гавана. С восточной стороны в медресе входили через арку высокого портала, с 2 минаретами, высотой до 30 м, по сторонам. Кельи для студентов (худжры) в 3 этажа выходили на квадратный двор, занимавший середину комплекса зданий медресе. В середине каждой из 3 сторон двора (в четвертой находилась входная арка) была высокая, во все 3 этажа, зала под куполом (аудитория). Куполы и наружные стены медресе были облицованы цветными глазурованными изразцами, покрытыми по зеленому и золотому полю стихами из Корана и другими надписями. При медресе была библиотека из 3 тысяч рукописей.

⁹¹ Кулонкерь, Кулонгерь — Кулунгир, город в Декане, в 90 км от Гульбарги.

⁹² Кельберг, Келуберг, Кельберх — Гульбарга или (на языке маратхи) Кульбарга, город в Декане под 17°23' с. ш. и 76°48' в. д., в 90 км к юго-западу

от Бидара. До половины XIV в. был небольшим городом, но значение его сильно выросло после того, как с 1347 г. он стал столицей деканских мусульманских царей Бахманидов; в 1429 г. столица их была перенесена в Бидар. В Гульбарге сохранились великолепные мавзолеи бахманидских царей и соборная мечеть. От Гульбарги начинается область населения, говорящего на дравидийских языках.

⁹³ Ков — гав, в индийских языках «кос», мера длины, различная для разных областей Индии, от 6.5 до 15 км. Афанасий Никитин считает «в кове по 10 верст» в среднем.

⁹⁴ Камка — п. «камха», «кимха» — шитая золотая цветная шелковая ткань, парча. На Руси была хорошо известна (Савваитов, стр. 45—47).

⁹⁵ Бояре все хоросанци . . . Поимать это выражение Афанасия Никитина буквально было бы неправильно; его можно понять лишь в том смысле, что среди мусульманских феодалов Декана преобладал пришлый, неиндийский элемент из тюрков, афганцев и персов; среди последних выходцы из Хорасана занимали видное место, особенно среди гражданской бюрократии, как и связанного с нею крупного купечества. Согласно «Бабур-намэ», хорасанцами в Индии называли всех мусульман неиндийского происхождения. Однако в Бахманидском султанате даже среди сановников были и индийцы, что и отметил Афанасий Никитин, говоря о «бесерменских» и «индийских» везирах султана. Низший административный аппарат в том же государстве, согласно исследованию Минаева, состоял из индийцев.

⁹⁶ А к слоном вяжут к рылу . . . см. прим. 113. — Кептар — см. прим. 250.

⁹⁷ Пушки. Первое упоминание об огнестрельном оружии на мусульманском Востоке встречается у персидского историка Муин-ад-дина Натанзи («анопим Искендера», XV в.), под 780 г. хиджры — 1378 г. н. э. (рассказ об осаде Тимуром Ургенча в Средней Азии). В 60—70-х годах XV в. пушки были уже в употреблении не только у османских турок, но также, хотя и в очень небольшом количестве, у крупных государей Ирана, Средней Азии (в государствах Ак-Койюнлу и Тимуридов), а также мусульманской Индии. Пушки доставлялись из Западной Европы, большей частью венецианцами, морским и караванным путем (в государстве Тимуридов — через Крым, Астрахань, Каспийское море и Астрабад). Есть известие, что в конце XV в. пушки грубой работы изготовлялись в Херате, столице тимуридских султанов (в Хорасане).

⁹⁸ Шихб Алудин — шейх 'Ала-ад-дин, местный (близ Гульбарги) мусульманский святой, гробница («пир») которого находилась, по описанию Афанасия Никитина, в Алланде. Этого Ала-ад-дина позднее отождествляли с дехлийским султаном Ала-ад-дином Хальджи (1296—1316 гг.). В настоящее время около Гульбарги есть мавзолей мусульманского святого — Банда-Наваз. — Ших, шихб — искаженное ар. шейх. — Пир — перс. — «старец», «суфийско-дервишеский наставник» (синоним ар. «шейх»), «святой», также (вульгарное) «гробница святого», «мавзолей».

⁹⁹ Алядинанд (искажение). Алянд — Алланд, город в 45 км к северо-востоку от Гульбарги, под 17°30' с. ш. и 76°41' в. д. В XV в. здесь происходила ежегодно значительная ярмарка (базар) с конским рынком, собиравшаяся к празднику шейха Ала-ад-дина.

¹⁰⁰ Птица гукук — по индийским поверьям, ночная зловещая птица, вероятно род филина — на языке урду «гхукху».

¹⁰¹ Мамонь, мамон. Значение слова не вполне ясно. По звучанию «мамон» ближе всего подходит к п. «маймун» — «обезьяна»; об обезьянах Афанасий Никитин и рассказывает ниже. Минаев (стр. 126—127) предполагает значение «змея» (на языке хинди «мамун» — «змея»), что, однако, противоречит контексту в других местах у Афанасия Никитина. В английском и чешском переводах «Хождения» Афанасия Никитина «мамоны» переведены «дикие кошки». С. Е. Малов считает этот перевод правильным, указывая на монг. «манул» — «дикая кошка» (в словаре Замахшари, XII в.). Действительно, известен вид крупной степной кошки «манул» — *felis manul*, *otocolobus manul*. Однако трудно объяснить, каким образом у Афанасия Никитина, знакомого с тюркской речью, «манул» превратился в «мамон, мамонь», если не предположить ошибки переписчика.

¹⁰² Князь обезьяньский, да ходить ратию своею. . . Эти слова Афанасия Никитина без сомнения основаны на слышанном им широко известном в Индии сказании, из цикла мифов, обработанных в героическом эпосе «Рамаяна», о царе обезьян Сугриве и его полководце Ханумане, союзниках героя эпоса, царевича Рамы; у индуистов Хануман почитается как одно из низших божеств. В дальнейшем в рассказах Афанасия Никитина об обезьянах смешаны слышанные им легендарные рассказы с впечатлениями действительности.

¹⁰³ Базы миканет — п. «базы микунед» — «играет», «ведет игру». Под «базы» в средние века понимались рыцарские игры, вроде поло и иных, также народный театр и представления профессиональных гимнастов, акробатов, жонглеров, поводырей дрессированных медведей и обезьян. Последнее значение и имел в виду Афанасий Никитин.

¹⁰⁴ Весна же у них стала с Покрова. «Весною» в данном случае Афанасий Никитин называет сухое время года в Индии, время второй жатвы, начиная с октября. Праздник Покрова богородицы (в православной церкви) — 1 октября.

¹⁰⁵ Ших Аладин — см. прим. 98.

¹⁰⁶ В Бедери. . . стол Гундустану бесерменьскому. В действительности Бидар был столицей только царства Бахманидов, а не всей мусульманской Индии.

¹⁰⁷ Салтан велик 20 лет. Султан — юный деканский царь Мухаммед-шах III (1463—1482 гг.) из династии Бахманидов (1347—1525/26 г.); Мухаммед-шаху при вступлении на престол было 9 лет, следовательно, во время пребывания Афанасия Никитина в Индии (1469—1472 гг.) Мухаммед-шаху было не 20, а от 15 до 18 лет. От имени юного султана фактически правил государством везир (министр) Махмуд Гаван, по прозвищу Мелик-ат-туджжар

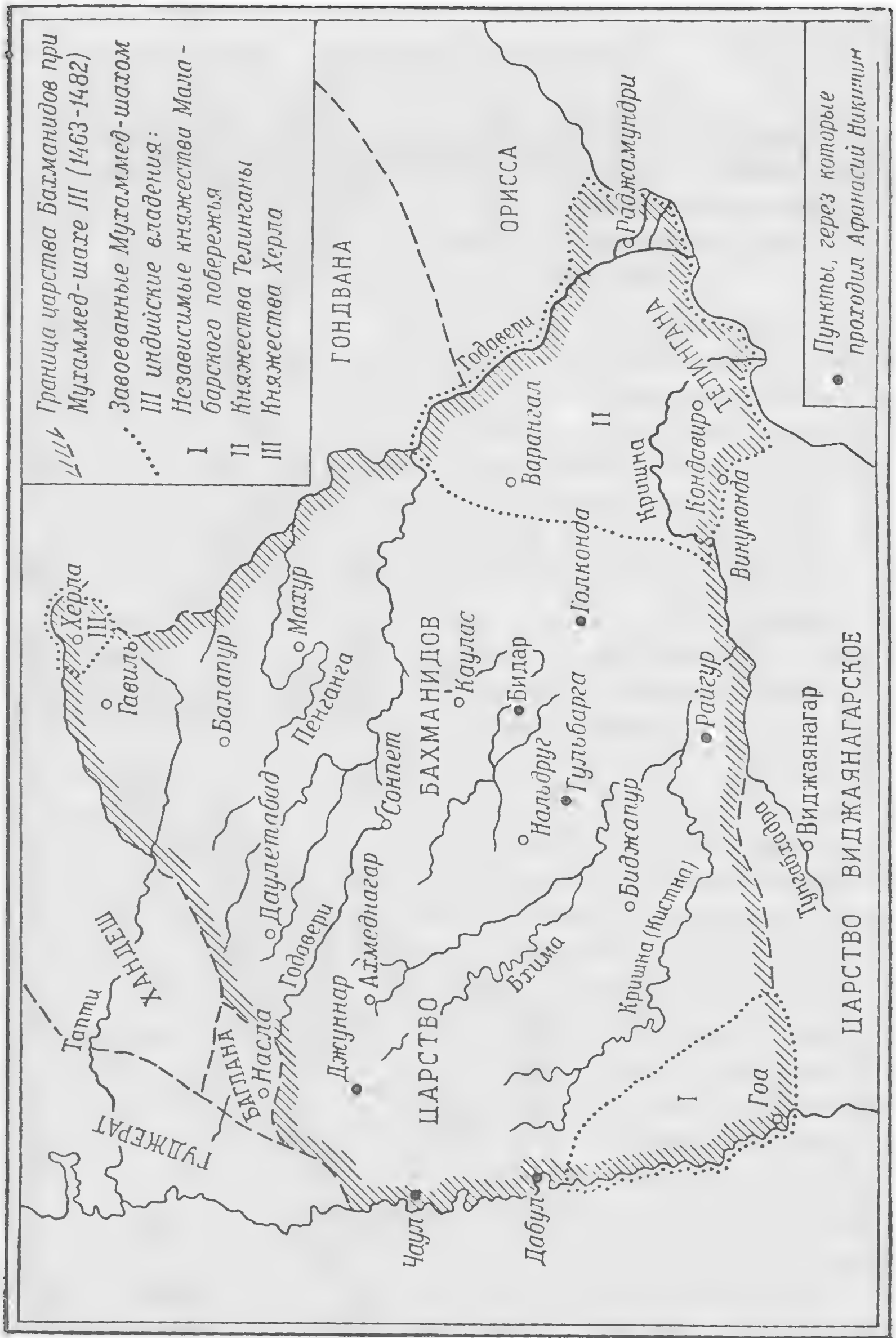
(см. прим. 109). Государство Бахманидов (Бахманиев) образовалось при следующих обстоятельствах. Завоевание Декана (см. прим. 90) мусульманами началось в конце XIII в. Племянник делийского султана Джелал-ад-дина Фирузшаха (1290—1296 гг.), воинственный Ала-ад-дин Мухаммед (впоследствии султан делийский, 1296—1316 гг.) завоевал большую часть Декана, овладев, между прочим, важным и богатым городом Деогири, позднее переименованным мусульманами в Даулетабад. Завоевание Декана мусульманами было закончено при делийском султани Мухаммеде II ибн Тоглуке (1325—1351 гг.), но жестокая эксплуатация и религиозные притеснения вызвали массовые восстания индийцев в Декане и усиление сопротивления жителей еще не покоренных областей южной Индии. К югу от р. Кришны сложилось индийское (немусульманское) царство Виджаянагарское (см. прим. 315), а севернее, в Декане, народными восстаниями и ослаблением Делийского султаната воспользовалась осевшая в Декане новая мусульманская военно-феодалная знать из пришлых тюрков, афганцев и хорасанских персов. Они отложились от Делийского султаната и провозгласили царем Декана афганца, полководца Хасана Гангу, известного под именем Зафар-хана и воцарившегося под именем шаха Ала-ад-дина. Последний, дабы заставить забыть свое социальное происхождение (из вольноотпущенников), стал возводить происхождение своих предков к полумифическому древнеперсидскому царю Бахману, сыну Исфендийяра, одному из героев иранских эпических сказаний. Благодаря этой легенде новая династия и получила фамильное имя Бахманидов (Бахманиев). Феодалное государство Бахманидов просуществовало с 1347 по 1525/26 г. Столицей была сначала Гульбарга, а с 1429 г. Бидар (Бедерь Афанасия Никитина, см. прим. 90). Царство делилось на четыре главных области: Даулетабад, Гульбарга, Берар и Бидар. Руководящей политической силой в царстве была мусульманская военная знать, наделенная феодальными владениями (так называемые «икта» и «джагир») и тесно связанная с верхушкой купечества. Эта военно-феодалная знать сложилась из двух основных групп: 1) из пришельцев-иноземцев — тюрков, афганцев, персов, реже арабов и абиссинцев, продолжавших и в XV в. прибывать морем, иногда целыми племенными группами, в Декан, на службу к бахманидским царям; 2) из знати местного происхождения. Между этими двумя группами в XV в. велась упорная борьба за влияние при дворе и власть в государстве (см. прим. 109). Царство Бахманидов вело постоянные войны с индийскими немусульманскими государствами — Виджаянагаром, Телинганой, Ориссой. Эти войны, сопровождавшиеся захватом военной добычи и рабов-пленников, обогащали военно-феодалную знать, но ложились тяжелым бременем на крестьянство, обложенное высокими налогами, разоренное и страдающее от неурожаев и голодовок. При Мухаммедшахе III были проведены административная реформа (см. прим. 109) и значительные завоевания в Телингане и на Малабарском берегу (см. карту V, также прим. 151). На рубеже XV и XVI вв. Бахманидское царство стало распадаться; на его территории образовалось пять мусуль-

манских феодальных государств: Берар, Биджапур, Ахмеднагар, Бидар и Голконда.

¹⁰⁸ Фарасанци — искажение — хорасанцы, см. прим. 95.

¹⁰⁹ Хоросанец Меликтучар боярин — Мелик-ат-туджжар, собственно ходжа Махмуд Гаван, перс, потомок старинной чиновной фамилии, занимавшей наследственно высокие гражданские посты при дворе владетеля восточного Гиляна (династия Каркийя). Родился около 1405 г. После того как семья его оказалась в опале, Махмуд Гаван занялся караванной торговлей и много путешествовал; являясь в то же время широко образованным человеком, он повсюду старался сближаться с учеными и поэтами. Прибыв в Индию (в порт Дабул) по торговым делам в 1455 г., Махмуд Гаван, посетив Бидар, снискал милость деканского царя — Бахманида Ала-ад-дина Ахмед-шаха II (1435—1457 гг.), получив придворный пост. При преемниках Ахмед-шаха II — сыне его Ала-ад-дине Хумайюн-шахе (1457—1461 гг.) и внуке Низам-шахе (1461—1463 гг.) — Махмуд Гаван занимал разные высокие посты. От Хумайюна Махмуд получил почетный титул (лакаб) «мелик-ат-туджжар» (ар.) — «князь (или «старшина») купцов»; Афанасий Никитин принимает этот титул, в вульгарном произношении «Меликтучар», за собственное имя. Титул этот указывает на обычную в азиатских феодальных государствах тесную связь государя и главы его финансового ведомства с крупными оптовыми купцами, участниками компаний караванной и морской торговли, так называемыми уртаками; последние нередко торговали за границей не только от своего имени, но и от имени и на средства своего государя и его финансового ведомства, являясь его контрагентами. В короткое правление юного Низам-шаха его мать-регентша поручила управление двум везирам (министрам): тюрку Ходжа-и Джехану и персу Махмуду Гавану. Последний успешно руководил военными действиями против неприятелей, в частности против царя Ориссы. После вступления на престол в 1463 г. брата Низам-шаха, Мухаммед-шаха III, Махмуд Гаван отделался путем убийства от своего сотоварища по везирату Ходжа-и Джехана с помощью царицы-матери, а затем заставил и ее удалиться в частную жизнь и все управление государством сосредоточил в своих руках, получив от юного государя титул «ходжа-и джихан» (что приблизительно может быть переведено как «министр мира»). Под его руководством было восстановлено владычество бахманидского царя в Телингане и закончено покорение этой страны; были завоеваны Конкан и индийские княжества Малабарского берега, пиратские флоты которых наносили большой ущерб морской торговле мусульманских государств Индии с Ираном, Аравией и Египтом; от царства Виджаянагарского были отняты важный порт Гоа (на Малабарском берегу) и крепость Бельгаум. В целях укрепления центральной власти и ограничения власти наместников и местных феодальных владетелей Махмуд Гаван провел административную реформу. Раньше государство было разделено на 4 наместничества (ар. «тараф» — букв. «сторона»); наместники — «тарафдары» (ар.-п. «владельцы тарафов»), из крупных феодалов, соединяли в своих руках военное, администра-

ЦАРСТВО БАХМАНИДОВ ПРИ МУХАММЕД-ШАХЕ III

тивное и финансовое управление, сами назначали всех чиновников и вносили в центральное казначейство только часть собираемых ими налоговых средств, остальные присваивая себе. Вместо прежних тарафов Махмуд Гаван образовал 8 новых: Гавиль, Махур, Даулетабад, Джуннар (Чунейр), Гульбарга, Биджапур, Варангал и Раджамундри (последние два в Телингане); они делились на округа («паргана»). Область Бидара находилась под непосредственным управлением самого везира. Таким образом, подвластные тарафдарам территории и самые пределы их власти были уменьшены. Махмуд Гаван опирался главным образом на сановников, придворных и военачальников из пришлых иноземцев — афганцев, персов и тюрков, поддерживавших централистскую политику везира. Напротив, мусульманская знать местного деканского происхождения стремилась к ослаблению центральной власти в лице везира и к укреплению власти феодалов на местах. Между этими двумя группами знати еще раньше велась борьба, внешне прикрытая религиозными разногласиями двух основных течений ислама: первая группа придерживалась шиитского течения, вторая — суннитского. Вторая группа была особенно недовольна административной реформой Махмуда Гавана. Во главе этой группы местной деканской знати стоял мелик Хасан Бахри, носивший титул «низам-ал-мульк» (ар. «устройство царства»); раньше он был тарафдаром всей Телинганы, после реформы же ему осталось только наместничество Раджамундри. Он и его сторонники, воспользовавшись тем, что возмужавший Мухаммед-шах III стал тяготиться опекой Махмуда Гавана, составили против него заговор. Ими было составлено подложное письмо от имени Махмуда Гавана к «неверному» царю Ориссы, которому предлагалось вторгнуться в Бахманидское царство и обещалось тайное содействие Махмуда Гавана. Письмо было составлено на чистой бумаге, на которую заранее озаботились наложить личную печать с монограммой (тугра) Махмуда Гавана (такие печати в мусульманских государствах заменяли подписи), подноив и подкупив секретаря последнего, у которого хранилась эта печать. Подложное письмо было представлено Мухаммед-шаху, который, не слушая оправданий Махмуда Гавана, велел обезглавить его (6 апреля 1481 г.); имущество везира было конфисковано, дворец его разграблен, приверженцы его были разогнаны. Подробности биографии его переданы индо-персидским историком XVI в. Фериште. Последний рисует Махмуда Гавана умным, бескорыстным и преданным своему долгу администратором, щедрым благотворителем, покровителем ученых, поэтов и духовенства. Известия Афанасия Никитина позволяют нам видеть Махмуда Гавана и в другом аспекте: это был властолюбивый правитель, собравший огромные богатства — частью от доходов со своих поместий и должностей, частью от военной добычи, скопленной во время многих завоевательных походов. Став феодалом и везиром, он не переставал заниматься торговлей в крупных размерах, при помощи других купцов-контрагентов, торгуя, между прочим, рабами пленниками. При всем том он был одним из наиболее талантливых политических деятелей южной Индии. Его падение и казнь и последовавшая за

этим неудача его административной реформы привели к усилению феодальной раздробленности и к распаду Бахманидского государства.

¹¹⁰ Мелик-хан и Харат-хан (Фарат-хан) — военачальники Мухаммед-шаха III Бахманида; в последнем имени можно видеть иранское имя Фархад. По мнению Минаева, Фарат-хан Афанасия Никитина — один из тарафдаров (ар.-п. — «обладатели стран», «правители областей»), наместников областей в Декане. Приведенные Афанасием Никитиным цифры «рати» деканских царей Бахманидов и их полководцев, судя по данным Фериштэ и других хроник, сильно преувеличены.

¹¹¹ Сельские люди голы велми, а бояре силны добре и пышны велми. Тяжелое положение крестьян в государстве Бахманидов не осталось незамеченным Афанасием Никитиным. XIII—XV века были временем роста закрепощения и ухудшения положения крестьян во всех государствах как Передней и Средней Азии, так и Индии. Наш путешественник верно подметил контраст между роскошной жизнью султанского двора и мусульманской военно-феодальной знати и бедностью эксплуатируемой крестьянской массы.

¹¹² Нагарники — литаврщики (от п.-ар. «наккара» — «литавры»). О литаврах см.: Савваитов, стр. 72.

¹¹³ А слонов водят . . . наряженных в доспесех золочоных . . . Слон для выезда султана покрывался парчою (кимха), боевые слоны облачались в булатные доспехи или стальные латы (иногда золоченные). Железная цепь во рту царского слона препятствовала коням и людям приблизиться к царю. Сбруя слона, так называемая «тайя», описана в «Айин-и Акбари», персидском официальном памятнике времен султана Индостана Акбара Великого (1556—1605 гг.): «Тайя состоит из 5 железных листов, каждый в пядь длиною и в 4 пальца шириною, прикрепленных друг к другу кольцами. С обеих сторон тайи есть по 2 цепи, каждая в гез (около 100 см, — И. П.) длиною: одна из них проходит над ухом слона, другая под ним, к калава — головному убору (ленте слона), к которому обе привязаны. Между ними есть другая цепь, которая проходит над головой и привязана к калава, а под ними крест-накрест 4 острия, искривленных на концах, украшенных шишками. Кутас (хвост тибетского яка) привязан здесь. От нижнего конца его — 3 цепи, украшенные подобным образом. Кроме того, 4 других цепи привязаны к шишке: 2 из них, подобно первым, кончаются шишкою, а 2 остальных привязаны к клыкам (бивням). К этой шишке привязаны еще 3 цепи, из коих 2 проходят вокруг туловища слона, а средняя свисает вниз, кутас и мечи привязаны к первым шишкам, а последняя находится над лбом. Все это — частью ради украшения, частью для отпугивания других животных (верховых лошадей, — И. П.). К кутасу прикреплялось знамя, джханда. Между ушей слона сидел погонщик в доспехах. На спине слона воздвигался городок, в котором помещалось от 4 до 6, редко до 12 воинов».

¹¹⁴ Гаурькы. Можно считать убедительным объяснение И. П. Минаева, согласно которому это слово, как и в другом месте непонятное «ковре», — санскр.

«гаурика» — «юная дева» в значении «одалиска», «фаворитка султана», от санскр. «гаури» — «желтовато-белая» (по цвету лица).

¹¹⁵ Гарип — ар. «гариб» — «чужестранец», «чужеземец», «странник».

¹¹⁶ Человеки кутуваловы — военные слуги коменданта крепости или военного правителя города с прилегающим округом (п. «кутувал»).

¹¹⁷ Футун, фута, фуна — согласно Минаеву, от «панам», «фанам» (на тамильском языке), южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная; ср. п.-урду «фотадар» — «банкир».

¹¹⁸ Филиппов [пост] (в православной церкви) — с 14 ноября («день памяти апостола Филиппа») по 24 декабря.

¹¹⁹ Исаядениени — «'Иса-дини», искаженное ар.-т. «Иса-динией» — «Иисова вера», христианство.

¹²⁰ Хозя Исуф Хорасани — Ходжа Юсуф Хорасани — «бесерменьское» (=мусульманское) имя, принятое Афанасием Никитиным. Нисба (прозвище по месту происхождения или постоянного жительства) «Хорасани» — «Хорасанский», принятая при этом Афанасием Никитиным, заставляет предполагать существование каких-то (торговых?) связей, завязанных нашим путешественником с хорасанскими купцами, побуждавших его назвать себя в Индии хорасанцем. В пользу такого предположения говорит и заступничество «хозяйочи Махмета хорасанца» (см. прим. 88) за Афанасия Никитина перед местным правителем — ханом в Джуннаре, и частые упоминания Афанасия Никитина о хорасанцах в Индии.

¹²¹ Маназ — искаженное «намаз» (п.) — мусульманская уставная обязательная молитва, ар. синоним «салат». Намазы полагается совершать 5 раз в день, на арабском языке, по установленным формулам и по возможности в мечети. Намазам противопоставляются «мунаджжат» (ар.) — добровольные молитвы, которые можно творить в любое время, в любом месте, на любом языке и в каких угодно выражениях. У Афанасия Никитина слово «намаз» употреблено в значении всякой молитвы вообще.

¹²² Веруем в Адама — см. прим. 124, 153, 186.

¹²³ А вер в Индеи всех 80 и 4 веры . . . По-видимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма; число их, слышанное нашим автором, верно лишь приблизительно. Судя по приведенным ниже словам — «а вера с верою ни пиет, ни яст, ни женится», — возможно, что Афанасий Никитин смешивал с религиозными сектами индийские касты и подразделения каст, насчитывавшиеся сотнями.

¹²⁴ А все верують в Бута. Невозможно допустить, чтобы выражение «Бут» означало у Афанасия Никитина Будду: как известно, в результате реакции со стороны брахманизма, трансформировавшегося постепенно в свою позднюю фазу — индуизм, буддизм был совершенно вытеснен из Индии между VIII и XI вв. н. э. В XV в. Афанасий Никитин не мог найти в Индии (кроме пригималайских районов, о. Цейлона и Бирмы, где он не был) ни буддистов, ни буддий-

ского культа; старинные храмы буддийской стройки (чайтья) давно были посвящены божествам брахманизма (индуизма). Со словом «бут», как и со словом «кафир», Афанасий Никитин познакомился в мусульманской среде. Слово «бут» — персидская форма арабского «будд» и имеет разные значения: 1) Будда или его изображение (первоначальное значение), 2) пагода, 3) всякий вообще идол, отнюдь не непременно буддийский. В первом значении это слово встречается у ряда арабоязычных авторов X—XII вв. — Мас'уди, Бируни, Шахристани. В значении идола вообще слово «бут» было широко известно на всем мусульманском Востоке и до и после XV в. В космографии Димашки приведено описание знаменитого индуистского храма в Сомпате (Соманатха), разрушенного в первой четверти XI в. Махмудом Газневидом, с идолом, который назван «бутом». Этот идол, согласно описанию, состоял из двух камней, являвшихся символом органов размножения; следовательно, это был известный в Индии фетиш (линга), почитаемый шиваитскими сектами индуизма (секта лингаитов), не имевший никакого отношения к буддийскому культу. Отсюда персидское выражение «бутпараст», вошедшее и в ряд тюркских языков, имело двойное значение — и «буддист», и — чаще — «идолопоклонник», «язычник» вообще. Этим же именем — «бутпараст» — мусульмане Индии постоянно называли индуистов, считая их «язычниками». Выражением «бутхана», «бутханэ» (перс. букв. «идольский дом», «храм идолопоклонников», «капище») обычно обозначался всякий «языческий храм». Афанасий Никитин употребляет выражения «бут» и «бутхана» в тех же значениях, в каких они употреблялись всеми мусульманами: «идол» (или «кумир», «истукан», «языческий бог») и «капище идолопоклонников». Культ и изображения, виденные нашим путешественником в «бутхане» в Парвате, индуистские. Слова Афанасия Никитина «а все веруют в Бута» следует понимать в том смысле, что все индийские «кафиры» поклоняются идолам. Слова Афанасия Никитина «и оны (индийцы) сказывают: веруем в Адама. . .» основаны, по-видимому, на плохо понятых путешественником объяснениях индуистов, у которых не было культа Адама и которые не заимствовали этого культа от мусульман. Возможно, Афанасий Никитин отождествил с Адамом Атман, который, по учению брахманизма (индуизма), представляет первооснову всего существующего, мировую душу или божество (эпитет Брахмы), понятое в пантеистическом аспекте. Подобное мнение высказано Минаевым (стр. 133—134). Возможно, впрочем, что здесь почитание индийского мифического первочеловека Ману отождествлено с иудейско-христианско-мусульманским почитанием первочеловека Адама.

¹²⁵ Пойти к Первоти, то их Ерусалим, а по бесерменьский Мягкат, де их бутхана. Святыню (бутхана) индуистов, приравниваемую по значению ее Афанасием Никитиным к христианскому Иерусалиму и мусульманской Мекке (Мягкат), наш путешественник называет Первоть. По всей вероятности, это — Парвата (Шрипарвата), храмовый комплекс, расположенный на южном берегу р. Кистны, около 175 км к юго-востоку от Хайдарабада. В XV в. Парвата нахо-

дилась вне пределов мусульманских владений. Парвата была посвящена шиваитскому культу, здесь находился один из двенадцати наиболее священных символов органа плодородия (линга). Парвата описана Макензи (1794 г.). Согласно его описанию, Парвата представляла храмовый комплекс, обнесенный оградой, длиною около 190 м и шириною около 150 м. Внутри ограды находилось несколько храмов и других зданий, тенистый сад и пруд. Ограда была сложена из больших каменных плит, длиною до 2 м и шириною до 1 м каждая, правильно обточенных, серого цвета; высота ограды была от 3½ до 4 м. Каменная ограда была украшена резными изображениями, в которых, по-видимому, следует видеть упомянутые Афанасием Никитиным 12 «венцов» с изображениями «чудес бутовых». Среди этих «образов» некоторые легко узнаются: «человек, а нос слонов» — бог Ганеша, «человек, а виденье обезьянино» — бог Хануман. Упомянутый Афанасием Никитиным пятидневный торг у бутханы, по-видимому, совпадал с важным у индуистов праздником Шива-ратри (ночь Шивы). Неясно, изображением какого божества был виденный Афанасием Никитиным главный «Бут» («Бут вырезан ис камени вельми велик»). Можно предположить здесь искаженное описание статуи бога Шивы. Стоявшее перед этой статуей изображение быка «вол вельми велик» — Нанди, бык Шивы.

¹²⁶ По две шекшени пошлини. Шекшень — шешкани (перс.), мелкая серебряная монета, равнялась трем четвертям 1/9 части (хашткани) танги (тенгэ) — серебряной монеты, равной 2 динарам.

¹²⁷ Всех людей бысть азар лек, вахт бапшет сат азаре лек — в последней части искаженная персидская фраза, следует читать: «хазар лек, вакти башед сад хазарэ лек», т. е. «всех людей было тысячу леков, временами бывает сто тысяч леков». — Лак, лек — счетная единица, «сто тысяч». Афанасий Никитин хотел сказать, что в Парвату собиралось несметное число паломников.

¹²⁸ Устьян царь царяградскы. Сравнение статуи («Бут») в парватском храме, по положению руки, со статуей византийского императора Юстиниана I (527—565 гг.) в Константинополе могло быть навеяно описаниями последней статуи у русских паломников Стефана Новгородца (1350 г.) и Зосимы диакона (1420 г.). Стефан Новгородец говорит: «Стоит столп чуден вельми... а по верху стоит Устиниан велик на коне, вельми чуден, аки жив, в доспесех одеяи срацинских, грозно видети его, а в руке держит яблоко злато велико, а на блюде крест, а правую руку от себя простер буйно на Срацинску землю (по направлению к сарацинским, т. е. мусульманским землям, — И. П.) к Иерусалиму». Это положение руки конной статуи Юстиниана и подало Афанасию Никитину повод к сравнению с «Бутом» в Парвате. Также по словам Зосимы, Юстиниан «правую руку держит распростерту». И Клавихо (1404 г.) говорит: «Всадник (Юстиниан, — И. П.), который сидит на ней (лошади, — И. П.), держит правую руку высоко, с кистью открытою». Об этой конной статуе упоминают и другие западноевропейские путешественники (подробное описание у Вильгельма де Бальдензеля). Афанасий Никитин, если даже допустить, что он раньше был

в Константинополе, не мог сам видеть этой статуи, так как еще до завоевания Константинополя османскими турками (1453 г.) этой статуи уже не было на месте, оставалась только служившая для нее пьедесталом порфировая колонна («столп чуден»).

¹²⁹ Один съ-дним ни пиеть, ни яст . . . Религиозные законы индуистов запрещают есть друг с другом мужу с женою, членам различных каст, всем вообще индуистам с мусульманами и другими иноверцами. Сыта — название какого-то опьяняющего напитка.

¹³⁰ Брынец — из п. «бириндж» — «рис».

¹³¹ Кичири, кичирис — кхичри, индийское блюдо из риса с маслом и приправами. По словам Абд-ар-реззак Самарканди (40-е годы XV в.), блюдом кичри при дворе виджаянагарского царя кормили, между прочим, царских слонов: сварив кичри, его выливали из котла; посыпав солью и подмешав свежего сахара, давали в пищу.

¹³² Мякъка — Мекка, религиозный центр мусульман со святилищем Ка'ба («Месджид ал-харам» — «Заповедная мечеть»); паломничество в Мекку в принципе признается религиозным долгом для всех мусульман, кроме бедняков, немощных и женщин, для которых оно не обязательно.

¹³³ Яхонт — ар. «якут»; этим термином на мусульманском Востоке, как и на Руси, в XIII—XV вв. чаще обозначался сапфир («синий яхонт»), реже рубин («красный яхонт»); последний чаще называли «ла'л» (ар.; отсюда рус. «лал»). — Афанасий Никитин проявляет специальный интерес к драгоценным камням и часто упоминает о них. Чешский индианист В. Лесны высказал предположение, что в Индии Афанасий Никитин занимался торговлей драгоценными камнями, хотя и не разбогател от этой торговли.

¹³⁴ Олло ак — искаженное ар. «Аллаху хакк» — «бог-истина»; здесь употреблено в смысле «ей-богу».

¹³⁵ А те волы ачъче зовут. «Ачча» в дравидийском языке малайяла — «мать»; в том же языке «аччхан» и в дравидийском языке канара «аджжа» — «дедушка». С этими выражениями связана последующая фраза у Афанасия Никитина: «Индеяне же вола зовут отцем, а корову матерью»; культ вола и коровы как священного и неприкосновенного животного — одна из старинных и прочных особенностей брахманизма (индуизма).

¹³⁶ Попелом . . . мажутся по лицу . . . — пеплом наносят знаки поклонников сект и каст на лицо.

¹³⁷ Пачекътур а учюзедеръ и т. д. — см. перевод текста.

¹³⁸ Шитель, житель — шитель, серебряная монета. «Ики шитель» (т.) — «два шетеля»; «атле шитель» — искаженное т., вместо «алты шитель» — «шесть шителей».

¹³⁹ Кул — т., раб, невольник.

¹⁴⁰ Каравашь — т., рабыня, невольница. В другом месте Афанасий Никитин приводит цены на рабов-пленников в мусульманской Индии от 5 до 10 танга

(см. прим. 197) за «голову», за ребенка — по 2 танга. О дешевизне индийских рабов и рабынь, вследствие постоянного огромного притока пленников, угоняемых мусульманскими войсками из «кафирских государств» Индии, говорят многие авторы: по словам Шихаб-ад-дина, в Дели платили за рабыню-служанку по 8 танга, за рабыню-наложницу по 15 танга. При делийском султани Ала-ад-дине Хальджи (1296—1316 гг.) была введена такса на индийских рабов-пленников: за служанку от 5 до 12 танга, за наложницу от 20 до 40 танга, за раба-работника от 10 до 15 танга, за красивого юношу от 20 до 30 танга. Ибн Батута (30—40-е годы XIV в.) говорит, что индийские рабыни в Дели продавались почти за бесценок. О размерах рабства в Индии XIV—XV вв. можно судить по тому, что Фируз-шах делийский (1351—1388 гг.) при набеге только на один непокорный район Катер увел оттуда 23 тысячи пленников. По словам историка Шемс-и Сираджа Афифа, у Фируз-шаха делийского было будто бы 180 тысяч рабов, из которых многие работали в 36 султанских больших ремесленных мастерских «карханэ» (п. «дом работ»).

¹⁴¹ Улубагрь, улубаграм, багрим — искаженное т. «улуг байрам» — «великий праздник», т. е. «праздник жертвоприношения» Авраамом богу сына своего Исмаила (согласно Корану) — «Курбан байрам» (ар.-т.), один из двух главных мусульманских праздников.

¹⁴² Велик день — христианская Пасха.

¹⁴³ Тангрыдань истремень . . . — см. перевод, «Тангры» — в тюркских языках — «бог»; «Худо», «Худа» — п. «бог», синонимы арабского «Аллах».

¹⁴⁴ Кетьмыштыр имень . . . вратыял ят мадым — см. перевод.

¹⁴⁵ Гурмыз — см. прим. 47.

¹⁴⁶ Голат, Калат, Дега — см. прим. 53.

¹⁴⁷ Мошкат — см. прим. 52.

¹⁴⁸ Кучьзрят — см. прим. 54.

¹⁴⁹ Комбат — см. прим. 57.

¹⁵⁰ Чивель, Чивиль — см. прим. 58.

¹⁵¹ Дабыль, Дабиль — Дабул, Дабхол, в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея, под 17°46' с. ш. и 73°16' в. д. Был большим укрепленным городом, каким описывают его путешественники Барбоса и Вартема. Ко времени приезда Афанасия Никитина в Индию в 1469 г. Дабул находился под властью Бахманидов и лежал недалеко от рубежа мусульманских владений («области веры») и «области неверия», т. е. владений индийских немусульманских князей городов Мангалор, Коулон, Каннанур и других, занимавшихся, между прочим, грабежом кораблей, направлявшихся в мусульманские порты. Но к 1472 г. эти княжества, вплоть до города Гоа, были покорены войсками бахманидского султана, и граница «области веры» была отодвинута к югу. Эти завоевания закончились уже после отъезда Афанасия Никитина из Индии, чем и объясняются его слова, что Дабул — «пристанище в Гундустани последнее бесерменьству» (мусуль-

манству). Несколько позднее, в 1508 г., Дабул был захвачен и разрушен португальским адмиралом Альмейдой. Окончательный упадок его относится к концу XVIII в.

¹⁵² Колект, Келект, Лекот, Селект — Каликут, знаменитый в XIII—XIV вв. порт на юге Малабарского побережья, под $11^{\circ}15'$ с. ш. и $74^{\circ}40'$ в. д. Он подробно описан в XIV в. побывавшим там Ибн Батутой, по словам которого Каликут был одним из самых больших портов мира. Сюда приезжали морем купцы из Китая, Цейлона, Маледивских островов, с Явы, из Йемена. Фарса и других стран. Ибн Батута подробно описывает прибывавшие сюда из Кантона и других мест китайские суда трех типов: большие (джонк), имевшие до 12 парусов, средние (зау) и малые (какам). По словам Абд-ар-реззака Самарканди (первая половина XV в.), в Каликут приходило много торговых судов из Абиссинии и Зинджа (Занзибар, западная Африка), также с берегов Красного моря. Иностранные купцы чувствовали себя здесь в полной безопасности. Торговое значение Каликута, по словам названного автора, было подобно значению Хормуза. По словам Дуарте Барбосы, до перехода морской вывозной торговли из Индии в руки португальцев (начало XVI в.) вывоз из Каликута находился в руках мусульманских купцов; как из Камбая и Чаула корабли чаще всего шли в Хормуз, так из Каликута корабли во множестве отправлялись в аравийские порты Красного моря и в Египет, игравший посредническую роль в торговле индийскими товарами с Западной Европой. Предметами вывоза были пряности, амбра, ремень, жемчуг, драгоценные камни, хлопчатобумажные ткани, китайский фарфор, ценное дерево. Предметами ввоза (из стран Передней Азии) были медь, киповарь, серебро, золото, розовая вода, кожи, сафьян, боевые кони. После захвата опорных пунктов на Малабарском берегу Индии португальцами и перехода в их руки индийского вывоза торговля индийскими пряностями стала приносить португальцам ежегодный доход до 3 миллионов флоринов.

¹⁵³ Силян — остров Цейлон, к югу от Индостанского полуострова, между $5^{\circ}55'$ — $9^{\circ}51'$ с. ш. и $79^{\circ}41'$ — $81^{\circ}54'$ в. д., площадью около 66 тыс. кв. км. У арабских географов раннего средневековья остров известен под именем Сарандиб (Серендиб, имя известное и Косме Индикоплову и другим греческим авторам, искажение санскритского *Sinhaladvīpa*), встречается также название Табрубани (искаженное *Ταπροβάνη* античных географов), у арабских географов позднего средневековья — Сийялан (Закария Казвини, XIII в.; Ибн Батута, XIV в.), отсюда Силян Афанасия Никитина и Цейлон европейцев. Цейлон во времена Афанасия Никитина был, как и в наши дни, буддийской страной; буддизм был здесь государственной религией. Однако вся обширная торговля острова со странами Передней Азии и с Китаем находилась, до появления на Цейлоне португальцев (в начале XVI в.), в руках мусульманских купцов, большею частью арабов. С Цейлона вывозили драгоценные камни (рубины, сапфиры, аметисты, топазы), жемчуг, пряности, тростниковый сахар-

Гора Серендиб (ныне Пик Адама, 2262 м высоты) в XIII—XV вв. служила местом паломничества для буддистов, индийских христиан Малабарского берега (несториан и монофизитов) и мусульман; христиане и мусульмане, согласно легенде, почитали гору как первый пункт в мире, куда ступила нога первочеловека Адама после изгнания из рая. В XIV в. Ибн Батута совершил паломничество на Пик Адама и поклонился «следу ноги Адама». Буддисты же верили, что на этой горе находится «след Будды Шакьямуни».

¹⁵⁴ Шибайт, Шабайт, Шайбат, Шибат, Шабот, Сибат, Шабайтское пристанище. Остается неясным, какую страну Афанасий Никитин называет этим именем. Комментаторы Афанасия Никитина определяют Шабайт различно. Срезневский склонен был видеть в Шабайте Шабазпур, остров у устья р. Ганга, где водятся мускусные олени, тем более, что Афанасий Никитин ниже, после рассказа о Шабайте, говорит о мускусных оленях. Однако Афанасий Никитин описывает дальше Шабайт не как небольшой остров, а как большую богатую страну. Юль видит в Шабайте остров Саба (Saba). Форма «Шабат» напоминает, впрочем, арабскую форму «Джава», «Джават» имени о. Ява. Ява в то время была наполовину буддийской, наполовину брахманистской страной и лишь позднее (в XVI—XVII вв.) превратилась в страну мусульманскую. И. Минаев, как и другой русский автор более новой работы А. Любимов (Загадочная страна Шабот в путевых заметках Афанасия Никитина. СПб., 1916), отождествляют Шабайт (Шабот) Афанасия Никитина со страной Чамба (Chamba, Chomba, Chora, Chanba) западноевропейских путешественников (Марко Поло, XIII в.; Одорик из Порденоне, XIV в., и др.), Саиф арабских путешественников, Сана-Фо-цзи китайских авторов. Эта страна находилась где-то в Индо-Китае, возможно в Аннаме.

¹⁵⁵ Певгу — Пегу, область в южной Бирме, по нижнем течению р. Иравади.

¹⁵⁶ Чин . . . Мачин — обычное у мусульманских народов средневековья название Китая. Термин «Чин» (Син, Сина античных авторов) и «Мачин» не имели строго определенного географического значения. Иногда под Чин (Син) понимался Северный, а под Мачин — Южный Китай, а выражение «Чин и Мачин» означало Китай вообще. Иногда, как у Ибн Батуты, под Сином («Чин и Мачин») понимался только Южный Китай (области к югу от реки Хуай-хэ), а Северный именовался Хатай. По-видимому, так же понимал эти термины и Афанасий Никитин.

¹⁵⁷ Кытай — Хатай мусульманских авторов, обычное у них название Северного Китая. Название это было образовано от имени кочевого народа киданей или кара-хитаев (по мнению одних исследователей — тунгусского, по мнению других — монгольского происхождения), владевших в X—начале XII в. частью Северного Китая (киданьская династия Ляо), почему их имя и было понято у мусульманских народов как название Северного Китая. У Афанасия Никитина Кытай (=Хатай) — Северный Китай — и противопоставляется Чину и Мачину — Южному Китаю.

¹⁵⁸ Аросто хода чотом — искаженное выражение, смысл неясен. Возможно, искаженное п.-ар.: «устроил бог на пользу мне» («чотом» из ар.-п. «джа-два-м»).

¹⁵⁹ Гурмыз — Хормуз, Ормуз, см. прим. 47.

¹⁶⁰ Тамга — (монг.-тюрк.), с XIII в. в странах Передней Азии налог на ремесло и торговлю, пошлина с товаров.

¹⁶¹ Камбаят — Камбай, см. прим. 57.

¹⁶² Алача — персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток.

¹⁶³ Пестредь — рус., ткань из разноцветных ниток, тафта или миткаль (Савваитов, стр. 100).

¹⁶⁴ Канъдак, кандяк — в русском яз. хлопчатобумажная набойчатая ткань (Савваитов, стр. 56); термин, возможно, взят из п. «гундаги», ар. «кундакийя» — «грубая шерстяная (?) ткань» (Завадовский).

¹⁶⁵ Ниль — индиго, синяя краска, см. прим. 55.

¹⁶⁶ Лек — лакх, продукт *Coccus lassa*, у Николо Конти (XV в.) и Вартемы (XVI в.) упоминается как предмет вывоза из Камбая.

¹⁶⁷ Ахык — ар. «ахик», сердолик. Красные сердолики вывозились в большом количестве из Камбая.

¹⁶⁸ Лон. По мнению Срезневского, это — *lanha*, кокосовый орех. Согласно Минаеву, «лон» (от санскритского «лавана») в ряде индийских языков — соль; добычей и вывозом самосадочной соли Камбай был известен издавна. По предположению Завадовского, лон — из «лунг» (на яз. урду) — «гвоздика», цвет дерева *Caryophyllus aromaticus* — пряность, с глубокой древности вывозившаяся из Индии. Возможно также — лон из ар. «лаун», множ. число «алван» — краска (Vullers, LPL, II, стр. 1106). Вопрос не может считаться окончательно разрешенным

¹⁶⁹ Дабыло — Дабул, см. прим. 151.

¹⁷⁰ Мисюр — ар. Миср — Египет, также гор. Каир.

¹⁷¹ Рабаст, Арабастан — Аравия.

¹⁷² Хоросань — см. прим. 69.

¹⁷³ Туркустань — Туркестан «страна тюрков» (п.). В XV в. этим именем чаще называли Восточный Туркестан (Кашгарию, ныне Синьцзян, часть Китая) и восточную часть нынешнего Казахстана.

¹⁷⁴ Негостань — по-видимому, искаженное переписчиком слово. Согласно предположению Завадовского, это «Муг-астан», другое имя Хормуза (Ормуза), приведенное у Ибн Батуты. Замена одного носового звука другим встречается у Афанасия Никитина и в других местах (ср. «Мызамылк» вместо «Низам-ал-мульк»).

¹⁷⁵ Кельберг — см. прим. 92.

¹⁷⁶ Келекот — см. прим. 152.

¹⁷⁷ Кестяк — возможно от п. «кашти» — корабль, барка.

¹⁷⁸ Зеньзебиль — ар. зензебиль, зендзбиль (из лат. *zenzebiris*) — имбирь, *Zingiber officinalis*.

¹⁷⁹ Мошкат — мускатный орех.

¹⁸⁰ Калафур — цинаммон.

¹⁸¹ Гвозники — гвоздика, пряность, см. прим. 168.

¹⁸² Пряное коренье — пряности.

¹⁸³ Адряк — п. «адрак» — вид инбиря. — Все перечисленные у Афанасия Никитина виды пряностей упоминаются как предмет вывоза из Каликута в страны Ближнего Востока и в Западную Европу у Вартемы (XVI в.) и у других европейских путешественников.

¹⁸⁴ Кул да каравашь письярь хубь сия. — Кул — т. «раб»; караваш — т. «рабыня» (см. прим. 140); письярь хубь — искаженное п. «бесйар хуб» — «очень хороший»; сия — п. «сийях» (конечное «х» в произношении почти не слышится) — «черный». Вся фраза означает: «рабы и рабыни очень хорошие, черные». Иначе говоря, в Каликуте велась торговля темнокожими рабами, вероятно дравидийского происхождения. О работорговле см. прим. 140.

¹⁸⁵ Силян — см. прим. 153.

¹⁸⁶ Баба Адам на горе на висоце — «отец Адам на горе, на высокой», см. прим. 153 о горе Пик Адама, где, согласно верованиям мусульман, сохранялся след ноги первочеловека Адама.

¹⁸⁷ Камень драгое — драгоценные камни, см. прим. 133.

¹⁸⁸ Червьци — рубины или гранаты, красные драгоценные камни.

¹⁸⁹ Фатисы — драгоценный камень, употреблявшийся преимущественно на пуговицы (Савваитов, стр. 156).

¹⁹⁰ Бабогури — п. «баба гури» — «белый агат».

¹⁹¹ Бинчай — согласно Срезневскому и Минаеву, смола дерева *Styrax benzoin*; возможно также искажение п. «банафша», букв. «фиалка», в значении — драгоценный камень гранат, рус. «вениса» (Савваитов, стр. 20).

¹⁹² Хрусталь — берилл (Срезневский).

¹⁹³ Сумбада, сумбала — порошок из корунда (тамилск. «курундам» — «рубин»), употребляемый для шлифования алмазов (об этом сообщают: в X в. Табари, в XII в. Идриси, в XIII в. Закария Казвини); согласно Срезневскому и Минаеву, — наждак (корундовая порода с примесью кварца и т. д.), употребляемый для той же цели (см.: Савваитов, стр. 48—49).

¹⁹⁴ Девякуши — хорошо известное тюркское слово «девекуш» — «страус» (букв. «верблюжья птица»). Невозможно принять мнение Минаева, что «„девякуш“ — „девакусума“, слово санскритское, перешедшее и в пали, и в сингальский язык и употребляемое как эпитет „корицы“» (Минаев, стр. 149). На Цейлоне страусов нет. Вероятно, Афанасий Никитин говорит о торговле привозными страусами. Эти «девякуши», по Афанасию Никитину, продавались «в вес», т. е. по весу, а слоны продавались «в локоть», т. е. по объему. О продаже слонов на Цейлоне «в локоть» сообщает еще византийский путешественник Косма Индикоплов (VI в.)

¹⁹⁵ Шабайтское пристанище — см. прим. 154.

¹⁹⁶ Алафа, олафа — ар., «корм», «жалованье или стипендия», «фураж».

¹⁹⁷ Тенка — п. «танга», «тенгэ» — серебряная монета разной ценности и веса в разных местностях (чаще всего 5—6 динаров).

¹⁹⁸ Шабот — см. прим. 154.

¹⁹⁹ Сандал — сандаловое дерево (греч. *σάνταλον*, от санскр. «чандан», ар. «сандал») — общее название нескольких видов пахучих деревьев — *Syrium myrtifolium* и др., ценимых ради запаха и твердости и вывозимых из Индии в страны западной Азии и Европы (древесина, порошок и душистое масло); купцы различали сандаловое дерево желтое — более ценное — и красное.

²⁰⁰ Пегу — см. прим. 155.

²⁰¹ Дербыши . . . индейския — буддийские монахи, следовавшие учению хинаяны, одному из двух больших разветвлений буддизма, господствующему на Цейлоне, в Бирме и Таиланде. — Дербыши — «дервиши» (п.) — мусульманские аскеты-мистики. Афанасий Никитин называет этим именем буддийских монахов из-за внешнего сходства их с дервишами.

²⁰² Маник — на языке хинди, санскр. «мани» — драгоценный камень рубин; отсюда рус. «монисто» (см.: Савvaitов, стр. 78—79).

²⁰³ Яхут — ар. «якут», см. прим. 133.

²⁰⁴ Кырпук — карбункул, драгоценный камень, рубин, у Барбосы — *sagarich*.

²⁰⁵ Чиньское же да Мачиньское пристанище — см. прим. 156.

²⁰⁶ Чини — п., от слова «Чин» — «Китай» — в персидском языке китайская фарфоровая посуда, также фарфоровые изделия Ирана, сделанные в подражание китайским образцам, фарфор вообще.

²⁰⁷ Ночи жены их ходять к гарипом. . . — пережиточная архаическая форма проституции гостеприимства. — Гарип — ар. «гариб» — «чужестранец».

²⁰⁸ Олафа — алафа, см. прим. 196.

²⁰⁹ Халял — ар. «дозволенное [религиозным законом]».

²¹⁰ Шайбать — Шабайт, см. прим. 154.

²¹¹ Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

²¹² Мачим да Чим — искаженное Чин и Мачин, см. прим. 156.

²¹³ Чими — возможно, искаженное «чини», см. прим. 206.

²¹⁴ Инчи — т. «инджи» — жемчуг высшего качества, «скатный» жемчуг.

²¹⁵ Слоны продаются в локоть. . . — см. прим. 194.

²¹⁶ Аммоны — судя по контексту, драгоценный камень, какой именно, неясно. Может быть, искаженное «диаманд» (старофранц., из греч. *ἀδάμας*). Ср.: «камень алмаз, а по неметцки демант» (Савvaitов, стр. 49).

²¹⁷ Лекот — Калекот, Каликут, см. прим. 152.

²¹⁸ Фуфал — плод арековой пальмы.

²¹⁹ Родится краска да люк. Краска — индиго, см. прим. 55; люк — лек, лак, лакх, см. прим. 56.

²²⁰ Ахик — см. прим 167.

²²¹ Рачюр — Райчур, город в 167 км к юго-западу от Хайдарабада. Вместе с областью того же имени составлял юго-западную область государства Бахманидов. Из-за обладания Райчуром в XV в. велись частые войны между Бахманидами и индийским государством Виджаянагар (см. прим. 315).

²²² Алмаз биркона да новькона (в Райчуре) — алмазы «старой» и «новой» копи (первые ценились гораздо дороже вторых), из знаменитых алмазных копей в Куруле (Кулуре) в области Райчур, подробно описанных французским путешественником купцом Тавернье в XVII в. «Биркона» (п., от «пир» — «старый» и «кан» — «рудник») — «старая копь», «новкона» (п.) — «новая копь».

²²³ Почка — на Руси мера веса для драгоценных камней — 2.13 гр.

²²⁴ Пенечь чекени — п. «пендж кени» — «5 кени»; кени — мелкая монета, 1/64 тенги.

²²⁵ Сия — п. «сиях» — «черный» [алмаз новой копи].

²²⁶ Чарпешкени — п. «чехар-шеш кени» — «от 4 до 6 кени».

²²⁷ Сипит ек тенка — искаженное п. «сепид йак тенга», т. е. «белый [алмаз новой копи] — одна тенга».

²²⁸ Продають же тую гору каменую — имеется в виду отдача бахманидским правительством алмазных копей в аренду, причем разные пространства горы расценивались различно, смотря по тому, какие сорта алмазов («новой» или «старой» копи) в них водились. — Кона — из п. «кан» — «рудник», «копь», «каменоломня».

²²⁹ Мелик-хан — один из вассалов бахманидского царя («салтана») Мухаммед-шаха III.

²³⁰ Бесермена, бесермены — мусульмане.

²³¹ Худы — из ар. «йахуд» — «иудеи», «евреи».

²³² Мамоны — см. прим. 101.

²³³ Аукик — неясное выражение; возможно, деформация ар. «гунук» (из «джунук», форма множ. числа, в ед. числе «гунк», «джунк») — джонки, большие суда, плававшие между Индией и Китаем (подробное описание их у Ибн Батуты, IV, стр. 91—92).

²³⁴ Мускус был предметом вывоза в западные страны.

²³⁵ Великий день — христианский праздник Пасхи, переходящий, в первое воскресенье после весеннего равноденствия и последующего полнолуния.

²³⁶ Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

²³⁷ Бограм, баграм — байрам, см. прим. 141.

²³⁸ Говейно — время говения (подготовка к исповеди и причастию), в данном тексте — в великом посту.

²³⁹ Ни среды ни пятницы. . . книг у меня нет. . . — Среда и пятница — постные дни (в православной церкви); под книгами имеются в виду богослужеб-

ные книги, по которым можно было бы определить время наступления великого поста, Пасхи и других христианских переходящих праздников.

²⁴⁰ Каин. Остается неясным, какой пункт имеет в виду здесь Афанасий Никитин. Известен иранский город Каин, но он находится в Кухистане, в восточном Иране, далеко от маршрута нашего путешественника, который не мог быть там. Возможно было бы предположить здесь чтение «Наин» (вместо «Каин»), через который Афанасий Никитин проходил (см. прим. 40). Но здесь он не мог проводить первую Пасху своего большого путешествия. Между тем, согласно словам самого путешественника, рисуется следующая хронологическая последовательность его маршрута: 1) выезд из Руси — 1466 г.; 2) Пасха 1467 г. — в Каине (?); 3) Пасха 1468 г. — в Чебукаре (Чапакур в Мазандаране); 4) караванный путь от южного берега Каспийского моря через западный Иран (в частности, и через Наин) до берега Персидского залива — с весны 1468 до весны 1469 г.; 5) Пасха 1469 г. — в Хормузе; 6) морской путь Хормуз — Камбай и пребывание в Индии с весны 1469 г. до января или февраля 1472 г.; 7) морской путь Индия — Хормуз; и Пасха 1472 г. по пути в Маскате — весной 1472 г.; 8) караванный путь от берегов Персидского залива до Трапезунда на южном берегу Черного моря — лето и осень 1472 г.; 9) возвращение на родину — осень 1472 г. Следовательно, относительно Каина возможны 2 гипотезы: 1) если Афанасий Никитин действительно здесь встретил первую Пасху в пути, то Каин — искаженное до неузнаваемости название одного из пунктов в Ширване или на берегах Каспийского моря; 2) если вместо «Каин» следует читать «Наин», придется допустить, что память изменила нашему путешественнику; тогда первую Пасху — 1467 г. — он должен был провести в Чапакуре, а в Наине мог встретить вторую Пасху — 1468 г.

²⁴¹ Чебукар, Маздраньская земля — см. прим. 32, 34.

²⁴² Гурмыз — см. прим. 47.

²⁴³ Бесерменин же мелик . . . — мелик Асад-хан, см. прим. 64.

²⁴⁴ Намар кыларесен . . . — т., см. перевод.

²⁴⁵ Олло переводигерь — ар.-п. «Аллах (Худа) первердигар» — «бог покровитель» (букв. «воспитатель»). Далее см. перевод.

²⁴⁶ Волосыны. . . кола. . . лось — старинные русские названия созвездий Плеяд, Ориона, Большой Медведицы.

²⁴⁷ Тефериць — ар. «тафаррудж» — прогулка, осмотр, объезд.

²⁴⁸ Възырь — п. «везир» — начальник отдельного ведомства, министр.

²⁴⁹ Слонов наряженных в булатных в доспесех . . . — см. прим. 113.

²⁵⁰ Кентарь — ар. «кантар» (из лат. centenarium) — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

²⁵¹ Нагары — см. прим. 112.

²⁵² Ковре — искажение санскр. «гаурика» — «юная дева» (см. прим. 114), т. е. дева харема, фаворитка султана.

- ²⁵³ Чичак — т. «шишак» — шлем.
- ²⁵⁴ Сагадак — монг. «сагадах», тат.-волжск. «садак», рус. «саадак» — полный приор вооружения конного воина, состоял из седла, лука с налучьем и стрел с колчаном (см.: Савваитов, стр. 120).
- ²⁵⁵ Кофар — ар. «кафир» — в данном контексте «индуист», см. прим. 66.
- ²⁵⁶ Камка — см. прим. 94.
- ²⁵⁷ Терем оксамитен — бархатный балдахин.
- ²⁵⁸ Махтум — ар. «махдум» — «тот, кому служат», господин, государь, сюзерен. Здесь — бахманидский султан.
- ²⁵⁹ Терем пидян — шелковый балдахин.
- ²⁶⁰ Катобагряим — слово, по-видимому, образованное из п.-ар. «Кати́ф у Бахрей́н» — «Кати́ф и Бахрей́н» — местности на аравийском побережье Персидского залива; Бахрей́н — также группа островов у аравийского побережья Персидского залива; воды его в средние века славились богатыми жемчужными ловлями. Ловцы жемчуга обязаны были доставлять определенное количество его, в порядке повинности, в казну государя (в XV в. — мелика хормузского). В 1507 г. Бахрей́н был захвачен португальцами.
- ²⁶¹ Жи́да — Джидда, гавань в Аравии, на Красном море, под 21°28' с. ш. и 39°17' в. д., была известна жарким и нездоровым климатом. В XV в. сюда приходило много торговых судов из Индии, плативших пошлины шерифу священных городов — Мекки и Медины.
- ²⁶² Бака — см. прим. 31.
- ²⁶³ Мисюр — ар. Миср — Египет, также его столица г. Каир.
- ²⁶⁴ Остани (вместо Оробстани) — Араби́стан, Аравия.
- ²⁶⁵ Лар — см. прим. 45.
- ²⁶⁶ Хоросаньская земля — см. прим. 69.
- ²⁶⁷ Чеготань — Чагатай, Средняя Азия, см. прим. 71.
- ²⁶⁸ Ширяз — см. прим. 333.
- ²⁶⁹ Езд — см. прим. 41.
- ²⁷⁰ Кашин — Кашан, см. прим. 39.
- ²⁷¹ Гилян — Гилян, область на северо-западе Ирана, между Каспийским морем (у юго-западного побережья его) и горной страной Дейлем. Гилян покрыт густыми лесами и известен жарким и влажным субтропическим климатом, с большим количеством осадков.
- ²⁷² Шамахей — см. прим. 30.
- ²⁷³ Вавилон. В средние века (в христианских странах) Вавилоном обычно называли город Багдад.
- ²⁷⁴ Хумит — вероятно Хумс, древняя Эмеса, город в Сирии.
- ²⁷⁵ Шам — ар., Сирия, иногда также главный город ее Дамаск (Димашк-аш-Шам).
- ²⁷⁶ Ляп — ар. Халяб — Алеппо европейцев, город в северной Сирии.

²⁷⁷ Севастея — см. прим. 344.

²⁷⁸ Грузыньская земля — Грузия (от сирийск. и средне-перс. «Гурзан», в арабизованной форме «Джурзан»); в XV в. была разделена на три царства (Кахетия, Картлия, Имеретия) и 5 княжеств (Самцхэ-саатабаго, т. е. атабекство Самцхийское, иначе Месхетия, Гурия, Мингрелия, Сванетия, Абхазия). В средние века Грузия известна была плодородием, вино и хлеб служили предметом вывоза.

²⁷⁹ Торьская земля — османская Турция.

²⁸⁰ Волоская земля — Валахия, ныне Румыния.

²⁸¹ Подольская земля — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестра.

²⁸² Молитва Афанасия Никитина о Русской земле, изложенная им по-тюркски, полнее и длиннее в Архивской рукописи, нежели в Троицкой. В полном виде (повторена два раза, один за другим) она гласит: «А урус ерь (следует «Урус йери», — *И. П.*) тангрыдь (следует «тангрыды», — *И. П.*) сакласыпъ (=сакласын, — *И. П.*); олло сакла! Будоньяда мунукубыть ерь ектур-нечик урус ери бегляри окойтугиль Урус ерь абадань больсын, расткамь дареть (следует «раст кам даред» — персидское выражение, вкрапленное в тюркский текст, — *И. П.*). Олло, худо, бог, данъири!» (в разночтении «данъгры», следует «дангры» «тангры»). «Тангры» — т. «бог». «Урус йери» — т. «Русская земля». «Бегляри» — т. «беги» (мн. ч. от ед. ч. «бег», «бек», «бей»); этим термином в мусульманских государствах XI—XV вв. обозначали высших представителей военно-феодальной знати (арабск. синоним «эмир»). Афанасий Никитин пользуется созвучием двух выражений — тюркского «бегляри», «бейляри» и русского «бояре», «боляре»; поэтому здесь допустим перевод «бояре Русской земли». — Персидское выражение «абадан» трудно поддается точному переводу; оно имеет ряд оттенков («населенный», «обработанный», «благоустроенный», «процветающий») и противоположно по значению выражению «хараб» («разрушенный», «разоренный», «запустевший»). — В заключительной фразе слово «бог» повторено на четырех языках: арабском (олло — аллах), персидском (худа), русском (бог) и тюркском (данъири, тангры). Перевод молитвы: «Русская земля да будет богом хранима; боже, сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей (буквально «такой, как эта»), хотя вельможи (или «бояре») Русской земли несправедливы (букв. «не добры»). Да станет Русская земля благоустроенной, справедливости мало в ней. Боже, боже, боже, боже!». — Таким образом, молитва Афанасия Никитина выражает пламенную любовь к родине — Руси и одновременно осуждение ее политического строя. Возможно, это последнее обстоятельство и побудило нашего автора изложить свою молитву не по-русски, а по-тюркски. О тюркском языке Афанасия Никитина см. прим. 368.

²⁸³ Булгак — т., «смута», «смятение», «спор», «крик», «свалка».

²⁸⁴ Яиша-мурза — Мирза Джеханшах (тюркское вульгарное произношение — Джанша, Янша), государь «чернобаранных» туркмен (Кара-Койюнлу),

правил с 1436 по 1467 г.; первоначально владел только Азербайджаном и Арменией, но в 1453—1458 гг. завладел всем западным Ираном, в 1458 г. занял было и Хорасан, но должен был уступить его тимуридскому государю, султану Абу-Са'иду (1451—1469 гг.), с которым заключил затем военный союз. Джеханшах погиб в сражении с войсками своего старинного врага, государя «белобаранных» туркмен (Ак-Койюнлу) Узун-Хасана, в ноябре 1467 г. на Мушской равнине в южной Армении. Об этом факте и упоминает Афанасий Никитин.

²⁸⁵ Узуосанбек, Узуасан — Узун-Хасан-бек, см. прим. 342.

²⁸⁶ Солтамусайт — султан Абу-Са'ид, из династии Тимуридов, с 1451 г. государь Средней Азии, с 1459 г. также и Хоросана и всего восточного Ирана. В 1468 г., после победы Узун-Хасана «белобаранного» над Джеханшахом «чернобаранным», под предлогом помощи сыновьям последнего, Абу-Са'ид совершил поход в Азербайджан, но войско его было окружено и блокировано в Муганской степи войсками Узун-Хасана и его союзника, ширваншаха Фаррух-Ясара (у которого побывал Афанасий Никитин в 1466 г., см. прим. 28) и голодом доведено до сдачи. Пленный Абу-Са'ид, однако, не был окормлен, т. е. отравлен, как пишет Афанасий Никитин, а выдан своему сопернику и родичу, юному тимуридскому царевичу Мухаммед-Ядигару, которым и был обезглавлен (в феврале 1469 г.).

²⁸⁷ Едигерь Махмет — Мухаммед-Ядигар, см. прим. 286.

²⁸⁸ Мякъка — Мекка, см. прим. 132. Доступ в Мекку был запрещен для немусульман.

²⁸⁹ Сында — рус. «сыта».

²⁹⁰ Меликтучар — см. прим. 109.

²⁹¹ Юк олмазу — здесь «вьюк алмаза».

²⁹² Кирпук — см. прим. 204.

²⁹³ Султан — бахманидский государь, см. прим. 107.

²⁹⁴ Суфрея — п. «суфрэ» — «скатерть», «закуска», «трапеза».

²⁹⁵ Нагар — см. прим. 112.

²⁹⁶ Мызамлыылк — ар. низам-ал-мульк — «устройство царства», титул мелика Хасана Бахри, одного из военачальников бахманидского султана Мухаммед-шаха III, тарафдара (наместника) области Телингана (по Ферриште), индийского мусульманина, врага Мелик-ат-туджжара. О деятельности Низам-ал-мулька см. прим. 109.

²⁹⁷ Мекхан — Мелик-хан, см. прим. 110.

²⁹⁸ Фаратхань — Фархад-хан, вассал бахманидского султана, см. прим. 110.

²⁹⁹ Оспожин день — христианский праздник Успения девы Марии, 15 августа.

³⁰⁰ Ших Иладин — см. прим. 98.

³⁰¹ Покров богородицы — христианский праздник, 1 октября (в православной церкви).

³⁰² Чюнедар Бинедарьского — по мнению Минаева, искажение вместо «Биченегир», см. прим. 315.

³⁰³ Султан — бахманидский государь Мухаммед-шах III, см. прим. 107.

³⁰⁴ Бедерь — Бидар, см. прим. 90.

³⁰⁵ Малхан — неясно, какого из вассалов бахманидского султана имеет в виду Афанасий Никитин; возможно, Мелик-хана.

³⁰⁶ Бедерьхан — один из вассалов того же султана, возможно, бидарский градоначальник.

³⁰⁷ Возырхан — неясно, кого имеет в виду наш автор, возможно, просто везира.

³⁰⁸ Кутархан — согласно Минаеву, Кутувал-хан, комендант крепости Бидара.

³⁰⁹ Индийский Авдоном — греч. αὐτονόμος — «самодержец», «независимый правитель», самодержец индийский. Здесь, видимо, государь Виджаянагара, см. прим. 315.

³¹⁰ Раст дени худо доносит — п. «раст дини (правильнее было бы «дин-и раст») худо данест» (вместо «данед», прошедшее время употреблено вместо настоящего) — «правую веру бог ведает».

³¹¹ Улубаграм — см. прим. 141.

³¹² Маметь дени росолял — т.-ар. «Мухаммед динин расуль Аллах» — «Мухаммедовой веры пророк божий», Мухаммед пророк.

³¹³ Кельберху — см. прим. 92.

³¹⁴ Султан кадам — неясное выражение. Завадовский предлагает чтение «султан хадим» — ар.-п. «султанов слуга», в значении «наместник». Однако, судя по контексту, здесь имеется в виду сам государь Виджаянагара, а не его наместник или вассал. В примечаниях к чешскому и к польскому переводам «Хожения» «Кадам» принимается за усеченную форму имени Кадамба — династийное имя. Как указано в примечании к чешскому переводу (В. Лесны), текст Афанасия Никитина подтверждает предположения некоторых историков о том, что правившая в Виджаянагаре до 1486 г. династия Сангама была как-то связана с династией Кадамба.

³¹⁵ Биченегир — Виджаянагар (у мусульман — Биджанагар), большой город в южной Индии, на р. Тунгабхадра, под 15°20' с. ш. и 76°28' в.д., был столицей большого феодального индийского (немусульманского) Виджаянагарского государства (см. ниже). Был основан около 1336 г. и в течение более двух столетий играл огромную политическую и экономическую роль. Согласно описанию Абд-ар-реззака Самарканди, приезжавшего в Виджаянагар с дипломатическими поручениями от тимуридского султана Шахруха в 1442/43 г., город был окружен семью линиями крепостных стен. Подступы к первой внешней стене защищали огромные камни, в рост человека, врытые в землю. В про-

странстве между первой и третьей стенами располагались предместья города, с садами и возделанными полями. В пространстве между третьей и седьмой стенами располагались торговые и ремесленные кварталы города, с 4 главными базарами, представлявшими крытые галереи под арками; на базарах Абд-ар-резака поразило обилие роз и других цветов. Близ базара был дворец градоначальника и ряд пышных зданий государственных учреждений. Целая улица была занята публичными домами, приносившими виджаянагарскому царю огромный доход, шедший на содержание 12 тысяч гвардейцев, каждый из которых получал жалованье, коня, раба-конюха и рабыню-наложницу. Город был прорезан множеством каналов. В центре города, защищенная седьмой стеною, находилась внутренняя цитадель с царским дворцом. Абд-ар-резак описывает роскошь дворца. Послов царь принимал в зале с 4 эстрадами по сторонам, в 10 гезов (гез — около 1 м) в длину и ширину каждая; стены и потолок их были украшены гирляндами листьев из золота. На передней эстраде возвышался грандиозный царский трон из чистого золота с драгоценными камнями. Царь восседал на троне, на подушке, обшитой жемчугом. Дуарте Барбоса также говорит о великолепии и многолюдстве Виджаянагара, в котором всегда было множество приезжих купцов разных вер и народностей. Всякий — мусульманин, христианин и индуист — мог здесь свободно исповедывать свою веру, купцы пользовались защитой со стороны царя. Из Пегу и Цейлона сюда привозили драгоценные камни, из Хормуза — жемчуг, из Китая и Египта — парчу и шелковые ткани, с Малабарского берега Индии — перец, из мусульманских стран — различные ткани, кораллы, медь, ртуть, шафран, розовую воду и благовония. В обращении была золотая монета. От крайних южных до северных укреплений город растянулся на 20 км в длину, от западных до восточных — на 16 км; внутренняя цитадель имела в длину 3¹/₂ км, ширину — 2 км. В январе 1566 г. Виджаянагар был разрушен врагами (см. ниже), теперь не существует. Государство Виджаянагар было основано Сангама, основателем династии того же имени, сыну которого Харихара I предание приписывает основание города Виджаянагара. Виджаянагарское государство стало очень могущественным при Харихара II (1379—1406 гг.), который впервые стал именовать себя независимым царем и успешно боролся с Бахманидским султанатом. К началу XV в. его царство охватило всю населенную дравидийскими народностями южную Индию, включая Канару, Майсур, Каликут, Тричинополи, Негапатам, Мадуру, Кочин и др. Царь носил титул «махараджадхираджа» — «великий царь всех царей». Царь Дева Райя II (1422—1446 гг.) реорганизовал систему управления и войско, также назначил сановника, который должен был контролировать внешнюю торговлю. Однако уже царь Дева Райя I (1406—1422 гг.) и Дева Райя II терпели поражения от бахманидских султанов. Вообще же вся история Виджаянагарского царства заполнена войнами с соседними владетелями, особенно с государством Бахманидов (1347—1526 гг.), чаще с перевесом на стороне последнего. Иногда эти войны велись из-за спорной территории Райчур (см.

прим. 221—222) с алмазными копьями, иногда же обе стороны нападали друг на друга ради захвата военной добычи и территорий, под предлогом «войны за веру» между мусульманами и индуистами. Виджаянагарское царство было богаче Бахманидского и со времени Дева Райи II содержало более многочисленную (частью наемную) армию. Источником слабости Виджаянагарского феодального государства были крайне обостренные классовые противоречия и бедственное положение народных масс. Во время пребывания Афанасия Никитина в Индии царем Виджаянагара был Вирупакша II (1465—1486 гг.), последний царь из династии Сангама. Поход бахманидского султана Мухаммеда III, о котором рассказывает Афанасий Никитин, окончился, по словам историка Фериштэ, взятием крепости Белгаума; вассал виджаянагарского царя, Викрама-раджа, подчинился бахманидскому султану. После распада царства Бахманидов на несколько феодальных независимых государств (1526 г.) последние продолжали войны с Виджаянагаром. В январе 1565 г. соединенные войска султанов Бидара, Голконды, Биджапура и Ахмеднагара разбили виджаянагарского царя Рама-раджу и разрушили его царство.

³¹⁶ Женьгель — п. «джангаль», «дженгель» — слово, заимствованное из ряда языков северной Индии — «лес», «чаща» (отсюда «джунгли»).

³¹⁷ Деберь зла тикень. — Деберь — дебрь, чаща. — Тикень — «тикан, тикен» — в ряде тюркских языков (поволжско-татарск., староузбекск., азербайдж., турецкий и др.) — «колючки», «кустарник с колючками», «терновник», «волчец», разные растения до сосны включительно (Радлов, ОСТН, III, 1349; Малов; Завадовский).

³¹⁸ Меликъчан — вероятно, искаженное Меликтучар, см. прим. 109. — Ходя — ходжа, см. прим. 88.

³¹⁹ Куруль, Курыль — Кулур, см. прим. 222.

³²⁰ Ахик — см. прим. 167.

³²¹ А в Курыли же алмазъников триста, сулях микунет. — Последние слова — п. «сулахэ микуненд» — «шлифуют (алмазы)». О процессе шлифовки см.: Vullers, LPL, т. II, стр. 315, под словом اھلاھ — сулахэ.

³²² Калика — возможно Каликут, или же Коилконда — Голконда, большой город в Декане, к юго-востоку от Гульбарги. В XV в. принадлежал Бахманидам, позже, в XVI—XVIII вв., был столицей самостоятельного феодального мусульманского государства, в XVII—XVIII вв. славился своим богатством.

³²³ Конаберга — вероятно то же, что Колуберга, т. е. Гульбарга, см. прим. 92.

³²⁴ Аминдрие (Камендрея), Кынаряс (Наряс) — местоположение этих мест неясно. — Сури, Сура — возможно Сурат.

³²⁵ Дабиль — Дабул, см. прим. 151.

³²⁶ Тава — см. прим. 50.

³²⁷ Налон — плата за проезд на корабле, возможно от греческого

ναύλον — «плата за проезд на судне» (от греч. ναύς — «корабль»), ср. франц. *navlage*, итальянск. *polo, puolo*, испанск. *polito*; ср. п. «нав» — «судно», «лодка».

³²⁸ Горы Ефиопския — нагорный берег Эфиопии (Абиссиния).

³²⁹ Олло бервогыдырь — см. прим. 245. Дальше см. перевод.

³³⁰ Мошкат — см. прим. 52.

³³¹ Гурмыз — см. прим. 47.

³³² Лар — см. прим. 45.

³³³ Ширяз — Шираз, главный город южноиранской области Парс, Фарс, под $29^{\circ}35'$ с. ш. и $52^{\circ}30'$ в. д., на высоте 1500 м. над у. м. После арабского завоевания Шираз занял место древнего Истахра, прежней столицы Фарса. Долина Ширази славилась ровным, умеренно теплым климатом, обилием воды и прекрасными плодовыми садами и виноградниками; особенно славился местный виноград сорта «мискали». Ширазское вино было предметом вывоза. Долина орошалась каналами и каризами (см. прим. 41), лучшим из которых считался кариз Рукнабад. Кроме плодов и роз, в долине возделывали пшеницу и хлопок. К западу от Ширази находилась знаменитая долина Ши'б-Бавван, покрытая на протяжении 3 фарсангов (около 20 км) сплошными плодовыми садами, описываемыми арабскими и персидскими географами как одно из 4 «чудес» мусульманского мира (наряду с садами районов Самарканда, Дамаска и Бавильруда близ Тебриза). Город и район сравнительно мало пострадали от монгольского нашествия. В 1393 г. Шираз вошел в состав державы Тимуридов, в 1452 г. — в состав Туркменской «чернобаранной» (Кара-Койюнлу) державы (см. прим. 284), в 1469 г. — в состав утвердившейся на развалинах последней туркменской «белобаранной» («Ак-Койюнлу») державы (см. прим. 342). Султан Узун-Хасан Ак-Койюнлу (1453—1478 гг.) отдал в 1469 г. Фарс с Ширазом в удел одному из своих сыновей, Султан-Халилу, который и правил здесь во время путешествия Афанасия Никитина. Шираз лежал на караванном пути, соединявшем Исфахан с побережьем Персидского залива. В XIII—XV вв. Шираз был одним из крупнейших торговых центров в Иране. Город лежал на узле караванных путей, и почти вся торговля Ирана и Средней Азии с Индией велась через Шираз и Хормуз (Абд-ар-реззак Самарканди, Барбаро). Шираз был и крупным культурным центром; здесь провели большую часть жизни и погребены великие персидские поэты Са'ди (1186—1291 гг.) и Хафиз (умер около 1339 г.). В XV в. Шираз, вместе с Тебризом и Хератом, был одним из трех величайших городов Передней Азии. Согласно Барбаро (1474 г.), город с предместьями имел 20 миль в окружности (по Хамдаллаху Казвини, 1340 г. — 12500 шагов), в городе было 200 тысяч домов (=семейств, т. е. до 900 тысяч жителей). Эта цифра, вероятно, ошибочна: более правдоподобной кажется цифра, приведенная Анджолелло (начало XVI в.) — 200 тысяч душ.

³³⁴ Верху, Вергу — Аберкух, город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда и к юго-востоку от Йездихаста, под $31^{\circ}10'$ с. ш. и $53^{\circ}30'$ в. д.

Во второй половине XV в. управлялся местной династией в вассальной зависимости от туркменской державы Ак-Койюнлу.

³³⁵ Езд — Йезд — см. прим. 42.

³³⁶ Спагань, Испогань — Исфахан, Исфахан, Сипахан, большой город в Ираке Персидском (сев.-зап. Иран), под $32^{\circ}42'$ с. ш. и $51^{\circ}42'$ в. д., на высоте свыше 1600 м над у. м., на реке Зендэруд, на равнине, окруженной горами. Под именем *'Аспада́на* упоминается еще у античных географов (Птолемей, II в. н. э.). В X—начале XIII в. был одним из величайших городов Ближнего Востока; состоял из цитадели (шахристан) и торгово-ремесленного предместья (рабад). В 1237 г. Исфахан был разрушен монголами, но быстро оправился. По описанию Хамдаллаха Казвини (1340 г.), окружность городских стен равнялась 21 тысяче шагов, в городе было 44 квартала, много базаров, сотни мечетей, медресэ и дервишеских обителей. По словам автора «Истории Исфахана», составленной в 1329 г., город славился массовым производством хлопчатобумажных ниток и ткапей высокого качества: 1 харвар (ослиный вьюк) таких тканей равнялся по цене 10 харварам египетских шелковых тканей; в 1329 г. Исфаханский округ насчитывал 800 больших и малых селений и изобилдовал плодами; лучшие в Иране дыни и другие плоды в сушеном виде вывозились в Индию и Малую Азию (Хамдаллах Казвини, стр. 49). Ибн Батута (30-е годы XIV в.) сообщает об исфаханских ремесленных корпорациях. В XIII—XIV вв. в Исфахане классовая борьба принимала форму вооруженных столкновений между феодально-купеческой верхушкой и городскими низами, под оболочкой религиозной борьбы между суннитами и шиитами. В 1387 г. Исфахан был занят войсками Тимура, который подавил восстание городских низов, вырезав 70 тысяч человек, воздвигнув башни из черепов убитых и разорив город. Сын Тимура султан Шахрух в 1415 г. принял меры к возрождению города, уменьшив подати на $\frac{1}{3}$ и раздав городским низам пособий на сумму 100 тысяч динаров (Абд-ар-реззак Самарканди). В 1452 г. город был взят и опустошен Джеханшахом Кара-Койюнлу, после чего находился в упадке до конца XVI в. По словам Барбаро (1474 г.), окружность стен Исфахана с предместьями равнялась 10 милям, но жителей оставалось всего 50 тысяч душ. Контарини (1471 г.) говорит об Исфахане как о большом и красивом городе, но отмечает печальное состояние сельской округи: весь путь от Тебриза до Исфахана (24 дня пути) имел вид бесплодной равнины, только местами орошенной и обработанной. Вероятно, этим объяснялась отмеченная Контарини дороговизна жизненных припасов: кварт ($2\frac{1}{2}$ ведра) вина стоил 3—4 червонца, верблюжий вьюк дров — 1 червонец, 7 штук кур — 1 червонец; прочие припасы были гораздо дороже, нежели в Италии. С 1469 г. Исфахан входил в состав владений туркменской державы Ак-Койюнлу.

³³⁷ Кашань — Кашан, см. прим. 39.

³³⁸ Кум, Ком — город в Ираке Персидском под $34^{\circ}35'$ с. ш. и $50^{\circ}48'$ в. д. Город сильно пострадал во время монгольского нашествия, и, по словам Ха-

мдаллаха Казвини (стр. 67), еще около 1340 г. большая часть города лежала в развалинах. Однако в городе была крепкая цитадель; окружность городского вала в тот же период равнялась 10 тысячам шагов. В Куме находится одно из наиболее чтимых шиитами святилищ — мавзолей святой Фатимы, сестры восьмого шиитского имама Али Ризы (начало IX в.). Жители города в XIII—XV вв. считались ревностными шиитами толка имамитов (поклонников 12 имамов). В 1474 г. Кум посетил Контарини, по словам которого кумский рынок «изобиловал всякого рода туземными произведениями и мелкими товарами», иными словами, торговля города обслуживала преимущественно местный рынок. С 1468 г. Кум вместе со всем Ираком Персидским входил в состав владений туркменской державы Ак-Койюнлу. По словам Барбаро, в Куме было 20 тысяч домов (семейств), т. е. около 90 тысяч жителей.

³³⁹ Сава — Савэ, город в Ираке Персидском, под 35° с. ш. и $50^{\circ}15'$ в. д. В 1220 г. Сава была разрушена монголами, которые, между прочим, сожгли находившуюся здесь прекрасную библиотеку и астрономические инструменты. В XIV—XV вв. город был невелик; окружающий сельскохозяйственный район производил хлопок, пшеницу и прекрасные плоды — фиги (инжир), яблоки, айву, груши и гранаты. Во второй половине XV в. Сава входила в состав туркменской державы Ак-Койюнлу. Развалины средневековой Савы находятся близ городка нашего времени. Сохранились художественные памятники — мечети и др.

³⁴⁰ Султания — Султанийэ, город в Ираке Персидском под $36^{\circ}25'$ с. ш. и $48^{\circ}36'$ в. д., абсолютная высота местоположения, по определению разных авторов, — от 1650 до 1800 м, вследствие чего климат Султании характеризуется холодной зимой и прохладным летом. Строительство города было начато монгольским государем Ирана Аргун-ханом (1284—1291 гг.) и завершено в 1305 г. Ольджайту-ханом, который перенес сюда свою резиденцию. Выбор места новой резиденции обуславливался тем, что здесь, в прохладном высокогорье, находились прекрасные пастбища, служившие для летних кочевых монголов, и места охоты, изобиловавшие дичью и зверем. В XIV в. Султания была самым большим городом Ирака Персидского. Хозяйственное значение Султании определялось тем, что она была узлом 5 больших караванных «царских дорог» (шахрах): 1) «южной» — Султания—Хамадан—Багдад—Мекка, 2) «восточной» — Султания—Рей—Верамин—Нишапур (отсюда пути расходились на Балх — Среднюю Азию, на Хорезм и на Херат), 3) «северной» — Султания—Ардебиль—Дербенд, 4) «западной» — Султания—Тебриз — Арзан-аррум (Эрзерум)—Эрзинджан—Сивас—Конья в Малой Азии, 5) «между западом и югом» — Султания—Сава—Кум—Кашан—Исфахан—Йездихаст—Шираз—Киш (остров Персидского залива); последним путем, временами отступая от него, и следовал Афанасий Никитин в 1472 г. Благодаря обилию купцов население Султании было разноплеменным, хотя преобладали персы. О наличии здесь генуэзских и других итальянских купцов можно судить по

тому, что в начале XIV в. сюда был назначен католическим архиепископом Вильгельм Адэ. Католическое архиепископство здесь существовало до начала XV в. При Ольджайту-хане окружность вала Султании равнялась 30 тысячам шагов. Тогда уже в городе был воздвигнут ряд художественных построек, среди которых первое место занимала сохранившаяся и доныне мечеть с гробницей Ольджайту-хана Худабендэ, один из лучших памятников иранского зодчества. Мечеть эта описана Дьелафуа, Зарре и др. В 1386 г. Султания была занята войсками Тимура. В 1404 г. через город проезжал Клавихо, по словам которого купцы из «Малой Индии» (Кермана и юго-восточных областей Ирана) привозили сюда гвоздику, мускатный орех, корицу и лучшие пряности, которые не привозились ни в Сирию, ни в Александрию. Шелк из Гиляна и Шемахи через Султанию вывозили в Сирию и Турцию. Из Шираза в Султанию привозили шелковые и бумажные ткани, тафту и другие товары, из Хормуза — жемчуг, из Хорасана — бумагу и крашеные бумажные ткани. Значение Султании в этот период характеризуется тем, что Тимур, назвав четыре селения под Самаркандом именами четырех величайших городов Передней Азии, дабы подчеркнуть первенствующую роль Самарканда во всем мусульманском мире, одно из этих селений назвал Султанией. От Султании до Хормуза в XV в. считалось 60 дней пути, от Султании до Баку — всего 6 дней, считая и плавание по морю. В XV в. Султания находилась последовательно под властью Тимуридов (до 1452 г.), туркмен Кара-Койюнулу (1452—1469 гг.) и туркмен Ак-Койюнулу (1469—1502 гг.). При взятии Султании туркменами Кара-Койюнулу город был razoren дотла, и в последней четверти XV в. в Султании оставалось всего 7—8 тысяч жителей (Барбаро). Город уступил свое хозяйственное значение Казвину и пришел в полный упадок. В наши дни в Султании не более 400—500 домов, т. е. менее 2500 жителей.

³⁴¹ Теръвиз — Тебриз, Тавриз, у армян Давриж, город в южном (иранском) Азербайджане под 38° с. ш. и 46°15' в. д., на абсолютной высоте 1300 м. В VIII—IX вв. Тебриз был незначительным местечком. В конце X—начале XIII в. был городом средней величины. Расцвет его относится к периоду со второй половины XIII в. до начала XVIII в. Город последовательно был столицей монархов из династий: монгольских ханов — Хулагуидов (с 1265 до 1305 г.), Джелайридов (между 1360 и 1386 гг.), Кара-Койюнулу (с 1410 до 1468 г.), Ак-Койюнулу (с 1468 до 1501 г.) и первых Сефевидов (с 1502 до 1548 г.). Клавихо (1404 г.) определяет численность населения Тебриза, с преувеличением, в 200 тысяч домов (т. е. семейств); персидский анонимный автор хроники шаха Исмаила I (начало XVI в.) — в 300 тысяч человек. Хондемир (начало XVI в.) считал Тебриз «населеннейшим из городов обитаемой четвертой части мира». Тебриз лежал на большой «западной» царской караванной дороге; в XV в. здесь был узел ряда других караванных путей, складочное место и перегрузочный пункт торговли товарами стран Переднего Востока: шелком-сырцом грузинским, ширванским, гилянским, шелковыми тканями из Йезда, шерстяными и другими тканями из Алеппо, сук-

[illegible]

Объяснения к карте «Передняя Азия в 1472 г.»

Р и м с к и е ц и ф р ы б е з к р у ж к о в:

I Узбекское ханство	X Владения и вассалы мелика Хормузского
II Государство Тимуридов Мавераннахра (удел Султан-Ахмеда)	XI Независимые княжества Мазандерана
III Государство Тимуридов Хорасана (удел Султан-Хусейна)	XII Ханство Бийя-Пиш
IV Государство белобаранных туркмен (Ак-Койюплу)	XIII Ханство Бийя-Пас
V Османская (Турецкая) держава	XIV Талышское ханство
VI Крымское ханство	XV Духовное княжество ардебильских шейхов Сефевидов
VII Эмирство Караман	XVI Владения Ширваншаха
VIII Эмирство Зулкадар	XVII Эмирство Шеки
IX Египетско-сирийский султанат мамлюков	XVIII Княжество Кайтак

Р и м с к и е ц и ф р ы в к р у ж к а х:

I Царство Кахетия	VII Атабекство Месхетия (Самцхе-саатабаго)
II Царство Картлия	VIII Королевство Кипр
III Царство Имеретия	IX Остров Родос (владение рыцарей-иоаннитов)
IV Княжество Мингрелия	X Генуэзские колонии в Крыму
V Княжество Абхазия	XI Греческое княжество Мантуп в Крыму
VI Княжество Гурия	

● Пункты, через которые проходил Афанасий Никитин

нами из Бруссы и из стран Западной Европы, жемчугом из Ормуза, мускусом, кошенилью, индиго и другими красками. В XIII—XV вв. здесь было много генуэзских и венецианских купцов, имевших с начала XIV в. своих консулов. Тебризские ремесленные мастера (в частности «златошведы» — «зердузан») пользовались славой во всей Передней Азии. Здесь изготавливались шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани (особенно славились шелковые четырехцветные ткани «кассаб-дарьяйи»), парча, шали, ковры, лучший сафьян, ювелирные, серебряные и железные изделия, оружие и т. д. Город был перестроен и расширен при Газан-хане монгольском (1295—1304 гг.), при котором были выстроены новые стены окружностью в 25 тысяч шагов или в $4\frac{1}{2}$ фарсанга (25—27 км). Город был опоясан кольцом садов, орошавшихся 900 каналами и каризами; плоды тебризских садов, особенно виноград и абрикосы, славились во всей Передней Азии. Сады близлежащего района Бавильруд, по словам Хамдаллаха Казвини, считались лучше садов Самарканда, Шираза и Дамаска. Высокохудожественные архитектурные памятники Тебриза XIII—XV вв., по свидетельству источников, не имели себе равных в Иране. Лучшими памятниками считались: мечеть Тадж-ад-дина Алишаха (конец XIII в.), мавзолей Газан-хана и другие постройки (среди них обсерватория и школа «светских наук») этого хана в пригороде Шанб-и Газан (начало XIV в.), мечеть Устад Шагирда (около 1340 г.), великолепная Синяя мечеть, построенная Джеханшахом Кара-Койюнлу в половине XV в., медресе Насрийэ и крытый рынок Кайсарийэ, построенные Узун-Хасаном Ак-Койюнлу (между 1468—1478 гг.). Большая часть этих памятников была разрушена в конце XVI—первой половине XVII в. Во время посещения Афанасия Никитина Тебриз был столицей туркменского государя Узун-Хасана Ак-Койюнлу, который овладел им, разрушив державу Кара-Койюнлу в 1468 г. Сношения Узун-Хасана с Венецией вызвали ряд венецианских посольств, побывавших в Тебризе: Катерино Зено (1471 г.), Джозафа Барбаро (1471—1479 гг.), Амброджио Контарини (1474 г.); описание Тебриза оставили двое последних, а также анонимный венецианский купец (1570 и следующие годы).

³⁴² Асанбег, Узуосанбег — Узун-Хасан или Хасан-бек, сын Али, внук Османа Кара-Юлука, из династии Байяндур, стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу («белобаранных»), царствовал в 1453—1478 гг. В начале своего правления владел Дийярбекром (Верхняя Месопотамия), в 50-х годах XV в. завоевал Армению и Курдистан, в 1467 г. разгромил войско враждебного ему объединения туркменских племен Кара-Койюнлу («чернобаранного», см. прим. 284), в 1468 г. завладел южным Азербайджаном и другими областями державы Ак-Койюнлу. К концу правления Узун-Хасана в составе державы Ак-Койюнлу находились Дийярбекр, Ирак Арабский (Месопотамия), Курдистан, Армения, большая часть Азербайджана до р. Куры на севере и весь Иран, кроме Гиляна и Хорасана; последний оставался в руках Тимуридов. Узун-Хасан был выдающимся полководцем и правителем. При дипломатических сношениях пользовался услугами своей матери Сара-хатун, дипломатический

талант которой заслуживал общее признание в странах Передней и Средней Азии. Узун-Хасан был зятем и союзником последнего трапезундского императора Давида (см. прим. 350). Вел упорную борьбу с османской Турцией (султан Мухаммед II, 1451—1481 гг.); заключил против Турции союз с Венецией и пытался заключить такие же союзы с рядом других европейских государств (Венгрией, Польшей, а также с римским папой). Сношения с Венецией велись через туркменское государство Караман на юго-востоке Азии (см. прим. 347) и королевство Кипр (основано крестоносцами в 1191 г., в 1489 г. присоединено к владениям Венеции); от Венеции Узун-Хасан получал и оружие. Узун-Хасан опустошил часть принадлежавшей Турции Малой Азии, был разбит османскими турками при Терджане (1473 г.). В результате этой победы Турция удержала за собой Малую Азию (об отношениях Узун-Хасана с Тимуридами см. прим. 286). Узун-Хасан умер во время похода в Грузию в январе 1478 г. Узун-Хасан не покидал кочевого образа жизни, и его «орда» (ставка) часто меняла местопребывание.

³⁴³ А на Турьскав — на турецкого султана Мухаммеда II (1451—1481 гг.) из династии Османов, завоевателя Константинополя, Сербии, Албании, Афин, Морей, Трапезунда, Карамана и Крыма.

³⁴⁴ Севасть, Севастея — г. Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, на р. Кызыл-ырмак (т. «Красная река», греч. Галис), на большой «западной» караванной дороге Султания—Тебриз—Конья. Был известен выработкой шерсти.

³⁴⁵ Тохан — Токат, город в Малой Азии под 40°20' с. ш. и 36°30' в. д. И при византийском, и при сельджукском владычестве стратегическое значение Токата было велико благодаря его сильной цитадели Дазимон, расположенной на скале. К османской Турции присоединен в 1392 г. Был опустошен войсками Узун-Хасана в 1471 г.

³⁴⁶ Амасия — Амасья, значительный город в Малой Азии под 40°35' с. ш. и 35°55' в. д., на р. Йешиль-ырмак (т. «Зеленая река», греч. Ирис). Известен мощной цитаделью на скале и рядом архитектурных памятников — античных и мусульманских. Под властью османской Турции находился с конца XIV в. В 1471 г. Амасья была опустошена Узун-Хасаном.

³⁴⁷ Караман — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, названное по имени правившей династии Караман-оглу (около 1223—1487 гг.), занимало территорию древней Ликаонии и Памфилии, а также части Каппадокии и Киликии. Столицей одно время была Конья (Иконий). В XV в. эмиры Карамана чаще всего вели борьбу с османскими султанами Турции, стремясь не допустить расширения владений последних в Малой Азии. В целях борьбы с Турцией караманский эмир Тадж-ад-дин Ибрахим (1425—1463 гг.) вступил в союз с германским императором Сигизмундом (1400—1437 гг.). После отречения Ибрахима от престола династические споры в Карамане дали повод для вмешательства Мухаммеду II османскому и Узун-Хасану Ак-Койюнулу. Первый под-

держал сына Ибрахима, Пир-Ахмеда, а второй другого сына Ибрахима, Исхака. С помощью Мухаммеда II Пир-Ахмед утвердился в Карамане (1465 г.), разбив брата, но затем сам вступил в сношения с Венецией, кипрским королем и Узун-Хасаном. Османы заняли Конью (1467 г.) и большую часть караманских владений. После смерти Пир-Ахмеда (1474 г.) его преемники держались еще в горных ущельях Киликийского Тавра при помощи туркмен Ак-Койюнлу и Венеции, оказывавшей Караману поддержку со стороны Кипра, однако, в конце концов, были вытеснены из своих владений османами.

³⁴⁸ Арцицин — Арзинджан, Эрзинджан (арм. Ерзинка) — город на Армянском нагорье, восточнее Сиваса, на большой «западной» караванной дороге, под $39^{\circ}45'$ с. ш. и $39^{\circ}38'$ в. д.

³⁴⁹ Ръцан — по-видимому, Арцицин, т. е. Эрзинджан.

³⁵⁰ Тренизон — Трапезунд, у турков Трабзон, Тарабузун, город на южном побережье Черного моря, под 41° с. ш. и $39^{\circ}50'$ в. д. В XIII—XV вв. город играл роль большого морского порта. После взятия Константинополя крестоносцами и распада Византийской империи (1204 г.) Трапезунд стал центром так называемой Трапезундской империи, полугреческой, полугрузинской по составу господствующего класса, просуществовавшей с 1204 до 1461 г. (династия Комнинов). Население состояло из греков и картвельских народов — лазов и грузин, православных по вере. Союз трапезундских императоров с туркменскими «белобаранными» (Ак-Койюнлу) государями в XV в. поддерживался брачными связями: дед Узун-Хасана Осман Кара-Юлук был женат на дочери трапезундского императора Алексея, сам Узун-Хасан был женат на дочери императора Калоианна Катерине, по прозванию Деспина-хатун. Распространенное прежде мнение о том, что и мать Узун-Хасана, известная женщина-дипломат Сара-хатун, также была из семьи трапезундских Комнинов, не разделяется новейшими исследователями. Последний трапезундский император Давид (1458—1461 гг.), стесненный османскими турками с суши и с моря, сдал свою столицу Мухаммеду II Османскому. Попытка посредничества со стороны Узун-Хасана Ак-Койюнлу, пославшего свою мать Сара-хатун к Мухаммеду II с миссией отклонить последнего от похода на Трапезунд, не имела успеха. Узун-Хасан, занятый в то время борьбой с туркменами Кара-Койюнлу, не мог оказать военной помощи Трапезунду. Афанасий Никитин прибыл в Трапезунд через 11 лет после перехода города под власть Турции (1461 г.). Турецкое завоевание подорвало благосостояние Трапезунда: только $1/3$ прежнего христианского населения города, и то исключительно из числа ремесленников и городской бедноты, получила разрешение остаться в городе. Остальные жители были частью переселены турками в Константинополь (особенно знать и крупное купечество), частью (юноши и девушки) розданы в качестве рабов турецким войнам. Поэтому около 1472 г. большая часть города находилась в запустении и была необитаема.

³⁵¹ Налон — см. прим. 327.

³⁵² Харчь — ар. «хардж» — «расход», «издержка», «трата», также «пошлина», «налог». Выражение Афанасия Никитина «а золото есми взял на харчь, а дати в Кафе» заставляет предполагать значение «пошлина».

³⁵³ Кафа — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма, под 45° с. ш. и 35° в. д. Город был основан милетскими греками как колония Милета и в античную эпоху был известен (как и потом снова в наши дни) под именем Феодосии. Под именем же Кафы (Καφᾶ) город впервые упоминается в X в. у Константина Багрянородного (*De administrando imperio*, гл. 53). В дальнейшем, вплоть до XIX в., город у европейских и мусульманских авторов постоянно именуется Кафа, Каффа, ал-Кафа. До первой трети XIII в. город принадлежал Византии, затем перешел под власть монголов. Золотоордынским ханом Кафа была отдана в удел Уранг-Тимуру, сыну Туга-Тимура, младшего сына Бату (Батые), внука Чингис-хана. Однако вскоре Кафа была приобретена у Уранг-Тимура Генуэзской республикой (в 60-х годах XIII в.). Генуэзская колония в Кафе, известная под именем *Gazaria*, *Gazzaria*, главное управление которой находилось в Генуе, в XIV—XV вв. процветала. Ибн Батута говорит о Кафе как о порте мирового значения. С 1318 г. в Кафе существовало католическое епископство. Помимо итальянцев-генуэзцев, в Кафе было много армян (в XV в. отмечается сильная эмиграция в Кафу и Крым из Армении, разоренной вконец кочевниками Кара-Койюну), греков и татар; последние жили в особом предместье. В XV в. Кафа постоянно посещалась русскими купцами, приобретавшими здесь товары, привозившиеся сюда с Востока. Около 1470 г. в Кафе было до 80 тысяч жителей. С 1434 г. генуэзская колония в Кафе вынуждена была платить дань крымскому хану. Во время посещения Кафы Афанасием Никитиным (1472 г.) город находился еще в руках генуэзцев, но в 1475 г. Кафа была захвачена турками и вместе с некоторыми районами южного берега Крыма вошла непосредственно в состав владений османской Турции и управлялась особым бейлербеем (пашой).

³⁵⁴ Шубашь — т. «су-башы». В древнейшем значении в некоторых тюркских языках — «военачальник», от «су» — «войско» (в восточных тюркских языках) и «баш» — «голова», «глава». В османской Турции в XIV—XV вв. различались столичные и провинциальные су-башы. Последние были местными феодалами, наделенными ленными владениями (тимар), ведавшими феодальными ополчениями (сипахи) определенных небольших районов и полицейской властью над гражданским населением. Су-башы были подчинены санджакбеем и бейлербеем.

³⁵⁵ Паша — тур., этимология термина исследователями предлагалась различная: от т. «баш» — «голова», от т. «баш-ага» — «старший брат», «господин», от татарск. «баскак» (титул монгольских наместников в XIII—XIV вв.), от п. «пай-и шах» — «подножие царя (шаха)». Наиболее принята предложенная Будаговым этимология от п. «падшах». В Иране этот титул давался независимому государю, в Малой Азии же в XIII—XIV вв. и небольших местных владетельных феодалов именовали «падшахами» или «пашами». В Турецком (Османском) го-

сударстве XV в. уже была известна только форма «паша» как самый почетный из официальных титулов. Значение термина «паша» изменялось. В XV—XVI вв. этот титул присваивался, в частности, наместникам областей — бейлербейм и санджакбейм, которые нередко были крупнейшими местными феодалами. В данном контексте паша — бейлербей.

³⁵⁶ Много зла ми учиниша. Подозрительное и враждебное отношение турецких властей в Трапезунде к Афанасию Никитину объясняется тем, что он прибыл из воевавшей тогда с Турцией туркменской державы Ак-Койюнлу. Турецкие власти заподозрили в Афанасии шпиона Узун-Хасана Ак-Койюнлу. Этим и объясняется строгий обыск и розыски «грамот».

³⁵⁷ Хлам мой весь к собе внесли в город на гору. — Город Трапезунд разделялся на 3 главных района: 1) нижний город (т. Ашаги-хисар) у моря, самый обширный, где было сосредоточено торговое население и приставали иностранные купцы; 2) средний город (т. Орта-хисар) с главной церковью «Богородицы Златоглавой», обращенной турками в мечеть (Орта-хисар-джами); 3) верхний город на горе, окруженной оврагами и скалистыми обрывами, с цитаделью, которая в эпоху Трапезундской империи называлась акрополем или Μεγάλη χόρτη, а при турецком владычестве — Юкары-хисар. Афанасий Никитин, без сомнения, говорит об этом акрополе на горе, внутри которого помещались бывший императорский дворец и государственные учреждения.

³⁵⁸ Чермное море — в данном контексте Черное море.

³⁵⁹ Дория Стимъбольскаа — см. прим. 4.

³⁶⁰ Вонада — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трапезунда.

³⁶¹ Платана — городок и гавань на южном берегу Черного моря к западу от Трапезунда, упоминаемая у Клавихо.

³⁶² Олло ак, олло худо перводегерь — «аллаху хакк» (ар.), аллах, худо переводгар» (ар.-п.) — «бог истина, бог, бог покровитель».

³⁶³ Балыкая — Балаклава, порт у юго-западного берега Крыма. Греческая колония, известная еще в античную эпоху под именем Παλάχιον, позднее была известна под именем Εὐμβόλον, у итальянцев (генуэзцев) — Cembalo или Cembago, у татар и турок — Балыклава, Балыкая. Город оставался в руках местных греков и после монгольского нашествия, но в XIV в. был захвачен генуэзцами. В 1433 г. восставшее греческое население Балаклавы изгнало генуэзцев и передало Балаклаву соседнему греческому князю города Теодоро. В 1434 г. генуэзцы снова взяли было Балаклаву, но не смогли удержать ее в своих руках, понеся в том же году страшное поражение от крымского татарского хана Хаджжи Гирея. Балаклава оставалась под властью местного греческого князя до 1475 г., когда она была взята турками и передана ими во владение крымскому хану.

³⁶⁴ Тъкъръзоф — Гурзуф, на южном берегу Крыма.

³⁶⁵ Дигырь худо, доно, олло переводигирь доно, аминь — искажение п. «Дигер худо данед, аллах переводигер дана, аминь» — «Остальное бог ведает, бог покровитель (букв. «воспитатель») всеведущий, аминь».

³⁶⁶ Смилна рахмам рагым, олло акберь . . . — искаженное ар. «Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахими, аллаху акбар. . .» — «Во имя бога милостивого милосердного, бог величайший. . .»; дальше см. перевод,

³⁶⁷ Иса рухолло — ар. «Иса рух аллах» — «Иисус дух божий», эпитет Иисуса Христа («Иисус — слово и дух бога») в Коране, в котором, возможно, отразилось здесь христианское учение о логосе — «боге-слове»; однако, тем не менее, в исламе Иисус признается не воплощением бога, а только одним из величайших пророков (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед). — Дальше см. перевод.

³⁶⁸ Тюркские фразы и выражения в тексте «Хождения» трудно отнести к какому-либо одному из тюркских языков. Это своего рода волапюк или макаронический язык, в котором, по компетентному мнению советских тюркологов — члена-корреспондента Академии наук СССР С. Е. Малова и члена-корреспондента Академии наук УзбССР А. К. Боровкова, смешаны лексические и грамматические формы татарского (поволжского) и староузбекского (чагатайского) языков, с некоторыми хорезмийскими лексическими формами, отчасти и других тюркских языков, с примесью также арабских и персидских слов и целых фраз. Этому обстоятельству можно дать двойное объяснение: 1) либо (что вероятнее всего) Афанасий Никитин еще до своего путешествия 1466—1472 гг. бывал по торговым делам в татарских городах Поволжья, где в XIII—XV вв. всегда было много хорезмийских купцов и где упомянутый тюркский смешанный язык служил разговорным языком в купеческой среде; там именно и мог изучить его Афанасий Никитин; а в Азербайджане и Иране был в ходу, наряду с персидским, также другой язык тюркской системы — азербайджанский; 2) либо Афанасий Никитин усвоил упомянутый тюркский волапюк уже во время пребывания в Иране и Индии, где было в то время много купцов и военных людей из Средней Азии («Чагатайской земли»). Наряду с упомянутым выше тюркским языком, Афанасий Никитин, видимо, достаточно свободно владел и разговорными иранскими — персидским и таджикским — языками; возможно, последний язык он изучил еще до своего путешествия 1466—1472 гг., если ему приходилось ранее ездить в Среднюю Азию. Арабских слов в «Хождении» довольно много — до 280, но все они приводятся как элементы, вошедшие в иранские, либо в тюркские языки. Арабского языка Афанасий Никитин, видимо, не знал (Завадовский). Равным образом, не видно, чтобы Афанасий Никитин изучил какой-либо из северо-индийских (индо-арийских) или дравидийских языков. Никитин во время пребывания в Индии, вращаясь почти постоянно в мусульманской среде, мог обходиться персидским и тюркскими языками. Преобладающим у индийских мусульман (в придворной, военной и городской среде) разговорным языком был персидский; у Ибн Батуты приведено много персидских фраз, слышанных им в Индии. Литературным языком индийских мусульман в то время был также персидский.

И. П. Петрушевский.

БИБЛИОГРАФИЯ

И з д а н и я т е к с т а

- П. М. С т р о е в. Софийский временник, ч. II. СПб., 1821, стр. 145—164.
- И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 170—182.
- С о ф и й с к и е летописи. ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 330—358.
- Л ь в о в с к а я летопись. ПСРЛ, т. XX, первая половина, Львовская летопись, часть первая, СПб., 1910, стр. 302—313.
- Х о ж е н и е за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под редакцией академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 9—50.
- Афанасий Н и к и т и н. Хождение за три моря. С переложением ритмической речью, предисловием и комментарием Н. Водовозова. Гослитиздат, М., 1950.

И с с л е д о в а н и я и с т а т ь и

- И. И. С р е з н е в с к и й. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Ученые записки второго отделения АН, т. II, вып. 2, СПб., 1856, стр. 225—307.
- И. М и н а е в. Старая Индия. Заметки на Хождение Афанасия Никитина. СПб., 1882 (оттиск из ЖМНП за 1881 г., ч. 215—216, июнь—июль).
- А. В. В а с и л ь е в. Афанасий Никитин и его Хождение за три моря. Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Казанском университете, V, Казань, 1900, 10 стр.
- А. Е. Л ю б и м о в. Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина (1466—1472 гг.). «Восточный сборник» Общества русских ориенталистов, кн. 2, СПб., 1916.
- И. Ю. М а р к о н. Страна «Шабат» в Хождении за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. Труды Белорусского государственного университета в Минске, № 2—3, 1922, стр. 304—325.
- Н. С. Т р у б е ц к о й. Хождение Афанасия Никитина как литературный памятник. «Версты», Париж, 1926, № 1.

- П. Н. С а в и ц к и й. Из прошлого русской географии. Периодизация истории русских открытий. Научные труды Народного университета, т. IV, Прага, 1931, стр. 5—6.
- В. Я к у б о в и ч. Афанасий Никитин. Наука и техника, 1937, № 3.
- В. С а м о й л о в. Афанасий Никитин («Хождение за три моря»). Наша страна, 1938.
- Н. И. В о р о б ь е в. «Хождение за три моря». Ученые записки Казанского государственного педагогического института, вып. I, Казань, 1938, стр. 108—129.
- В. В. Б о г д а н о в. Накануне 475-летия путешествия Афанасия Никитина в Персию и Индию. «Землеведение», сборник Московского общества испытателей природы, т. I, (№ 41), М., 1940.
- Р. Т е р е г у л о в а. Хождение Афанасия Никитина как памятник русского литературного языка XV века. Ученые записки Тамбовского государственного педагогического института, вып. I, Тамбов, 1941.
- А. М и х а й л о в. Первый русский путешественник в Индию. Литературная газета, 1943, № 7 (858), 7 февраля.
- В. В. Б о г д а н о в. Путешествие Афанасия Никитина. Известия Всесоюзного географического общества, т. 74, вып. 6, 1944.
- Walter K i r c h n e r, The American Slavic and East Europea Review, т. V, № 14—15, 1946, стр. 46—54.
- В. Д. И в а н о в. Система суффиксных словообразований в «Хождении» Афанасия Никитина. Русский язык в школе, 1946, № 5—6, стр. 91 (сообщение о докладе).
- К. К у н и н. Путешествие Афанасия Никитина. Географгиз, М., 1947.
- Рецензия:*
Г. П. Б о г о я в л е н с к и й. Советская книга, 1948, № 7, стр. 29—33.
- М. А. И л ь и н. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Историко-архивного института, т. III, Кафедра истории СССР, М., 1947, стр. 43—51.
- М. А. И л ь и н. Афанасий Никитин. В книге: Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники, т. I, М.—Л., 1948, стр. 515—524.
- В. Д. И в а н о в. Система суффиксального образования в «Хождении» Афанасия Никитина» (к истории русского языка XV столетия). Ученые записки Московского государственного университета, вып. 137, Труды Кафедры русского языка, кн. 2, 1948, стр. 122—128.
- Х о ж е н и е за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. Под редакцией академика Б. Д. Грекова и члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Серия «Литературные памятники» АН СССР, изд. АН СССР, М.—Л., 1948, 227 стр.

Рецензии:

- А. И. А н д р е е в, Вестник АН СССР, 1949, № 6, стр. 148—151.
Н. М. Г о л ь д б е р г, А. Н. М а л ь ц е в, А. М. О с и п о в, Советская книга, 1949, № 3, стр. 64—73.
А. А. З и м и н, Вопросы истории, 1949, № 7, стр. 140—143.
Э. М у р з а е в, Известия Всесоюзного географического общества, т. 81, вып. 2, 1949, стр. 263—265.
М. Н. Т и х о м и р о в, Новый мир, 1949, № 5, стр. 299—301.
А. Н у л ь м а н, Уральский рабочий, 1949, 15 сентября.
- М. В и т а ш е в с к а я. Путешествие за три моря Афанасия Никитина. Госиздат. географ. литературы, М., 1949, 123 стр.
- М. Н. В и т а ш е в с к а я. Афанасий Никитин. Под ред. М. С. Боднарского, Географгиз, М., 1949, 36 стр.
- Л. С. Б е р г. Великие русские путешественники. Детиздат, М.—Л., 1950, стр. 7—32.
- Афанасий Н и к и т и н. Хождение за три моря. С переложением ритмической речью, предисловием и комментарием Н. Водовозова, Гослитиздат, М., 1950, 184 стр.
- С. Е. М а л о в. Тюркизмы в старорусском языке. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, 1951, вып. 2, стр. 201—203.
- А. М. О с и п о в, В. А. А л е к с а н д р о в, Н. М. Г о л ь д б е р г. Афанасий Никитин и его время. Школьная историческая библиотека, Учпедгиз, М., 1951, 190 стр., изд. 2-е испр. и дополн., Учпедгиз, М. 1956, 215 стр.
- Г. П. У х а н о в. Синтаксис «Хождения Афанасия Никитина за три моря». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, АН СССР, Институт языкознания, Калинин, 1952, 9 стр.
- В. Л е с н ы. Одна из проблем в путешествии Афанасия Никитина «Хождение за три моря». Archiv Orientalni, Journal of the Czechoslovak oriental institute, Prague, t. XX, № 1—2, 1952, стр. 226—227.
- A t a n a z y N i k i t i n. Wędrowka za trzy morza. Przełożyła H. Wilman-Grabowska. Opracowali Wiktor Jakubowski i H. Wilman-Grabowska. Biblioteka narodowa, Seria II, № 72, Wrocław, (1952), CXXVII — 55 стр.
- Ю. Н. З а в а д о в с к и й. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472 гг.). Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР, Ташкент, вып. 3, 1954, стр. 139—145.
- М. Н. В и т а ш е в с к а я. Афанасий Никитин. Серия «Замечательные географы и путешественники», второе издание, Географиздат, М., 1955, 36 стр.
- Н. В. В о д о в о з о в. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. Издательство «Знание», М., 1955, 32 стр.
- М. А. И л ь и н. Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1955, 46 стр.

С. Н. М а р к о в. По следам Афанасия Никитина. Литературная газета, 1955, 24 декабря.

И с т о р и я русской экономической мысли, т. I, IX—XVIII вв. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. И. Пашкова, М., 1955, стр. 92—99.

Д. М. Л е б е д е в. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. АН СССР, Институт географии, М., 1956, стр. 164—198.

И. П. М а г и д о в и ч. Очерки по истории географических открытий. Учпедгиз, М., 1957, стр. 81—84.

А. А. З и м и н. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина. Труды ОДРЛ, т. XIII, М.-Л., 1957, стр. 437—439.

Л и т е р а т у р н ы е о б р а б о т к и

К. К у н и н. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. Историческая повесть. Гос. Издат. детск. литер. М.—Л., 1947, 116 стр.

М. М у р а т о в. К далеким берегам. Рассказы о старинных русских путешествиях. Гос. Издат. детск. литер., М.—Л., 1947.

Вл. П р и б ы т к о в. Тверской гость. Повесть о путешествии Афанасия Никитина в Индию. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 374 стр.

П е р е в о д ы

Д. И. Я з ы к о в. Reise nach Indien unternommen von einem Russischen Kaufmann im 15 Jahrhundert. Dorpater Jahrbücher für Literatur, в. IV, Leipzig, 1835, XLVIII, стр. 481—502. (Пересказ текста, изданного П. М. Строевым).

R. H. M a i o r. India in the Fifteenth Century being a collection of Narratives of voyages to India. Printed for the Hakluyt Society, London, 1857. (Перевод Троицкого списка, сделанный Виельгорским).

Karl H. M e y e r. Die Fahrt des Athanasius Nikitin über die drei Meere. Reise eines russischen Kaufmanns nach Ostindien 1466—1472. Leipzig, 1920. 48 стр. (В серии «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte», herausg von K. Stählin, Ost-Europa Verlag, Berlin).

Рецензия:

M. V a s m e r, Zeitschrift für slavische Philologie, 1925, т. II, стр. 577,

V. L e s ů y. Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře. Přípravit Vincenc Lesný. Slovanské nakladatelství, Praha, 1951, 111 стр.

Рецензия:

Т. С. К а р с к а я. Хождение за три моря Афанасия Никитина (о переводе на чешский язык). Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 476—478.

H. W i l m a n - G r a b o w s k a. В книге: Atanasy Nikitin. Wędrówka za trzy morza. Biblioteka narodowa, Seria II, № 72. Wrocław (1952), стр. 3—55.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

аз.	— азербайджанское слово.	п., перс.	— персидское слово или выражение.
ар.	— арабское слово или выражение.	п.-ар.	— персидско-арабское (сложное) слово или выражение
ар.-п.	— арабо-персидское (сложное) слово или выражение.	рус.	— русское слово.
ар.-т.	— арабо-тюркское (сложное) слово или выражение.	санскр.	— санскритское слово.
г. н. э.	— год нашей эры.	т.	— тюркское слово (встречающееся в разных тюркских языках).
г. х.	— год хиджры.	т.-монг.	— тюрко-монгольское слово
монг.	— монгольское слово.	тур.	— турецкое (османское)

АН СССР

— Академия наук СССР.

БЛ

— Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

ГИМ

— Государственный исторический музей.

ГПБ

— Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ИВ АН

— Институт востоковедения Академии наук СССР.

ИВ АН УзССР

— Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР (бывш. Институт восточных рукописей, в Ташкенте).

ОРЯС

— Отделение русского языка и словесности Академии наук.

ЦГАДА

— Центральный государственный архив древних актов.

Абд-ар-рашид Бакуви

— Kītāb tальхй̄с ал-āс-ār. Exposition de ce qu'il y a de plus remarquable, par Abdorraschid. . . traduction française par M. de Guignes, Notices et extraits de la Bibliothèque du roi, t. X, Paris, 1789, стр. 386—545.

- Абд-ар-реззак Самарканди — Матла'-ас-са'дайн. Notices et extraits de la Bibliothèque du roi, t. XIV, part 1, Paris, 1941, (перс. текст и французский перевод).
- Абу-л-Касим 'Абдаллах ибн 'Али Кашани — Jawahir al-'arais (персидский текст и немецкий перевод). В книге: Orientalische Steinbücher und persische Fayencetechnik, von H. Ritter, J. Ruska, F. Sarre, R. Winderlich, Istanbul, 1935.
- 'Айин-и Акбари — The Ain-i Akbari by Abu-l-Fazl-Allami. Edited in the original persion by H. Blochmann, vol. I—II, Baptist mission press, Calcutta, 1872—1877.
- Анджолелло — Hakluyt series, vol. 49.
- Анонимный венецианский купец — A narrative of Italian travels in Persia in the XV and XVI centuries, translated by Ch. Grey, Hakluyt series (I), vol. 49 (part 1—2), London, 1873 (английский перевод записок Барбаро, Анджолелло и др.; см. ниже).
- Анонимный персидский географ — Худуд-ал-алем, рукопись Туманского, фототипич. изд. перс. текста, с введением В. В. Бартольда. Л., 1930.
- Бабур-намэ — Mémoires de Baber... traduits... par A. Pavet de Courteille, tt. I—II, Paris, 1871.
- Барбаро Иосафат — Hakluyt series, vol. 49.
- Барбоса, Дуарте — The Book of Duarte Barbosa, vol. I—II. Hakluyt series (II), vol. 24, 29, London, 1918.
- Бальдензель Вильгельм — Baldensel W. Hodoeporicon ad Terram Sanctam Ingolstadt, 1601.
- Бартольд. История изучения — В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 2-е, Л., 1925.
- Бартольд. Место — В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
- BGA — Bibliotheca geographorum Arabicorum, edidit M. I. de Goeje, Lugdunum Batavorum.
- Будагов — Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II. СПб., 1867—1871.
- Вартема — The travels of Lodovico Varthema, translated by Jones, Hakluyt series (I), vol. 32, London, 1863.
- Вассаф — Таджзийат ал-амсар ва тазджийат ал-а'сар, литограф. изд. перс. текста, Бомбей, 1269 г. х. (1853 г. н. э.).
- Vullers, LPL — J. Vullers. Lexicon Persico-Latinum etymologicum, tt. I—II, Bonnae ad Rhenum, 1855.

- Дастур ал-катиб — Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (сборник персидских официальных документов Джелаиридской династии, около 1358 г. н. э.), рукопись ИВ АН (Ленинград), без № — копия венской рукописи F=185, составленная В. Г. Тизенгаузеном (не издано).
- Джа'фари — В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов (персидский текст Джа'фари, русский перевод и статья), Записки ИВ АН, т. V, 1935.
- Димишки — *Cosmographie de Chems-ed-din... Dimichqi, texte arabe, publié... par A. F. Mehren, SPb., 1866.*
- Дьелафуа — J. Dieulafoy. *La Perse, la Chaldée la Susiane, relation du voyage. Paris, 1887.*
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- Завадовский — Ю. Н. Завадовский. К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Аф. Никитина. Труды ИВ АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954.
- Закария Казвини — 'Аджаиб-ал-махлукат. *Zakarija el-Qazwini's Kosmographie, herausgegeben von F. Wüstenfeld, изд. арабск. текста, тт. I—II, Göttingen, 1848—1849.*
- Зарре — F. Sarre, B. Schulz und G. Krecher. *Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901—1910.*
- Зосима диакон — Православный палестинский сборник, т. VIII, вып. 3. СПб., 1889.
- Ибн Батута — *Les voyages d'Ibn Bâtoutah, édite et traduite par Défremery et Sanguinetti, vol. I—IV, Paris, 1851—1854 (арабский текст и французский перевод).*
- Ибн Хурдадбех — *Kitab al-masalik wa'l-mamalik, auctore Abu'l-Qasim... ibn Khordadbeh. Lugdunum Batavorum, 1889 (BGA, t. VI, изд. арабского текста)*
- Идриси — *Géographie d'Idrisi. Traduite de l'arabe en français par A. Jaubert, vol. I—II, Paris, 1836—1840.*
- Истахри — *Viae regnorum... auctore Abu Ishaq al-Istakhri Lugdunum Batavorum, 1870 (BGA, t. I, изд. арабского текста).*
- История Исфохана — Хусейн ал-Ави, Тарджумэ-и махасин-и Исфохан, изд. персидского текста 'Аббаса Икбаля, Тегеран, 1328 г. х. солнечной (1950 г. н. э.).
- Казвини Закария — см. Закария Казвини.

- Казвини Хамдаллах
Клавихо — см. Хамдаллах Казвини.
— Рюи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Изд. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (испанский текст, русский перевод и примечания).
- Контарини (Амвросий)
Конти Николо — Hakluyt series (1), vol. 49.
— India in XV century, being a collection of narratives of wyages, edited by R. H. Mayor. Hakluyt series (I), vol. 22, London, 1857.
- Косма Индикоплов — Topographia. Ed. with geographical notes by Winstedt, 1909.
- Косма Индикоплов
Лесны — Topographia Migne. Patrologia graeca, t. LXXXVII.
— В. Лесны. Одна из проблем в путешествии Афанасия Никитина «Хождение за три моря». Archiv Orientalni, Journal of the Czechoslovak oriental institute, т. XX, № 1—2, Praga, 1952, стр. 226—227.
- Макензи — Mackenzie C. C. Account of the pagoda at Perwuttum. Asiatic Researches, vol. V, London, 1801.
- Малов — С. Е. Малов. Тюркизмы в старорусском языке. Известия АН СССР, Отделение языка и литературы, т. X, вып. 2, М.—Л., 1951.
- Мас'уди — Maçoudi. Les prairies d'or, texte arabe et traduction française par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, vol. IX, Paris, 1861—1877.
- Марко Поло — см. Поло Марко.
- Махмуд Кашгарский — Диван лугат ат-тюрк, тт. I—III. Истамбул, 1333—1335 г. х. (1915—1917 гг. н. э.).
- Minorsky — Hudud al-alam. The regions of the world, a Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D., translated and explained by V. Minorsky, G. M. S. (New series), XI, London, 1937 (английский перевод «Худуд-ал-алем» с комментарием В. Ф. Минорского).
- Минаев — И. П. Минаев. Старая Индия. Заметки на Хождение Аф. Никитина. СПб., 1882.
- Миронов — Н. Д. Миронов. О статье Sieg'a и Sieglina'a «Tocharisch, die Sprache der Indoskythen». Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX, СПб., 1919.
- Мукаддаси (Макдиси) — Descriptio imperii Moslemici auctore... al Moqaddasi. Edidit M. J. de Goeje, Lugdunum Batavorum, 1872 (BGA, t. III, изд. арабского текста).

- Одорик из Порденоне — *Les voyages en Asie en XIV siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux d'ordre de St. François. Paris, 1891 (изд. старофранцузского текста).*
- Поло Марко — Путешествие Марко Поло. Перевод старофранцузского текста И. П. Минаева, под ред. В. В. Бартольда, СПб., 1902.
- Поп — A. U. Pope. A survey of Persian art, vol. II, Islamic architecture, pottery, calligraphy. Oxford University press, London, 1939.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Радлов, ОСТН — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1888—1911.
- Рамстедт — Ramstedt Dr. Die Zahlwörter in den altaischen Sprachen. Journal de la Société Finno-Ougrienne, vol. XXIV.
- Рашид-ад-дин — Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III. Русский перевод А. К. Арендса, изд. ИВ АН, М.—Л., 1946.
- Рашид-ад-дин, переписка — Мукатабат-и Рашиди. Изд. перс. текста проф. Хан Бахадура Мухаммеда Шафи, Лахор, 1947.
- Савваитов — П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.
- Срезневский — И. И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1887 (2-е изд.; 1-е изд., Ученые записки Второго отдел. АН, т. II, вып. II, СПб., 1866).
- Стефан Новгородец — Хождение. Сказания русского народа, т. II, изд. И. П. Сахарова, 1849.
- Тавернье — *Lex six voyages du Tavernier. Paris, 1692.*
- Толстов — С. П. Толстов. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан. Советская этнография, 1946, № 2.
- Труды ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
- Фалахат — Китаб-и 'ильм-и фалахат ва зира'ат, литограф. изд. персидского текста 'Абд-ал-гаффаара Наджм-ад-доулэ, Тегеран, 1323 г. х. (1905 г. н. э.).
- Фериштэ — Тарих-и Фериштэ, литограф. изд. персидского текста, Бомбей, 1831.
- Hakluyt series — Works issued by the Hakluyt Society, series I and II, London.

- Хамдаллах Казвини — The geographical part of the Nuzhat-al-qulub composed by Hamd-Allah Mustawfi of Qazwin, edited by G. Le Strange, Gibb memorial series, vol. XXIII (1—2), Leyden—London, 1915 (персидский текст и английский перевод).
- Хафиз-и Аbru — географический труд (без заглавия, не издан), рукопись ИВ АН УзССР (Ташкент), № 5361 (перс.).
- Худуд-ал-алем — см. Анонимный персидский географ.
- Цезарь Фредерик — Hakluyt series (I), vol. 2, London, 1810.
- Шемс-и Сирадж Афиф — Н. М. Elliot. History of India as told by its own historians edited by prof. J. Dowson, vol. III, London, 1869.
- Шихаб-ад-дин — Н. М. Elliot. The history of India as told by its own historians, vol. III. London, 1869 (английский перевод).
- Эвлийя Челеби — Narrative of travels in Europe, Asia and Africa by Evliya (Čelebi) Efendi. Translated by J. Hammer, vol. II, London, 1850.
- ЕI — Encyclopédie de l'Islam, publié par le concours des principaux orientalistes par Th. Houtsma, R. Basset, T. W. Arnold, H. Bauer, vol. I—IV et Supplements, Leyde — Paris, 1913 (или параллельные издания на немецком и английском языках).
- Юль — Yule Henry. Cathay and the Way thither... Hakluyt Society, London, 1866.
- Юль, Марко Поло — Yule Henry. The book of sir Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and marvels of the East. London, 1903.
- Якут — Jacut's geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Bd. I—VI, Leipzig, 1866—1870 (арабский текст и указатели).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аберкух, см. Верх
Абескунское море, см. Дербеньское море
Абиссиния, см. Ефиопская земля
Абхазия 235
Адам (Баба Адам, Отец Адам, Пик Адам, Серендиб), пик 21, 42, 61, 81, 228, 230
Аден, город 203
Аджанта, город 119
Азербайджан (Азербайджанская ССР) 93, 192—194, 202, 236, 243, 246, 251
Азия 103, 104, 247
Азтархань (Азътархан, Азътархань, Асторохань, Асторохонь, Астрахань, Хаджи-Тархан, Хазтарахан, Хазтархань, Хазъторохань, Хазъторохонь), город 11, 12, 34, 53, 71, 93, 94, 102, 175, 190, 191, 215
Ак-Койюнлу (Орда Асанбега [Асанбѣ]), госуд. «белобаранных» туркмен 29, 49, 67, 89, 196, 198, 199, 215, 236, 240—243, 246—248, 250
Ал-Кафа, см. Кафа
Албания 247
Александрия, город 243
Алеппо, см. Ляп
Альбурс, горн. хр. 195
Алянд (Алланд, Алядинанд), город 16, 38, 57, 76, 100, 215, 216
Амасия (Амасья), город 29, 49, 67, 89, 247
Амиль (Амоль, Амуль), город 13, 54, 73, 196
Аминдрие (Аменьдрие, Аминдрие, Камендрея, Камендрие, Камендрѣя), город 28, 49, 65, 88, 239
Аму-Дарья, р. 211
Аннам, обл. в Индо-Китае 228
Апшеронский (Апшерон) п-ов 194
Арабстан (Арабистан, Арабъстан, Аравийская земля, Аравийский п-ов, Аравия, Орабаньская [Орабанская] земля, Орапская земля, Оробстан, Оръобъстань, Остания, Остань, Рабаст, Робастань, Робостань) 14, 21, 24, 36, 42, 45, 46, 55, 60, 63, 74, 81, 84, 93, 155, 157, 203, 206, 208, 211, 218, 229, 234
Аравия, см. Арабстан
Аральское море 187
Ардебиль, город 242
Ареш, город 193
Арзан-ар-рум (Эрзерум), город 242
Арзинджан, см. Арцицин
Армения 236, 246, 249
Армянское нагорье 248
Арцицин (Арзинджан, Арцыцин, Ерзинка, Ерзинкъ, Орцыцан, Ръцан, Эрзинджан), город 29, 49, 67, 89, 242, 248

- Астерабад (Астрабад), город 191, 215
 Асторохонь [Асторохань], см. Азтархань
 Астрахань, см. Азтархань
 Афганистан, см. Шавруково царство
 Афины, город 247
 Африка 103, 144, 149, 214, 227
 Ахмедабада, госуд. 160
 Ахмеднагар, госуд. 218, 239
 Ахтуба, р. 189, 190
- Баба Адам, см. Адам
 Бабыль [Бабиль], см. Дабыль
 Бавильруд, город 240, 246
 Багдад, см. Вавилон
 Бадахшан, горы 211
 Бака (Баку, Бакуих, Бакуйя, Мяр, Ваши, Васи), город 13, 24, 45, 54, 63, 73, 84, 187, 191, 193—195, 234, 243
 Бакинское море, см. Дербеньское море
 Балх, город 211, 242
 Балыкая (Балаклава, Баликая, Балыклава, Sembalu, Sembaru), город 29, 50, 67, 89, 250
 Банкапур, город 154
 Басра, город 198
 Бахманидское царство (Бахманидский султанат, Государство Бахманидов) 5, 6, 107, 108, 116, 119, 121, 125, 147—154, 156, 158—160, 214—217, 221, 238, 239
 Бахр-и Ференг [Фиринг], см. Черное море
 Бахр-и Хинд [Хиндустан], см. Индейское море
 Бахрейн, см. Катобагряим
 Бегунский полоз, см. Бугунь
 Бедерь (Бедер, Бидар, Деберь), город 15—18, 20—27, 37—39, 41—48, 56—65, 75—78, 80—87, 97, 118—120, 123, 124, 147, 153, 154, 160, 165, 213—218, 220, 221, 231, 232, 237, 239
 Бельгаум (Белгаум), креп. 218, 239
 Бенгалия (Бенгал), обл. 147, 202
 Бендерь, см. Гурмызское пристанище
 Берар, обл. 153, 158, 160, 217, 218
 Берекезаны (Берекезан), местн. в дельте Волги 11, 53, 71, 190
 Бидар, см. Бедерь
 Биджанагар, см. Чюнедар
 Биджапур, город 154, 157, 158, 160, 218, 220, 239
 Бикурд, см. Бугурд
 Бинедарь, см. Чюнедар
 Бирма, госуд. 223, 228, 231
 Бихар, обл. 145
 Биченегир [Биченѣгирь, Биченѣгѣрь], см. Чюнедар
 Ближний Восток 143, 198, 230, 241
 Богунь, см. Бугунь
 Бодата, город 45
 Большая Иранская пустыня (Дешт-и Кевир) 198, 211
 Бомбей, город 207—209, 226
 Бонтус, см. Черное море
 Брусса, город 198, 246
 Бугунь (Бегунский полоз, Богунь), мель 12, 34, 54, 72, 191
 Бугурд (Бикурд), креп. 194
 Бузан (Бузань), рукав Волги 11, 33, 53, 71, 190
- Вавилон (Багдад, Вавилонь), город 24, 45, 63, 84, 234, 242
 Валахия, см. Волоская земля
 Варангал (Варангала), город и обл. 148, 154, 159, 220
 Велерг, см. Верх
 Венгрия 247
 Венеция (Венецианская республика 246—248

- Верамин, местечко 197, 242
 Верх (Аберкух, Велерг, Верг), город 29, 49, 67, 89, 240
 Верхняя Месопотамия, см. Дийярбекр
 Виджаянагар [Виджаянагарское царство], см. Чюнедар
 Византия [Византийская империя], см. Рум
 Виндхья, горы 144, 213
 Волга р. 11, 12, 33, 34, 53, 71, 72, 126, 128, 170, 190
 Волоская [Волошская] земля (Валахия, Румыния) 25, 45, 64, 84, 93, 235
 Вонада (Вонара), мыс 29, 50, 67, 89, 250
 Восточная Европа 191, 203
 Восточно-Римская империя, см. Рум
 Восточный Туркестан, см. Кашгария
 Вятка, город 190

 Гавиль, наместничество 220
 Галат, см. Голат
 Галис, см. Кызыл-Ырмак
 Ганг, р. 146, 147, 228
 Генуя (Генуэзская республика) 249
 Генуэзская колония (Gazaria, Gazaria) 249
 Гилянское море, см. Дербеньское море
 Гилян (Гилян), город 24, 45, 63, 84, 156, 195, 218, 234, 243, 246
 Главный Кавказский хребет 191
 Гоа, город 153—155, 157, 158, 218, 226
 Годавери, р. 152, 213
 Голат (Галат, Калат, Калата, Калхат), город 20, 41, 60, 80, 206, 207, 226
 Голконда, см. Калика
 Гондустанская дория [гори, дорей], см. Индейское море
 Грузия [Грузинская земля], см. Гурзыньская земля
 Гуджерат [Гуджератская обл., Гуджарат, Гузерат], см. Кужзрят
 Гульбарга, см. Кельберг
 Гондустанская земля (Гондостан, Гондустанская земля, Гундустан, Гундустань, Гундустан бесерменьский, Густаньская земля) 15—17, 20, 22, 23, 25, 37, 38, 41, 43, 45, 46, 56, 57, 60, 63, 64, 117, 147, 165, 177, 188, 214, 216, 226
 Гурзен, см. Гурзыньская земля
 Гурзуф, см. Тькъръзоф
 Гурзыньская земля (Грузинская земля, Грузия, Гурзен, Джурзан) 25, 64, 84, 93, 180, 235, 247
 Гурия, грузинское кн-во 235
 Гурмызское пристанище (Бендерь, Гурмыз, Гурмызская земля, Дарал-аман, Муг-астан, Негостань, Новый Хормуз, Обитель безопасности, Ормуз, Старый Хормуз, Хармуз, Хурмуз), порт 13, 20, 21, 23—25, 28, 29, 35, 41, 44, 45, 49, 54, 55, 60, 62—64, 66, 67, 73, 80, 81, 83—85, 88, 96, 97, 105, 106, 127, 173, 174, 180, 181, 198, 199, 202, 203, 206, 207, 214, 226, 227, 229, 233, 238, 240, 243, 246
 Гюлистан, креп. 194

 Дабыль (Бабиль, Бабыль, Дабиль, Дабул, Дабхол, Дабыло, Дибул), город 20—22, 28, 41—43, 49, 60, 66, 80—82, 88, 124, 153, 155, 157, 167, 206, 218, 226, 229, 239
 Давриж, см. Теръвиз
 Дагестан 192, 193
 Дазимон, креп. 247
 Дамаванд, см. Димовант
 Дамаск, см. Шам

Дар-ал-аман, см. Гурмызское пристанище

Даулатабад (Даулетабад, Деогери), наместничество и город 145, 146, 148, 153, 154, 158, 217, 220

Двуречье, обл. 147

Деберь, см. Бедерь

Дега (Двипа, Дегу, Диу, Дѣгу, Dehar, Dezat), город 13, 20, 35, 41, 55, 60, 73, 80, 167, 206, 207, 226

Дейлем, горн. страна 234

Дели, город 145—147, 226

Делийский [Дехлийский] султанат (Делийское госуд.) 143, 147—149, 214, 217

Декан (Dakehina, Dakkan, Dakkinabadha), плоскогорье, Бахманидское госуд. 145, 146, 148, 149, 152, 153, 159, 208, 209, 213—215, 217, 221, 239

Демавенд, см. Димовант

Деогери, см. Даулатабад

Дербеньское море (Каспий, Хвалитская дория [doria], Абескунское, Бакинское, Гилянское, Дербендское, Дербентское, Джурджанское, Каспийское, Табаристанское, Хазарское, Хвалынское, Хорезмийское, Хоросанское море) 11, 33, 53, 71, 96, 168, 187, 191, 192, 194, 195, 215, 233, 234

Дербеньт (Дербенд, Дербент, Дербеньт), город 12, 13, 34, 54, 72, 73, 126, 127, 173, 191—193, 242

Дешт-и Кевир, см. Большая Иранская пустыня

Дешт-и Кыпчак, см. Золотая Орда

Джава [Джават], см. Ява

Джамны, р. 147

Джаунпур, обл. 147

Джераун, о. 202

Джидда, см. Жидда

Джунир [Джунейр, Джуннар], см. Чюнейрь

Джурджанское море, см. Дербеньское море

Джурзан, см. Гурзынская земля

Дибул, см. Дабыль

Диес, см. Ездей

Дийярбекр (Верхняя Месопотамия), обл. 246

Димашк-аш-Шам, см. Шам

Димовант (Дамаванд, Демавенд, Димавенд), гора и местечко 13, 54, 73, 196

Диу, см. Дега

Днестр, р. 235

Дарья-и Хиндустан, см. Индейское море

Дрей, см. Рей

Дѣгу, см. Дега

Европа 103, 104

Египет, см. Мисюръ

Ездей (Диес, Езд, Ездея, Ездъ, Ездъ, Йезд, Ёзд), город 13, 24, 25, 29, 45, 49, 54, 64, 67, 73, 84, 85, 89, 96, 198, 234, 241, 243

Ерзинка [Ерзинкъ], см. Арцицин

Ерусалим (Иеросалим, Иерусалим, Иерусалим), город 18, 19, 40, 58, 59, 78, 79, 112, 223, 224

Ефиопская [Ефиопская] земля (Абиссиния, Эфиопия) 29, 49, 66, 88, 97, 227, 240

Ефиопския [Ефиопския] горы 28, 49, 66, 88, 240

Ефиопская помория, приморские области 28, 49, 66, 88

Жидда (Джидда), город 45, 63, 84, 203, 234

Жуннар, см. Чюнейрь

- Закавказье 191
 Занзибар, см. Зиндж
 Западная Азия 203, 231
 Западная Европа 99, 103, 215, 227, 230, 231, 246
 Западная Русь 133
 Зеленая река, см. Ирис
 Зендэруд, р. 241
 Зирендж, город 198
 Зиндж (Занзибар), госуд. 227
 Золотая Орда (Дешт-и Кыпчак, Орда), госуд. 11, 33, 34, 53, 71, 127, 129, 189, 190, 202
- Иерусалим [Иеросалим], см. Ерусалим
 Иконий, см. Конья
 Имеретия, грузинское царство 235
 Инд, р. 103, 146
 Индейская земля (Индейская [Индийская, Индѣйскаа] страна, Индейское [Индѣйское] княжение, Индейское царство, Индия [Индеа, Индѣя, Ындѣя], Индостан, Индостанский п-ов, Индѣйская [Ындейская] земля) 5, 6, 13—16, 18, 19, 23, 26, 33, 35, 36—40, 44, 47, 55—58, 62, 63, 73—80, 82—85, 93, 95, 96, 98, 101—109, 114—117, 119—122, 125—127, 138, 139, 143—160, 165, 166, 168, 175, 192, 198, 199, 202, 203, 206—218, 220—223, 225—227, 229, 231—234, 237—240, 251
 Индейское море (Бахр-и Хипд, Бахр-и Хиндустан, Гондустаньская дория [гори, дорея], Дарья-и Хиндустан, Индейское [Индийское], Индостанское море, Индийский океан) 11, 13, 21, 25, 28, 33, 41, 42, 46, 49, 53, 54, 60, 61, 64, 66, 71, 73, 81, 85, 88, 96, 105, 122, 167, 179, 188, 203
- Индийская [Индѣйскаа] помория, приморские области 28, 49, 66, 88
 Индо-Китай, госуд. 228
 Иравади, р. 228
 Ирак Арабский (Месопотамия) 190, 197, 202, 246
 Ирак Персидский 241, 242
 Иран 93, 102, 105, 143, 144, 152, 155, 157, 190—192, 195—199, 202, 207, 208, 212, 213, 215, 218, 231, 233, 234, 236, 240—243, 246, 249, 251
 Иранское нагорье 197, 198
 Ирис (Зеленая река, Йешиль-Ырмак), р. 247
 Испогань (Испахан, Исфахан, Пагань, Сипахан, Спагань). город 21, 29, 49, 67, 89, 197, 199, 240—242
 Истамбул [Истанбол, Истанбул, Истимполи], см. Константинополь
 Истахр, город 240
 Исфаханский округ 241
 Италия 194, 241
- Иерусалим, см. Ерусалим
 Йезд, см. Ездей
 Йездихаст, город 240, 242
 Йемен, обл. 206, 211, 227
 Йешиль-Ырмак, см. Ирис
- Кавказ 192
 Казань, город 11, 33, 34, 71, 127
 Казахстан 211, 229
 Казвин, город 197, 243
 Капп, город 23, 44, 83, 233
 Каир, город 229, 234
 Кайтак (Кайтаг), кн-во 192, 193
 Какатия, см. Телингана
 Калата [Калат], см. Голат
 Калика (Голконда, Коилконда, или Каликут, Колекот), город и госуд. 20—22, 28, 41—43, 48, 60,

- 61, 66, 80—82, 88, 107, 122, 158, 160, 207, 208, 218, 227, 229—231, 238, 239
- Калинин, см. Тверь
- Калхат, см. Голат
- Калязин, см. Колязин
- Камбай [Камбат, Камбаят, Камблят, Камбаят, Канбат], см. Конбат
- Камендрие [Камендрея, Камендрѣя], см. Аминдрие
- Канаберг, см. Кельберг
- Канара, город 238
- Каннанур, город 226
- Кантон, город 227
- Каппадокия, обл. 247
- Кара-Койюнлу, госуд. «чернобаранных» туркмен 235, 240, 243, 246—249
- Кара-Кум, см. Хорезмийская пустыня
- Караман (Керман), госуд. 29, 49 67, 89, 198, 207, 243, 247, 248
- Картлия, грузинское царство 235
- Каспий [Каспийское море], см. Дербеньское море
- Каспийские ворота, проход между морем и Кавказскими горами 191
- Катер, р-н 226
- Катобагряим (Бахрейн), о-ва 24, 25, 45, 63, 64, 84, 85, 96, 105, 107, 234
- Катхиавар, порт 206
- Катиф, город и порт 234
- Кафа (Ал-Кафа, Каффа, Феодосия), город 29, 30, 50, 67, 89, 97, 99, 165, 249
- Кахетия, грузинское царство 235
- Кашгария (Восточный Туркестан, Синьцзян) 209, 211, 229
- Кашень (Кашань, Кашин, Кашинь, Кошань), город 13, 24, 29, 45, 49, 54, 63, 67, 73, 84, 89, 197—199, 234, 241, 242
- Кашмир, обл. 146
- Келекот, см. Колекот
- Кельберг (Гульбарга, Канаберг, Келберг, Келберх, Келуберг, Кельберх, Кельберь, Колоберг, Колуберг, Колуберга, Кольберг, Конаберга, Кульбарга), город 15, 21, 27, 28, 37, 42, 48, 56, 60, 65, 66, 75, 76, 81, 87, 88, 97, 124, 153, 154, 214, 215, 217, 220, 229, 237, 239
- Кербела, город 197
- Керман, см. Караман
- Киликийский тавр, обл. 248
- Киликия, обл. 247
- Кинаряс [Кынаряс], см. Наряс
- Кипр, королевство 247, 248
- Кистна, см. Кришна
- Китай [Кита, Кытай], см. Чинь
- Киш, о. 242
- Клизма, гавань 187
- Клин, город 62
- Коилконда, см. Калика
- Колекот [Каликут, Келекот, Лекот, Селекот], см. Калика
- Колуберг [Кольберг], см. Кельберг
- Колуньгерь, см. Кулонгерь
- Колязин (Калязин), город 11, 33, 53, 71, 170
- Ком, см. Кум
- Коморин, мыс 146
- Конаберга, см. Кельберг
- Конбат (Камбай, Камбат, Камбаят, Камблят, Камбаят, Канбат, Комбат, Конбаат, Онбат), порт 13, 20—22, 35, 41, 43, 55, 60, 61, 73, 80, 82, 167, 208, 226, 227, 229, 233
- Конкан, обл. 145, 156, 218
- Конканское побережье 158
- Константинийэ, см. Черное море
- Константинополь (Истамбул, Истанбол, Истанбул, Истимполи, Стам-

- бул, Царьград), город 78, 94, 98, 99, 188, 224, 247—248
- Константинопольское море, см. Черное море
- Конья (Иконий), город 242, 247, 249
- Кострома, город 11, 33, 53, 71, 169, 170, 179
- Коулон, город 226
- Кочин, город 238
- Кошань, см. Кашень
- Красное море (Кульзумское море) 187, 202, 226, 227, 234
- Красный Яр, пристань 190
- Кришна (Кистна), р. 145, 154, 213, 217, 223
- Крым 129, 165, 215, 247, 249—250
- Крымское ханство 190
- Кужзрят (Гуджарат, Гуджерат, Гуджератская обл., Гузерат, Кузрят, Кучьзрят), город 13, 20, 22, 35, 41, 43, 55, 60, 61, 73, 80, 82, 144, 147, 149, 167, 207, 208, 226
- Кулонгерь (Колуньгерь, Кулонгёрь, Кулонкерь, Кулунгир), город 15, 17, 37, 56, 57, 75—77, 214
- Кулури, см. Курули
- Кульбарга, см. Кельберг
- Кульзумское море, см. Красное море
- Кум (Ком), город 29, 49, 67, 89, 197, 241, 242
- Кура, р. 193, 246
- Курдистан, обл. и госуд. 246
- Курули (Кулури, Куруль, Курыли), город 28, 48, 66, 88, 232, 239
- Кухистан, обл. 233
- Кучьзрят, см. Кужзрят
- Кхелна, креп. 158
- Кызыл-Ырмак (Галис), р. 247
- Лар, город 13, 24, 29, 45, 49, 54, 63, 67, 73, 84, 88, 89, 199, 234, 240
- Ларистан, окр. 199
- Лекот, см. Колекот
- Ленинск (Царев), город 189
- Ликаония, госуд. 247
- Литва (Литовское госуд., кн-во) 128, 130, 131, 188
- Ляп (Алеппо, Люп, Халяб), город 25, 45, 63, 84, 234, 243
- Мавераннахр, обл. 211
- Мадура, город 145, 146, 148, 238
- Маздраньская земля (Мазандаран, Мазандеранская земля, Мазандарян, Моздранская земля, Табаристан, Тапуристан) 13, 23, 44, 54, 62, 73, 83, 195, 196, 233
- Майсур, город 238
- Макарьевский Троицкий мон., см. Троицкий Макарьевский Калязинский мон.
- Малабар, обл. 202, 208
- Малабарский берег [побережье] 122, 149—150, 208, 217, 218, 226, 227, 238
- Малайский архипелаг 155
- Малая Азия, см. Рум
- «Малая Индия» 243
- Маледивские о-ва 227
- Мальва, обл. 144, 147, 149, 154, 156
- Мангалор, город 226
- Маскат, см. Мошкат
- Махмудабад, город 193
- Махратская страна 212
- Мачинь (Мачим, Сачин), южный Китай 20, 22, 41, 43, 60, 61, 80, 81, 202, 228, 231
- Мачиньское пристанище [пристань] 21, 42, 61, 81, 231
- Медина, город 234
- Мекка, см. Мякка
- Мерв, город 211
- Месопотамия, см. Ирак Арабский
- Месхетия (Самцхийское атабекство, Самцхэ), грузинское кн-во 235

- Мидия, госуд. 196
 Милет, город и госуд. 259
 Мингрелия, грузинское кн-во 235
 Мисюръ (Египет, Мисерь, Миср, Мисюрск) 21, 24, 42, 60, 63, 81, 84, 93, 98, 190, 202, 218, 227, 229, 234, 238
 Морея, город 247
 Москва, город 33, 95, 102, 127—132, 134, 135, 139, 141, 172, 189
 Московское вел. кн-во 128—130
 Мохенджо-Даро, город 103
 Мошкат (Маскат, Москат, Мошькат), порт 13, 20, 29, 35, 41, 49, 55, 60, 67, 73, 80, 88, 167, 206, 207, 226, 233, 240
 Муг-астан, см. Гурмызское пристанище
 Мугань (Муганская степь) 194, 236
 Мушская равнина 236
 Мякка (Мекка, Мягъка, Мягъкат, Мяхкат, Мяхкать), город 18, 19, 25, 40, 46, 58, 64, 78, 79, 85, 96, 190, 223, 225, 234, 236, 242
 Мяр, см. Бака
 Наин (Найин), город 13, 54, 73, 198, 233
 Нарбада, р. 144
 Нарген, о. 195
 Наряс (Кинаряс, Кынаряс), город 28, 49, 66, 88, 239
 Насик, город 212
 Негапатам, город 238
 Негостань, см. Гурмызское пристанище
 Нишапур, город 211, 242
 Новгород Великий 94, 128, 130, 131, 138, 139, 141
 Новгород Нижний (Новъгород Нижней) 11, 33, 53, 71, 130, 170
 Новый Сарай, см. Сарай Берке
 Новый Хормуз, см. Гурмызское пристанище
 Негу (Нѣгу), см. Певгу
 Обитель безопасности, см. Гурмызское пристанище
 Оман (Оманская обл.) 202, 206, 207, 211
 Оманский берег 206
 Онбат, см. Конбат
 Орап'кая земля (Орабанская, Орабаньская земля), см. Арабстан
 Орда, см. Золотая Орда
 Орда Асанбега [Асанбѣ], см. Ак-Койюнлу
 Орисса, госуд. 217, 218
 Ормуз, см. Гурмызское пристанище
 Оробстан [Оробстань, Оръобьстань], см. Арабстан
 Орцыцан, см. Арцицин
 Османское госуд., см. Турьская земля
 Остань [Остания], см. Арабстан
 Отец Адам, см. Адам
 Пагань, см. Испогань
 Палестина 98, 118
 Пали, город 14, 35, 55, 74, 209
 Памфилия, обл. 247
 Панджаб, обл. 147
 Пандия, госуд. 145
 Парват, см. Первоть
 Певгу (Негу [Нѣгу], Пегу, Певга), город 20, 21, 41, 42, 60, 61, 80, 81, 228, 231, 238
 Первоть (Парват, Первать, Порват, Шрипарвата), город 18—20, 40, 41, 58—60, 78—80, 112—114, 119, 168, 171, 223, 224
 Передний Восток 243
 Передняя Азия 94, 127, 187, 191, 196, 202, 203, 208, 214, 221, 227, 230, 240, 243, 246, 247
 Персидский залив 199, 202, 203, 207, 233, 234, 240, 242
 1/4 17 Хождение за три моря

- Пяк Адам, см. Адам
 Платана, город 29, 50, 67, 89, 250
 Плесо, пристань на Волге 11, 33, 53, 71, 170
 Поволжье 94, 192, 251
 Подолия (Подольская земля) 25, 45, 64, 85, 93, 235
 Польско-Литовское госуд. 129
 Польша 247
 Псков, город 128, 141
 Пуна, город 209
- Рабаст, см. Арабстан
 Рага, см. Рей
 Раджамундри, наместничество 159, 220
 Райчур, долина 153
 Рамешварам, мыс 145
 Рачюр (Райчур), город 22, 43, 61, 82, 232, 238
 Рей (Дрей, Рага), город 13, 54, 73, 115, 196, 197, 242
 Ржева, город 129, 130
 Робастань [Робостань], см. Арабстан
 Россия, см. Русь
 Ростов, кн-во 128
 Рум (Византийская империя, Византия, Восточно-Римская империя, Малая Азия) 132, 188, 202, 241, 242, 247—249
 Румское море, см. Черное море
 Румыния, см. Волоская земля
 Русь (Русское госуд., Россия, Русьская земля) 11—13, 15, 16, 20, 23, 27, 28, 37, 41, 44, 45, 48, 49, 53, 54, 57, 60, 62, 64, 65, 72, 73, 75, 76, 80, 83, 85, 87, 88, 93, 97, 101—104, 107, 125, 127, 128, 131—140, 142, 165, 166, 170, 179, 187, 190—192, 215, 225, 232, 233, 235
 Ръдан, см. Арцицин
 Рязань, кн-во 128
- Саба, см. Шибайт
 Сава (Савэ), город 29, 49, 67, 89, 197, 242
 Саиф, см. Шибайт
 Самарканд, город 240, 243, 246
 Самцхийское атабекство [Самцхэ-са атабаго], см. Месхетия
 Самур, р. 193
 Сангамешвар, креп. 158
 Сана-Фо-цзи, см. Шибайт
 Сара (Сари, Сарийэ, Сарави), город 13, 54, 73, 195
 Сарай, столица Золотой Орды 11, 34, 53, 71, 189, 190
 Сарай Бату 189, 190
 Сарай Берке (Новый Сарай) 189, 190
 Сарандиб [Серендиб], см. Силян
 Сачин, см. Мачинь
 Сванетия, грузинское кн-во 235
 Севастея (Севастия, Севасть, Севастья губа, Севестия, Сивас), город 25, 29, 45, 49, 64, 67, 84, 85, 235, 242, 247, 248
 Сеистан, см. Систан
 Северо-Восточная Русь 131
 Селекот, см. Колекот
 Селетринный, село 189
 Семиречье, обл. 211
 Сербия 247
 Серендиб, см. Силян и Адам
 Сибат, см. Шибайт
 Сивас, см. Севастея
 Силян (Сарандиб, Серендиб, Сийялон, Синялон, Табрубань, Цейлон, Sinbaladvipa), о. 20—22, 41—43, 60, 61, 80—82, 145, 155, 167, 223, 227, 230, 231, 233, 238
 Син [Сина], см. Чинь
 Синай, гора 98
 Синьцзян, см. Кашгария
 Синд, обл. 147
 Сирджан, см. Сырчан

- Сипахан, см. Испогань
 Сирия, см. Шам
 Систан (Сеистан), обл. 199, 211
 Смоленск (Смоленск), город 33, 95, 127, 129, 166
 Соманать (Соманатха, Сомната), город 223
 Спагань, см. Испогань
 Спас Златоверхий, ц. в Твери 11, 33, 53, 71, 139, 170, 188
 Спора, см. Шибайт
 Срацинская земля 224
 Средиземное море 188
 Средиземноморье 203
 Средний Восток 143, 194
 Средняя Азия 93, 94, 143, 144, 187, 190, 191, 192, 195, 198, 202, 209, 211, 212, 215, 221, 234, 236, 240, 242, 247, 251
 Стамбул, см. Константинополь
 Стамбульское море, см. Черное море
 Старый Хормуз [Ормуз], см. Гурмызское пристанище
 Стембольская дория [Стемъбольская дорія], см. Черное море
 Суздальская земля (Суздальщина) 128
 Султанія (Султаниэ, Султанія), город 29, 49, 67, 89, 242, 243, 247
 Суратский п-ов 207
 Сури (Сура, Сурат), город 28, 49, 66, 88, 239
 Сырчан (Сирджан), город 13, 54, 73, 198, 199

 Табаристан, см. Маздраньская земля
 Табаристанское море, см. Дербеньское море
 Табрубань, см. Силян
 Тавриз, см. Теръвиз
 Таджикистан 211
 Таиланд 231
 Тапуристан, см. Маздраньская земля
 Тарабузун, см. Трепизон
 Таром (Тарум, Тором), город 13, 54, 73, 199
 Тархы (Тарки, Тарку, Тархи, Тарху), креп. 12, 34, 35, 54, 72, 192
 Тарум (Тарумейн), округ 109
 Тверское кн-во 188
 Тверца, р. 128
 Тверь (Твѣрь, Калинин), город 18, 58, 96, 99, 128—132, 135, 139, 179, 188
 Тебриз, см. Теръвиз
 Тегеран (Техран), город 196
 Телингана (Какатия), госуд. 122, 145, 146, 148—150, 153, 156, 158, 159, 217, 218, 236
 Теодоро, город 250
 Теръвиз (Давриж, Тавриз, Таръвиз, Тебриз), город 29, 49, 67, 89, 190, 194, 240—243, 246, 247
 Терджан, город 247
 Техран, см. Тегеран
 Токат, см. Тохан
 Токоразов [Токорозов], см. Тъкъръзоф
 Тором, см. Таром
 Торьскаа земля, см. Турьская земля
 Тохан (Токат, Тохат), город 29, 49, 67, 89, 247
 Трапезундская империя 248, 250
 Трепизон (Тарабузун, Трабзон, Трапезонд, Трапезунд, Трапезунт, Трипизонь, Тробзон), город 29, 49, 50, 67, 89, 102, 233, 247, 248, 250
 Тричинополи, город 238
 Троицкий Макарьевский Колязинский (Макарьевский Троицкий) мон. 11, 33, 53, 71, 188, 189
 Тукмерская [Тукърмеская], см. Туркменская земля

- Тунгабхадра, р. 148, 154, 237
 Турецкая земля, см. Турьская земля
 Турецкое госуд., см. Турьская земля
 Туркменская земля (Тукмерская, Тукременская, Тукърмеская, Туркмения) 14, 36, 55, 74, 211
 Туркустанъ (Туркестан, Туркусанъ) 21, 60, 81, 229
 Турьская [Турская] земля (Османское турецкое госуд., Торьская, Турецкая земля, Турьскав, Турция) 25, 29, 45, 64, 93, 198, 235, 243, 247—249, 250
 Турция, см. Турьская земля
 Турьскав, см. Турьская земля
 Тъкъръзоф (Гурзуф, Токоразов, Токорзов), креп. 29, 50, 67, 89, 250
 Угличъ (Углич), город 11, 33, 53, 71, 169, 170
 Угра, р. 134
 Узбекистан 211
 Умри (Умра, Умрия), город 14, 35, 55, 74, 209
 Ургенч, город 215
 Услан, местность на Волге 11, 53, 71
 Фарс (Парс), город и обл. 198, 199, 206, 227, 240
 Феодосия, см. Кафа
 Фит-даг, гора 194
 Франкское море, см. Черное море
 Хаджи-Тархан, см. Азтарханъ
 Хадрамаут, обл. 211
 Хазарское море, см. Дербеньское море
 Хазътарханъ [Хазътарахан, Хазътороханъ, Хазъторохонъ], см. Азтарханъ
 Хайдарабад, город 213, 223, 232
 Халяб, см. Ляп
 Хамадан, город 242
 Хандеш, госуд. 149, 156
 Харапп, город 103
 Хармуз, см. Гурмызское пристанище
 Хатай, см. Чинь
 Хвалис (Хвала), город 188
 Хвалитьская дорія [дория], см. Дербеньское море
 Хвалынское море, см. Дербеньское море
 Хваразм [Хваризм], см. Хорезм
 Херат, город 211, 215, 240, 242
 Хиндукушские горы 211
 Хойсала, южноинд. госуд. 145, 146, 148
 Хорасанское море, см. Дербеньское море
 Хорезм (Хваразм, Хваризм, Хуваризм), обл. 188, 190, 242
 Хорезмийская пустыня (Кара-Кум) 211
 Хорезмийское море, см. Дербеньское море
 Хормузская гавань [Хармуз, Хормуз, Хурмуз], см. Гурмызское пристанище
 Хоросаньская земля [Хорасан, Хорозанская земля, Хоросанъ] 14, 21, 24, 25, 36, 45, 55, 60, 63, 64, 74, 81, 84, 85, 93, 96, 102, 198, 199, 211, 215, 229, 234, 236, 243, 246
 Хуай-хэ, р. 228
 Хумита (Хума, Хуме, Хумит, Хумса, Хумус, Эмеса), город 24, 63, 84, 234
 Царев, см. Ленинск
 Царьград, см. Константинополь
 Цейлон, см. Силян
 Чавул, см. Чивиль
 Чамба, см. Шибайт
 Чампавати, город 208
 Чаул, см. Чивиль

- Чебокара (Чапакур, Чебокар, Чебукар, Чепакур, Чобокар), город 13, 23, 44, 54, 62, 73, 83, 195, 233
- Чеготаньская земля (Чаботайская земля, Чагатай, Чагатайская земля, Чагатайский улус, Чагатайское [Чаготайское] госуд., Чаготай, Чегодай, Чеготай, Чеготань, Чеготанская земля) 14, 24, 25, 36, 45, 55, 63, 64, 74, 84, 85, 96, 211, 234, 251
- Чемберкенд, креп. 194
- Черное море (Бахр-и Ференг [Фиринг], Бонтус, Константинийэ, Константинопольское, Румское, Стамбульское море, Стебельская дория, Стебольская дория, Стембольская дория, Стимбольская дория, Франкское, Чермное море, Эвксинский понт) 11, 29, 33, 50, 53, 67, 71, 89, 96, 179, 188, 233, 248, 250
- Чивиль (Чавул, Чаул, Чивель, Чювиль, Шийул, Chaul de Cima), гавань 13—15, 20, 35, 37, 41, 55, 56, 60, 73—75, 80, 116, 155, 157, 167, 206, 208, 209, 226, 227
- Чим, см. Чинь
- Чинь (Кита, Китай, Кытай, Син, Сина, Хотай, Чин, Чим) 20, 22, 41, 43, 60, 61, 80—82, 198, 202, 227—229, 231, 232, 238
- Чиньское пристанище 21, 42, 61, 231
- Чобокар, см. Чебокара
- Чювиль, см. Чивиль
- Чюнедар (Биджанагар, Бинедарь, Биченегир, Биченѣгирь, Биченѣгѣрь, Виджаянагар, Виджаянагарское царство), город и госуд. 26, 27, 47, 48, 65, 66, 86, 87, 96, 97, 121—124, 148—150, 153, 154, 156—158, 202, 206, 210, 217, 218, 232, 237—239
- Чюнейрь (Джунейр, Джунир, Джуннар, Жуннар, Чюнейр, Чюнер Чюнерей, Чюнерь), город 14, 15 35—37, 55, 56, 74, 75, 116, 209, 212, 220, 222
- Шавруково царство [орда] (Афганистан) 129, 143, 145
- Шам (Дамаск, Димашк-аш-Шам, Сирия), город и госуд. 25, 63, 84, 93, 190, 198, 202, 234, 240, 243, 246
- Шамахя (Шамаха, Шамахѣя, Шемаха, Шемахи), город 13, 24, 45, 63, 73, 84, 126, 193, 194, 234, 243
- Шеки, город 193
- Шелонь, р. 132
- Шехр-и Бабек, город 198
- Шибайт (Саиф, Сана-Фо-цзи, Сибот, Спора, Шабайт, Шабайтское [Шабайтское, Шабантское, Шабатское, Шибайтское, Шинбатское] пристанище, Шабат, Шабаспур, Шабот, Шайбат, Шайбать, Шайбат, Шанбат, Шибат, Chamba, Chanba, Chomba, Чора, Saba [Саба]), о. 20—22, 41—43, 60—62, 80—82, 227, 228, 231
- Ши'б-Бавван, долина 240
- Шийул, см. Чивиль
- Ширван, госуд. 93, 127, 193, 194, 233
- Ширяз (Шираз), город 24, 25, 29, 45, 46, 49, 63, 64, 67, 84, 85, 89, 234, 240, 242, 243, 246
- Шрипарвата, см. Первоть
- Ындѣя [Ындѣйская земля], см. Индейская земля
- Ѣзд, см. Ездей

Эвксинский понт, см. Черное море
Эллора (Эллор), город 119

Эмеса, см. Хумита

Эрзерум, см. Арзан-ар-рум

Эрзинджан, см. Арцицин

Эфиопия, см. Ефиопская земля

Ява (Джава, Джават), о. 227, 228

Ядава, госуд. 144, 145

Ярославль, город и кн-во 128

Yachu [Yacu], см. Бака

Cembalo [Cembaro], см. Балыкая
Chamba [Chanba, Chomba, Chora,
Saba], см. Шибайт

Chaul de Cima, см. Чивиль

Dakehina [Dakkan, Dakkinabadha], см.
Декан

Dexar [Dezat], см. Дега

Gazaria [Gazzaria], см. Генуэзская
колония

Sinbaladvipa, см. Силян

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абд-ар-рашид ал-Бакуви, географ 194, 195
- Абд-ар-раззак [реззак] Самарканди, путеш. и писатель 124, 193, 199, 202, 203, 206, 207, 225, 227, 237, 238, 240, 241
- Абу-Бекр, атабек 206
- Абу-л-Касим 'Абдаллах Кашани, арабский писатель 197
- Абул Музаффар Ала-ад-дин, I Бахман шах, см. Ала-ад-дин I
- Абу-л-Фида, географ 188
- Абу-Са'ид, см. Солтамусайт
- Авраам, библ. 227, 251
- Август, кесарь 132
- Адам, первочеловек 58, 78, 115, 222, 223, 228, 230, 251
- Азам, хан 159
- Адрианова-Перетц В. И., исслед. 6, 166
- Акбар Великий, султан Индостана 221
- Ала-ад-дин I (Абул Музаффар Ала-ад-дин I Бахман шах, Хасан Ганг, Хасан Зафар хан), султан бахманидский 148, 153, 207, 217
- Ала-ад-дин Ахмед-шах II, султан бахманидский 156, 157, 218
- Ал-Омари, историк 189
- Ала-ад-дин Мухаммед-шах Хальджи [Хильджи], султан дехлийский [делийский] 143—146, 207, 210, 214, 215, 217, 226
- Ала-ад-дин Хумайюн-шах, султан делийский 156, 157, 218
- Аладин (шах Алаеддин, шейх 'Ала-ад-дин, шейх Алаеддин, шиг Аладин, ших Аладин, ших Иладин, шихб Алудин), шейх 16, 17, 26, 28, 38, 47—49, 57, 65, 66, 76, 77, 86, 88, 215, 216, 236
- Александр [Васильевич], костромской кн. 11, 33, 53, 71, 169, 170
- Александр Македонский 102
- Александр Ярославич Невский, кн. 139
- Александров В. А., исслед. 95, 119, 166
- Алексей, имп. трапезундский 248
- Алексей, свящ.-еретик 134
- Али, халиф Ак-Койюнлу 197, 246
- Али Риза, имам шиитский 242
- Алильбег (Алильбѣг, Халил-бег, Халильбек), кн. кайтакский 12, 35, 54, 72, 174, 192, 193
- Алудин, см. Аладин
- Альмейда, португальский адмирал 227
- Амброджио Контарини, см. Контарини
- Анджолелло, путеш. 240
- Аргун-хан, монг. царь Ирана 202, 242

- Ардешир Бабеган, основатель династии Сасанидов 198
- Арриан, античный автор 199
- Асанбег (Асамбег, Асамьбѣг, Асамбѣг, Асанбѣг, Осанбег, Хасанбек), посол ширваншаха Фаррух-Ясара 11, 12, 34, 53, 54, 71, 72, 102, 175, 189
- Асанбег [Асанбѣ, Асанбѣг], см. Узу-осанбег
- Асатхан (Асад-хан, Асатъ хън, Асъ хан), мелик, наместник в Чюнейре 14, 35, 36, 55, 74, 116, 117, 209, 213, 233
- Атман, божество 223
- Афанасий Никитин (Афанасий Тверитин, Афанасій, Афонасей, Афонасий Микитин, хозя Исуф [Ифус] Хоросани, Офонасей, Юсуф Хоросани) 5, 6, 11, 18, 23, 28, 33, 43, 49, 53, 58, 62, 66, 67, 71, 78, 83, 88, 93—142, 158, 161, 163—173, 175, 177—179, 181, 187, 189, 191—193, 195—197, 199, 202, 203, 206—231, 233, 235—237, 239, 240, 242, 246, 248—251
- Ахмад I (Ахмед-шах), султан бахманидский 154, 155, 214
- Байяндур, династия 198, 199, 246
- Банда-Наваз, мусульм. святой 215
- Банерджи А. Ч., исслед. 108
- Баранников А. П., исслед. 111—114, 123
- Барбаро (Джозаф Барбаро, Иосафат), венец. посол 187, 190, 192—194, 197—199, 202, 240—243, 246
- Бартольд В. В., акад. 188, 193, 196, 202
- Барбоса (Дуарте Барбоса), путеш. 207, 208, 226, 231, 238
- Бату (Батый) 189, 249
- Бахман, шах 148, 156, 217
- Бахманийская династия (Бахманиды, Бахмани) 123, 125, 149, 153, 156, 159, 206, 208—210, 214—217, 221, 226, 232, 239, 240
- Бахмет, см. Мухаммед
- Бедерхан (Бездерьхан) 27, 47, 65, 86, 237
- Берке (Беркай), хан 189
- Бируни, географ 223
- Боор, исслед. 187
- Борис, сын Владимира I, кн. 11, 33, 71, 189
- Борис Александрович, вел. кн. тверской 11, 129—133, 188
- Борис Захарьич [Захариинич] (Бороздин), тверской воевода 33, 71, 129, 131, 169, 173
- Боровков А. К., исслед. 251
- Брахма, божество 223
- Будагов Р. А., исслед. 249
- Будда Шакьямуни 222, 228
- Букки I, султан 148
- Булатбек (Булатъбѣг) 12, 34, 54, 72
- Вартема, писатель 206—209, 214, 226, 230
- Василий, гость 118
- Василий [Васильевич] II, Темный, вел. кн. 129, 130, 133
- Василий [Василей] Папин, посол Ивана III 11, 12, 33, 34, 53, 54, 71, 72, 102, 126, 127, 189
- Васильев А. А., исслед. 188
- Вассаф, историк 190, 214
- Вассиан Рыло, ростовск. архиеп. 133, 135
- Везир-хан, см. Возырхан
- Веселовский А. Н., исслед. 103, 108
- Викрам-раджа 239
- Вильгельм Адэ, архиеп. 243

- Вильгельм де Бальдензель, путеш. 224
 Вирупакша II, царь 239
 Владимир I, вел. кн. 189
 Владимир Мономах 132
 Возырхан (Везир-хан), военач. 27, 47, 65, 87, 237
 Газан-хан 196, 246
 Ганеша, божество 225
 Гвалиор, раджа 147
 Геннадий (Кожя), тверской еп. 11, 33, 53, 71, 131, 175, 179, 188
 Геннадий, новгородский архиеп. 177
 Геннадий, патриарх 161
 Геронтий, митрополит 126, 172, 173
 Глеб, сын Владимира I, кн. 11, 33, 53, 71, 189
 Гольдберг Н. М., исслед. 95, 116, 119, 166
 Давид, имп. 247, 248
 Даниил, игумен, паломник, писатель 99, 100
 Дарий I Гистасп, царь 196
 Деварайя, раджа 154
 Дева Райя I, царь 238
 Дева Райя II, царь 238, 239
 Денис, свящ.-еретик 134
 Деспина-Хатун (Катерина), жена Узун-Хасана 248
 Джанша, см. Яиша-мурза
 Джафар Садык, имам 197
 Джа'фари, писатель 202
 Желал-ад-дин Фируз-шах 217
 Джеханшах Кара-Койюнлу, см. Яиша-мурза
 Желайриды, монг. ханы 243
 Джованни делла Валле, инженер 191
 Джозаф Барбаро, см. Барбаро
 Джучиды, монг. ханы Ирана 189—191
 Димитрий Шемяка 129
 Димах, античный автор 103
 Димашка, географ 188, 223
 Дмитрий Донской, кн. 134, 135
 Дуарте Барбоса, см. Барбоса
 Дхолпур, раджа 147
 Дьелафу, исслед. 243
 Дюк Степанович, герой русских былин 103
 Едигерь [Едигер] Махмет (Ядигар Мухаммед, Мухаммед-Ядигар), хан 25, 46, 64, 85, 236
 Елена Стефановна, кн. 134
 Епифаний, писатель 161, 177
 Ермолин В. Д., русский зодчий XV в 177
 Завадовский Ю. Н., исслед. 94, 211, 228, 229, 237, 239, 251
 Замахшари, филолог XIII в. 216
 Зарре, исслед. 243
 Зафар Хан [Музаффаршах], см. Алад-дин I
 Захар, чернец-еретик 134, 141
 Зимин А. А., исслед. 135, 161, 163, 176
 Зосима дьякон, путеш. 224
 Зосима, митрополит 134
 Ибн ал-Асир, географ 188
 Ибн Батута, путеш. 188—190, 199, 202, 206, 208, 212, 214, 227—229, 232, 241, 249, 251
 Ибн Хурдадбех, иранский автор 193
 Иван [Васильевич] III, вел. кн. 11, 34, 53, 71, 127, 129, 130, 134, 169, 170, 172, 173, 188—190
 Иван IV, Грозный 182
 Иван Иванович, царевич 181
 Иван Сараев, нижегород. пошляк 11, 33, 53, 71
 Идриси, географ 230

- Иисус Христос 210, 251
 Иладин, см. Аладин
 Иоанн Златоуст, визант. писатель 161, 177
 Иона, митрополит 130, 131
 Иосафат, см. Барбаро
 Искендер, см. Муин-ад-дин Натанзи
 Исмаил (Исаак), библ. 226
 Исмаил I, шах персидский 243
 Истахри, географ 194, 199
 Исуф Хоросани, хозя, см. Афанасий Никитин
 Исфендийяр, царь, герой иранского эпоса 148, 217
 Исхак, сын эмира караманского 248

 Йезид I, халиф 197

 Кадам (Кадамб), султан 237
 Казакова Н. А., исслед. 138
 Казвини Закария, географ 195, 227, 230
 Казвини Хамдаллах, географ и историк 187, 194—196, 199, 202, 240—242, 246
 Казимир, литовский вел. кн. 130
 Кайсым (Касим, Касым), султан 11, 71, 190
 Калоиоанн, имп. 248
 Камениктучар, см. Меликтучар
 Караман-оглу, династия 247
 Карамзин Н. М., историк 161, 163
 Каркийя, династия 218
 Катерина, см. Деспина-Хатун
 Катерино Зено, венец. посол 246
 Кафур, малик 145
 Кверфельд Э., исслед. 198
 Кер-Портер, археолог 197
 Киприан, митрополит 176
 Клавихо, путеш. 188, 196, 203, 224, 243, 250
 Козьма Индикоплов (Косма, Кузьма Индикоплов), географ 102, 227, 230
 Комнины, династия 248
 Константин Багрянородный, имп. 249
 Контарини (Амброджио Контарини), путеш. 187, 189—191, 193, 194, 241, 242, 246
 Конти, см. Николо ди Конти
 Костомаров Н. И., историк 139
 Крачковский И. Ю., акад. 190
 Ктезий, античный автор 103
 Кудрявцев М. К., исслед. 6
 Кулаковский, Ю. А., исслед. 188
 Курицыны, дьяки 134
 Кутархан (Кутовалхань, Кутувал-хан) 27, 47, 65, 87, 237
 Кутб-ад-дин, мелик 202
 Кучук-Мухаммед, хан 190
 Кушелев-Безбородко Г., издатель 139

 Лесны В., исслед. 225, 237
 Лихачев Н. П., исслед. 129, 132, 174
 Лоди, династия 147
 Лурье Я. С., исслед. 6, 131, 132, 138, 172
 Любимов А. Е., исслед. 228
 Ляо, династия 224

 Магидович И. П., исслед. 105, 110
 Макарий, игумен 11, 33, 53, 71, 188, 189
 Макензи, исслед. 224
 Маккей Э., исслед. 104
 Мактучар, см. Меликтучар
 Малинин В. Н., исслед. 133
 Малов С. Е., исслед. 211, 216, 239, 251
 Малхан, см. Меликхан
 Мальцев А. Н., исслед. 116, 119
 Маметь, см. Мухаммед
 Мамырев Василий, дьяк вел. кн. 33, 126, 127, 164, 172, 177

- Ману, первочеловек 223
- Марко Поло, венец. путеш. 105, 107, 108, 110, 202, 203, 206, 208—209, 212, 214, 228
- Марко Россо, посол Ивана III 189
- Маркс Карл 140
- Мас'уди [ал-Мас'уди], географ 194, 195, 223
- Махдума-Джахан, шахиня 157
- Махмет [Махмат, Махмѣт], см. Мухаммед
- Махмет хоросанец, см. Мухаммед хоросанец
- Махмуд Гаван, см. Меликтучар
- Махмуд Газневид, халиф багдадский 207, 223
- Махмуд Кашгарский, автор 209
- Махмуд-шах I Байкара, шах Гуджера 207
- Мегасфен, античный автор 103
- Меликтучар (Камениктучар, Махмуд Гаван, Мактучар, Мелик-ат-тудж-жар, Меликточар, Миктучар, Мухаммед Гаван), везир 14, 17, 25—27, 36, 38, 46—48, 55, 57, 64—66, 74, 77, 85—88, 96, 97, 121—125, 156—160, 209, 210, 214, 216, 218, 220, 236, 239
- Меликхан (Малхан, Мекхан, Мелик-чан хозя), воснач. 17, 22, 26, 28, 43, 46—48, 57, 62, 64—66, 77, 82, 86, 221, 232, 236, 237
- Менгли-Гирей, хан 190
- Минаев И. П., исслед. 105, 106, 110, 112, 114, 116, 119, 120, 122, 124, 125, 203, 207—209, 211, 215, 216, 221—223, 228—230, 237
- Миронов Н., исслед. 209
- Михаил Борисович, вел. кн. тверской 11, 33, 53, 71, 130, 131, 139, 169, 173, 179, 188
- Михаил Киселев, Нижегородский наместник 11, 33, 53, 71
- Моисей, еп. тверской 130, 131
- Моисей, пророк 210, 251
- Морган, исслед. 196
- Музаффаршах, см. Ала-ад-дин I
- Муин-ад-дин Натанзи (Искендер), историк 215
- Мукаддаси, географ 194, 199
- Мусаить (Абу-Са'ид, Мусяить, Солтамусаить), 46, 64, 85, 236
- Мухаммед (Бахмет, Маметъ, Махмат, Махмет, Махмѣт), Магомет пророк 13, 15, 27, 36, 37, 48, 54, 56, 73, 87, 117, 197, 213, 237, 251
- Мухаммед хоросанец (Махмет хоросанец) 13, 15, 37, 56, 75, 222
- Мухаммед II, турьский [турецкий] султан 247, 248
- Мухаммед Гаван, см. Меликтучар
- Мухаммед II ибн Туглак [Тоглук], султан 145, 146, 148, 217
- Мухаммедшах, мелик 202
- Мухаммед-шах III, султан 121, 157, 159, 160, 209, 216—218, 220, 221, 232, 236, 237, 239
- Мухаммед-Ядигар, см. Едигерь Махмет
- Нанди, бык Шивы 113, 114, 224
- Насонов А. Н., исслед. 172, 181
- Неру Джавахарлал 5
- Низам-ад-дин Шами, историк 192
- Низам-ал-мульк, см. Хасан Бахри
- Низам-шах, шах бахманидский 157, 218
- Никитин Афанасий, см. Афанасий Никитин
- Николо ди Конти (Конти), венец. купец, путеш. 103, 116, 209, 229
- Ной, библ. 251

- Одорик из Порденоне, путеш. 202, 203, 228
- Ольджайту-хан, монг. государь Ирана 242, 243
- Омар ибн Са'ду ибн Аби-Ваккас, по преданию, палач имама Хусейна 197
- Орлов А. С., исслед. 169
- Осанбег, см. Асанбег
- Осипов А. М., исслед. 95, 116, 119, 166
- Осман Кара-Юлук, хан 246, 248
- Османы, династия 246—248
- Офонасий [Офонас, Офонасей], см. Афанасий Никитин
- Павлов А. С., исслед. 133
- Паэс, путеш. 124
- Пересветов И., публицист 178
- Петр, воевода волосский, герой «Сказания» И. Пересветова 178
- Петрушевский И. П., исслед. 6, 170
- Пир-Ахмед, эмир Карамана 248
- Попов А. Н., исслед. 133
- Пресняков А. Е., исслед. 130
- Приселков М. Д., исслед. 139, 172
- Птоломей [Птолемей], античный автор 199, 208, 241
- Раван, демон 111
- Радлов В. В., исслед. 203, 209, 239
- Рама, царевич, герой инд. эпоса 111, 216
- Рама-раджа, царь 239
- Рамстедт, исслед. 209
- Рамузио Г. Б., путеш. 105, 109, 110
- Рашид-ад-дин, историк 188, 198
- Романов Б. А., исслед. 136
- Савваитов П. И., исслед. 209, 215, 221, 229—231, 234
- Са'ди, персидский поэт 240
- Сангам, династия 237—239
- Санкара-раджа, предводитель морских пиратов 122
- Сара-Хатун, мать Узун-Хасана 246, 248
- Сасаниды, династия 193, 199
- Сахаров И. П., исслед. 163, 164
- Свен Гедин, исслед. 196
- Святополк, кн. сын Владимира I 189
- Седельников А. Д., исслед. 177
- Сейф-ад-дин Махар, мелик 202
- Семен Захариинич, тверской воевода 129
- Сербина К. Н., исслед. 164, 165, 178, 181
- Сефевиды, династия 243
- Сигизмунд, германский имп. 247
- Синха Н. К., исслед. 108
- Сита, супруга Рамы 111
- Солтамусайт (Абу-Са'ид), см. Муса-ить
- Спиридон, митрополит 135, 136
- Срезневский И. И., исслед. 95, 127, 163—165, 187, 206, 228—230
- Стефан Новгородец, паломник, писатель 94, 224
- Сугрив, обезьяний царь 111, 216
- Султан-Ахмед-хан, кн. [уцмия] кай-таков 193
- Султан-Халилу, сын Узун-Хасана 240
- Сул-хан, вассал бахманидского султана 47
- Суханов Арсений, церк. деят. 163
- Сыроечковский В. Е., исслед. 128
- Табари, географ 230
- Тавернье, путеш. 212, 232
- Тадж-ад-дин Алишах, хан из династии Хулагуидов 246
- Тадж-ад-дин Ибрахим, эмир караманский 247, 248
- Тамерлан, см. Тимур

- Терегулова Р., исслед. 165
 Терещенко А., археолог 190
 Тимуриды, династия 211, 215, 236, 240, 243, 246, 247
 Тимур (Тамерлан), глава тюрков-чагатаев, «султан Турана» 147, 190, 192, 196, 202, 215, 241, 243
 Тихомиров М. Н., акад. 172
 Толстов С. П., исслед. 188
 Тохтамыш, хан Золотой Орды 192
 Туга-Тимур, сын Бату 249
 Тураншах, мелик 202
 Тюляев С. Н., исслед. 115

 Узбек, хан Золотой Орды 189
 Узуосанбег (Асанбег, Асанбѣ, Асанбѣг, Узуасан, Узуосанбек, Узуосанбѣк, Узун-Хасан Ак-Койюнлу, Узун-Хасан, Узун-Хасан-бек, Узуосанбек), султан 25, 29, 46, 49, 50, 64, 85, 203, 236, 240, 246—248, 250
 Уранг-Тимур, внук Бату, владетель Кафы 249
 Урус, хан 190
 Устад-Шагирд, строитель мечети в Тебризе [XIV в.] 248
 Устьян (Устенейн, Юстиниан I, Великий), визант. имп. 18, 39, 78, 94, 224
 Уханов Г. П., исслед. 165, 169, 172, 178

 Фалахат, историк 198, 207
 Фарат-хан [Фаратхань, Фархад, Форат хан], см. Харатхан
 Фаррух-Ясар, ширваншах 189, 193, 236
 Фатима, жена халифа Али 197, 242
 Фатхулла Имад-ул-Мульк, наместник 158
 Фериштэ, историк 209, 214, 220, 236, 239
 Филофей, инок-пскович 135, 136
 Фируз Туглак, султан делийский 146, 147, 210, 226
 Фируз-шах Бахмани, султан бахманидский 154
 Фома, инок, писатель 132, 135

 Хаджжи-Гирей, хан 250
 Халилаллах I, шах Ширвана 193
 Халильбек [Халил-бег], см. Алильбег
 Хануман, обезьяний полководец 111, 216, 224
 Харатхан (Фаратхань, Фархад, Форат хан, Хафаратхан), военач. 17, 26, 38, 46, 64, 77, 86, 221, 236
 Харихар [Харахир] I, султан Виджаянагара 148, 238
 Харихар II, султан 238
 Хасан Бахри (Низам-ал-Мульк), мелик 86, 220, 236
 Хасан-бек, см. Асанбег
 Хасан-бек, см. Узуосанбег
 Хасан Ганг, см. Ала-ад-дин I
 Хасан Зафар Хан, см. Ала-ад-дин I
 Хасан Малик, наместник Телинганы 158—160
 Хафаратхан, см. Харатхан
 Хафиз, персидский поэт 240
 Хафиз-и Абр, географ 198
 Ходжа-и Джехан, везир 218
 Хондемир, историк 196, 243
 Хосров I Аношарван, царь 191
 Хулагуиды, монг. ханы Ирана 191, 199, 243
 Хумаюн [Хумайюн], см. Ала-ад-дин Хумайюн-шах
 Хусейн, см. Шаусень

 Цезарь Фредерик, писатель 206, 214

- Чагатай (Чаадай), хан 211
 Чагатаиды, династия монг. ханов 211
 Чингис-хан 189, 211, 249
- Шаусень (Хусейн), имам 13, 54, 73, 115, 178, 197
 Шахматов А. А., акад. 161, 172
 Шахристани, географ 223
 Шахрух, султан 202, 237, 241
 Шемс-и Сирадж Афиф, историк 226
 Шихаб-ад-дин, историк 226
 Шива, божество 112, 113, 224
 Ширванша-бек (Ширван-шах) 72
 Шир-шах, султан 212
 Шейх Ала-ад-дин [шихб Алудин], см. Аладин
- Иван Сараев, см. Иван Сараев
- Эвлийя Челеби, путеш. 193
 Энгельс Ф. 140
- Юль (Н. Jule), исслед. 228
 Юрьи (Юрий Васильевич), кн., брат вел. кн. Ивана III 33, 127
 Юсти, исслед. 196
 Юстиниан I, Великий, см. Устьян
 Юсуф Адил хан Саваи, наместник 158
 Юсуф Хоросани, см. Афанасий Никитин
- Ядигар Мухаммед, см. Едигерь Махмет
- Яиша-мурза (Мирза Джеханшах, Джанша, Янша), государь «чернобаранных» туркмен 25, 46, 64 85, 235, 236, 241, 246
 Якут, географ 188, 195, 197, 199
- Briquet C. M. 174
 Minorsky 193, 194
 Ramusio G. B., см. Рамузио Г. Б.
 Vullers 238

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 369 из Троицкого списка конца XV—начала XVI в.	16—17
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 383 об. из Троицкого списка конца XV—начала XVI в.	16—17
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 442 из Эттерова списка (Львовская летопись) XVI в.	32—33
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 443 об. из Эттерова списка (Львовская летопись) XVI в.	32—33
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 300 из списка Ундольского XVII в.	56—57
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Лист 300 об. из списка Ундольского XVII в.	56—57
Пляшущий Шива. Шива и Парвати. Эллора. VIII в.	104—105
Статуя Индранги в джайнитской пещере. Эллора. VIII в.	104—105
Ганеша. Кедери. Блитар. XIII в.	112—113
Священный бык Нанди. Эллора. VIII в.	112—113
Рама убивает обезьяньего царя Валина. Храм Шивы. Прамбанан. XI в.	120—121
Голконда. Развалины древней крепости	120—121
Пагода Шивы. Второй внутренний двор. Виджаянагар. Около 1430 г.	120—121
«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Листы 195 об.—196 из Архивского списка (Софийская II летопись) XVI в.	176—177
Схема происхождения списков «Хождения за три моря» Афанасия Никитина	180
Схематические карты:	
«Передняя Азия в 1466 г» (составил И. П. Петрушевский)	200
«Индия в 1472 г.» (составил И. П. Петрушевский)	204
«Царство Бахманидов» (составил И. П. Петрушевский)	219
«Передняя Азия в 1472 г.» (составил И. П. Петрушевский)	244
«Путь Афанасия Никитина за три моря» (составила К. Н. Сербина)	284

От редакции	5
-----------------------	---

Тексты

Троицкий список конца XV—начала XVI в. (подготовил к печати Я. С. Л у р ь е)	11
Эттеров список XVI в. (подготовил к печати Я. С. Л у р ь е)	33
Список Ундольского XVII в. (подготовил к печати Я. С. Л у р ь е)	53
Перевод (Н. С. Ч а е в)	71

Приложения

Афанасий Никитин—путешественник-писатель (В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц)	93
Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в. (Я. С. Л у р ь е)	126
Индия в XV веке (М. К. К у д р я в ц е в)	143
Археографический обзор (Я. С. Л у р ь е)	161
Варианты и текстологические примечания (подготовил к печати Я. С. Л у р ь е)	183
Комментарий географический и исторический (составил И. П. П е т р у - ш е в с к и й)	187
Библиография	252
Список сокращений	256
Географический указатель	262
Именной указатель	275
Список иллюстраций	283

ХОЖЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

*

*Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства А. А. Воробьева. Технический редактор Р. С. Певзнер.
Корректоры О. Б. Билинкис и А. А. Гельфанд

Сдано в набор 29/XI 1957 г. Подписано к печати 20/III 1958 г. РИСО
АН СССР № 3-2Р. Формат бумаги 70 × 92/16. Бум. л. 8⁷/₈. Печ. л. 17³/₄ =
20.76 усл. печ. л. + 9 вкл. Уч.-изд. л. 16.1 + 9 вкл. (1.07 уч.-изд. л.).
Изд. № 644. Тип. заказ № 374. Тираж 20000. Цена 11 р. 75 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР Ленинград, В-164, Менде-
леевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12